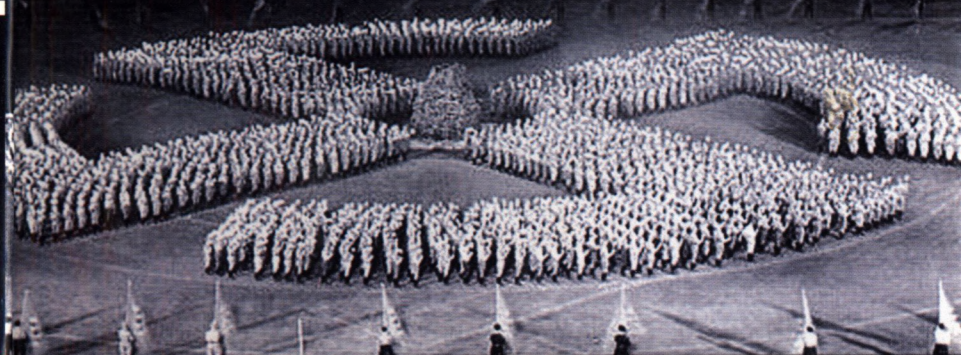

Загадки
третьего
рейха

Зодиак и свастика

ЗОДИАН И СВАСТИКА

Загадки третьего рейха

ЗОДИАК И СВАСТИКА

**Секретные материалы
нацизма**

Загадки третьего рейха

Москва
«Вече»
2005

Внимание оптовых покупателей!

Книги различных жанров
можно приобрести по адресу:
129348, Москва, ул. Красной сосны, 24.
Акционерное общество «Вече».
Телефоны: 188-88-02, 188-16-50, 182-40-74;
т/факс: 188-89-59, 188-00-73.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Филиал в Нижнем Новгороде
«Вече—НН»
тел. (8312) 64-93-67, 64-97-18.

Филиал в Новосибирске
ООО «Опткнига—Сибирь»
тел. (3832) 10-18-70

Филиал в Казани
ООО «Вече—Казань»
тел. (8432) 71-33-07

Филиал в Киеве
ООО «Вече—Украина»
тел. (044) 537-29-20

ОТ АВТОРА – СОСТАВИТЕЛЯ

Еще совсем недавно многие историки искренне верили, что вся Вторая мировая война уже давно расписана исследователями буквально по часам подобно главам в многотомной зеленой хронике Второй мировой, много лет считавшейся верхом советской военной исторической мысли. И в летописи войны не осталось никаких белых пятен. Вернее, наши военные историки-то знали, что существует другая, неофициальная, история, которую нельзя выносить к широкой общественности, но считали нецелесообразным доводить до граждан советской страны всю правду о войне.

Мы узнавали ее в спецхранах библиотек: из публикаций наших и западных архивистов на страницах специальных журналов и из сенсационных книг американских и английских военных историков. А потом стали появляться мемуары самих участников событий Второй мировой — сначала с нашей, а потом и с противоположной стороны. Появилась возможность сравнивать те или иные спорные факты, сличать их со сведениями из закрытых когда-то архивов, выявлять правду о драматических событиях начала сороковых. Так было с воспоминаниями Райнхарда Гелена, стоявшего у истоков фашистской военной разведки и выдавшего американским спецслужбам, где он работал после капитуляции Германии, множество неизвестной никому информации.

Похоже распорядилась судьба и с «головорезом № 1» Третьего рейха Отто Скорцени, прожившим долгую жизнь после войны и тоже написавшим мемуары. Но вот о том, как он сдавался в плен американцам, он не «вспомнил», об этом рассказали другие...

Эта книга вобрала в себя самые разные эпизоды Второй мировой войны: так сказать, взгляды с обеих сторон на те или иные факты и на разных деятелей воюющих стран; судьбы и события этих лет настолько переплелись, что без, казалось бы, незначительных эпизодов бывает трудно понять великие свершения... Подвиг жизни Александра Маринеско — потопление «Вильгельма Густлова», оказывается, не понравился не только самим немцам, что понятно, но и... нашим! У высшего советского руководства, выясняется, имелись собственные планы, связанные с этим кораблем...

Читатели узнают здесь и о приказе № 270; и о штрафных батальонах, что называется, «из первых уст»; о том, как о тросы аэростатов заграждения часто разбивался, к сожалению, не тот, кому следовало; о том, что у нас был свой план «Барбаросса», о том, что немцы предпринимали экспедиции в Гималаи с далеко идущими целями; о том, что высшее руководство рейха содержало целый штат астрологов, которые, кстати, предсказали ему скорый конец, за что и были репрессированы, и о многом другом.

Большинство людей и «нелюдей», чьи имена встречаются на страницах этой книги, давно стали тенью потустороннего мира, но они жили и творили в нашем мире, и так повлияли на судьбу человечества, что мы до сих пор не можем до конца разобраться в хитросплетениях их деяний...

ОККУЛЬТНЫЙ РЕЙХ*

Главы из книги.

Опубликована в 1971 году.

1

ЗАГАДКА ЭЛЬЗЕРА

8 ноября 1939 года «старые борцы» — те, кто активно поддерживал национал-социализм с самого его начала — собрались в мюнхенском пивном погребеке «Бюргербрау». Несмотря на беспокойную обстановку, сложившуюся после начала войны, они были веселы: встреча была приурочена к шестнадцатой годовщине «пивного путча». Эта дата занимала особое место в нацистском календаре: время для речей, пива и воспоминаний. Высшие чины партии неизменно присутствовали на таких собраниях, вне зависимости от того, участвовали они в путче 1923 года или нет. Однако до последней минуты было неясно, прибудет ли Гитлер. Он ежегодно приходил в этот погребок, но на этот раз о его намерениях не было объявлено ни по радио, ни в прессе. Осведомленные нацисты отнесли это к странностям военного времени. Они оказались правы: Гитлер приехал и произнес обычную в таких случаях речь.

Впрочем, не все было как обычно. Месяцем раньше, после того как германская армия раздавила Польшу, нацистская пресса начала муссировать тему «воли к миру». Многие немцы верили в это и, хотя реакция союзников на «мирные предложения» фюрера оказалась, мягко говоря, прохладной, были

* Перевод А. Трофимова.

уверены в том, что война закончится к Рождеству. В конце концов, главный источник противоречий — Польша — просто перестала существовать. Такова была поощряемая нацистами точка зрения на текущие события.

Но теперь, по собственной воле, Гитлер положил конец этому оптимизму. Он объявил собравшимся о том, что отечество стоит на пороге долгой войны и что он уже приказал Герингу начать подготовку к пяти годам борьбы. Речь была гораздо короче, чем обычно. Кроме того, Гитлер изменил своей привычке и не остался, чтобы в неофициальной обстановке немного поговорить со старыми товарищами о былых временах. Без трех минут девять он со своим окружением покинул собрание.

В девять минут десятого прямо за трибуной прогремел взрыв, разнесший помещение вдребезги: семеро убитых, шестнадцать раненых. Место, с которого Гитлер произносил речь, было погребено под двухметровым слоем обломков. Ему никак не удалось бы выжить.

Менее чем через две недели, 21 ноября, было заявлено, что гестапо задержало подозреваемого в покушении. По мнению Гиммлера, им был тридцатипятилетний Георг Эльзер, за которым стояла британская разведка. Эта версия многим показалась неправдоподобной. К примеру, Уильям Ширер, в то время корреспондент радио Си-би-эс в Берлине, записал 9 ноября в своем дневнике: «Никто по-прежнему не знает, кто это сделал. Нацисты кричат о том, что здесь замешана английская, британская разведка! Говорят, даже сам Чемберлен. Многие из нас считают, что попахивает дымом Рейхстага — хотя в поджоге обвинили коммунистов, в действительности он был организован самими нацистами по политическим мотивам». Годы спустя в своей фундаментальной работе «Взлет и падение третьего рейха» (1960), Ширер высказал те же подозрения. Историк Алан Буллок еще более конкретен: «Покушение на жизнь Гитлера было организовано гестапо в целях повышения популярности фюрера в стране». В книге «Гитлер, изучение тирании» (1952) Буллок рассказывает о том, как Эльзера разыскали в концентрационном лагере Дахау и пообещали ему свободу при условии, что он заложит бомбу рядом с тем местом, где предположительно будет стоять Гитлер. Бомба, очевидно, была

снабжена часовым механизмом, но, опять же очевидно, только для видимости, поскольку она не была соединена с запускающим устройством.

Эта версия, безусловно, представляет интерес, но в ней гораздо меньше определенности, чем считает Буллок. На самом деле обстоятельства этого взрыва так и не были выяснены окончательно. Предположение о том, что Эльзер был всего лишь орудием в руках гестапо, сталкивается с серьезными противоречиями. К примеру, Гитлер, судя по всему, не был предупрежден о заговоре! Когда в поезде, уже вблизи Нюрнберга, ему сообщили о взрыве, его глаза возбужденно засверкали: «Теперь я доволен! То, что я покинул «Бюргербрау» раньше чем обычно, было вмешательством самого Провидения, желающего, чтобы я достиг своей цели!» Это едва ли напоминает реакцию человека, который обо всем знал заранее. Но, возможно, это было всего лишь представление: Гитлер, как известно, был неплохим актером.

Возможно... но загадка не ограничивается лишь этим. Эльзер, безвольное орудие в руках гестапо, которому, как нас убеждают, пообещали свободу, а затем предали, не выдвинул ни одного обвинения против нацистов. Отчасти это можно понять. Но Эльзер просто хвастался своей попыткой покушения и, по всем признакам, сам верил в то, что говорил. Можно предположить, что он подвергся промыванию мозгов, но в 1939 году необходимые для этого методы еще не были разработаны.

Сравнение с пожаром Рейхстага порождает другие вопросы. В 1933 году нацисты нашли для исполнения своей грязной работы полубезумного Маринуса ван дер Люббе. Такой человек не мог выдвинуть каких бы то ни было разоблачающих обвинений просто потому, что сам слишком мало знал о том, что произошло. Но Эльзер, хотя и не имел семи пядей во лбу, все же был далек от ван дер Люббе. Установка бомбы с часовым механизмом и поджог — просто небо и земля. Эльзер был опытным, умелым и изобретательным человеком, отлично разбиравшимся в электротехнике. Факт остается фактом — независимо от наших предположений о том, подложил ли он бомбу по заданию гестапо или по приказу британской разведки или же решил убить Гитлера по собственному разумению.

В то время и впоследствии находились высокопоставленные свидетели, не проявлявшие циничного отношения к заговору. Ханс Гизевиус, бывший сотрудник прусского Министерства внутренних дел, равно ненавидящий и Гитлера, и Гиммлера, заявил в Нюрнберге о своем удовлетворении тем, что в заговоре не принимали участия нацисты. Забавно услышать такое признание из уст человека, чьим естественным желанием было бы обвинить своих злейших врагов в тайном сговоре. Вальтер Шелленберг, генерал СС, пошел даже дальше. В Нюрнберге он заявил, что читал отчет о допросах Эльзера, которого предварительно накачивали наркотиками, а затем гипнотизировали. По его словам, отчеты и личная беседа с обвиняемым убедили Шелленберга в том, что покушение было спланировано просто гениально. Простая логика может привести нас к этому же заключению. Мог ли «верный Генрих», Гиммлер, действительно рискнуть жизнью человека, составлявшего единственный смысл его существования? Даже если заговор был сфабрикован, Гитлер вряд ли согласился читать речи в метре от настоящей бомбы. Если же, как считает Буллок, Гитлер не знал о бомбе, кто смог убедить его ограничиться короткой речью и пренебречь обычным обменом воспоминаний после нее? Не было случая, чтобы он изменил принятое решение. Могли ли боготворившие Гитлера люди надеяться на то, что он не проявит свою железную решимость? Ведь в запасе у них было только двадцать минут...

Даже если мы пренебрежем всем сказанным выше, останется вопрос о мотивах заговора. Буллок и Ширер соглашались, с разной степенью уверенности, с тем, что целью «покушения» являлось желание повысить популярность Гитлера. Но Гитлер уже был популярен: достаточно популярен, чтобы угрожать всему остальному миру, и слишком популярен, чтобы пойти на такой опасный шаг. Более того, только одна из контролируемых нацистами газет на следующий день сообщила об этом происшествии. Такое вряд ли можно было бы ожидать, если бы целью заговора было привлечение симпатий на сторону фюрера и увеличение его популярности. Ширер в свое время назвал реакцию прессы «странной». Скорее даже «необъяснимой», если уж настаивать на той точке зрения, что заговор был сфальсифицирован. Опять же, зачем Гиммлеру

было ждать две недели, чтобы представить Эльзера? Ведь он был заинтересован в скорейшем аресте!

Даже если мы согласимся с Гизевиусом, Шелленбергом и, возможно, с самим Эльзером в том, что заговор был гениален, все равно никуда не деться от некоторых, по меньшей мере странных, обстоятельств. Попытку Гимmlера привязать к делу британскую разведку можно рассматривать как самоуправство. Но как объяснить поведение Гитлера? Почему, вопреки устоявшейся привычке, он ушел рано? Было ли это просто совпадение? Или, как он объявил, вмешательство Провидения?

Или что-то другое?

Вот еще одно объяснение, напрочь отвергаемое ортодоксальными историками: Гитлер владел даром предвидения. Он мог, по крайней мере в некоторой степени, видеть будущее.

2

МИР ПРЕДСКАЗАНИЙ

Явление «знания заранее» было известно задолго до 1939 года. Этому важному вопросу были посвящены работы, проводившиеся Сообществом физических исследований, основанным в Великобритании еще в 1882 году и в США в 1885-м. Это явление было подвергнуто статистическому анализу в 1933 году, когда доктор Дж.Б. Райн, в то время глава отделения парапсихологии университета Дьюк в Северной Каролине, начал серию экспериментов с неким Хубертом Пирсом.

Сейчас методы Райна хорошо известны. В своих экспериментах он использовал особую колоду карт. В так называемую колоду Зенера входили карты с пятью эмоционально нейтральными символами: квадрат, круг, ряд волнистых линий, крест и звезда. Добровольцу предлагалось угадывать, какая карта выпадет следующей. При этом возможность получения информации при помощи известных пяти чувств полностью исключалась. Затем количество правильных ответов сравнивалось с ожидаемым по вероятности. Если доброволец постоянно отгадывал большее количество карт, чем мог бы сделать случайно, считалось, что он пользовался сверхчувственным восприятием (СЧВ). Иными словами, он находил способ получения

информации, отличный от обычных каналов зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния.

Райн начал исследования экстрасенсорного восприятия с изучения телепатии и ясновидения. Пирс проявил способности к СЧВ в обеих областях. В тесте на предсказания Райн просил его угадать порядок карт в колоде, который затем сравнивал с действительным. Таким образом, доброволец должен был пытаться предсказать будущий порядок колоды. Результаты Пирса оказались значительно выше вероятностных.

К июню 1939 года, после шести лет экспериментов, осторожный доктор Райн пришел к выводу, что «результаты таковы, что возникает необходимость создания альтернативных гипотез, если, конечно, не принять существование предсказательного СЧВ за истину». В 1941 году его идеи получили подтверждение в Лондоне, где доктор Джилберт Соул, независимо от Райна, проводил строго контролируемые эксперименты с Бэзилем Шеклтоном. Его методы напоминали те, которые применял Райн, за исключением того, что вместо колоды Зенера он использовал картинки с животными. Несмотря на жесткий контроль, Шеклтон угадывал гораздо больше, чем можно было ожидать. Даже через десять лет после эксперимента критики продолжали объяснять его результаты мошенничеством. Однако репутация Соула как ученого была достаточно безупречна, чтобы выдержать такие нелепые обвинения.

Лабораторные эксперименты по предвидению продолжались. Они продолжаются и по сей день. Было получено много интересных результатов, и сегодня явление предвидения изучено так же хорошо, как, к примеру, явление космического излучения. Впрочем, эти открытия оказали незначительное влияние на общественное мнение. Действительно, в научных кругах только в последнее время, да и то довольно робко, стали воспринимать теорию предвидения всерьез и, как результат, она редко используется за рамками парапсихологии. Многие академики — а именно академики решают признать или нет новые теории — по-прежнему упрямо отказываются верить в возможность предвидения. Или, если даже верят, не очень интересуются тем, как и в чем оно проявляется и насколько далеко оно может зайти.

К примеру, когда предположения о способностях Гитлера к СЧВ были представлены бывшему офицеру британского

Адмиралтейства, тот запротестовал: «Гитлер не мог знать будущее, иначе он не допустил бы своих ошибок. Он выиграл бы войну». Достаточно здравое рассуждение, если только не принимать во внимание то, как работает предвидение. Прежде чем выносить суждения, необходимо разобраться в том, что можно предвидеть и чего предвидеть нельзя.

Опыты с картами могут быть интересными для парапсихологов, но они скучны для обычного человека (как, впрочем, и для добровольцев: главной проблемой исследований была именно скука, которая катастрофически снижала способности к СЧВ). Карты могут продемонстрировать только малую часть способности к предвидению. И все-таки они абсолютно четко указывают на два момента: 1) безусловно, существует возможность видеть (точнее, чувствовать) будущее; 2) даже лучшие «провидцы» иногда ошибаются. Исследования приводят и к другим выводам. Например, эмоциональное состояние добровольца оказывает большое влияние на его результаты; очень важна заинтересованность в предвидении, поэтому умело примененные стимулы могут усилить СЧВ.

Последние исследования ученых показали, что способности в СЧВ повышаются и понижаются в зависимости от фазы луны — возможно, поэтому ведьмы могли знать больше, чем было известно науке.

Существуют два метода изучения СЧВ: количественный и качественный. До сих пор мы говорили только о количественном: долгой череде лабораторных экспериментов. Однако качественный подход, опирающийся на менее очевидный, но гораздо более результативный опыт СЧВ, может оказаться полезнее для понимания способностей, которыми, видимо, обладал Гитлер. Многие тысячи провидцев никогда не участвовали в опытах с картами. Более того, множество людей с очевидными способностями к предвидению не смогли пройти тест с картами! Ученые довольно неохотно соглашались с тем, что, вероятно, эта хрупкая способность не всегда проявляется в лабораторных условиях.

Некоторые исследователи считают, что предсказания могут быть более общими, чем мы можем предположить. В качестве доказательства приводится тот факт, что по меньшей мере двести человек предвидели Аберфанскую катастрофу в Уэльсе

в 1966 году. Это событие оказало большое влияние на британское общественное мнение. В 9.15 утра 21 октября гора шлака весом около полумиллиона тонн сползла на деревушку в Южном Уэльсе, сметя на своем пути школу, несколько домов и ферму. 144 человека, из них 116 детей, погибли.

Предчувствие, которое испытала одна из девочек, можно считать типичным. За два дня до трагедии девятилетней Эрил Мэй Джонс приснилось, как «что-то черное» опустилось на ее школу. Ей, как она рассказала матери, не было страшно умирать, потому что она «была вместе с Питером и Джюн», своими одноклассниками. Эрил Мэй была похоронена между Питером и Джюн.

Предчувствие катастрофы в Аберфане проявлялось по-разному: Александр Венн ощутил приближение беды, связанной с угольной пылью еще 14 октября, а Моника Макбин увидела, как черная гора сползает, погребая под собой детей, всего за несколько секунд до того, как это случилось в действительности.

Из двух сотен предчувствий только шестьдесят были серьезно исследованы учеными. Но даже из этого числа, по утверждению лондонского психиатра Дж. Баркера, по меньшей мере двадцать два были бесспорны, а достоверность некоторых из предчувствий могли подтвердить до четырех свидетелей. Еще два свидетельства были записаны до того, как произошел оползень: неоспоримое доказательство, если вообще есть какая-то необходимость в доказательствах того, что предвидение возможно.

Трагедия притягивает предчувствия, как магнит — железные опилки. Множество людей «знало» о катастрофе «Титаника» до того, как она в действительности произошла. Писатель Морган Робинсон предсказал крушение за четырнадцать лет до него самого и примерно за двенадцать лет до того, как был построен «Титаник». Люди, предвидевшие катастрофы Аберфана и «Титаника», должно быть, случайно приобрели опыт СЧВ. Однако были и другие — те, кто видел будущее более или менее регулярно. Джин Диксон, пожалуй, наиболее известна среди последних. В 1952 году и еще раз в 1956 году она предсказала убийство президента Кеннеди, случившееся в 1963-м. Всего лишь за несколько дней до убийства ее видение повторилось: она «увидела», как над Белым домом собираются черные тучи. Это

было самое известное из ее точных предсказаний, но далеко не единственное. Среди сбывшихся было также предвидение ра-совых столкновений в Америке в конце 1960-х годов. Но даже Джин Диксон ошибалась: наиболее очевидная ее ошибка — предсказание войны Соединенных Штатов с Китаем.

Таковы даже самые лучшие и самые одаренные из провидцев. Они проявляют чудесные возможности, часто попадают в цель, но процент неудач все же достаточно велик. Наблюдения показали, что чем дальше провидец отходит от исключительно личных переживаний, тем больше вероятность ошибки.

Это подтверждает история Эдгара Кейси. Кейси, умерший в 1945 году, был одним из самых уважаемых американских врачей. Он имел дело с более чем тридцатью тысячами пациентов. В его жизни были и ошеломляющие успехи, и не менее ошеломляющие провалы. Но хотя он довольно удачно применял СЧВ в своей работе непосредственно с людьми, у него мало что получалось, когда он пытался предсказать события глобального масштаба. Его наследники выглядят очень трогательными, когда пытаются подогнать последовавшие после его смерти события под его пророчества, но факт остается фактом: в предсказании катаклизмов Кейси был не лучше среднего, а значит, плохого, пророка.

Самая известная из ныне живущих предсказателей — слепая болгарская крестьянка Ванга Димитрова, 80 процентов ее пророчеств сбылось. Ванга, однако, отказывается предсказывать политические события. Работая под опекой болгарского правительства, она читает будущее только тех, кто просит у нее совета.

Ничто из вышесказанного не говорит о том, что предсказание глобальных событий невозможно. В 1915 году, к примеру, Эдит Литтлтон, участвовавшая в эксперименте по «машинальному письму», выдала послание, включавшее, кроме всего прочего, слова: «Рука замахнулась, чтобы остановить Берхтесгаден — месть рока все ближе и ближе — помните мюнхенский сговор — вы увидите странные вещи...»

Между 1908 и 1918 годами Джон Аллейн, отставной офицер, предсказал ряд операций Второй мировой войны, в том числе лишения, которые Британия испытывала после поражения Франции, и военный успех Германии в 1940 году.

Впрочем, хотя предсказания такого рода и возможны, сделать их не так-то легко. Большинство предсказателей, затрагивающих эту небезопасную область, постигает неудача. Некоторые, как кажется, бывают довольно удачливыми, когда пытаются предвидеть события, касающиеся знакомых им людей. Наибольшего успеха они добиваются, предсказывая свое собственное будущее. По утверждению Луизы Брайн, «ему (предсказателю) всегда интересны детали, порой незначительные, своего будущего».

Однако Адольф Гитлер был уникален в своем роде, даже в странном мире предвидения. Начиная с 1933 года его собственное будущее было неразрывно связано с судьбой нации.

3

ФЮРЕР – ПРОРОК

Астрологические карты фюрера говорят о его незаурядных способностях к пророчеству. Но так ли это было на самом деле? Это необычное предположение нуждается в строгом доказательстве.

На самом деле существует доказательство не только строгое, но и очевидное. Даже слишком очевидное. Историю фюрера изучали и так и эдак, но элементу предвидения никогда не уделялось достаточного внимания. Между тем этот элемент присутствует практически во всех основных политических шагах, предпринятых Гитлером с момента прихода к власти и до начала войны в 1939 году. Исследователи говорили о «железных нравах», «тактическом гении», «инстинктивной манипуляции человеческим сознанием». Но нервы у Гитлера скорее казались железными, чем были таковыми, его тактические ошибки привели к поражению в войне, а его «манипуляции сознанием» ограничивались открытием того, что своим криком он мог пугать людей.

Это — безусловно очень упрощенный взгляд. Но некоторые коррективы в общепринятый образ фюрера все-таки необходимо внести. Поскольку Гитлер был политиком, мы оцениваем его действия преимущественно с политической точки зрения. Если

же придерживаться того мнения, что он был провидцем, некоторые факты неожиданно приобретают гораздо больший смысл.

Какие же это факты?

Гитлер пришел к власти в 1933 году. Основы его власти были в то время достаточно шаткими. И все-таки он почти сразу начал секретную политику перевооружения. Такая политика, безусловно, входила в противоречие с Версальским договором, положившим конец Первой мировой войне. Последствия такого шага могли быть довольно неприятными, но... Всем известно, что произошло в 1930-е годы. Всем известно, что Германии было позволено не только вооружиться, но и применить силу. Всем известно, что Гитлеру это сошло с рук. Между тем в 1934 году, когда началась тайная модернизация армии, немногие немцы могли предположить, что союзники никак на это не прореагируют. Политические советники говорили о том, что существует значительный риск. Немецкие экономисты были обеспокоены даже в большей степени. Экономика разрушенной страны была слишком нестабильной. Она не могла поддерживать военную модернизацию достаточно долго. И лишь один Гитлер верил в то, что союзники не вмешаются. Абсолютно не интересуясь экономикой и не зная ее законов, он все-таки не соглашался со своими экспертами. Он чувствовал, что перевооружение скорее усилит германскую экономику, чем навредит ей.

И политические, и экономические шаги Гитлера в те дни казались просто бессмысленными. Но, несмотря на непонимание окружающих, несмотря на зыбкость своей власти, он двигался вперед. Он знал...

К концу 1934 года германская политика перевооружения стала довольно известным «секретом». В марте 1935 года последовала первая официальная реакция Великобритании. В отчете правительства, опубликованном 5 марта, выражалась озабоченность по поводу создания Германией военно-воздушных сил — люфтваффе. Партийная верхушка нацистов была довольно сильно обеспокоена таким заявлением. Гитлер же отнесся к нему с полным пренебрежением. 16 марта он открыто поправил положения военного раздела Версальского договора: ввел в стране всеобщую воинскую обязанность и объявил о политике перевооружения.

Союзники могли начать превентивную войну, которую в то время можно было легко и быстро выиграть. Франция, обладавшая, по общему мнению, лучшей армией в Европе, настаивала на действиях. Но Британия упиралась. В конце концов, как и предвидел Гитлер, союзники так ничего и не приняли.

Через год немецкие войска вошли в демилитаризованную Рейнскую область. Это был прямой вызов Франции — той самой Франции, которая, как было известно и нацистам, за год до этого настаивала на противодействии германской военной политике. Теперь французские и немецкие солдаты столкнулись нос к носу. Генералы рейхсвера нервничали, как котята. Гитлер оставался спокоен. Против всякой логики, он был уверен, что все обойдется без единого выстрела.

Он оказался прав — Франция предпочла обратиться в Лигу Наций.

Март 1938 года. После нескольких недель нагнетания напряженности Гитлер, в конце концов, аннексировал Австрию. Мог ли кто-нибудь предвидеть, как союзники воспримут этот шаг? Реакция Лондона была яростной. Риббентроп, встречавшийся в то время с британскими лидерами, позднее рассказывал, что ему удалось их успокоить простым предположением о том, что в сообщении, должно быть, вкралась ошибка. Но Гитлер, вопреки здравому смыслу, верил в то, что международное осуждения не последует.

И опять оказался прав.

Гитлер не останавливался на достигнутом. Он предвидел, что он может двигаться дальше, ничем не рискуя. Уже в мае 1938 года Гитлер положил глаз на заселенную немцами Судетскую область. Началось давление на Чехословакию. К 13 сентября обстановка накалилась до такой степени, что Ширер, находившийся в то время в Праге, записал в своем дневнике: «Война близка». Но так только казалось. Гитлер, опять-таки вопреки мнению своих военных советников, не считал, что война близка. Даже драматический эпизод прилета Чемберлена в Мюнхен не был воспринят фюрером как последний путь к спасению. Вместо этого он выдвинул новые требования.

Лишь второй визит Чемберлена в Мюнхен — 28 сентября — увенчался заключением соглашения, по которому Гит-

лер получил все, чего хотел, без всякой войны. Фантастическое везение для того, кто не знал все заранее!

И этого Гитлеру оказалось мало: 15 марта 1939 года немецкие войска оккупировали Чехию и Моравию. Союзники ничего не предприняли. Гитлер, казалось, опять предвидел такой поворот событий.

С 1933 по 1939 год, когда Германия вторглась в Польшу, Гитлер не допустил ни одной ошибки во внешней политике. Спорно даже то, что его пророческие способности изменили ему в сентябре 1939 года.

Никто не в состоянии увидеть четкую картину будущего: возможны видения того или иного события. Наиболее опытные предсказатели могут сосредоточиться на определенных деталях для их пристального изучения, но более широкий взгляд недоступен. Вообще, предсказатель не может получить информацию в вербальной словесной форме. Как и миссис Маккин, которая увидела Аберфанскую катастрофу на расстоянии в сотни миль, большинство предсказателей черпает свои знания из снов и видений. На протяжении 1930-х годов Гитлер, должно быть, преуспел в использовании своего СЧВ в поисках ответа на один и тот же вопрос: что сделают Франция и Британия? Однако от законов предсказания никуда не уйти: ответы едва ли приходили ему в такой форме. По всей вероятности, они выражались в картинах или впечатлениях. Должно быть, эти картины и впечатления были непосредственно связаны с военной активностью Гитлера.

Если допустить, что Гитлер воспользовался своим СЧВ, чтобы выяснить реакцию Франции и Британии на его вторжение в Польшу, необходимо также допустить и то, что полученный им ответ содержал заверения в том, что все опять обойдется. Подстрекая к дальнейшим действиям, видения говорили ему все то же: на Западном фронте без перемен.

Видения не обманывали!

В сентябре 1939 года союзники объявили Германии войну, но не начали ее. Немецкие и французские солдаты стояли вдоль границы, но ни один выстрел так и не раздался. Нацисты (при содействии Советского Союза) оккупировали Польшу с такой скоростью, что союзники очень скоро оказались не в состоянии что-либо поделать со свершившимся фактом. Бер-

линцы ждали английских бомбардировщиков, но ночь проходила за ночью, а они все не появлялись. Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Непонятное и нелепое спокойствие сохранялось. Лондонцы стали поговаривать о «странной войне» — название, подхваченное историками и применяющееся с тех пор.

Нет ничего странного в том, что Гитлер верил в то, что Англия и Франция ничего не предпримут, когда его войска войдут в Польшу: он видел это в своих видениях!

По верованиям западно-африканских колдунов, судьба напоминает веер: человек существует в точке, из которой веером расходятся возможные пути в будущее. Путь, который мы выбираем, не только приводит нас к определенному будущему, но и определяет следующую точку, в которой необходимо сделать выбор. Эту мысль подтверждают и другие надежные источники, к примеру, китайская «Книга перемен» — «И-цзин». Эта теория не имеет ничего общего с фатализмом. Будущее не представляет собой нечто застывшее. Общую идею можно выразить так: «Если сделаешь то-то и то-то, будущее станет таким-то». Любой из тех, кто пользовался «Книгой перемен», подтвердит, что ее предсказания сбываются. А если это так, то стоит посерьезнее отнестись к теории о верообразности судьбы.

Гитлер скорее всего придерживался этой теории, или же делал это инстинктивно. Одно определенно: он был способен принимать потрясающе верные решения. Он совершил только одну ошибку, но, как оказалось, роковую: начал войну одновременно на двух фронтах. Точка, в которой Гитлер сделал неверный шаг, безусловно, была пройдена им намного раньше. В какой-то момент он упустил возможность совместного с союзниками выступления против России.

За исключением последствий этой ошибки, вся мрачная история Европы была пророчески описана в книге, вышедшей еще в 1925 году. Эта работа называлась «Четыре с половиной года борьбы с ложью, глупостью и коварством». Ее издатель Макс Аманн справедливо настоял на сокращении такого длинного названия, и книга вышла под заголовком «Моя Борьба», по-немецки — «Mein Kampf». «Майн Кампф» — замечатель-

ный документ, если прочитать его повнимательнее за пределами Германии, мог бы многое рассказать наивным парижским и лондонским политикам о том, с кем они имеют дело. Гитлер не делал секрета из своих целей. Он, вероятно, задействовал все резервы пророческих способностей, чтобы применить их с такой степенью точности.

Решающие моменты выплывают из будущего, как узелки гигантской сети. Многие предсказания относятся исключительно к области между двумя такими соседними моментами. Но Гитлер, подобно некоторым другим провидцам, был порой способен заглянуть в далекое будущее. Такая способность не обходится даром. Как любому шаману, прежде чем заставить функционировать свою способность к предвидению, необходимо войти в особое экстатическое состояние. Но даже этого еще не достаточно: если он был одним из экстатических пророков, должно быть, не раз ему приходилось очнуться, ничего не помня о том, что он увидел.

Гитлер заводился от ненависти и крика. Он отравлял свой организм деструктивными эмоциями. В наше время биохимическому анализу таких состояний уделяется значительное внимание. Как результат лобой из сильных эмоций, содержание адреналина в крови значительно повышается. Концентрация диоксида углерода в крови повышается от продолжительного крика, которым так часто сопровождалась речь Гитлера. Сталкиваясь с такими химическими изменениями, мозг вынужден изменить свою работу, что иногда проявляется в выходе на новые уровни сознания. Иногда это может привести к раскрытию способности заглянуть в отдаленное будущее. Интоксикация такого рода доводила Гитлера до того, что он мог броситься на пол и начать жевать край ковра — такое поведение наблюдалось у гаитян, отдавших во власть духов при исполнении магических ритуалов. Это привело к тому, что за ним закрепилось прозвище Teppichfresser (Ковроед).

19 сентября 1939 года Гитлер произнес в Данциге свою первую с начала войны речь. Польша была практически побеждена. Колонны германских войск уже готовились к отправке на родину. Гарнизон Варшавы все еще оказывал сопротивление, но это уже был только вопрос времени. Ходили разговоры о том, что и война вот-вот закончится. По-

сколько Польша перестала существовать, извращенная фашистская логика не видела больше никакого смысла в переговорах этой страны с союзниками. В самом деле, зачем теперь Англии и Франции кровопролитная война с Германией? Даже если бы и они решились вступить в борьбу, мало кто из немцев теперь сомневался в том, что их страна способна дать решительный отпор. Успехи германской армии в Польше были впечатляющими.

Естественно, больше всех в силы нацизма верил сам фюрер, Адольф Гитлер. Он взбежал на трибуну Городского собрания Данцига, такой самоуверенный, каким его еще никто не видел. Во время речи он очень разозлился, опять же как никогда. «Когда он заговорил об Англии, — рассказывает вездесущий Ширер, — его лицо вспыхнуло истерической ненавистью». «Мы никогда не капитулируем! — прокричал он во время этой злой и истеричной речи. — Никогда!»

Отличная фраза, но несколько выпадающая из контекста. Германия была на вершине славы. Ее позиции были сильны. Разве кто-то требовал от нее капитуляции? Намного позже, когда уже шла настоящая война, эта фраза стала для фюрера одной из любимых. Он повторял ее своим солдатам даже тогда, когда советские войска уже вошли в Берлин.

Курт Воннегут, американский писатель немецкого происхождения, у которого были свои неприятные воспоминания об этой войне, описал в одной из своих книг героя по имени Билли Пилгрим — «парализованного» во времени, бросающегося из одного момента своей жизни в другой, не в силах контролировать свои действия. Не могло ли происходить что-либо подобное и с Гитлером? Может быть, биохимическое воздействие его ярости перебросило его из первых дней войны в ее последние дни? Что, если нацистская аудитория услышала в Данциге, в час своей победы голос фюрера, безуспешно призывающего на защиту рушащегося, разбитого Рейха?

Не только этот момент указывает в речах Гитлера на его способности к ясновидению. Перед взрывом бомбы Эльзера в мюнхенской пивной фюрер поразил собравшихся предсказанием пятилетней войны. Учитывая то, что он говорил приблизительно, эта цифра оказалась достаточно правильной.

ТАИНСТВЕННЫЕ СИЛЫ

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 года в приграничном австрийском городке Браунау. В этом районе родились многие известные медиумы: мадам Штокхаммес, Вилли и Руди Шнайдеры.

Братья Шнайдеры обладали замечательными способностями. Старший, Вилли, открыл в себе талант к психокинетике — способности передвигать предметы усилием воли, когда ему было только шестнадцать лет. К удивлению публики, на планшете, к которому он протягивал руку, проступали буквы: «Ольга». Фокус с «Ольгой» и сам Вилли вызвали большой интерес среди ведущих психиатров того времени. Они, без всякого сомнения, признавали, что Вилли не мошенничал. Кроме этого, Вилли мог ввести в левитацию небольшие предметы, к примеру, браслет или носовой платок, заставить звенеть колокольчик, не дотрагиваясь до него, подвинуть стол. Фокус с «Ольгой» вскоре стал под силу и его брату Руди, который смог воспроизвести некоторые загадочные явления даже в лабораторных условиях.

Французские авторы Луи Повель и Жак Бержье утверждают, что за Гитлером в детстве ухаживала та же кормилица, что и за Вилли Шнайдером. Может быть, усмехнется кто-нибудь, дело в молоке? Вполне вероятно. Даже если не принимать во внимание способность к предвидению, Гитлер обладал такой огромной и загадочной властью, какой никогда не было у Вилли Шнайдера. Он никогда не представлял из себя что-то особенное. Друг его юности, Райнхольд Ханиш, сказал о двадцатилетнем Гитлере: «тип, какого редко встретишь среди христиан». Можно смело согласиться с этим мнением. В то время он носил старое черное пальто до колен и маленький черный котелок. У него были борода и длинные волосы. Его глаза сверкали на бледном и совершенно изможденном лице. Мало что изменилось и одиннадцать лет спустя, разве что борода исчезла. Гитлер по-прежнему одевался в старое пальто или дешевый плащ и почти не уделял внимания своему внешнему виду. Даже когда он начал носить достаточно приличную одежду, в его об-

разе мало что изменилось. Его друг (позднее ставший врагом), Эрнст Ханфштенгель, заметил как-то, что Гитлер выглядит «как сборщик налогов в своем лучшем воскресном костюме». Действительно, с его «женской» походкой, зализанными волосами и усами щеточкой, он больше всего походил на Чарли Чаплина, точнее, на кинообраз Чарли Чаплина: маленького ранимого человечка, которого судьба безжалостно бросает из одной комичной ситуации в другую. Когда Чаплин работал над фильмом «Великий диктатор», ему даже не пришлось что-то менять в своем обычном образе, чтобы показать, что он пародирует Гитлера: все и так было понятно.

Кажется удивительным, что человека, так похожего на Чарли Чаплина, могли не только принимать всерьез, но и отдать в его руки бразды правления государством. Гитлер добился не только этого, но и такой власти над сердцами людей, в которую невозможно было бы поверить, не будь тому столько неопровержимых доказательств. «Я был шокирован тем, как выглядели эти люди, особенно женщины, — писал Ширер о реакции толпы на краткое появление Гитлера на балконе в Нюрнберге в 1934 году. — Они напомнили мне религиозных фанатиков, с которыми мне как-то пришлось столкнуться в Луизиане. Они смотрели на него, как на мессию, их лица излучали что-то нечеловеческое. Если бы он задержался подольше, боюсь, многие женщины просто попадали бы в обморок».

И это был человек, которого Ширер не так давно видел в поношенном габардиновом пальто. Человек «едва поднимающий руку» в нацистском приветствии, без всякого выражения на лице.

Воздействие Гитлера на людей не ограничивалось истерией, которую он вызывал у толпы. Его магия безукоризненно работала и в общении с каждым человеком в отдельности. Даже Геринг — возможно, наиболее приближенное к нему лицо, знавший его достаточно хорошо, не мог устоять перед чарами этого необычного человека. «Я всегда обдумываю то, о чем собираюсь с ним говорить, — сказал он как-то раз, — но когда я вижу перед собой его самого, моя душа уходит в пятки». Он не был одинок в своих ощущениях. Главнокомандующий германским военным флотом, адмирал Дениц, заявил на Нюрнбергском процессе: «Я старался пореже появляться в его кабинете: в его штаб-

квартире я полностью утрачивал инициативу, более того, после визита туда мне некоторое время было просто не по себе — я не мог избавиться от силы его убеждения».

Эта сила любого могла заставить увидеть черное в белом. Министр обороны, генерал фон Бломберг, признавая какую-либо ситуацию безвыходной, всегда был убежден в том, что Гитлер сумеет с ней справиться: «Я согласен с вами, но в то же время я верю в фюрера. Он найдет верное решение». Такое отношение можно понять в контексте тех дней, когда СЧВ Гитлера давало неизменно верные предсказания. Даже позднее, когда его ошибки превратили Германию в руины, он мог без особого труда заставить других исполнить свою волю. Мрачная атмосфера бункера, в котором он встретил смерть, казалось, была неразрывно связана с его тайной властью. После его самоубийства все моментально изменилось, даже несмотря на обреченность каждого из оставшихся в живых. В первый раз они закурили в бункере. При жизни Гитлера все они беспрекословно отказались от табака. Ничтожный, казалось бы, факт, однако, показывает, до какой степени Гитлер мог овладеть мыслями окружающих.

В первые дни войны Ширер писал: «Сегодня с ним подавляющее большинство соотечественников. Он достиг вершины, на которую еще не удавалось подняться ни одному из правителей Германии. При жизни он уже стал мифом, легендой, почти богом. Разве что еще японцы так обожествляют своего императора. Для многих немцев он — нечто отдаленное, нереальное, почти нечеловеческое...»

Немногие люди сохраняли способность принимать решения, попав под влияние Гитлера. Один из них — Альберт Шпеер, рейхсминистр вооружений и военной промышленности. «Они все находились под его гипнозом, — говорил он о своих коллегах из ближайшего окружения Гитлера, — безвольные в своем слепом подчинении. Не знаю, существует ли для этого медицинский термин. Я заметил, что присутствие в одном с ним помещении утомляет и опустошает меня». Но хотя Шпеер и понимал это, противостоять Гитлеру он так и не смог. Нет ничего удивительного в том, что необычный дар Гитлера заинтересовал и историков. «До последних дней жизни, — писал Алан Буллок, — он сохранил таинственный, не подвер-

гающийся анализу дар магнетизма. Об этом говорят все, с кем он встречался». И дальше: «Способность Гитлера вводить в бешенство толпу заставляет вспомнить об оккультных искусствах африканских знахарей или азиатских шаманов. Многие сравнивают ее с чутьем медиума и магнетизмом гипнотизера».

Отто Штрассер пишет о «необыкновенной пронизательности» Гитлера, всегда позволявшей ему безошибочно находить слабые места аудитории.

Наблюдавшему собрание в Нюрнберге Ширеру пришла в голову идея о «заклинании австрийца», отчуждавшем его слушателей от их собственных душ и сознания. По мнению профессора Х.Р. Тревора-Роупера, бывшего офицера разведки, ставшего историком, причина такого воздействия на слушателей — «загадочная сила этих бессмысленных блестящих глаз, мессианская самоуверенность в этом грубом голосе оракула».

Один из моих мюнхенских друзей однажды заметил: «Мы, немцы, любим сильных лидеров. Дайте нам лидера, и мы пойдем за ним». Возможно, это и правда, но не вся — по крайней мере, здесь ее недостаточно для того, чтобы объяснить реакцию немецкого народа на Гитлера.

Многие пытались объяснить это. Удивительно то, что Гитлер не был хорошим оратором. Его голос был грубым. Он не мог сконцентрировать мысли. Он часто повторялся. Он говорил путано. Штрассер утверждал, что до того, как Гитлер впадал в раж, ему редко удавалось подняться выше посредственности. Но когда он заводился, когда он впадал в экстатический транс, это был уже совершенно другой человек! Вся аудитория заряжалась его энергией. Теперь он мог говорить о чем угодно — слова уже не имели никакого значения. Можно привести в пример одного англичанина, присутствовавшего на выступлении Гитлера. Он не знал немецкого и не понял ни одного слова, но речь произвела на него такое впечатление, что он, истинный британский патриот, не заметил, как начал отдавать нацистский салют и кричать «Хайль Гитлер!» вместе со всеми остальными.

Вот еще одно определение, которое снова и снова приходит на ум, когда речь идет об этой стороне характера Гитлера, — гипнотический. Объясняя его редкий магнетизм, Буллок, среди прочего, отмечает: «В этом есть какая-то связь с

таинственной силой его глаз: многие говорят о том, что они обладали гипнотическими свойствами». Тревор-Роупер добавляет: «У Гитлера были глаза гипнотизера, который подавляет разум и чувства всех, кто подпадает под его чары».

Первым впечатлением Ширера о Гитлере было разочарование. За исключением глаз, которые он назвал его самой заметной чертой. Профессор Теодор Гиссингер, школьный учитель Гитлера, не мог впоследствии припомнить что бы то ни было о своем ученике — ни хорошего, ни плохого. Но он отлично помнил, как необычно сверкали его глаза. Этот блеск позднее несколько поблек. Серо-голубые глаза стали выглядеть как стеклянные. Но они так и не потеряли своей силы.

Был ли Гитлер в действительности гипнотизером? Большинство его биографов допускает такое, хотя и не говорит об этом открыто. Более того, известно, что в юности он прочел немало книг о гипнозе. Это — очень заманчивое объяснение, но, к сожалению, оно противоречит некоторым фактам.

Гипноз, известный так же, как «завораживание» — одна из разновидностей оккультных искусств. Искусство завораживания прошло через стадии благоговейного страха перед ним, полного его отрицания и наконец научного признания под новым именем. Гипноз был некогда видом магии, которым пользовались колдуны. Как таковой он не нуждался в каком бы то ни было объяснении. С развитием научного материализма стало модно отрицать саму возможность магии, причем вместе с грязной водой нередко выплескивали и ребенка. Но история идет своим чередом. Факт остается фактом, даже если все отрицают его. В конце концов, столкнувшись с одним из таких фактов, наука открыла «завораживание» заново. Тем не менее вплоть до последних дней никто не хотел признавать существование чего-либо подобного в древних искусствах. Да и сегодня такое признание делается крайне неохотно. За этим явлением закрепилось новое имя — гипноз, от греческого *hypnos* — «сон». Довольно неподходящее, как понял и сам «первооткрыватель» гипноза Джеймс Брейд. Но было уже поздно: название закрепилось и используется с тех пор повсеместно.

Гипноз часто понимают неправильно, и не только обыватели. Вокруг него создано много мифов. Тысячи людей, к

примеру, уверены в том, что загипнотизированный не может совершить действия, которые, по его мнению, являются аморальными. Это — просто ерунда. Идеально законопослушного датского гражданина заставили в 1950-х годах убить банковского служащего. Гипнотизер впоследствии был осужден. Другое всеобщее заблуждение заключается в том, что гипноз — разновидность сна. Это опять же неверно. Загипнотизированные обычно не теряют сознания полностью. Многие из них отказываются в это верить: они выходят из транса, убежденные в том, что не были загипнотизированы вообще.

Действительными характеристиками состояния транса являются крайнее расслабление организма, ограниченная способность принимать решения и тенденция к амнезии. Из этих трех факторов, особенно из второго, следуют различные гипнотические явления.

Удовлетворительная теория гипноза не создана и по сей день. Все соглашаются с тем, что гипноз существует, но по поводу его природы единого мнения нет. К примеру, считалось, что состояние транса вызывается повторением определенных фраз. Да, транс может быть вызван, и чаще всего вызывается именно таким образом, но существуют не менее действенные методы, в которых речь не используется совсем. Общепринятым мнением является также то, что гипнотизер, от рождения или в результате тренировок, обладает силой, позволяющей ему вводить в транс других. Это верно только отчасти. Сам субъект гипноза играет далеко не последнюю роль. Задача гипнотизера состоит в том, чтобы научить его загипнотизировать самого себя. Кроме того, очень важен характер самого гипнотизера: ему должны доверять.

Европейской науке предстоит узнать еще многое о заворазивании, под каким бы именем оно не изучалось. Даже когда гипноз был признан, некоторые аспекты не были приняты во внимание. Один из них — то, что человека можно ввести в транс телепатически. Не так давно, изучая энцефалограммы гипнотизера и его субъекта, советские ученые установили существование телепатической связи. Другой аспект, известный издревле, но признанный только в последнее время, состоит в том, что под гипнозом усиливаются способности к ясновидению, предсказанию и телепатии. Такое происходит не со все-

ми людьми, но ученые довольствуются уже тем, что существует немало подтверждений правильности этого мнения.

Такие открытия указывают на то, как многое еще предстоит изучить. И нигде необходимость такого исследования не ощущается так остро, как в области массового гипноза — явления, более знакомого оккультистам Индии, чем их западным коллегам. Возможно, и достаточно легко, ввести в транс нескольких человек одновременно — гипноз не направлен на какой-либо определенный объект. Но это имеет мало общего с массовым гипнозом в его классическом проявлении, когда множество людей одновременно впадает в галлюцинации. Возникают сомнения в том, что массовый гипноз в действительности настолько тесно связан с индивидуальным, насколько можно было бы предположить. Определенно, и в Великобритании, и в Соединенных Штатах есть немало гипнотизеров, которые просто не имеют способностей к массовому гипнозу. С другой стороны, молодая жительница Лондона, изучавшая клинический гипноз, хотя и не могла загипнотизировать отдельного человека, обладала природным талантом вызывать массовые галлюцинации. Она пользовалась большим уважением среди части гипнотизеров, желавших поднять свой престиж.

В отношении природы коллективных галлюцинаций очень показателен индийский фокус с веревкой. Многие путешественники возвращаются домой с яркими впечатлениями от этой классической иллюзии, но не существует ни единого фотографического снимка ее подтверждения. И не случайно: трюк основан на коллективной галлюцинации, о которой мы уже так долго рассуждаем, галлюцинации, не существующей для камеры. Однако индийский факир не гипнотизирует свою аудиторию в обычном смысле этого слова. Он не повергает зрителей в состояние сна. Вместо этого он описывает мельчайшие детали того, что делает. Он говорит о том, как достает веревку из корзины, говорит о цвете и виде веревки, о цвете и форме корзины — все до самых незначительных деталей. Сперва такой комментарий соответствует реальности. Факир действительно достает веревку из корзины. Веревка и корзина действительно такого-то и такого-то цвета, такой-то и такой-то формы. Но потом наступает момент, когда описание начинает расходиться с реальностью. Факир подбрасывает верев-

ку. В действительности она падает. Но факир, все тем же голосом, продолжает описывать все детали сцены, настаивая на том, что веревка выпрямляется и повисает в воздухе без какой бы то ни было опоры. И если он хорошо справляется со своей задачей, публика видит именно то, что он хочет! Иллюзия побеждает реальность. Слова факира превращаются в заклинание. Безусловно, этот фокус сродни гипнозу, но совершенно отличен от подобных экспериментов на Западе.

Один европеец, который намеренно пренебрег рассказом факира, утверждал, что никто из окружающих его людей не спал, хотя они и видели то, о чем говорил им факир. Они не были возбуждены. Они не находились в трансе — просто были очень расслаблены.

Все это имеет связь с таинственными силами Гитлера. Рассуждая о том, был ли фюрер гипнотизером, мы должны учитывать один фактор: ключ к гипнотическому состоянию, как индивидуальному, так и массовому, лежит в расслаблении. Гитлер никому не позволял расслабляться. Напротив, он нагнетал возбуждение, напряженность и истерию. Из этого следует, что он не использовал гипноз.

Но что же он тогда применял, чтобы достичь столь ошеломляющих результатов? Для ответа на этот вопрос оставим на время нацистскую Германию и обратимся к истории другого небезыңтересного человека.

5

ВЕНСКИЙ КОЛДУН

1779 год, Париж. Клиника самого известного врача Франции не справлялась с наплывом посетителей. Среди пришедших были и богатые дамы, и господа из самых известных семей, и скромно одетые граждане: по некоторым дням здесь принимали и тех, кто не мог заплатить за лечение.

Помещение, в котором шел прием, было необычным даже для того времени. Посреди комнаты, примерно на высоте полуметра от пола, стоял «бак» — круглая оловянная ванна, достаточно большая для того, чтобы вокруг нее смогли разместиться тридцать человек. Пациенты не могли заглянуть в «бак»

из-за дощатой перегородки. Нам, однако, известно, что было внутри: вода, железные опилки, толченое стекло и несколько симметрично расставленных бутылок. Пациенты держались за опущенные в воду Г-образные железные стержни.

Волшебная, как о ней говорили, машина была заряжена «серными силами». Эти силы входили в больных через железные стержни и лечили множество хворей. Пациенты занимали свои места. Если их было немного, им могли предложить присесть. Но если, как это обычно случалось, комната была заполнена до предела, приходилось стоять. Вступал невидимый посетителям оркестр. Музыка была спокойной, можно сказать, даже мечтательной.

Они сжимали ручки и ждали. В комнате витала напряженная атмосфера. С течением времени музыка усиливалась, вместе с ней нарастало и напряжение. Никто не разговаривал. Затем, когда напряжение достигало пика, появлялся доктор. Источники того времени говорят, что у него было несколько полное, приятное и даже дружественное лицо. На нем был самый модный парик и лиловый халат из блестящего шелка. В руках он держал «магнетическую» железную палочку. Он медленно обходил пациентов, касаясь одних рукой, других — палочкой. Многих при этом охватывали конвульсии.

Доктора, открывшего эту необычную клинику, звали Франц Антон Месмер. «Венский колдун», оккультист, астролог, первооткрыватель «животного магнетизма» и «универсальной жидкости». Месмер, родившийся в 1733 году, сперва изучал богословие в монастырской школе. В четырнадцать лет он оставил идею служения церкви и занялся правом. Но эта дисциплина тоже не увлекла его надолго, и вскоре он стал изучать медицину в университете Вены. Астрология захватила его. В тридцать два года Месмер получил докторскую степень за диссертацию «Влияние планет на человеческое тело». Один из его наставников, профессор ван Стивен, интересовался оккультными науками, что помогло защите диссертации по такому спорному предмету.

Этот труд содержал зачатки идей Месмера о животном магнетизме и универсальной жидкости. Позднее он значительно их развил. «Существует прочная связь между небесными телами, Землей и одушевленными существами, — писал он, — жид-

кость, распыленная в пространстве, есть инструмент этой связи... Эта магнетическая среда может быть аккумулярована, сконцентрирована и перенесена». Вопреки общему мнению, эти идеи не были так уж оригинальны. Они, точнее, подобные им, уже выдвигались раньше Помопонатием, ван Хельмонтом, Парацельсом, Кирхером и Флуддом. В 1679 году, за сто лет до взлета Месмера, Гулилемус Максвелл предположил, что «влияние магнитных сил» можно применять в медицинских целях. Но Месмер был первым, кому удалось поставить такое применение на широкую ногу, так, по крайней мере, утверждает европейская история. Его первые эксперименты были проведены по предложению М. Хела, иезуитского профессора астрономии из Вены. Этот чудак исследовал свойства стальных пластин и магнитов, некоторые из которых он и дал Месмеру, высказав предположения по их возможному применению в медицине. Как ни странно, эти предположения довольно скоро нашли подтверждения в опытах Месмера. Он обнаружил, что «намагничивание» некоторых пациентов приводит не только к облегчению их состояния, но порой и к полному выздоровлению. Как часто случалось в академических кругах в те дни, Хел украл потрясающие результаты Месмера и опубликовал их в своей работе о целебной силе, заключенной в магните. Месмер был вне себя от бешенства, но не прекратил эксперименты. Постепенно он пришел к заключению (нашедшему отражение в его труде по астрологии), что дело тут не в физическом магнетизме. Сначала он просто лечил магнитами. Некоторое время спустя он понял, что этого недостаточно. Затем он пришел к выводу, что можно обойтись и без магнитов: любое вещество подойдет при условии, что оно заряжено «магнитной жидкостью». Это был первый шаг к выводу о существовании «универсальной жидкости». Эта жидкость, считал он, может содержаться и накапливаться, кроме всего прочего, и в человеческом теле. Поэтому возможно исцеление простым прикосновением.

Некоторые из его исцелений действительно впечатляли. Майор Шарль дю Юссей, кавалер королевского военного ордена Святого Людовика, так рассказал о своем состоянии перед визитом к Месмеру: «Моя голова постоянно тряслась, а шея выпнулась вперед. Глаза вываливались из орбит и были постоянно воспалены. Спина была почти полностью парали-

зована, а говорить я мог только с большим трудом. Я хромал при ходьбе, произвольно, без всяких на то причин смеялся, с трудом дышал и испытывал сильные страдания от боли между лопатками и дрожи». Дю Юссей потратил четыре года на лечение у других докторов, но не нашел облегчения. Месмер вылечил его за четыре месяца. Интересно его впечатление от «намагничивания»: «Лед таял в моих членах, на смену ему приходил страшный жар, и пот тек с меня градом».

Нетрадиционные методы в медицине всегда придавались анафеме. Успешно действующие, они считались просто смертным грехом. Давление со стороны коллег вынудило Месмера покинуть Вену и открыть описанную выше клинику в Париже. По прошествии шести лет парижской практики для изучения его методов была создана правительственная комиссия. Ее подход был исключительно научным. Вскоре был опубликован отчет, в котором утверждалось, что члены комиссии продемонстрировали экспериментально, что игра воображения без применения магнетизма может привести к конвульсиям, сам же магнетизм, без воображения, не приводит ни к чему. Они единодушно пришли к заключению, что, при безусловном признании существования и пользы магнетизма, нет никаких подтверждений существования «животной магнитной жидкости»; что она жидкость, как несуществующая, не может обладать целебными свойствами; что необычная реакция пациентов на методы лечения обязана своим происхождением контакту с врачом, возбужденному воображению и медицинской технике, сам вид которой — следует повторить — сильно действует на сознание.

В аналогичном докладе Королевского медицинского общества утверждалось: «С медицинской точки зрения, животный магнетизм — не что иное, как искусство вызывать конвульсии у чрезмерно чувствительных людей». С тех пор медицинская наука придерживается этого мнения, с одной лишь поправкой: в наши дни полагают, что эффекты, производившиеся Месмером, были вызваны гипнозом. Вот почему Месмер считается «отцом гипноза», впрочем, этот титул гораздо больше подошел бы его малоизвестному ученику — маркизу де Пюисегюру.

Любопытно, что описание того, что происходило с пациентами доктора Месмера, никак не напоминает состояние загипнотизированного человека. В книге «Гипноз: факты и вы-

мысли» профессор Ф.Л. Маркузе так объясняет это несоответствие: «В то время активная разновидность гипноза, сопровождавшаяся конвульсиями, была обычным явлением, только позже Месмер обнаружил возможность пассивного, «сонного» гипноза, который так часто описывается в наши дни».

Но почему тогда произошел такой резкий переход от активного гипноза к пассивному? И почему современным гипнотизерам не известны способы введения в активный гипноз?

Более ясный подход был предпринят известным психологом Х.Дж. Айзенком, утверждающим следующее: «Месмер в действительности не гипнотизировал своих пациентов. Некоторые из них, видимо, впадали в спонтанные истерические конвульсии вследствие эмоциональных срывов и потрясений, но ни в работах самого Месмера, ни в работах его учеников не описаны подлинно гипнотические явления. Таким образом, мы приходим к неожиданному выводу: «отец гипноза» никого не гипнотизировал и не был знаком с самим явлением гипноза, которое никак не вписывается в его теоретическую систему. Остается только гадать, почему молва приписывает ему открытие, которое в действительности было сделано другими».

В одной из моих ранних книг я руководствовался этим утверждением Айзенка и полагал, что животный магнетизм как одна из потенциальных ветвей теории гипноза был заброшен. Но тогда я не потрудился достаточно обосновать свою мысль. Вскоре после публикации я получил от одного известного английского оккультиста письмо, в котором говорилось: «Складывается впечатление, что вы разделяете современное мнение о том, что гипнотизм продемонстрировал «несуществование» «животного магнетизма» Месмера, дю Потэ, Эллиотсона, Грегори, Эсдейла и многих других. Я с этим не согласен. «Животный магнетизм», хотя и не имеющий ничего общего с ферроили электромагнетизмом, по моему убеждению, используется и по сей день. Более пятнадцати лет я проработал в этой области, успешно используя обе половины гипноза».

И далее: «Мне кажется, что путаница между физическим магнетизмом и нефизической энергией, которой пользовались месмеристы, возникла, видимо, при описании «светлыми умами» на ранней стадии изучения магнетизма основных силовых полей в кристаллах, магнитах, человеческом теле и многих

других объектах. Кроме того, гипнотическая техника, безусловно, намного более легка в применении: «месмеризировать» человека довольно трудно, в то время как загипнотизировать его особого труда не представляет и, как вы сами упоминаете, человек даже может сам себя загипнотизировать».

Глупо было бы с этим не согласиться, тем более что последние научные разработки заставили снова обратиться к «животному магнетизму».

Благодаря методу, известному как «фотография Кирлиана», потоки животного магнетизма, имеющие место в человеческом теле, могут быть обнаружены и измерены. Как и утверждает оккультист, это явление имеет мало общего с ферро- или электромагнетизмом. Советские ученые, разработавшие технику Кирлиана, говорят об энергии биоплазмы. Существование энергии биоплазмы, той самой силы, которую Месмер называл «животным магнетизмом», считается в наше время совершенно очевидным. На кинолентке, снятой по методу Кирлиана, видно, что в руках так называемых народных целителей энергия концентрируется и затем излучается в необходимом направлении. Некоторые русские психикинетики могут, к примеру, сконцентрировать количество энергии, достаточное для того, чтобы передвигать небольшие предметы на расстоянии.

Несмотря на то что первые разработки по «фотографии Кирлиана» относятся к 1939 году, исследования энергии биоплазмы все еще находятся в зачаточном состоянии. Нет никаких сдвигов и на Западе. Индийские йоги и тибетские оккультисты, которые именуют такую энергию «прана», издревле владеют способами контроля над ней. Многие из так называемых «чудес мистического Востока» уходят корнями в эти секретные техники и строго указывают на то, что такие силы могут производить более значительные эффекты, чем в настоящее время принято считать на Западе. Но даже история Европы, начиная со Средневековья, как мы уже видели, дает немало оснований считать, что кое-кто время от времени прибегал к услугам этих сил и даже умудрялся найти им полезное применение. Одним из таких людей был, безусловно, Франц Антон Месмер. Относится ли к их числу Адольф Гитлер?

Между Гитлером и Месмером можно провести интересные параллели. Они оба были австрийцами, родились в тригранич-

ных деревнях и учились в Вене, хотя «образование» Гитлера и не идет ни в какое сравнение с образованием его великого предшественника. Оба покинули Австрию до того, как получили широкое признание. Оба интересовались астрологией и оккультизмом. Оба имели склонность к театрализованным действиям и обладали актерским талантом.

Однако самое убедительное сходство можно заметить в их методах воздействия на окружающих. Те, кто видели Гитлера, особенно в приступе гнева, говорят об одном и том же нервном ощущении: их как бы время от времени бросало из жара в холод. Их кровь, как говорят в народе, то вскипала, то леденела. Можно отнести эту реакцию к проявлениям страха, но так ли это было на самом деле? Майор де Юссей говорит о лечении у Месмера: «Лед таял в моих членах, на смену ему приходил страшный жар...» Когда Месмер появлялся перед своими пациентами, напряжение и возбуждение достигали апогея. Ему достаточно было только прикоснуться к человеку, чтобы повергнуть его в конвульсии. «Если бы он задержался чуть подольше, — пишет Ширер о Гитлере, — боюсь, многие женщины просто попадали бы в обморок...» После месмерического сеанса пациенты чувствовали себя обессиленными и изможденными. Шпепер описывает тот же эффект как результат визита к Гитлеру.

Более пристальный анализ убеждает в том, что месмеризм не в состоянии объяснить странные способности Адольфа Гитлера полностью. Но он объясняет многое гораздо успешнее, чем пустые разговоры о гипнозе.

6

ВИКТОРИАНСКИЙ ВОЛШЕБНИК

В викторианском Лондоне тоже можно было найти немало любопытных персонажей. Самый интересный из них — судебно-медицинский эксперт северо-восточного Лондона доктор Уинн Весткотт. Это был полный человек с седыми усами и бородой, его лицо, с мешками под глазами, всегда выглядело усталым и искаженным болью. Он питал большой интерес к оккультизму, лично знал Елену Петровну Блаватскую, замечательную женщину, впервые познакомившую Запад с тайными

доктринами Тибета и основавшую существующее и по сей день Теософское общество. Среди друзей Весткотта были христианские мистики Анна Кингсфорд и Эдвард Мэйтленд. А его личный титул включал, кроме прочего, и звание верховного волхва британского общества розенкрейцеров. Это звание многое говорит о достоинствах его носителя. Весткотт был франкмасоном и, как всякий франкмасон, питал слабость к разного рода церемониям и ритуалам. Когда такой человек обращается к оккультизму, рано или поздно он начинает питать интерес к ритуальной магии. Весткотт интересовался древностью и был отлично образован. Среди его заслуг — перевод на английский язык книг «Халдейские пророчества Зороастра» и каббалистической «Сефер ха Зохар».

В один из обычных дней 1886 года этот человек, копаясь в содержимом полок книжного магазина на Фаррингдон-стрит, натолкнулся на несколько манускриптов, которые очень заинтересовали его. Они были написаны тайнописью, но Весткотт верно предположил, что текст относится к магии. (Существует несколько версий этой истории: по одной из них Весткотт нашел манускрипты в библиотеке Розенкрейцерского общества, по другой — в собрании «вольных каменщиков», по третьей — среди бумаг английского ясновидящего Фредерика Хокли. Френсинс Кинг, историк, занимающийся ритуальной магией в Англии, утверждает, что манускрипт был передан Весткотту из библиотеки Хокли неким священнослужителем по имени Вудфорд.)

Для расшифровки текстов Весткотт прибегнул к помощи колоритного типа по имени Семюэл Лиддел МакГрегор Мэзерс, который впоследствии стал куратором музея Хорниман. Совместными исследованиями они установили, что манускрипты содержат краткое описание замечательной системы практической магии. Там же ими был найден и адрес женщины-автора. Весткотт написал ей в октябре 1887 года. В переписке она открыла магу-энтузиасту многие секреты практического оккультизма и в 1888 году пожаловала ему право открытия собственной «лужи магии» в Англии. Так при содействии Мэзерса и масонского оккультиста Уильяма Вудмена был создан «Тайный орден Золотого Зари».

«Орден Золотой Зари» не был, как теперь становится понятным, просто бесполезным псевдомасонским секретным

обществом. Несмотря на убогое помещение — «храм Изиды-Урании», вопреки пышному названию, представлял собой лишь несколько комнат в грязном переулке — обществом вскоре заинтересовались лучшие умы того времени. Его членами стали Королевский астроном Шотландии, ирландский поэт В.Б. Йейтс, актриса Флоренс Фарр, писатели Сакс Ромер и Артур Мэйчен, автор «Дракулы» Брэм Стокер и другой творец прозы ужаса — Алджернон Блэквуд. Тому факту, что все эти люди примкнули к обществу, можно дать достаточно простое объяснение: «магические методы», открытые и разработанные викторианскими волшебниками, не имели ничего общего со средневековыми формулами, снадобьями и многочисленными заклинаниями. Система «Золотой Зари» была близка к йоге. Точнее, ее упражнения ставили своей целью развитие человеческого сознания и подталкивали к обретению мистического опыта. Поскольку философия ордена основывалась на иудейско-христианской Каббале, всю систему можно назвать европейской йогой. Поэтому не стоит удивляться тому, что такая форма оккультизма оказалась более привлекательной для европейцев, чем восточные верования.

Как и все разновидности йоги, эта имела побочный эффект. У некоторых из практикующих проявились странные способности. Мудрецы всех времен предупреждали об опасности таких способностей, отвлекающих от конечной цели духовного просветления, и призывали отказаться от их применения. Однако всегда находятся люди, пренебрегающие предупреждениями. Немало таких было и среди членов «Золотой Зари».

Надо сказать, что магическая сила нейтральна по своему характеру. Как однажды заметила лондонская волшебница Мадлен Монтальбан, «магическая сила — как вода, можно приготовить из нее чашку чая, а можно обварить свою бабушку».

«Золотая Заря» была основана на строгой иерархии. Мэзерс осуществлял эту иерархию посредством загадочных, зачастую невидимых, «секретных руководителей». Такие руководители важны в оккультном мире. Например, в схеме Блаватской подобные руководители фигурируют как «Мастера» и под разными именами присутствуют во многих других системах. Было бы неправильно думать о них, как об ангелах, демонах или других нечеловеческих формах. Эзотерическая тра-

дидия показывает, что они — обычные люди. Но люди совершенные, находящиеся в конце или у конца эволюционного пути, сверхлюди.

Структурно «Золотая Заря» подразделялась на внутренний и внешний Ордена, каждый из которых состоял из десяти ступеней. Рост положения в организации происходил через серию церемониальных посвящений. Перед каждым из таких посвящений кандидаты изучали приветствия и знаки, подходящие своей будущей ступени.

Члены одной из ступеней «Золотой Зари» приветствовали друг друга «нацистским» салютом.

Интересные личности встречались и в Лондоне времен Елизаветы I. Летом 1583 года двое из них увлеклись захватывающими экспериментами по «разглядыванию кристаллов». Первый — образованный, уважаемый придворный астролог королевы, доктор Джон Ди. Другой — «ясновидящий» негодяй, которому за мошенничество отрезали уши. Его звали Эдвард Келли.

Оба выглядели не совсем обычно. Ди был волшебник с головы до ног: торжественный, седобородый, горделивый. Келли — тоже по-своему очаровательный, но немного нервный. Он всегда носил шапку с ушами, чтобы скрыть свое уродство. Ди нанял Келли за пятьдесят фунтов в год плюс содержание. Жалование выплачивалось не всегда, но они продолжали работать вместе. Их эксперименты по разглядыванию кристаллов начались в 1582 году с кварцевого образца, хранящегося ныне в Британском музее, и закончились, несмотря на многие незавершенные предприятия, в 1587 году. Как и большинство волшебников, Ди не обладал способностью к ясновидению. В конце концов, ему пришлось нанять помощника для выполнения работы медиума и наблюдателя на его сеансах. Именно таким образом и был нанят Келли.

К июню 1583 года эксперименты приняли необычный оборот. Оба были уверены, что вошли в контакт с некоторыми существами, среди которых были милая девочка-эльф по имени Мадими и нетерпеливый ангел по имени Эйв. Мадими отвечала Ди на вопросы, связанные с выдающимися людьми того времени почти таким же образом, как духи отвечают на

спиритических сеансах, проводящихся и по сей день. Но Эйв и некоторые другие ангелы, которые помогали ему, использовали очень интересный метод.

Однажды Келли, пристально глядящий в кристалл, увидел большую доску, разделенную на квадраты. Каждый из квадратов содержал либо букву, либо цифру, либо символ. Под его руководством доктор Ди изготовил такую доску для использования в экспериментах. Таким образом, сообщения ангела приходили в форме диктанта, буква за буквой: Келли, глядя в кристалл, сообщал о том, что ангел указывает на определенную клетку. Ди находил соответствующую клетку на своей доске и записывал символ, который она содержала. Именно так Эйв продиктовал несколько сообщений, именуемых ключами, посланиями и ариями. Вот фрагмент одного из них: «Волей Божиею, я есть Круг, в чьих руках двенадцать царств. Шесть из них — Престолы дыхания Жизни. Остальные — острые Серпы или Рога Смерти...» Приведенный здесь пример был получен доктором Ди несколько в ином виде. Ангел диктовал каждое послание в обратном порядке, до тех пор, пока не был уверен в том, что его поняли. Потом Ди переписывал все заново.

Странно, что, несмотря на то что Келли был известным шарлатаном и скорее всего много лет дурачил Ди, а сообщения диктовались буква за буквой и в обратном порядке, послания все-таки имеют некоторый смысл. Язык, на котором они были сделаны — теперь известный как енохийский, — совершенен в своем роде и имеет собственный алфавит и грамматику. Считается практически невозможным создание отдельным человеком совершенно нового типа языка, с внутренним самосогласованием. Трудно представить, что малообразованный тупица Келли мог сделать что-либо подобное.

Енохийские сообщения регистрировались и после того, как о них впервые сообщили Ди и Келли. Они составляли важную часть магической системы, которую изучали в «Золотой Заре». Они, кроме того, в несколько измененной форме, занимают последние сто страниц сатанинской библии, священной (если можно так сказать) книги калифорнийской церкви сатаны. Церковь сатаны была организована в 1966 году бывшим организмом и укротителем львов Антоном Шандором Ла-Веєм. Она

учила, среди всего прочего, теории и практике сатанинской магии. Как и более уважаемая форма этого древнего искусства, сатанинская магия основана на теории о том, что любое желание может быть исполнено через акт воли, при условии, что она правильно направлена воображением и подкреплена возбужденным эмоциональным состоянием. Организаторы «Золотой Зари» могли бы и не согласиться с системой Ла-Вея, но, определенно, смогли бы ее понять.

Кое-что из сатанинской библии может пролить свет на нашу тему, цитирую: «Такой разряд биоэнергетической энергии — то же явление, что и любое из проявлений сильных эмоций, таких как половой оргазм, слепая ярость...» И далее: «Несмотря на протестующие утверждения невербалистов, парящие вершины эмоционального экстаза и яростные спазмы страдания могут быть достигнуты путем обычного общения посредством слов». Не есть ли «биоэлектрическая энергия» сатанистов то же, что и биоплазматическая энергия ученых и животный магнетизм месмеристов? Почти определенно, это так!

Инструкции Ла-Вея о том, как разряжать такую энергию, — пример совершенно ортодоксального оккультизма. С древнейших времен забытые источники говорят о том, что для исполнения волшебства необходимо сильное эмоциональное напряжение. Гитлер, видимо, тоже знал это. Он также, похоже, соглашался с сатанистами в том, что такое напряжение может быть создано посредством слов. Во время своих речей он доводил себя до иступления, и нелишне заметить, что как раз в такие моменты его загадочные силы были наиболее очевидны. Неужели он пришел к таким оккультным знаниям случайно? Но поскольку нам известно, что в юности он читал книги по гипнозу, вполне вероятно, что он читал и книги по оккультизму. Известно также, что в годы своего формирования он попал под влияние некоторых оккультистов. Мы рассмотрим этот момент гораздо подробнее несколько позже. Сейчас достаточно только указать на некоторые моменты.

Эмоция, которую развивает для достижения своих целей белый маг, — безусловно любовь. Ширер, наблюдавший за Гитлером, размышлял о том, может ли этот человек испытывать какие-то эмоции кроме ненависти. Правда, это еще не превращает его в черного мага. Однако забавно, что в доктри-

не викторианского магического общества встречается понятие сверхчеловека — один из столпов нацистской философии — и, кроме того, присутствует жест, во всем совпадающий с нацистским приветствием. Интересно и то, что так часто наблюдавшийся у Гитлера метод «самоотравления» эмоционально заряженными словами формирует одну из составных частей магической системы, используемой современными сатанистами.

Не может идти и речи о том, что Гитлер принадлежал к церкви сатаны, поскольку она была образована только спустя двадцать один год после его смерти. И, хотя он теоретически мог стать членом «Золотой Зари», подтверждений этому на сегодняшний день нет.

Вспомним, однако, что «Золотая Заря» была создана благодаря нескольким манускриптам. А эти манускрипты содержали адрес и имя автора, принадлежавшего к более древнему магическому ордену. Именно этот загадочный человек помог волшебникам викторианского Лондона построить собственную систему и дал им знания, которые легли в основу самых сокровенных учений «Золотого рассвета».

Этим человеком была фрейлейн Анна Шпенглер. Ее тайный орден функционировал в немецком городе Нюрнберге.

7

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ

«Я должен сообщить об очень интересном событии, — сказал однажды Макс Бирбаум во время одной из радиопередач, — но, поскольку я не люблю крайностей, начну осторожно, непритязательно и издалека». Мой подход к оккультным интересам Гитлера совершенно оправданно напоминает подход Бирбаума. Буквальное предположение о том, что Гитлер был или мог быть сатанистом или черным магом, прозвучало бы так неожиданно, что я ощущаю необходимость подготовить своего читателя некоторыми намеками и рассуждениями. Намеков подобного рода имеется предостаточно. К примеру, Тревор-Роупер так описывает обычный распорядок дня Гитлера, которого тот придерживался вплоть до последних дней войны: он никогда не вставал до полудня; обед мог быть подан в лю-

бое время с восьми часов вечера до полуночи; в промежутке с двух часов ночи до полчетвертого утра устраивалось чаепитие; он редко ложился раньше пяти утра, к концу жизни ему удалось сократить продолжительность сна до трех часов.

Сатанинская библия утверждает: «Вообще говоря, колдуны и ведьмы суть люди ночи...»

Профессор Карл Гебхардт — врач-убийца, приговоренный к повешению в 1948 году, дает еще одну зацепку: «Гитлер с неуважением относился к врачам и верил в некую разновидность мистической медицины, родственной христианской науке». Тревор-Роупер приходит к следующему заключению: «Гитлер очень интересовался магией, так же как и астрологией и вопросами сомнамбулизма».

Конечно, нет никакой необходимости самому верить в магию, чтобы допустить, что в нее может верить кто-то другой. В нашем рассмотрении загадочной истории Гитлера присутствует одна очень важная деталь: многое из того, что происходило с этим человеком, настолько странно, что оккультное объяснение кажется неприемлемым даже для тех, кто симпатизирует оккультному подходу. Это станет еще более очевидным несколько позже, когда мы погрузимся в глубины нацистских идей о расовом превосходстве и предназначении нации.

На 1436 страницах монументального труда Ширера «Взлет и падение третьего рейха» можно отыскать только два беглых упоминания о профессоре Карле Хаусхофере. Нам сообщают, что Рудольф Гесс ознакомил Гитлера с идеями Хаусхофера в начале 1920-х годов. Поскольку Хаусхофер был профессором геополитики в Мюнхенском университете, Ширер и Буллок полагают, что эти идеи относились к сфере геополитики. В действительности это маловероятно. На самом деле Хаусхофер был магом, членом общества «Вриль» и группы «Туле». Похоже, он, как и Гитлер, обладал способностью к предвидению — во всяком случае, он получил широкое признание во время Первой мировой войны: его успешная карьера могла быть напрямую связана с этим даром. Французские авторы Повель и Бержье упоминают о том, что, по слухам, он входил в тайное японское общество, члены которого обязаны были покончить с собой путем ритуального самоубийства в случае невыполне-

ния порученной им мистической задачи. Так или иначе, Хаусхофер погиб в 1946 году от собственной руки. Он совершил ритуальное самоубийство.

Гесс, который тоже был членом «Туле» и в то же время учеником странного мюнхенского профессора, называл Хаусхофера не только магом, но и «тайным вождем и повелителем».

Близким другом Хаусхофера и его соратником по «Туле» был поэт-алкоголик по имени Дитрих Эккарт, человек, которого часто называли духовным отцом национал-социализма. Пристрастие к алкоголю убило Эккарта в начале зимы 1923 года, но до этого дня он почти три года был ближайшим доверенным лицом молодого Гитлера. Повесть и Бержье утверждают, что он наставлял Гитлера по двум дисциплинам, одна из них — оккультные предзнаменования. Они же утверждают, что перед самой смертью Эккарт сказал друзьям: «Следуйте за Гитлером. Он будет плясать, но музыку заказал я. Мы научили его общаться с Ними. Не плачьте по мне: я окажу на историю большее влияние, чем любой из немцев».

По мнению оккультистов, «тайные повелители» и другие экзальтированные существа не обязательно должны быть обязательно воплощены. Некоторые эзотерические школы, включая практически все, вышедшие из «Золотой Зари», говорят о том, что эти существа принадлежат иному, нематериальному измерению и принимают человеческий облик только время от времени. Важной практической областью знаний, преподаваемых в этих школах, являются методы установления контакта с такими существами.

Не об этих ли таинственных методах говорил Эккарт: «Мы научили его общаться с Ними?» Такое объяснение выглядит довольно правдоподобно. Однако, судя по результатам, существа, с которыми общался будущий фюрер, едва ли были людьми, даже высокоразвитыми духовно. Определенно, Эккарт и его приятели не дали ему, как считал Вильгельм Кепплер, eine Antenne direkt zum lieben Gott, антенну для прямой связи с Господом Богом.

Настало время подробнее рассказать об обществе «Вриль» и группе «Туле» — знание их доктрин крайне необходимо для понимания оккультного рейха. Для начала небезынтересным будет поговорить о самом «Вриле». Это понятие было введено

(или, может, открыто) в XIX веке одним знатным англичанином — сэром Литтоном бароном Небвортским. Писатель Бульвер Литтон, как он больше известен, называл словом «вриль» некий огромный резервуар, содержащий энергию Вселенной. Некоторая часть этой энергии содержится и в человеческом теле. В своей фантастической повести «Грядущая раса» он описывает подземную нацию сверхлюдей, захвативших контроль над врилем и использующих оный для совершения разного рода чудес. Германское общество «Вриль» также ставило своей задачей поиск методов контроля за врилем. Мог ли Хаусхофер научить Гитлера этим методам? Не является ли слово «вриль» всего-навсего новым названием для «животного магнетизма» и «биоплазматической энергии»?

Нет ничего удивительного в том, что Литтон был не только писателем-фантастом, но и оккультистом, проявлявшим интерес к месмеризму. В 1870 году он писал, что «вриль» и «животный магнетизм» — разные понятия. Но фраза построена так, что, возможно, Литтон просто отрицал эквивалентность понятий «врия» и того, что в то время подразумевали под «животным магнетизмом»: «Я связываю понятие «вриль» не с месмеризмом, а скорее с электричеством, задействованным в процессах, о которых пока можно только догадываться; чудеса месмеризма я рассматриваю как проявление одного из течений этого великого потока, пронизывающего все живое».

Ложи, блюдущие эзотерические традиции Запада, открывают своим членам три основных оккультных таинства:

1) контроль над незримой энергией, такой как «вриль» Литтона или «животный магнетизм» Месмера. Будучи взятой под контроль человеческого сознания, эта энергия служит либо мистическому просвещению, либо средством исцеления, либо средством установления власти над окружающими, в зависимости от склонности человека, использующего ее;

2) контроль над событиями и создание желаемых ситуаций в материальном мире. Это достигается упражнениями, при которых посвященный концентрируется до такой степени, что может сфокусировать свою волю, как луч лазера. Сверхъестественно развитая сила воли затем направляется воображением — обычно живым представлением ситуации, в которой за-

интересован маг. Движущей силой всей операции является, как уже упоминалось, состояние повышенной эмоциональности. Тип событий и ситуаций опять же зависит от склонностей и намерений посвященного;

3) установление связи со сверхчеловеческими и иногда с инопланетными существами, находящимися на нематериальных (или, как говорят теперь многие оккультисты, «внутренних») уровнях. При этом новичок довольно скоро обнаруживает, что техника, разработанная для связи с небесами, может с не меньшим успехом быть использована и при общении с силами ада.

Исходя из имеющихся данных, представляется вполне вероятным, что Гитлер владел всеми тремя приемами, концентрируясь преимущественно на их негативных аспектах. Нам уже понятно, что его контроль над незримой энергией был достаточно велик и сохранился даже, когда его здоровье пошатнулось в конце войны. Получить доказательства применения им второго, наиболее «магического» аспекта оккультных упражнений, очевидно, наиболее сложно. Но, определенно, он думал, как чародей: его инстинкты и реакции сходны с теми, которые проявляет посвященный. Очень хорошо известна его вера во «власть воли». Он неоднократно высказывал мнение о том, что все «волевые личности» и ситуации — плод деятельности высших сил. Не стоит даже уточнять, что это типичная магическая вера, но многие историки не уделили этому моменту серьезного внимания.

К концу войны довольно очевидным стал и другой аспект его магических тренировок. Буллок пишет: «Надуманый повод к затворничеству Гитлера был основан обстоятельствами войны. Ему было легче психологически работать именно так. Он жил в своем собственном мире, вдали от уродливых и удручающих фактов германской действительности. Он отказался посетить подвергшиеся бомбардировкам города, так же как и отказывался читать сообщения, которые расходились с картиной, которую он хотел видеть».

Говоря о «картине, которую он [Гитлер] хотел видеть», Буллок попадает прямо в точку. Видение картин — как раз то, чем Гитлер в то время занимался. Но это не было, как считает Буллок, просто способом ухода от действительности. Фюрер проводил обычную магическую операцию, вынуждая свое окруже-

ние помогать ему представить, насколько это было возможно, желаемую ситуацию. Посвященные Запада со времен «Золотой Зари» до наших дней занимаются тем же. Гитлер приходил в бешенство от любой попытки вмешательства неприятных фактов в его настойчиво визуализируемую картину событий. Ни ярости его эмоций, ни мертвой хватки его железной воли, ни отчетливой картины его «грядущих побед» уже не было достаточно, чтобы изменить реальность, окружавшую его. В конце концов он понял это и попытался привести свое представление в большее соответствие с реальной ситуацией, сложившейся за стенами берлинского бункера. Но у него еще было достаточно энергии и способностей для того, чтобы немного изменить реальность. Это привело, как мы увидим, к магическому завершению его сатанинской карьеры.

Нет никаких сомнений в том, что Гитлер владел третьим оккультным секретом. Его связь с «внутренними» уровнями была хорошо налажена — правда, психологи могут сказать, что существа, с которыми он общался, были воплощениями сил его собственного глубокого подсознания. О природе этих существ можно кое-что почерпнуть из следующего отрывка, записанного Германом Раушнинггом:

«Он просыпается по ночам, истошно кричит, бьется в конвульсиях. Он зовет на помощь. Оказывается, что он наполовину парализован. Он охвачен паникой, которая вызывает в нем такую дрожь, что трясется даже кровать. Он издает непонятные и несвязные звуки, хватая ртом воздух, как при удушье...

Гитлер стоял в своей комнате, шатаясь и оглядываясь, будто не понимая, где находится. «Это он, это он, он пришел за мной!» Его губы были совершенно белыми, он весь покрылся холодным потом. Внезапно он затараторил бессвязный ряд цифр, слов, отрывков из предложений. Это выглядело ужасно. Он произносил странные фразы, связанные необычным образом. Потом он снова погрузился в молчание, хотя губы его продолжали шевелиться. Его растерли и дали немного попить. Неожиданно он снова закричал: «Там! Там! В углу! Он там!» Он кричал, и голова его дергалась...»

Гитлер подвергся испытанию, которое пришлось на долю всех тех, кто входил в контакт с темными сторонами оккультизма. Доктор Майкл Макклиаммойр, известный ирландский

актер, рассказал мне историю, которую уместно привести здесь. За несколько лет до Первой мировой войны сестра Макклиаммойра стала проявлять интерес к эзотерическим материям и в конце концов была посвящена в магический орден «Аргентиум аструм» («Серебряная звезда»). Возглавлял этот орден бывший член «Золотой Зари» — черный маг Алистер Кроули, за которым вскоре закрепилось прозвище журналистов «злейший человек в мире». Понаблюдав за тайными практиками ордена, мисс Макклиаммойр довольно скоро пришла к заключению, что взяла на себя больше, чем была способна вынести. Но посвященные могли выходить из этого ордена только с особого разрешения Кроули. Поэтому она направилась к Повелителю, как тот требовал себя называть.

Кроули пронзил ее взглядом и патетически спросил: «Итак, ты хочешь уйти?» Потом подошел к ней и опустил палец на ее плечо. Подчеркивая каждое слово, он зловеще добавил: «Бойся тьмы! Бойся жары! Бойся обезьян! Теперь можешь идти...» Это напоминало простой театральный жест, но в той ситуации он оказался довольно действенным: девушка вышла из ордена, но тут же ее охватил ужас. У нее начались долго не прекращающиеся нервные срывы. Эта болезнь, к счастью, редко становится роковой, и через какое-то время девушка выздоровела.

Много лет спустя, когда инцидент был практически забыт, она оказалась в Африке. Однажды на закате она шла по краю джунглей с маленьким сыном своего друга. Внезапно ребенок вскрикнул: «Смотри — там дядя Джордж!» Мисс Макклиаммойр обернулась, чтобы посмотреть. Ребенку скорее всего почудилось что-то в игре света и теней в густой листве во время коротких африканских сумерек. Она повернулась, чтобы сказать ему об этом, и в этот самый момент с дерева к ней на спину прыгнула обезьяна, которая затем укусила ее в плечо — в то самое место, на которое много лет назад указал палец Кроули. Когда она оправилась от шока и осмотрела плечо, крови не было видно, укус был достаточно легким. Но она заразилась менингитом и несколько дней спустя оказалась прикованной к постели. Ее мучили учащающиеся приступы бреда.

Во время одного из них она внезапно села в кровати вся бледная и, указывая пальцем в угол, сказала: «Он там! Он там! Он в углу! Он пришел за мной! Кроули пришел за мной!» Она

не произносила «странные фразы, связанные необычным образом», так как они, в случае с Гитлером, скорее всего служили в качестве «слов власти», которые опытный дьяволист использует, чтобы усмирить нежеланного посетителя.

Возможно, было бы лучше, если бы она произнесла их. Гитлер, в описанном случае, всего лишь впал в глубокий сон. Мисс Мактиаммойр впала в кому и умерла.

8

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВО ТЬМУ

Мюнхен, 1919 год. Четверо мужчин сидят вокруг стола в слабо освещенной комнатке таверны «Альте Розенбад» на Геренштрассе. Они ожидают Адольфа Гитлера.

В то время Гитлер был офицером-воспитателем мюнхенского полка — пост скорее всего достался ему в награду за его антисемитизм. Отравленный газом и немного ослепленный в траншеях «войны, которая положит конец войнам», во время своего длительного лечения он выбрал политические убеждения и пришел к выводу о том, что Германия проиграла войну из-за предательства в верхах. Он также обнаружил в себе, возможно, к своему собственному удивлению, неплохой талант оратора. Но, за исключением глаз, в человеке, вошедшем сентябрьским вечером в грязную, дешевую таверну, не было ничего примечательного. Его пригласили присоединиться к маленькой Германской рабочей партии. Сейчас он пришел на собрание комитета для того, чтобы отклонить это предложение. Готовая партия не представляла для него никакого интереса: ему нужна была его собственная. На самом деле он пошел на контакт с этой группой исключительно по приказу политотдела армии. Его начальники считали, как оказалось — неверно, что партия, в названии которой присутствует слово «рабочая», должна непременно окантоваться коммунистического толка.

Гитлер прошел через пустой зал и открыл дверь в боковую комнату. Его поприветствовали как старого друга и пригласили за стол, словно он уже давно был принят в партию. По неясным причинам, он решил не говорить собравшимся о своем решении. Вместо этого он просидел весь вечер, так и не обна-

ржив, впрочем, особых причин менять свое мнение. (К примеру, партийные средства, по признанию казначея, составляли всего 7 марок 50 пфеннигов.) И все-таки, кое-что так привлекло его, что он покинул собрание в раздумьях о том, не вступить ли ему действительно в эту новую партию. Далее последовали, исходя из «Майн Кампфа», «два дня мучительных размышлений и взвешиваний всех «за» и «против». В конце концов, он принял бесповоротное решение вступить в партию. Гитлер пишет: «Это было самым важным решением в моей жизни. После него уже не было и не могло быть пути назад».

В комитет Германской рабочей партии входил человек, с которым Гитлеру уже доводилось встречаться — Дитрих Экхарт. Гитлер стал седьмым членом партии. Нумерологи считают этот факт не лишенным смысла. Нумерология приписывает числам немаловажную, хотя и незаметную на первый взгляд, роль в жизни человека. Численный эквивалент даты рождения и имени — ключ к судьбе. Это оккультное искусство имеет очень древнюю историю, но, тем не менее, редко воспринимается всерьез в наши дни. Одно из многих любопытных нумерологических совпадений, таких частых в истории третьего рейха, состоит в том, что численный эквивалент имени Гитлера — тоже семь. По утверждению нормандского аристократа-окультиста графа Луи Амона, серьезно изучившего свойства чисел: «Люди, чья цифра 7, имеют особое отношение к религии. Они не любят идти проторенными путями; они создают свои собственные религии, основанные на тайнах и затрагивающие сферы воображения. Таким людям обычно снятся замечательные сны, им легко даются оккультные знания; у них есть дар интуиции, ясновидения и особый вид внутреннего магнетизма, который дает им власть над другими...»

Таким людям обычно снятся замечательные сны... Нам еще предстоит вернуться к этому утверждению. Гитлер использовал свой «особый вид магнетизма» для захвата Германской рабочей партии. К 1921 году он уже стал непререкаемым лидером. Еще через год партия стала национал-социалистической.

Как мы уже знаем, Гитлер был странным человеком. Но еще более странной была организация, которую он создал. Третий рейх, рожденный в темной комнате грязной таверны, был в своем роде оккультным государством. Его доктрина не

была национал-социалистической (если это словосочетание вообще имеет какой-то смысл). Государство представляло собой уникальный пример магического социализма. Свои силы оно черпало из темного источника, которого лучше бы вообще не касаться. «Мой отец сорвал печать, — писал Альбрехт Хаусхофер, сын посвященного Карла, — он не почувствовал дыхания Зла и позволил ему войти в мир».

Нацистская Германия представляла себя миру как новое тоталитарное общество, основанное на научном материализме. Но этот фасад был обманчив. За ним стояло настоящее здание, тщательно отстроенное на фундаменте национального. Гитлер хвастался, что третий рейх будет существовать тысячу лет. Он, очевидно, не только был не прав, но и не мог быть прав. Посвященные всегда предупреждали о том, что неправильное использование оккультной энергии приводит в конечном счете к саморазрушению самого оккультиста. Предупреждение, которое редко понимают правильно. На самом деле оно значит примерно следующее: некоторые магические методы сеют семена своего собственного уничтожения.

Именно такой метод нацистская партия избрала для перевоспитания немецкого народа.

У любого черного мага появляется искушение попытаться превзойти самого себя. Когда человек, отравленный магическими идеями и запутавшийся в духовно-психологических упражнениях, открывает в себе замечательные оккультные или физические силы, он сразу оказывается в одном шаге от пропасти или гигантомании.

Гитлер, как мы видели, обладал способностями к провидению. Этот дар никогда не покидал его. К 1944 году удача окончательно отвернулась от Германии. Начались разговоры о возможной высадке англо-американского десанта во Франции (эта операция действительно произошла 6 июня). В начале мая бюро военной разведки, которым руководил Гиммлер, получило информацию о том, что операция начнется в июне. Это было первое сообщение разведки о десанте, но такая информация не могла дать каких бы то ни было сведений о том, в каком именно месте следует ожидать высадки. Логика подсказывала генералам, в том числе и высококомпетентному Роммелю, что

все начнется где-нибудь в районе Кале. В конце концов, Ла-Манш в этом месте наиболее узок. Но Гитлер еще в конце марта предвидел, что это произойдет в Нормандии. Он приказал укрепить этот район. В июне его видения были подтверждены.

Вскоре после высадки союзных войск в Нормандии многим стало понятно, что с Германией в ближайшее время будет покончено. К концу августа немецкие армии потеряли на Западном фронте пятьсот тысяч солдат и практически всю боевую технику. Главнокомандующий Западным фронтом, фельдмаршал Герд фон Рундштедт, говорил позднее, что ожидал завершения войны в сентябре 1944 года.

Однако человек, посвященный в силы Тьмы, по-прежнему твердо держал страну в своих руках и все так же верил в могущество магии. В последний день августа он заявил своим генералам: «Как бы ни сложились обстоятельства, мы продолжим нашу борьбу до тех пор, пока, как сказал Фридрих Великий, один из наших проклятых врагов не устанет сражаться... Я отдаю все силы руководству этой борьбой, потому что знаю — ни одна битва не может быть выиграна, если армию не поддерживает железная воля». Алан Буллок так пишет об этом периоде: «Гитлер глубоко верил в то, что, если ему только удастся выжить в обрушившихся на него неудачах, он будет спасен каким-то чудесным вмешательством и восторжествует над своими врагами. Все зависело только от его воли».

Все действительно зависело только от его воли, но Гитлер не дожидался чудесного вмешательства. Он ждал результатов действия силы своей воли, действия, подобного тому, что продемонстрировала несколькими месяцами раньше сила его предвидения. Буллок подходит к истине довольно близко: «Пока ему не удавалось сплести события в желаемый узор и предстать перед миром как Отмщенный Маг, он прятался в своей штаб-квартире».

За исключением магии, у Гитлера и немецкого народа в те мрачные последние месяцы войны осталась только одна надежда: чудесное оружие, которое, как еще в 1942 году обещал фюрер, «повергнет противников в оцепенение». Это оружие принимало довольно отчетливые очертания. В 1943 году польские подпольщики сообщили союзникам о том, что немецкие специалисты проводят эксперименты с беспилотным бомбардиров-

щиком и боевой ракетой — соответственно Фау-1 и Фау-2. В мае разведывательный самолет королевских воздушных сил Великобритании сфотографировал центр на острове Пенемюнде.

Обстоятельства так и не позволили оружию типа «Фау» стать решающим фактором в войне. Это оружие было крайне необходимо Гитлеру (который понимал, что даже примитивная бомба Фау-1 сможет заставить Британию пойти на мирные переговоры), его генералам и, после того как Геббельс был назначен министром пропаганды, всему немецкому народу. Нет ни малейшего сомнения в том, что будь это оружие изобретено раньше, хотя бы на несколько месяцев, его применение могло бы оказать катастрофическое действие на союзников. Фау-2 все таки была предшественницей нынешних смертоносных межконтинентальных баллистических ракет.

Англичане достаточно быстро осознали грозящую опасность. Королевские ВВС провели в августе 1943 года ряд дерзких рейдов на Пенемюнде, в ноябре и декабре усилия были сконцентрированы на уничтожении пусковых площадок. Как и ожидалось, бомбардировки Пенемюнде приостановили разработку и создание ракет на несколько месяцев. Массовое применение бомб системы «Фау» было отложено. Это, впрочем, было вызвано не только усилиями Британии, ей помог неожиданный союзник — Адольф Гитлер.

Гитлеру приснился сон о том, что применение Фау-2 не дало желаемого результата. Более того, его видения обещали божественное наказание в том случае, если ракеты будут применены. Несмотря на протесты специалистов, был отдан приказ о приостановке всех работ. По словам генерала Вальтера Дорнбергера, который в то время возглавлял центр на Пенемюнде, перерыв длился целых два месяца. Повель и Бержье утверждают, что это был не единственный случай, когда Дорнбергер был вынужден уступить оккультным доводам.

Вся ситуация рассматривалась с точки зрения магической теории космологии Ганса Горбигера. Горбигер считал, что «Вселенная родилась и существует в результате льда». Эта теория получила широкое признание в Германии еще в 1925 году. Ею заинтересовались многие из будущих нацистских лидеров, в том числе философ партии Альфред Розенберг и, возможно,

сам Гитлер. Достигший в 1933 году огромной власти поклонник Горбигера во время войны стал задумываться о том, не нарушат ли испытания ракет хрупкое равновесие между огнем и льдом, что может привести к глобальной катастрофе.

В истории нацистской Германии было достаточно моментов, когда «тоталитарные» военные замыслы натывались на препятствия, созданные нездоровой оккультной теорией. К примеру, в апреле 1942 года доктор Хайнц Фишер вместе с группой ведущих немецких ученых был вынужден начать эксперименты с очень ценным и редким радаром, установленным на балтийском острове Рюген. Целью эксперимента была проверка любопытной секретной теории, которая, оказавшись она справедливой, дала бы Германии огромное преимущество перед союзниками, по крайней мере в том, что нацисты, в отличие от союзников, знают «истину». Теория утверждала, что человечество живет на внутренней поверхности полой Земли. «Внешняя» часть представляет собой каменную глыбу бесконечной величины. Солнце, гораздо меньших размеров, чем принято предполагать, висит в центре полой сферы внутри «бесконечного камня», так же как и луна. Небо есть не что иное, как облако голубого газа. Звезды — сгустки света, покоящиеся в этом газе. Разумеется, доктору Фишеру не удалось на балтийском острове доказать справедливость этой теории. Но по приказу нацистских властителей он потратил много времени и энергии, пытаясь это сделать. После войны он отметил: «Нацисты заставляли меня заниматься безумными делами, которые серьезно мешали моим исследованиям».

Возможно, так оно и было. Доктор Фишер позднее стал ключевой фигурой в американской программе разработки водородной бомбы.

Таким образом, чудаковатые идеи, не имеющие никакого отношения к нацистскому движению, приблизили конец третьего рейха. Тому же послужили эзотерические учения нацистов о расах, приведшие к ликвидации миллионов людей, чьи мозги и силы могли бы быть использованы, хотя бы принудительно, на благо государства. Концентрация таких идей создавала в стране странную атмосферу. Уильям Ширер, живший в Германии с 1934 по 1941 год, неоднократно отмечал заметное душевное успокоение, приходившее к нему, когда выезжал из

страны в отпуск. Но, какими бы бестолковыми не казались эти идеи, они не были лишены власти, а власть — та же магия. Речь, естественно, идет о психологической власти, которая, впрочем, не менее реальна. Правильно примененные для формирования психического состояния общества, символические и, зачастую, архитипические ключи, содержащиеся в заветных мифах, могут открыть дверь в область, где достаточно быстро начинает воздействовать и на материальную сферу.

Возвращаясь к дням, проведенным в третьем рейхе, Ширер пишет: «Все это — проявление примитивных племенных инстинктов древнегерманских язычников, живших в бескрайних лесах Севера, тех, для кого грубая сила была не только средством, но и целью существования. Именно нацисты успешнее, чем кто-либо до них, разбудили в немецком народе примитивный расовый инстинкт «крови и почвы», продемонстрировав, что влияние христианства и Западной цивилизации на немецкий уклад жизни было только поверхностным».

Мифы, содержащие столь властную истину (или же всякое ее отсутствие) безусловно достойны изучения. Но перед тем, как отправиться в путешествие по этим захватывающим, но опасным водам, любопытно было бы проследить истинные истоки нацистской мысли. Рассмотрим некоторые донацистские оккультные группы, действовавшие в Германии.

9

КОРНИ ЗЛА

«Гитлер — один из наших учеников. Когда-нибудь он, и мы вместе с ним, станем победителями и создадим движение, которое заставит вздрогнуть весь мир». Автор этого пророчества — Адольф Ланц. Эти строки взяты из его письма к членам оккультного ордена. Письмо было написано в 1932 году — за год до прихода Гитлера к власти. На ранней фотографии Ланца, где он снят в одежде цистерцианского послушника, мы видим серьезного молодого человека в очках. На других фотографиях, в зависимости от одежды, он может выглядеть как типичный клерк или государственный служащий. Однако сам себя он представлял совершенно иначе.

После шести лет монашества он был изгнан из монастыря Хайлигенкройц за грех проявления «плотских и мирских желаний». В этом трудно усомниться: его поведение впоследствии было настолько эксцентричным, что вряд ли подошло бы к порядкам монастыря. Одним из первых его действий после изгнания было создание своего собственного расистского ордена «Поклонников Нового Храма». Он любил представляться как «доктор Йорг Ланц фон Либенфельс» и причислять себя к потомкам барона Йоханнеса Ланца фон Либенфельца, который родился 1 мая 1872 года. На самом деле его родители были австрийцы и родился он в Вене 19 июля 1874 года.

Источником философского вдохновения для его ордена «Поклонников Нового Храма» были легенды Грааля. Члены ордена собирались для исполнения ритуалов. Кажется, их интересовали абсолютно все оккультные искусства, особенно посвященные малоизвестным областям эзотерики, к примеру френология. Но настоящей движущей силой Поклонников Нового Храма, да и самого Ланца, была концепция верховной арийской расы, чистота которой может быть достигнута только путем строжайшего процесса селекции. Как и многие другие расисты, Ланц считал, что его род находится в опасности.

Многие его идеи обрели пророческий нимб, особенно в свете того, что через некоторое время произошло в Германии. Он настаивал на стерилизации «низших рас» и открытии селекционных колоний для совершенствования верховной расы. Другие «решения» проблемы низших рас он видел в голоде и принудительных работах. Во время Второй мировой войны Генрих Гиммлер, придерживавшийся того же мнения, что и Ланц, воплотил все эти, а также некоторые собственные идеи в реальности.

В 1934 году Ланц открыто заявил о том, что его орден был первым этапом нового движения, созданного Гитлером. Было ли это заявление, как считают некоторые историки, попыткой запрыгнуть в уходящий скорый поезд? Возможно, нет. Гитлер читал книги Ланца в юности и даже встречался с ним в 1909 году в Вене. Хотя идеи верховной расы имели хождение в Германии задолго до того, как нацисты нашли им практическое применение, предположения Ланца по поводу того, что именно нужно делать с низшими расами, настолько со-

впадают с тем, что вскоре произошло, что их можно принять за объяснение.

Учение посвященных говорит: большие перемены, прежде чем проявиться в материальном мире, происходят на «внутренних уровнях». Эти строки содержат нечто большее, чем общепринятое мнение о том, что причина предшествует следствию. Перед нами манихейское представление о вечно противоборствующих силах, существующих в других измерениях. Время от времени одна из этих сил берет верх. Если некая темная сила одного из таких измерений начала в конце XIX века наступление на Германию, можно предположить, что еще до того, как ее власть достигла своего пика, этому были некоторые материальные подтверждения.

Не имеет никакого смысла рассуждать о том, что «Новый Храм» был в действительности первым проявлением чего-то омерзительного, растущего где-то в недрах Германии. Но так же как и нацистский салют в ордене «Золотой рассвет», некоторые эпизоды истории ордена Ланца просто завораживают.

В 1907 году, когда Гитлер был еще подростком, Ланц обнаружил на дунайском берегу живописные руины и решил, что на этом месте должна располагаться штаб-квартира его ордена. Он купил участок, частично реконструировал развалины и оборудовал их всем необходимым для магической практики Поклонников Нового Храма. Затем над храмом, посвященным магическому и расовому превосходству, был поднят флаг, доселе невиданный на земле.

Флаг со свастикой.

За тридцать два года до этого друг Ланца, некий Гвидо фон Лист, взобравшись на возвышающийся над Веной холм, чтобы отметить день летнего солнцестояния, сложил из пустых винных бутылок свастику. Если Ланц напоминал государственного служащего, Лист, чья борода доходила ему почти до живота, выглядел как настоящий колдун. По профессии он был писателем, хотя и не очень удачливым в финансовом отношении. Кроме этого, как показывает церемония, посвященная солнцестоянию, он был оккультистом и довольно эксцентричным человеком. Эта эксцентричность, похоже, проявилась в нем достаточно рано. Еще в четырнадцать лет он поклялся, что построит храм Вотану, когда вырастет. Это обещание совер-

шенно удивительно. Странно и то, что дано оно было перед алтарем венского собора Святого Стефана.

Лист был, по его собственному утверждению, психологом. Но в отличие от своего соотечественника Адольфа Гитлера, использовавшего свои психические силы для того, чтобы увидеть будущее, Лист обратил свои незаурядные способности к ясновидению в прошлое. То, что он увидел, отличалось от написанного в учебниках истории. Существовала древняя раса германских мудрецов, посвященных в самые тайные и могущественные эзотерические знания. Эти люди называли себя «арманианами». Их след в истории заметен тем, кто знает, где (и как) искать. Последним из живущих арманиан был сам Лист. Но он недолго оставался единственным представителем верховной расы. В 1908 году для продолжения традиций было создано секретное общество «Посвященные арманиане». Кроме всего прочего, члены общества подробно изучали рунический оккультизм, в котором Лист был особенно подкован. Много лет спустя другое общество, призванное защитить верховную расу, также обратилось к изучению рун. Этим обществом был Орден «Мертвая Голова» — СС Гиммлера.

Странные идеи Листа напрямую повлияли на развитие нацистской Германии. Имело место, кроме того, и косвенное влияние: одним из последователей Листа был журналист по имени Филипп Штауфф, основавший в 1912 году тайный Орден Германен (Германенорден, Германиан).

Учение Ордена Германен строго следовало идеям Листа о древнегерманской верховной расе. Все учредители ордена были воинствующими антисемитами, более того, по крайней мере один из его последующих лидеров яростно выступал против славян. Желающим вступить в орден измеряли череп — он должен был четко соответствовать нордическому идеалу. Здесь опять-таки имеет смысл вспомнить Гиммлера, применявшего эту процедуру в отношении русских военнопленных.

Отколовшийся от ордена Герман Поль организовал вскоре свое собственное тайное общество, многие члены которого позднее были тесно связаны с Германской Рабочей партией.

Довольно утомительно было бы перечислять все многочисленные культы и секты, возникшие на почве антисемитского нордического превосходства. Имя им — легион. Но, хотя и псевдомасонские по форме, довольно немногие из них были действительно магическими, то есть обучали своих членов психоспиритическим приемам. В число таких обществ не входит даже Орден Германен, хотя церемония посвящения в него и предполагает некое магическое влияние. Но если этот орден действительно не был магическим в строгом смысле этого слова, становится понятным, почему Гитлер, который, безусловно, разделял его учение, отказался включить в нацистское правительство кого-либо из его бывших членов. На основании сомнительного утверждения о том, что франкмасонство есть международное еврейское общество, Гитлер считал таковым и «вольных каменщиков». Маловероятно, что он сам верил в эту небылицу, скорее всего, он разделял обычное отвращение мага к системам посвящения, не дающим власти. К таким системам относится, безусловно, и масонство.

Если бы мы говорили о простых обществах — обычных людях, объединенных общими целями и идеалами, — было бы достаточно легко переоценить их возможное влияние на будущее развитие оккультного рейха. Но речь идет о необычных обществах: мы говорим об организациях, в которых преобладало магическое мышление и часто применялись магические методы. В этом смысле ложи и отдельные личности, упомянутые в этой главе, соприкасаются с ранее упоминавшейся группой «Туле» и «Ложей Сияния».

Не важно, верим ли мы в способность магии приводить к необъяснимым результатам в материальном мире. Но, на основании убедительных доказательств, необходимо принять тот факт, что магические методы оказывают огромное влияние на сознание и взгляды мага. Исходя из этого утверждения, можно прийти к выводу о том, что Гитлер практиковал оккультные знания: как мы уже знаем, он думал, как маг. Многие, возможно, даже большинство, высокопоставленных нацистов думали подобным образом. Из этого и из новой мифологии «народа Мужей» — *Heugenfolk* — следует все остальное. С психологической точки зрения, основной задачей разума является определение того, каким из бессознательных сил позволить вый-

ти на поверхность, а каким — нет. Это утверждение верно как для индивидуальной, так и для коллективной психологии.

Задолго до того, как психологи начали серьезно заниматься методами убеждения и «промывания мозгов», всем чего-нибудь стоящим оккультным ложах было известно, как внедрять идеи в сознание своих членов так, чтобы у тех не возникало никаких вопросов. Кандидата на посвящение в Орден Германен, к примеру, некоторое время держали в коридоре для того, чтобы он хорошенько разнервничался. Он не знал, что его ждет, но воображение — и так достаточно воспаленное, раз уж он решил вступить в такую организацию — рисовало ему худшее. Когда напряжение достигало пика, кандидату завязывали глаза и облачали его в соответствующее случаю одеяние. Затем его вели в зал ложи. Там, по-прежнему с повязкой на глазах, он выслушивал торжественную антисемитскую речь Верховного магистра. Когда повязку наконец-то снимали, оказывалось, что все руководители ложи носят головные уборы с рогами и держат в руках копыя и мечи. Звучала музыка, посреди зала полыхал огонь... Все это сильно воздействовало на воображение и подсознание. Можно резонно предположить, что кандидат разделял антисемитские идеи и до вступления в организацию. Но даже если это было не так, метод посвящения практически гарантировал их приятие.

Во многих современных оккультных ложах посвящению предшествуют несколько лет «самообращения»: медитации, основанные на главных идеях тайного общества. Этот способ, без всякого сомнения новый, мог использоваться и первыми германскими ложами.

Главный секрет ритуальной магии — ее влияние на глубины подсознания. Хорошо известна реакция человеческого рассудка на правильно примененные символы. Менее очевиден тот факт, что оккультный церемониал есть не что иное, как трехмерный движущийся символ. Главы ложи одеваются и действуют, как архетипические фигуры из глубины человеческой психики. В Ордене Германен их костюмы были посвящены верховному богу Вотану и Пану — духу самой Земли.

Семена, посеянные таким способом, дают обильные всходы. Но не стоит забывать и о том, что в мрачных залах лож были возвращены не только семена антисемитизма.

ТУЛЕ

На хорошей современной карте найти Туле можно достаточно легко. Он находится у восточного берега Гренландии. Свежий учебник географии расскажет вам о том, что это имя американцы дали одной из своих заполярных военных баз. Но это не тот Туле, который волновал умы национал-социалистической верхушки в 1930-е годы. Тот Туле исчез давным-давно, если вообще существовал когда-то.

Робер Шарру, французский ученый, применявший неортодоксальный подход к изучению человечества, настаивает на том, что Туле существовал. «Совершенно определенно, — пишет он в книге «Загадочное неизвестное», — что остров Туле — не плод фантазии. Имеет смысл предположить, что он исчез в результате чудовищной сейсмической катастрофы, постигшей Землю в третьем тысячелетии до нашей эры». Как ни странно, вопрос о том, прав Шарру или нет, не имеет почти никакого значения. Главное в Туле — миф, история, возбуждающая своей внутренней силой глубинные слои человеческого рассудка. Нам известно, что некоторые посвященные объединялись для совместного изучения мифа о Туле. Среди них был и будущий ближайший сподвижник фюрера, Рудольф Гесс. Что же они изучали? Какой миф мог настолько увлечь их?

Повель и Бержье, отличные знатоки эзотерической стороны нацизма, вопреки своему фундаментальному подходу к проблеме, касаются этого вопроса только вскользь. В книге «Утро магии» они коротко сообщают: «Легенда о Туле такая же древняя, как и сама германская раса. В ней говорится об исчезнувшем где-то на крайнем Севере острове. Туле, как и Атлантида, считается магическим центром исчезнувшей цивилизации». В действительности, заветные легенды нашей планеты говорят о том, что Туле исчез гораздо раньше, чем загадочная Атлантида. Можно провести еще одну параллель между Туле и Атлантидой, не замеченную Повелем и Бержье.

В древние времена Атлантида считалась континентом, сравнимым по величине с современной Азией, возможно, даже

ее превосходящим. Она пережила три катастрофических подъема воды, в результате которых огромные участки суши, города с миллионами жителей погрузились под воду. Второй катаклизм оставил от некогда великого континента лишь небольшой остров. Именно об этом жалком остатке, лежащем за Геркулесовыми столбами, и пишет Платон. Память о настоящей Атлантиде, должно быть, все еще была жива, так как Платон описывает ее в «Критии» как землю, «более обширную, чем Азия и Ливия, вместе взятые». В то же время он постоянно повторяет, что это был остров, а не континент, и что могущественная цивилизация была покорена силами всего одного города — Афин.

Как и Атлантида Платона, Туле был некогда частью огромного континента. Как и Атлантида, он стал островом после того, как чудовищные сдвиги в земной коре отделили его от других участков суши. Однако в отличие от Великой Атлантиды большая часть Туле не утонула, а просто сдвинулась. Она продолжает существовать и по сей день, в то время как остров, на котором располагалась столица, исчез в ледяных водах, унеся с собой имя целого континента.

Дарвин был прав только отчасти: эволюцию нельзя рассматривать просто как результат слепого отбора или переход от простого к сложному. Скорее, особенно на ее ранних стадиях, как конденсацию эфирного в физическое.

Не правы и современные археологи: колыбель человечества — не Африка. Исследование останков приводит к неверному выводу хотя бы потому, что у первых людей просто не было костей. Воображение ученого даже не в состоянии представить, насколько давно зародилось человечество: 1,6 миллиарда лет назад. Но это не было человечество в том смысле, к которому мы привыкли, человечество, которое можно было бы достаточно легко представить. Первые люди представляли из себя сгустки энергии искусственного, инопланетного происхождения. Они были лишены плоти и не могли думать. Их создатели — хоганы были связаны с Луной.

Согласно секретным учениям Тибета, именно так началась история человечества. Древние, трудные для понимания манускрипты, бережно хранимые под сводами главных мона-

стырей этой древней труднодоступной страны, приоткрывают тайну.

Первой расой была раса немыслящих теней. Едва ли можно было назвать этот опыт успешным. Создатели были расстроены. Они ставили перед собой цель создать мыслящие существа. Но впереди у них было еще много времени...

Первые люди-тени были беспольными. У них не было инстинкта размножения. И все-таки они размножались неосознанно: почкованием, как деревья, или делением, как амебы.

Тем временем хоганы продолжали селекцию.

Вторая раса на первых порах внешне напоминала первую. Но появилось и слабое отличие, которое стало толчком к началу эволюции. Медленно, в течение миллионов лет, люди второй расы обретали тела. Хотя, несомненно физические, эти тела даже отдаленно не напоминали тело современного человека. Люди того времени были намного больше нас по размерам — гиганты, состоящие из тумана.

На Земле не было известно о смерти. Эфирные существа первой расы были поглощены наследниками второй.

Но с развитием, опять-таки в течение очень длительного времени, третьей расы вторая раса вымерла.

Разница между тем, как выглядел человек в начале третьего периода и в его конце, очень значительна. Вначале представители третьей расы, которых по-прежнему трудно было назвать людьми в нашем понимании, были двупольными гермафродитами. Затем произошло разделение, в результате которого на Земле впервые появились существа двух разных полов.

Важно, однако, не забывать о том, что даже на этой, сравнительно поздней стадии, человечество по-прежнему оставалось немыслящим. В этот период, если мы правильно интерпретируем древние манускрипты, создатели предоставили человечество самому себе и занялись животными.

В этот хаотический период нашей долгой эволюции неразумные представители третьей расы спаривались с огромными самками животных, в результате чего возникли монстры. Эти существа были глухими, с непропорциональными телами, покрытыми густой красной шерстью. Они передвигались на четырех конечностях.

В то время как ученые заняты тщетными поисками «недостающего звена» и утверждают, что человек произошел от обезьяны, эзотерические учения говорят совсем противоположное: человекообразные обезьяны представляют собой дегенеративную ветвь человеческой линии.

Вскоре, впрочем, наступило время, когда хоганы снова обратили внимание на развитие человечества. Третья раса эволюционировала в четвертую, более близкую к современному человечеству. Дремавший разум проснулся. Развилось сознание и вместе с ним осторожность. Человек усовершенствовал свое первое и самое важное орудие — речь. Разделение по полам полностью завершилось.

С течением времени худшие экземпляры неудачного скрещивания, продукты неестественного союза мужчин третьей расы и животных, исчезли с лица земли. К ним относились красношерстные человеко-обезьяны, которые только изредка вставляли на две задние конечности. Кроме того, древние манускрипты говорят еще и о красно- и синелицых человеко-зверях. У них не было настоящего языка. Общение происходило посредством рева и других простых звуков, как и у современных животных.

Не стоит думать, что все это имело место в идиллическом Эдемском саду или перевозданных диких джунглях и саваннах. Еще в конце эпохи третьей расы, едва зародилось сознание, люди при помощи своих божественных инопланетных создателей начали строить города. Этот процесс не был случайным. Это не было капризом инопланетных поводырей. Дело было в глобальном изменении климата. До этого периода на Земле продолжалась вечная весна. Но теперь произошли изменения, появились времена года, и человечество впервые столкнулось с проблемой холода. Понадобились одежда и жилища. Древние рукописи говорят: «Божественные короли спустились с небес и научили людей наукам и искусствам, потому что человек больше не мог жить как раньше на земле предков, покрывшейся белым льдом...»

Именно на этой «земле предков», обледеневшей много миллионов лет назад колыбели человечества, возникло первое царство — Туле. Окультисты утверждают, что, по крайней мере, часть этого гигантского континента пережила

все геологические катастрофы, произошедшие в бурной истории Земли, и переживет любые катаклизмы до скончания века. «Полярная звезда глядит своим всевидящим оком на эту землю», — говорит другой древний источник, давая понять, что Туле располагался в Арктике.

Похоже на то, что Туле включал в себя Гиперборею, родину второй расы, сместившуюся позднее на юго-восток и известную ныне как Северная Азия. Превращение цветущей зеленой земли в ледяной панцирь не было ни безболезненным, ни постепенным. Оно произошло по причине глобальных перемещений океанических платформ. Последовавший подъем воды уничтожил большую часть второй расы. Представители третьей расы хотя и не мыслили в нашем нынешнем понимании, тем не менее обладали особым спиритическим чутьем, атрофировавшимся в нас давным-давно. Эта способность была сконцентрирована в легендарном «третьем глазе», источнике всех физических сил. С началом четвертой расы, представители которой уже напоминали современных людей, хотя, определенно, были, по сравнению с нами, просто великанами, это спиритическое чутье стало гаснуть. Уже в середине периода эволюции этой расы третий глаз пробуждался только под воздействием искусственных стимуляторов.

Третий глаз, располагавшийся некогда в центре лба, постепенно, со сменой поколений, погружался в глубь головы, хотя и открывался иногда в состоянии транса или во время видений. В конце концов он полностью дегенерировал, оставив свой след лишь в виде маленькой железы, лежащей в глубине мозга.

Когда их родной континент стал непригодным для жизни, наши предки переселились в Лемурию, располагавшуюся на месте нынешних Индийского океана и Австралии и включавшую в себя часть Африки, Цейлон и Суматру. Затем они облюбовали Атлантиду — самый известный из исчезнувших континентов. Огромные лемурийские города были построены из камня и вулканической лавы. Они были огромными не только по территории, но и по размерам отдельных зданий. Человек, хотя и уменьшившийся в размерах, по-прежнему был великаном и оставался таковым на протяжении всего «атлантического» периода. Пример архитектуры такого рода можно увидеть в загадочных руинах Тиауанако высоко в Андах.

Ученые привыкли четко подразделять историю человечества на периоды эволюционного развития и географического распространения. В действительности эти периоды плавно переходили один в другой. На фоне грандиозных геологических катастроф, часть которых была вызвана замедлением вращения Земли, развивались и погибали субрасы. Гигантские катаклизмы уносили порой миллионы жизней. В конце своей цивилизации вожди Лемурии были вынуждены искать убежища на острове Шамбала, тогда окруженном водой, а ныне превратившемся в загадочный оазис в бесплодной пустыне Гоби. Представители дегенеративной ветви лемурийцы владели примитивное существование лесных охотников и пещерных людей. Тем не менее именно от них произошла желто-золотая четвертая раса, жившая в Атлантиде. Сама Лемурия была вскоре разорвана вулканическими извержениями. То, что некогда было одним, невероятных размеров, континентом, раскололось на несколько огромных островов, которые с течением времени тоже исчезли с лица земли.

Исчезли, впрочем, не бесследно. Более поздние вулканические катастрофы приподняли небольшую часть Лемурии над поверхностью океана. Этот участок суши, на котором расположены гигантские статуи, хранящие в себе неразрешенные до сего дня загадки, известен как остров Пасхи.

Представители дегенеративной лемурийской ветви, хотя и в небольшом, к тому же уменьшающемся количестве, по-прежнему существуют. Это первобытные аборигены Австралии.

В древнейшие времена Атлантида тоже была частью Лемурии, но в контексте загадочной истории человечества ее следует рассматривать отдельно. Ее гигантские обитатели, прекрасные золотокожие представители четвертой расы, стали, согласно эзотерическим сказаниям, «черными от грехов своих». Но не все — немногие носители духовной мудрости по-прежнему обладали третьим глазом и смогли предсказать и спастись от наводнения, уничтожившего Атлантиду на заре пятой расы.

Пятая раса — это то человечество, которое мы знаем. Она начала распространяться по молодому Европейскому континенту задолго до того, как Атлантида погрузилась под воду 850 тысяч лет назад, оставив после себя только остров, описанный Платоном.

Таково учение, на котором были вскормлены лидеры третьего рейха. В него были добавлены странные представления Ганса Горбигтера, считавшего, что у Земли до Луны были еще три спутника. Каждый из этих спутников в конце концов пал на Землю, вызывая невероятные разрушения.

Горбигтер считал, что расцвет и угасание рас, появление гигантов и развитие цивилизации были связаны с циклами лунной активности. Четвертая, нынешняя, Луна была захвачена Землей около двенадцати тысяч лет назад и тоже должна упасть когда-нибудь в будущем...

Идеи подобного рода, охватывающие невероятные глубины пространства и времени, могут оказывать очень сильное воздействие, особенно на людей с определенным типом мозга. Эти идеи также достаточно обширны для того, чтобы включить в себя любые теории, построенные на ложных фактах и предрассудках. Эзотерические учения говорят о том, что мудрая и могущественная элита ранних рас переселилась под землю, чтобы спастись от катастроф и наводнений. Может быть, в представлении нацистов эти мудрецы и чародеи ассоциировались с подземной свержасой, плодом фантазии Бульвера Литтона? Если так, то ими могла быть всерьез воспринята фантастическая идея Литтона о том, что эти высокоразвитые и могущественные существа собираются вскоре выйти из своих пещер на поверхность, чтобы взять власть в свои руки. В такой ситуации нацистам казалось естественным попытаться вступить с ними в тайный магический союз. К тому же, поскольку эзотерическая панорама предыстории представляет более чем достаточно возможностей для прослеживания любой желаемой генеалогии, нацисты могли заключить (что они, собственно, и сделали), что именно они и являются потомками правящей расы. Их магический рейх стал, таким образом, только средством, первой ступенькой на пути к бесконечно высокой цели — мировому господству, предопределенному им самой судьбой.

Поэтому мировая война стала неизбежной — ее оккультные корни уходят в исчезнувшие Атлантиду, Лемурию и Туле. Оправданием всех действий нацистов, если они вообще нуждались в самооправдании, было отмщение.

В конце концов, они ведь только помогали эволюции...

ЗЛОВЕЩИЕ СИМВОЛЫ

Берлин, 1945 год. Война уже практически закончена. Только безумная сила «железной воли» Гитлера продолжает сопротивляться наступлению союзников. Но даже это сопротивление представляет собой лишь жалкий осколок того, чем оно было раньше. Могушественная германская армия превратилась в сборище необученных подростков, подкрепленное немногими измученными и испуганными солдатами, сражающимися в предместьях Берлина, чтобы хоть как-то замедлить наступление. От тысячелетнего германского рейха остались лишь дымящиеся руины. Русские солдаты наступают по развалинам, занимая дом за домом, улицу за улицей, чтобы соединиться со своими американскими и британскими союзниками. Еще до того, как они заняли восточный сектор Берлина, русские наткнулись на нечто очень странное: огромное количество трупов тибетцев. Этот факт упомянут Морисом Бесси, а также Повелем и Бержье, которые утверждают, что трупов было около тысячи. Они были одеты в немецкую форму, но без знаков различия, указывающих на военное звание.

Повель и Бержье пишут о том, что в 1926 году в Берлине и Мюнхене были основаны небольшие тибетские землячества. Один из тибетских монахов испытывал пристальный интерес к растущему нацистскому движению и получил некоторую известность своими точными предсказаниями количества мест, полученных членами национал-социалистической партии на выборах в Рейхстаг.

Китайские войска заняли Тибет в 1950 году. Сегодня он входит в состав Китайской Народной Республики. Но в течение многих столетий до 1950 года Тибет был загадочной мистической страной, магическим центром планеты. До того как в его столицу Лхасу прибыл экспедиционный корпус Янгхензбенда, она была запретным городом, о котором за пределами страны знали только по слухам. Даже после того, как Янгхензбенд подписал британско-тибетский договор о торговле и вывел войска, в горной стране побывали лишь немногие путешественники. Количество тибетцев, переселившихся в Европу, также было очень небольшим.

Религия Тибета — буддизм, но, как и японский дзэн-буддизм, тибетский сильно отличается от оригинального индийского. Многие исследователи, чтобы подчеркнуть отличие тибетского буддизма от его истоков, предпочитают употреблять термин «ламаизм». Религиозная жизнь страны была сосредоточена во множестве монастырей, большинство которых было построено в практически недоступных горных районах. Отношение народа к религии было таково, что каждый третий становился монахом. Государственное устройство являло собой религиозную монархию, вероятно, единственную в мире, где верховный титул наследовался по реинкарнации. Главой страны был далай-лама — божественное воплощение Ченрезе, бога-покровителя Тибета. Далай-лама являлся как светским, так и духовным лидером Тибета. Вся политическая и религиозная власть была сосредоточена в руках этого человека.

Когда один далай-лама умирал, немедленно начинался магический ритуал поиска его последователя, точнее, нового тела, в котором он предпочел заново родиться. Когда предназначения указывали на возможного кандидата, ребенок подвергался испытаниям. Ему могли, к примеру, предложить выбрать четки из нескольких похожих: одни из них принадлежали предьдущему далай-ламе, а другие, обычно более привлекательные, не имели к нему никакого отношения. Если мальчик безошибочно выбирал вещи, принадлежавшие старому правителю, его признавали истинным воплощением и забирали в Лхасу для монастырского воспитания.

Наряду с государственной религией, ламаизмом, преимущественно в сельской местности процветала исконная тибетская религия — бон. Последователи этой религии придерживались духовного учения, полного темных ритуалов и заклинаний. В то время как божественные ламы рассматривались как воплощения духовной мудрости, служители культа бон среди простых людей имели репутацию волшебников.

За всем этим божественным фасадом и существовал истинный тибетский оккультизм — темное течение, включавшее техники психофизических тренировок тибетской йоги и тщательно оберегаемые от посторонних доктрины эзотерических традиций страны.

Такова была малоизвестная остальному миру страна, прославившая небольшой отряд на смерть за идеалы германского нацизма. Но чем еще, кроме уже упомянутых берлинского и мюнхенского землячества, мог быть связан Тибет с Германией? Экономические отношения между ними отсутствовали. В отличие от Великобритании Германия не проводила в Азии империалистическую политику. У них вообще не было ни общего языка, ни сходной религии, ни точек соприкосновения в политике. Эта связь кажется исключительно магической. Тибет попросту очень привлекал нацистских лидеров своей таинственной атмосферой и, вне сомнения, интриговал теми немногими учениями, которые все-таки проникли в западный мир. Члены Группы «Туле», «Ложы Сияния» и многих других эзотерических организаций, принимавших участие в создании третьего рейха, верили в эзотерическую историю человечества. А подлинная история человечества была запечатлена только в архивах тибетских монастырей.

Еще в конце девятнадцатого столетия интригующие факты о секретных тибетских учениях были представлены западу замечательной русской женщиной — Еленой Петровной Блаватской, заявлявшей о том, что она была посвящена непосредственно божественными ламами. Блаватская утверждала, что резиденция ее «божественных учителей» находилась в труднодоступных Гималаях.

Нет ничего удивительного в том, что нетерпеливые «сверхлюди» хотели узнать об этом больше. Повель и Бержье говорят, что как только у нацистского движения появилось достаточно средств, экспедиции в Тибет следовали «непрерывно, одна за другой, вплоть до 1943 года».

Одно из наиболее очевидных свидетельств интереса нацистов к Тибету — принятие древнейшего и наиболее мистического из оккультных символов — свастики.

Свастика — один из самых древних и, наряду с крестом и кругом, самых распространенных символов человечества. Ее изображение найдено на образцах греческой керамики, датированных восьмым столетием до нашей эры. Ее использовали в Египте, Индии и Китае. Орнамент со свастикой присутствует в украшениях североамериканских индейцев навахо. Известна

она и в исламском мире. В не такие уж далекие времена ее можно было увидеть на флагах некоторых балтийских государств. Первые христианские миссионеры, увидевшие свастику на голове изваяния индийского бога Вишну, назвали ее «дьявольским знаком». В действительности первоначальный смысл свастики был совершенно противоположным — она символизировала солнце, а значит, и жизнь. Буддисты считают свастику «сосредоточием счастливых символов, обладающих десятью тысячами добродетелей», одним из «шестидесяти пяти мистических фигур, символизирующих след божественного Будды». На санскрите слово «свастика» означает счастье и благосостояние.

Уильям Ширер утверждает, что решение о принятии этого древнего символа было принято лично Гитлером: «Летом 1920 года Гитлера — неудавшегося художника, превратившегося в отличного пропагандиста — постигло воистину гениальное озарение. Он понял, что его движению не хватает символа — флага, эмблемы, которые выражали бы цели новой организации и послужили бы приманкой для масс, которые, как полагал Гитлер, должны подниматься на борьбу под эффектным знаменем».

Далее он пишет о том, как после «долгих размышлений» и многих неудачных набросков Гитлер в конце концов создал флаг нацизма, который вскоре стал известен во всей Германии. На красном фоне был изображен белый диск. В центре диска была нарисована свастика.

Гитлер так говорит о своем флаге в «Моей борьбе»: «Это — истинный символ! Красный цвет символизирует социальную идею движения, белый — его национальную идею, а свастика — миссию победоносной борьбы арийской расы». Другими словами, свастика является мистическим звеном между эзотерической предысторией Туле и нацистским движением. Ширер добавляет к этому: «О том, почему именно свастика стала символом партии, Гитлер не говорил никогда...»

На самом деле эта идея исходила от дантиста по имени Фридрих Крон, который, что неудивительно, был членом тайного ордена германцев.

Именно Крон нарисовал символ в таком виде, в каком он в дальнейшем использовался нацистами — с одним существенным отличием от традиционной свастики. Именно это отличие, а также реакция на него Гитлера дают нам понять, что

третий рейх был не просто магическим, но и умышленно чернокнижным, сатанинским государством.

Эта идея не нова. Она появилась еще в 1941 году, возможно, даже раньше. Однако термин «сатанинский», как и слова «демонический» и «гипнотический» в описаниях Гитлера, применялся чисто символически. В то время как тщательные исследования приводят к заключению о том, что Гитлер и вся верхушка нацистской партии воспринимали эти эпитеты совершенно серьезно. Они действительно верили в то, что применяют методы черной, сатанинской магии.

Как уже упоминалось, оккультисты считают магическую энергию нейтральной по своей сути. По словам Мадлен Монтальбан, она — как вода, которая может и омывать и разрушать. Магия некоторым образом напоминает электричество, которое представляет опасность для человека, не знакомого с «магическими» методами изоляции, позволяющими контролировать его использование. Существуют, однако, и другие силы, о которых не так много говорится. Они, по выражению самих оккультистов, представляют собой «само Зло». Кабалисты изображают их в виде перевернутого Древа Жизни — Сефирота и связывают с Князем Хаоса — Клиппотом. Так же как нейтральные и добрые силы могут быть применены посредством умелой манипуляции определенных символов, силы Хаоса можно пробудить, возродив «обратные символы».

Наиболее широко известный пример такого подхода — «черная месса». Сатанисты воспринимают католическую мессу как наиболее важную церемонию белой магии. Они верят, порой даже с большей убежденностью, чем сами католики, что жертва привлекает могущественные потоки божественной энергии. Простая логика говорит о том, что если кто-то желает воспользоваться сатанинской энергией — прямой противоположностью божественной — месса должна быть проведена наоборот.

Это обращение производится в подчеркнuto богохульной манере: для достижения необходимого для мессы «духовного» состояния ее участникам рекомендуется обжорство вместо поста, похоть вместо целомудрия. Церковная церемония превращается в оргию. Вместо алтаря — тело обнаженной женщины, чаще всего — блудницы. Распятие перевернуто и разломано.

Черная репа, которая «освящается» во влагалище проститутки, замещает собой хлеб. А моча — вино для причащения. И так далее.

Гитлер родился в католической семье и был крещен в католической церкви. Этот факт обретает некоторую символичность, если добавить, что церемониал собраний «Гитлерюгенда» до неприличия напоминает католическую мессу.

Как это ни интересно, мы заняты в настоящее время немного другим, более эзотерическим обращением. Как символ солнца, свастика изображает и его движение, можно сказать, что она «вращается» по часовой стрелке. Буддисты считают, что в таком виде она приносит счастье и притягивает «силы света». Как оккультист доктор Крон отлично знал об этой вере, и в первоначальном варианте свастика «вращалась» по часовой стрелке, «вместе с солнцем». Но для Гитлера «силы света» не представляли никакого интереса. Он приказал переделать свастику так, чтобы она «покатилась» против солнца. В таком виде она и появилась на флаге Германии и эмблеме нацистской партии, указывая каждому зрячему на сатанинскую природу оккультного рейха.

8 сентября Гитлер улетел на Украину с намерением пробыть там насколько возможно долго, чтобы сдерживать отступающий фронт. Но силы предвидения не давали ему покоя. Он не мог понять причины, по которой, по словам Геббельса, его охватило «явное беспокойство». Он разволновался настолько, что в тот же день вернулся в свою ставку в Пруссии. Там он узнал, что Италия подписала мир с союзниками.

Планы, принятые в отношении Италии, были немедленно применены, и, главным образом благодаря неудачным действиям союзников, вскоре германские войска захватили две трети ее территории, включая Рим. Гитлер, привыкший достаточно цинично обходиться со своими союзниками, по непонятной до конца причине, на этот раз остался верен своим обещаниям и бросился на спасение Муссолини. Но найти его оказалось не так-то просто. После того как поиски, проведенные военными разведчиками, закончились неудачей, нацисты прибегли к эзотерическому методу.

В 1942 году, в рамках магической программы оккультного рейха, в Берлине был основан Институт маятников. Исполни-

зование маятников изучает псевдонаучная ветвь оккультной науки, именуемая радионикой, или радиэстетикой. Она, в свою очередь, возникла из древней практики поиска подземных источников воды, применяемой народными колдунами. По преданию, человек, обладающий магическими способностями, может найти подземные реки и колодцы при помощи обычной ореховой веточки в виде рогатки. Колдун берет веточку за два прутика и ходит с ней по исследуемой территории. В месте, где находится источник, веточка начинает дрожать в руках, иногда настолько сильно, что может сломаться. Так можно отыскать не только воду. Некоторые колдуны способны таким образом обнаружить месторождения металлов и даже нефти. Этот необычный метод применялся американскими войсками во Вьетнаме при поиске вьетконговских мин, многие из которых не содержали металла и, следовательно, не могли быть обнаружены более научными методами.

В качестве объяснения этого явления предлагались многочисленные несостоятельные теории о вибрациях и неизвестных лучах. Ученые, признающие психологический фактор, предложили более удачное объяснение: колдун сам управляет своим инструментом, неосознанно передавая ему свои физические ощущения. Это выглядит довольно логичным, если вспомнить, что геологи нередко делают блестящие предсказания подземных месторождений, руководствуясь одними лишь поверхностными данными. Все эти теории, однако, лопнули, как мыльный пузырь, когда выяснилось, что хорошему колдуну незачем даже видеть местность, в которой он ищет что-либо: он может отыскать воду, металлы или что бы то ни было при помощи магического инструмента (обычно маятника) и карты.

Оккультистам, правившим Германией, было известно об этом методе. Они, однако, ошибочно полагали, что их противники не только знают о нем, но и применяют его в военных целях. Когда в 1942 году Англия стала раз за разом успешнее топить немецкие подводные лодки, капитан Ганс Редер высказал предположение, что британское Адмиралтейство пригласило для поиска субмарин специалиста по маятникам. Такое объяснение было принято, и Редеру было поручено возглавить Институт маятников, где ясновидящие и физики, в обстановке строжайшей секретности, пытались вычислить на карте Атлантики местонахождение бри-

танских конвоев. К помощи именно этого института нацисты прибегли в 1943 году, когда начались поиски старого друга фюрера — бывшего дуче, Муссолини. Эксперты тут же принялись за работу и, по словам генерала Шелленберга, предсказали, что Муссолини находится на острове Маддалена неподалеку от северной оконечности Сардинии. Муссолини находился именно там, но вскоре перебрался на материк, где попал в руки СС.

Гораздо легче согласиться с мыслью о том, что некоторые люди, даже политики, могут запутаться настолько, чтобы в наш просвещенный век начать практиковать магию, чем допустить, что магия была просто-напросто составной частью националистического сатанизма. С точки зрения христианства, видящего Сатану в любом противнике, нет никакого сомнения в том, что Гитлер был сатанистом. Такое заключение, впрочем, ничего не говорит о том, существует ли сатана в действительности. С другой стороны, Гитлер не обязательно должен был верить в существование дьявола. Мы уже пришли к выводу, что некоторые его действия были результатом магических тренировок. Можно заключить, что в этих действиях виден и сатанинский характер его тренировок. Если к тому же резонно предполагать, что только черный маг возьмет на себя труд преследовать белых оккультистов, почему бы не принять на веру то, что только сатанист может посвятить столько времени и отдать столько энергии борьбе с христианской церковью.

Вопрос о том, осознавал ли сам Гитлер свой сатанизм, вряд ли удастся разрешить. Однако, если вспомнить, как досконально он изучал эзотерические мистерии и то, что движение, которое он возглавлял, было, как мы увидим, глубоко религиозно по своему характеру, такое подозрение нельзя отвергать. Папа Пий XII высказал это подозрение в 1945 году, описав национал-социализм как движение, «высокомерно отвернувшееся от Иисуса Христа, Его учения и Его миссии искупления грехов человеческих». Гитлер не жаловал священников, хотя его, как и всякого католика, должно быть, учили, что Папа — наместник Иисуса Христа на земле и верховное воплощение божественных светлых сил. В 1933 году Гитлер лицемерно выражал надежду на улучшение дружественных отношений со Святым престолом. Через десять лет, на встрече с Муссолини,

он проявил себя в более истинном свете: «Я пойду прямо в Ватикан. Вы думаете, я боюсь Ватикана? Этого сброда?..»

С момента своего прихода к власти он повел ожесточенную борьбу с христианством. В том же году была распущена Лига молодых католиков. Было запрещено издание **любой** католической литературы. Еще через год был убит глава германского отделения организации «Католическое действие». В последующие годы были арестованы и заточены в тюрьмы тысячи священников, монахов и духовных лидеров католической церкви. Папа Пий XI заговорил о «тайной и открытой фундаменталистской враждебности по отношению к Христу и Его Церкви». Протестанты оценивали деятельность Гитлера ненамного лучше. Один священник отозвался о периоде третьего рейха, как о «годах тьмы» — это описание, возможно, ближе к истине, чем он сам догадывался. После того как с католиками было покончено, гестапо стало уделять повышенное внимание к протестантским пасторам. Более семисот из них были арестованы только в одном 1937 году. Хотя протестанты составляли две трети населения Германии, Гитлер не придавал им большого значения: «Они — мелкие, ничемные людишки, покорные, как собаки, они начинают потеть от страха, когда с ними разговаривают».

В качестве иллюстрации отношения нацистов к религии показательны высказывание секретаря Гитлера — Мартина Бормана, относящееся к 1941 году: «Национал-социализм и христианство непримиримы». Сталкиваясь с такими фактами, историки говорят о «новом язычестве» или возможном возрождении старых германских верований. Гораздо честнее было бы назвать происходившее в Германии возникновением «сатанизма двадцатого века».

В религиозной природе нацистского движения не может быть никаких сомнений. Партийный философ Альфред Розенберг не раз писал в своих статьях о национал-социалистической церкви. В этих статьях можно найти призывы к запрету Библии в Германии и рекомендации «безжалостно истребить чужую и враждебную» христианскую церковь. На алтарях церквей нового рейха не должно оставаться ничего, кроме новой «священной книги» — «Майн Кампф». Слева от алтаря должен лежать меч. Последний абзац статьи «Церковь националистического рейха» гласит: «В день 55 (церкви) основания

христианский крест должен быть убран из всех церквей, соборов и часовен и заменен единственным непобедимым символом — свастикой».

Свастика, вращающаяся против солнца, символ сил Тьмы.

12

ТАИНСТВЕННЫЙ ЛАМА И СИБИРСКИЙ ВОЛХВ

Оккультный рейх странным образом тяготеет к Тибету. Это тяготение не ограничивается адаптацией свастики и всеобщим восхищением горной страной загадок и магии. Источник одной из основных идей третьего рейха лежит в оккультной истории Тибета. Сегодня подтвердились многочисленные контакты нацистских руководителей с тибетскими ламами (бонского вероисповедания). Но вместе с тем существует не меньшее количество мифов вокруг этих контактов. Одним из таких мифов является версия о влиянии на Карла Хаусхофера одного из русских государственных деятелей, буддийского ламы Агвана Доржиева. Кто же такой был Агван Доржиев?

Около 1880 года в тибетскую столицу Лхасу прибыл молодой лама. В то время он еще ничем не отличался от сотен других монахов-послушников, за исключением, пожалуй, того, что не был тибетцем. Он родился в сибирских степях к востоку от Байкала. Он был бурятом и выглядел, как азиат, но в то же время он был российским подданным. В те дни в Тибете он был известен как Чойванг («владыка дхармы») Лобсанг. Позднее, когда к нему пришла слава, в Лхасе его называли Кхенде-чога, а еще позже — Цаннит Кхэн-по (бурят. — Хамбо). Два последних имени были даже скорее его титулами. В России его звали Хамбо («учитель, наставник») Агван Доржиев. Под именем Доржиев — русской транскрипции тибетского слова, означающего «раскат грома» — он и стал на рубеже веков широко известен в политических кругах.

Вскоре после своего прибытия в Тибет молодой монах поступил в монастырь Дрепунг — один из трех наиболее зна-

чительных центров религиозной деятельности, известный также как кухня политической интриги. Доржиев, похоже, довольно долго не интересовался политикой. Главный его талант относился к совершенно иной сфере — после многих лет обучения он стал профессором метафизики. Он мог бы умереть в неизвестности, что не так уж редко случалось с тибетскими профессорами. Судьба, однако, складывается порой удивительно.

В 1898 году он был послан своими наставниками обратно в Россию. Его основной задачей был сбор пожертвований в буддистских губерниях, которые благоговели перед Лхасой, как мусульмане перед Меккой. Он путешествовал по Бурятии и в конце концов привлек к себе внимание русских властей. Царские министры были заинтересованы метафизикой не больше, чем их последователи коммунисты. Но у них было хорошее политическое чутье. Сильное влияние России на Лхасу способствовало бы большей консолидации империи. Царь считал, что должен достигнуть этой цели во что бы то ни стало. В то время Тибет не входил в чью бы то ни было сферу влияния, за исключением разве что китайской. Но Китай был слабой страной и в расчет не принимался. На протяжении столетий тибетские правители придерживались политики строгой изоляции. Но в любой изоляции можно найти брешь. Именно такую брешь видели в Доржиеве русские министры.

Он не был слепым орудием. По возвращении в Лхасу с многочисленными дарами от русского императорского двора он был полон решимости подчинить Лхасу политическим интересам царя. Его аргументы произвели огромное впечатление на тогдашнего далай-ламу. Они были достаточно убедительными. Традиционный союзник Тибета — Китай больше не обладал значительной военной мощью и практически полностью находился под контролем англичан, нации еретиков, лишенной какого бы то ни было уважения к буддийской религии. Россия, с другой стороны, представляла собой реальную военную силу, более того, Доржиев говорил о возможности обращения в буддизм самого императора Николая.

Доржиев видел свою задачу не столько во включении Тибета в русскую сферу влияния, сколько в распространении тибетской религиозной мысли в русской среде.

Эта заманчивая перспектива, без всякого сомнения, привлекала далай-ламу. Однако, несмотря на свои огромные возможности, далай-лама не обладал абсолютной властью. Для принятия подобного рода решений ему необходимо было согласие кабинета — Цзон-ду. На его стороне был премьер-министр, ненавидевший англичан за то, что незадолго до того в Индии британский солдат столкнул его в фонтан. Тем не менее убедить кабинет немедленно оказалось невозможным.

Еще в 1893 году Великобритания заключила с Китаем соглашение, по которому была проведена спорная границы с Тибетом и разрешалась ограниченная торговля в его южных провинциях. Но Китай, всегда рассматриваемый как сюзерен Тибета, не мог обеспечить четкого выполнения этого соглашения. Началась гималайская комедия. Британские и китайские уполномоченные прибыли на новую границу для установления демаркационных знаков. Тибетцы спокойно отнеслись к этой операции. Когда работы были закончены, тибетцы снесли новые столбы и восстановили старую границу. Затем Великобритания заговорила о своих правах на торговлю. Лхаса приняла уклончивую восточную позу. Тибет-де не знает ни о каких уступках в торговле.

Но все это не было смешным для вице-короля Индии — лорда Керзона. В большей степени благодаря самой личности Доржиева о его политической активности стало известно далеко за пределами Тибета. Он совершил еще две поездки в Петербург. В конце 1901 года он привез в Тибет предварительный текст договора между двумя странами. После того как кабинет в очередной раз ответил отказом, далай-лама решил спровоцировать кризис с Британской Индией, что, по его замыслу, должно было привлечь на сторону Тибета русскую армию.

Мало-помалу в Тибет стало просачиваться русское вооружение, в основном — ружья. Тибетцы вторглись на территорию Британской империи в районе горного протектората Сикким. Тибетские таможенные посты были передвинуты в глубь Сиккима на 15 километров. Было приказано не пропускать через них британских подданных. Доржиев утверждал, зная о том, что это дойдет до ушей Керзона, что к весне 1904 года в Лхасе будет стоять полк казаков. Доржиев и далай-лама достигли своей цели — британцы не смогли не отреагировать. На базе Гнатонг в Сиккиме началась концентрация военных сил. 12 декабря

1903 года они двинулись на Тибет через перевал Джелоп. К разочарованию двух заговорщиков, Россия не вмешалась.

Британская военная операция под командованием Фрэнсиса Янгхензбенда прошла настолько успешно, что далай-лама был вынужден бежать из страны в 1904 году. Вместе с ним уехал в Монголию и Доржиев. Со стороны казалось, что он навсегда перестал играть сколь бы то ни было значительную роль в международной политике. Но это впечатление было обманчивым. Доржиев не раз возвращался в Тибет после того, как британские войска были выведены. Также по поручению российского правительства он инкогнито побывал в Англии, где с успехом противодействовал английской политике присутствия Англии на Востоке. Кончилось это тем, что англичане объявили за его поимку солидное денежное вознаграждение, гоняясь за ним по всему миру: от Англии до Индии.

Какое-то время Доржиев жил и в Париже, из-за чего его иногда путают с Г.И. Гурджиевым, знаменитым оккультистом XX века. Что же касается якобы его контактов с обществом «Туле», то это скорее всего не более чем миф, поскольку Доржиев по праву считался одним из самых преданных России людей азиатского происхождения. Кстати говоря, на сегодняшний день официально признано, что из известных азиатов с нацистами активно сотрудничал только некий индиец, которому даже был поставлен памятник на окраине Дели, где он изображен с поднятой в фашистском приветствии.

Прямые указания на сотрудничество бонских лам с обществом «Туле» могут содержаться в архивах «Аненэробэ», вывезенных в 1945 году из Берлина советскими войсками, общий объем которых составил целый эшелон. (В последние годы ведутся переговоры о возврате этих архивов в Германию, ведь в них хранятся бесценные материалы.)

Группа «Туле», безусловно ориентировавшаяся на оккультные группы в Тибете, изучала в том числе и древние «Станцы Дзиан» — закладной камень «Тайной доктрины» Блаватской — а также основы оккультного космогенезиса, изложенные в этой книге, что не помещало нацистам прендавать книги Блаватской публичным аутодафе.

Гитлер и Гиммлер стали членами группы в год ее основания. Их посвящал доктор Теодор Морелль, будущий личный врач Гит-

лера, немало сделавший для подрыва здоровья фюрера своими шарлатанскими лекарствами. Позднее к ним примкнули Геринг и философ Розенберг. Луи Повель утверждает, что, по имеющимся у него данным, практические аспекты работы группы включали гадание с использованием особой тибетской эзотерической колоды карт. Вероятно, Гитлер, как и все предсказатели, обладал для этого неплюхими способностями и мог пользоваться этим методом в целях предсказания будущего для принятия своих политических решений. Эта игра, по словам Повеля, практиковалась также для поддержания мистической связи с таинственным «учителем» группы, известным как Король Страха.

Тем не менее группа нередко прибегала и к более светскому способу связи — радиопередатчику, что указывает на то, что таинственный учитель, которого ошибочно или преднамеренно (?) связывают с Доржиевым, реально существовал где-то на планете.

Существует еще один миф, приписываемый Доржиеву, которого иные недобросовестные исследователи отождествляют с именем Георгия Ивановича Гурджиева — выдающегося оккультиста XX века.

Космология Гурджиева с ее концентрическими кольцами и душами, засасываемыми луной, настолько символична, что труднодоступна пониманию. Однако его труды по психологии представляют немалый интерес.

В основе его учения лежит предположение о том, что большинство людей проводит всю жизнь в состоянии, аналогичном сну. Хотя мы считаем себя бодрствующими и способными контролировать свои поступки, на самом деле все происходит как раз наоборот. Мы властны над своею жизнью не больше, чем механизмы. На ее течение влияет множество причин. Нас может угнетать погода, волновать политическая ситуация. Кто бы мы ни были, где бы мы ни были — мы никогда не вольны, поскольку свобода, в конце концов, — это свобода быть самим собой, а большинство из нас не знает даже кто они такие, не говоря уже о том, какими им быть. С точки зрения Гурджиева, слова «эволюция» и «прогресс», применяемые по отношению к жизни обычного человека, не несут никакого смысла. Реальный прогресс невозможен, пока человек находится в «сонном» состоянии.

Студенты, посещавшие лекции Гурджиева по психологии, имели возможность участвовать не только в теоретических, но и в практических занятиях, где с целью «пробуждения» выполнялись различные физические и психоспиритические упражнения. Гурджиев считал, что человек «спит» всю жизнь только потому, что не знает, кто он такой. Иначе говоря, человек не воспринимает себя в качестве активного участника жизни. Его внимание всегда, по привычке, приковано к тому, что его окружает, поэтому все его реакции — стандартный ответ на внешние стимуляторы. Чтобы пробудиться, человеку необходимо «вспомнить», кто он есть. Он должен развить в себе привычку «самоосознавания» настолько, чтобы оно стало его постоянным, «автоматическим» состоянием.

Гурджиев, который помимо эзотерической тибетской мудрости постиг также таинства суфизма, любил демонстрировать достижения своих учеников на публичных «балетных» представлениях. Вот как очевидец описал один из таких балетов, состоявшийся в 1924 году в Нью-Йорке:

«Это производило фантастическое впечатление. Каждый танцевал по-своему. Оркестр играл странную музыку, в которой преобладал барабанный ритм... Гурджиев дирижировал танцорами, давая сигнал к началу движения, а потом внезапно его останавливая. Танцоры замирали, как статуи. Казалось, они находятся под гипнозом... Нам было сказано, что такой танец может привести к высокой степени концентрации и, по этой причине, практиковался восточными мистиками... Этот танец помогает понять назначение всех функций организма, в то время как в обычной жизни человек имеет понятие не более, чем о четверти из них. К примеру, по утверждению Гурджиева, человек, постигший эту науку, может регулировать кровообращение и работу желез так же легко, как махать рукой или болтать ногой».

В системе Гурджиева присутствовал, однако, и менее привлекательный аспект. Луи Повель, практиковавший его упражнения, остановился на грани смерти. Он практически ослеп на один глаз и стал настолько слаб, что нуждался в госпитальном лечении. В своем труде «Гурджиев» он описывает двух американских девушек, доведших себя до подобного состояния: «Они были крайне истощены. Одна из них говорила о том, что

чувствует, как вибрируют, сжимаясь вокруг горла и сердца, ее вены. Кровь, казалось, еле бежала в этих телах. Их лица были серыми, а глаза казались загипнотизированными. Они держались на последнем дыхании, готовые погрузиться в пучину смерти. Смерть в действительности уже склонилась над ними, очарованными ею».

Несмотря на трудности и опасности, техника Гурджиева привлекла к себе внимание ведущих умов Европы. Ее практиковали Кэтрин Мэнсфилд и русский философ П.Д. Успенский, оперная певица Жоржетт Леблан и психолог Морис Николь, а также первый издатель «Улисса» Джойса — Маргарет Андерсон. Ею увлекался и Лоуренс Аравийский, хотя ему так и не удалось убедить себя начать упражнения — он опасался, что строгая дисциплина навредит его творческой свободе.

Был ли сам Гурджиев так же интересен, как и его учение? Некоторые факты говорят о том, что он обладал экстраординарными способностями. Говорили, к примеру, о том, что он мог появиться перед своими последователями в России в то время, как его тело оставалось в другом месте. Такое явление в оккультизме известно как эфирная или астральная проекция. Многие из его учеников были убеждены в том, что ему достаточно было только взглянуть на них, чтобы узнать их самые сокровенные тайны. Вот несколько любопытных фактов по поводу последнего утверждения. Успенский, свидетелю которого можно верить, рассказывал о том, что имел несколько сеансов телепатической связи с «сибирским волхвом», во время которых он слышал голос учителя в своем сознании. Ландау так описывает свой первый разговор с Гурджиевым: «Я начал чувствовать какую-то слабость в нижней части тела, главным образом — в ногах. Ощущение усиливалось с каждой секундой. Секунд через двадцать-тридцать оно стало настолько сильным, что мне стало казаться, что я не смогу встать с места и выйти из комнаты». Далее Ландау говорит о том, что он мало подвержен гипнозу и не считает себя достаточно внушаемым. Возможным объяснением того, что с ним произошло, считает он, была попытка Гурджиева проверить его способности к ясновидению. Такое действие со стороны Гурджиева могло вызвать описанные ощущения.

Гурджиев обладал и другими поразительными способностями. Одна из них — его потрясающая живость. Многие из тех, кто знал его, удивлялись его удивительному запасу энергии. В начале 1930-х годов он купил себе автомобиль и разъезжал на огромной скорости до тех пор, пока не случилось неизбежное в таких случаях — серьезная авария. У него были раны на лице и руках, поломаны несколько ребер, кровоподтеки по всему телу. Врачи подозревали наличие серьезных внутренних травм. Однако, придя в себя, он отказался не только от рентгеновского обследования, но и от медицинского лечения вообще. Он покинул госпиталь и сам занялся своим лечением, причем настолько успешно, что ученики сошлись во мнении о том, что он выглядит моложе, чем до аварии. Шок, казалось, только укрепил его здоровье.

Когда произошла авария, он был уже далеко не молод. Впрочем, его возраст трудно определить. Повель заявляет, что в 1949 году, когда он умер, ему было восемьдесят три. Из описания его разговора с Ландау следует, что в 1933 году ему было «по крайней мере семьдесят» (Ландау, однако, отмечает, что выглядел он не старше пятидесяти) — следовательно, он умер в возрасте около восьмидесяти шести лет. На самом деле ни одна из этих оценок не верна. Когда в 1898 году он был направлен собирать пожертвования среди бурят, ему уже было пятьдесят два. Ко дню смерти ему в действительности уже исполнилось 103 года.

Одним из столпов нацистской философии была концепция «сверхчеловека». Эта цель не была гипотетической. Как не является, вопреки мнению большинства ученых, развитие сверхчеловека вопросом одной лишь селекции.

Гитлер как-то сказал Герману Раушнингу, лидеру данцигских нацистов, что сверхчеловек — реальность и «живет среди нас». По его словам, он встречался с ним. Возможно, он имел в виду свою встречу с Гурджиевым, оккультистом, которого многие считали близким к идеалу сверхчеловека. Из рассказов тех, кто знал его, нам известно, что наиболее типичной реакцией окружающих на Гурджиева был страх. Ландау, к примеру, описывая одного из его последователей, говорит, что «никогда не видел более испуганных глаз».

Как среагировал на сверхчеловека Гитлер? «Я испугался его», — сообщил он Раушнинггу. Очень возможно, что Королем Страх, вдохновлявшим Гитлера, был не кто иной, как сибирский волхв Гурджиев.

13

ОККУЛЬТНЫЙ РЕЙХ

Какова была жизнь в оккультном рейхе? Нам уже известна оценка Ширера — он несомненно был рад уехать оттуда: «Невозможно описать то облегчение, которое испытываешь, когда выезжаешь из Германии». Атмосфера сатанинского государства навевает, по крайней мере на тех, кто не подчинился сатанинскому порядку, упадок сил, напряжение и депрессию.

Как раз таким сатанинским государством и была в те годы Германия. В этом больше не остается никаких сомнений. К этому выводу приводит черная униформа вездесущих СС, некрофильским символом которых был человеческий череп, а также речи и поступки представителей нацистской верхушки.

Первыми из тех, кто пострадал от прихода нацистов к власти, были, вопреки всеобщему убеждению, не евреи, а оккультисты, особенно астрологи. Историк Эллис Хоу, с которым соглашаются многие другие специалисты, считает, что «вопреки многочисленным слухам, Гитлер не нуждался в оккультистах и, тем более, в астрологах». Мы знаем, что он много общался с оккультистами и занимался оккультными упражнениями. С другой стороны, бесспорно то, что он вел борьбу с ними.

Началось это в 1934 году, когда шеф берлинской полиции объявил о запрете всех форм предсказания судьбы. Сразу за этим по всей Германии прошла конфискация оккультной литературы. Приказ пришел свыше. Эта акция не была, как часто случается, результатом полицейского самоуправства, у полиции даже не было точных сведений о том, какого рода литературу надо искать. В результате некоторые особенно редкие и древние тома избежали неприятной процедуры. Затем было запрещено немецкое отделение Теософского общества Блаватской. И, наконец, самое удивительное, после захвата Австрии была запрещена публикация книг Адольфа Ланца — гуру Гитлера и основа-

теля ордена, который, по его словам, положил начало нацистскому движению. Сам орден «Поклонников Нового Храма» ушел в подполье и вскоре прекратил свое существование. Подобная участь ждала франкмасонов и даже орден германцев, член которого создал символ нацистского государства.

Если Гитлер сам был оккультистом, почему он начал борьбу с другими оккультистами? Простой ответ состоит в том, что это произошло как раз потому, что он был оккультистом. Стоит лишь немного задуматься, и все станет на свои места. Обычный политик видит в оккультистах простых ненормальных, не представляющих никакой угрозы государству и слишком погруженных в свои чудаковатые идеи, чтобы интересоваться чем-то еще или воздействовать на других. Всякое предположение о том, что учения этих ненормальных могут представлять реальную силу, отбрасываются как полная бессмыслица. Обычному политику в действительности даже не придут в голову мысли, которые я ему приписал: оккультизм, несомненно, интересует его меньше всего — у него и без этого достаточно проблем. Именно поэтому при неоккультном режиме оккультистов никто не тревожит. Некоторые факты их притеснения можно назвать чистой случайностью. К примеру, в коммунистическом Китае власти частенько ругают эзотерические искусства, но только оттого, что считают их суеверием и опасаются за международную репутацию страны. В России оккультистам тоже порой приходилось нелегко, но это было результатом борьбы не с практикой магии как таковой, а с тайными обществами в целом. Стоит добавить, что в отличие от Германии ни в одном из этих коммунистических государств не проводилась планомерная и расчетливая политика искоренения оккультизма.

Гитлер был искренне верующим человеком. Он и многие его сподвижники были убеждены в том, что реальная власть таится в туманном оккультном мире. Придя к власти при помощи оккультных методов, Гитлер не желал появления достойного соперника. Важно выяснить два вопроса: 1) какая из ветвей оккультных наук подверглась наиболее жестоким преследованиям; 2) не была ли борьба с оккультизмом на самом деле борьбой за монополию нацистской партии на магическую практику. Исходя из верности последнего предположения, нацистская Германия применяла к тому, что считалось особо

оплаченным, те же методы, что и любое из современных государств. Америка, к примеру, хотя и поощряет частное предпринимательство, не допускает его в область ядерных вооружений. Британское правительство вряд ли разрешит частные эксперименты с нервно-паралитическими газами.

Имеет смысл рассмотреть оба вопроса подробнее.

В наше поле зрения в связи с этим попадает еще один австриец. Рудольф Штайнер родился на территории Австрии в 1861 году. Как и многие другие необычные люди, о которых шла речь, он родился в приграничном районе, который в настоящее время принадлежит Югославии.

Штайнеру суждено было стать гением. Трудно подобрать иное слово для характеристики этого экстраординарного человека. Ни в его происхождении, ни в его воспитании не было ничего, что указало бы на необычность его судьбы. Его отец был мелким железнодорожным служащим. В детстве Штайнер не получил никакого образования — возможностей для этого поблизости не было. Однако ясность его ума проявилась довольно рано. Он не хотел специализироваться в какой-то одной науке. В средней школе он рассказывал своим соученикам об искусстве, в то время как сам занимался преимущественно естественными науками. Это необычное сочетание интересов к науке и искусству отмечалось на всем протяжении его обучения в Венском университете.

Хотя биографы усердно продолжают искать ранние признаки его интереса к эзотерике, ставшего страстью его жизни, они вряд ли существуют. В возрасте двадцати девяти лет, когда он начал работать в Архиве Гете, этот несомненно необычный человек придерживался совершенно обычных взглядов. Но новая жизнь уже прорастала в нем, и к 1897 году, когда он переехал в Берлин, где стал издавать литературный журнал, Штайнер начал регулярно заниматься медитацией. В 1899 году ему предложили прочитать лекцию членам Теософского общества Блаватской. Это предложение стало переломным моментом его жизни. Он заинтересовался загадочными теософскими учениями, вступил в Теософское общество и встретился в Лондоне с его руководителями. В конце концов он стал генеральным секретарем немецкого отделения. Хотя Штайнер и порвал с теософа-

ми в 1909 году и основал свое собственное Антропософское общество (в названии которого идея мудрости связана воедино с идеей человека), из его поздних трудов видно, что он никогда не терял симпатии к теософским идеям.

Его достижения в области искусств также впечатляют. Он изучил архитектуру и лично спроектировал здание швейцарской штаб-квартиры Антропософского общества. Некоторые элементы его архитектуры позднее неоднократно копировались. Он изучал драматическое искусство и некоторое время работал режиссером, кроме того — сам писал пьесы. Он занимался скульптурой, а также создал новую форму искусства, сходную в некоторых аспектах с танцем — эвритмику. Ни одно из его увлечений нельзя назвать несерьезными. Об этом говорят результаты его художественных дерзаний.

Как бы там ни было, его научные достижения впечатляют в еще большей степени. Он создал совершенно новую систему обучения: штайнеровские школы работают по всему миру и по сей день. Его медицинские идеи по-прежнему интересуют врачей. С открытием отрицательного влияния химических удобрений на человеческий организм пристальное внимание снискали к себе и его трубы по новым формам сельского хозяйства.

Впрочем, главным занятием его жизни оставался оккультизм. Блаватская, его первый учитель, была настолько убеждена в опасности практического применения оккультных знаний, что большинство ее последователей так и осталось теоретиками. Штайнер не разделял ее мнения. В его первой книге «К познанию высших миров» было приведено описание спиритических упражнений, помогающих духовному развитию человека. Как и Блаватская, он не отрицал существования опасности практического оккультизма, но считал, что развитие высокой морали должно предшествовать обучению эзотерическим знаниям.

Удивительные факты разнообразной и насыщенной биографии Штайнера и его гениальные идеи рисуют перед нами типичный образ белого мага: оккультиста, использующего свои знания и власть скорее на пользу других, чем на свою собственную.

Он умер в 1925 году в возрасте шестидесяти четырех лет. Вскоре в Германии пришли к власти нацисты. Но еще до это-

го, несмотря на то что у них, вероятно, было немало других «дел», нацисты начали громить антропософов, срывая их собрания и доставляя им неприятности всеми возможными способами.

Кто традиционно является главным врагом белого мага? Тот, кто служит иным силам...

Мы еще вернемся к сатанинскому аспекту гитлеровского оккультизма. Сейчас же бесполезно будет рассмотреть несколько избранных иллюстраций жизни в оккультном рейхе.

Даже если бы президент Никсон сбежал в Пекин, а Фидель Кастро попросил политического убежища в Великобритании, мы были бы шокированы меньше, чем лидеры Германии 10 мая 1941 года.

В тот день Рудольф Гесс, старый соратник Гитлера и второй человек в национал-социалистической партии, вылетел в одиночку с аэродрома в Аугсбурге в направлении Шотландии. Курьер передал Гитлеру письмо от Гесса. Новость грянула для него как удар грома. Свидетели рассказывали, что он долго ходил взад и вперед по своему кабинету, время от времени ударяя себя по лбу, и бесконечно повторял, что Гесс, должно быть, просто сошел с ума. Содержание письма было воспринято как подтверждение его сумасшествия. Разобраться в нем было достаточно сложно. «Я не узнаю Гесса, — сказал Гитлер по поводу письма, — это другой человек. Должно быть, с ним случилось что-то серьезное — нервное расстройство».

С ним действительно случилось кое-что серьезное. Его учитель — профессор магии Карл Хаусхофер — рассказал ему о своем видении. В нем мюнхенский посвященный увидел Гесса скачущим по холмам Англии с целью заключения мира между двумя нордическими странами.

Гитлер вызвал Геринга и долго советовался с ним по поводу того, что можно поделаться в такой странной и неожиданной ситуации. Их решение было довольно типичным. Вильгельм Мессершмитт — глава авиастроительной компании, которая владела аугсбургским аэродромом — и многие приближенные к Гессу лица были арестованы. В число последних, впрочем, входил Эрнст Шульте-Штратхаус, оккультист и астролог. Это стало еще одним знаменем. Хотя Шульте-Штратхаус и утверждал, что ему

не было известно о планах Гесса ни из астрологических, ни из каких бы то ни было иных источников, партийные боссы приняли решение провести еще одну «чистку» оккультизма.

9 июня гестапо провело многочисленные аресты оккультистов по всей Германии. Среди арестованных оказались последователи Ланца и Штайнера, ясновидящие и даже целители. Эллик Хоу комментирует это событие: «Главной задачей гестапо было определить, кто именно из астрологов мог находиться в контакте с Гессом. Маловероятно, что искомого астролога нашли — скорее всего таковой простой не существовал».

Это неверно. Несмотря на «вещий» сон Хаусхофера и не менее чудесное прибытие в Шотландию, Гессу не удалось примирить Германию и Великобританию. Остаток войны он провел в тюрьме. На Нюрнбергском процессе он заявил, что в конце 1940 года один из его астрологов предсказал, что ему удастся принести враждующим сторонам мир.

Эта странная история — описание одного дня из жизни Германии. Подобных дней было немало.

Перелом в войне в 1943 году сказался на Италии быстрее, чем на Германии. Дуче Бенито Муссолини был испуган, болен и разочарован. Его режим рушился, и он видел это. Он находился в постоянном страхе перед вторжением союзников, которое, по его не лишённому оснований мнению, могло произойти со дня на день. 7 апреля того года Гитлер встретился с ним в Зальцбурге и попытался добавить решимости своему итальянскому союзнику. Методом магии или месмеризма — он своего добился. В своем дневнике Геббельс записал: «Когда Муссолини выходил из поезда по прибытии, он выглядел, как беспомощный старик. Когда уезжал — был очень бодр и, казалось, был готов на любые подвиги».

Но через некоторое время его оптимизм иссяк. 19 июня два диктатора встретились еще раз. Ситуация на фронтах ухудшилась еще больше, и Муссолини был на грани паники. Тринадцатая встреча с Муссолини оказалась несчастливой для Гитлера, который обнаружил, что не в состоянии больше как-либо повлиять на своего старого товарища. Муссолини находился в таком состоянии, что нередко терял нить разговора. По воз-

вращении в Рим он увидел, что наряду с военной усугубляется и политическая ситуация. Ему удалось счастливо избежать немедленного кризиса, но худшее было еще впереди.

25 июня, после того как впервые с 1939 года был созван парламент, Муссолини был вызван в королевский дворец. Король Витторио-Эммануил сказал ему резко: «В данный момент в Италии вас ненавидят сильнее, чем кого бы то ни было». Через некоторое время самого ненавистного человека Италии отвезли в тюрьму в карете скорой помощи.

Узнав последние новости из Италии, Гитлер пришел в бешенство — «Зачем нужен такой парламент? Чем они там занимаются кроме болтовни?» Весть об аресте Муссолини поразила его. Но вскоре он пришел в себя и начал обдумывать план действий в сложившейся ситуации. Он правильно рассуждал, что, поскольку при новом правительстве Бадольо Италия станет на словах придерживаться союза с Германией, при первой же возможности будет заключено сепаратное соглашение с союзниками. Гитлер не верил никому из итальянцев, кроме дуче. Он хотел вернуть Муссолини к власти. Приняв решение, он стал ожидать дальнейшего развития событий.

14

ЧЕРНЫЙ ИЕЗУИТ

1939 год. Вестфалия. В баронском зале замка Вевельсбург собрались тринадцать мужчин. Они одинаково одеты. В руках у каждого — кинжал. Они сидят в торжественной обстановке вокруг огромного круглого стола. Эта картина заставляет вспоминать о легендарном короле Артуре. Каждый из стульев с высокими спинками обит свиной кожей. С обратной стороны каждого стула прикреплена серебряная табличка с именем. Для каждого из гостей в замке приготовлена комната. Каждая из этих комнат обставлена в соответствии со вкусом определенной страны и эпохи — так, как понравилось бы тому историческому лицу, в ком участник собрания желает почерпнуть вдохновение.

После того как все тринадцать занимают свои места, они начинают медитировать под руководством своего Великого магистра.

Я, разумеется, описываю собрание одного из тайных обществ, практикующих оккультизм. Под столовым залом размещается небольшая комната с каменными стенами толщиной в пять метров — «святая святых ордера», по словам Хайнца Хоне. В центре комнаты — глубокая, темная шахта. Лестница ведет вниз. В конце лестницы — каменная чаша, окруженная двенадцатью пьедесталами. Эта чаша предназначена для исполнения одного из священных ритуалов: в случае смерти кого-либо из членов ордена, за исключением Великого магистра, кожа с его рук будет сожжена в чаше, а затем помещена в урне на один из пьедесталов.

Сам замок, в котором происходит таинство, был построен в XVII веке на месте римской крепости. Основания внешних стен замка образуют треугольник. Саксонцы владели ею со времен нашествия гуннов. Свое имя замок получил от рыцаря-разбойника Вевеля фон Бурена, одного из своих первых хозяев.

Тайный орден, занимавший замок во времена нацистов, не был похож на другие эзотерические общества. В него входил, кроме того, еще и обергруппенфюрером (генералом) СС. А Великим магистром был не кто иной, как Генрих Гиммлер.

За исключением разве что самого Гитлера Гиммлер был самым странным из лидеров нацистов. Генерал Гудериан однажды заметил, что он похож на инопланетянина. Другой наблюдатель нашел в нем «что-то от робота». Даже мистический партийный философ Розенберг не мог смотреть ему прямо в глаза. Однако в детские годы в Гиммлере не было ничего странного. Он родился в Баварии в обычной семье, принадлежавшей к среднему классу. Его отец был частным учителем: не преуспевающим, но и не бедствующим. У Гиммлера было два брата — старший и младший. Единственным примечательным фактом его ранней биографии является то, что его крестным отцом был принц Генрих фон Виттельсбах (в честь которого Гиммлер и был назван). Семья была католическая, и сам Гиммлер, похоже, искренне веровал. Он регулярно посещал мессу и считал, что это поднимает дух.

Как и большинство немцев, он был патриотом, однако не тем фанатиком, в которого он превратился позже. В 1917 году, в возрасте семнадцати лет, он поступил на военную службу в сухопутные войска. Из-за плохого зрения (он должен был но-

силье очки) ему было отказано в приеме во флот, где он желал служить. Впрочем, хотя он и был солдатом, ему так и не удалось поучаствовать в военных действиях. Первая мировая война закончилась прежде, чем срок его обучения.

После завершения службы Гиммлер, по совету отца, занялся сельским хозяйством, однако, заболев тифом, вскоре был вынужден бросить эту затею. В 1919 году он поступил в Мюнхенский университет. Именно в этом году появились первые трещины в его отношениях с церковью. Ничего серьезного — обычная реакция молодого человека, увидевшего разницу между религиозным учением и повседневной жизнью.

В то время он был, по описанию одного из друзей, «обычным, добродушным, нормальным». Кто же превратил этого обычного, добродушного, нормального человека в инопланетянина? Ответ известен — Гитлер.

До их встречи Гиммлер был неуверенным в себе, замкнутым, терзаемым сомнениями человеком. После встречи он просто обезумел. Не как влюбленный, а как человек, нашедший своего бога. Он считал Гитлера величайшим умом всех времен. На стене его кабинета висел портрет будущего фюрера. Гиммлер частенько начинал шепотом разговаривать с этим портретом.

Было ли это, как полагают многие историки, просто проявлением забавной эксцентричности? Или, в лучшем случае, выражением его благоговения перед Гитлером? Так кажется только на первый взгляд. Наши расследования, однако, заставляют подходить серьезно к любому факту, как бы смешон он ни был. В обществе, о котором мы говорим, самые невероятные вещи быстро становились нормой.

Визуализация, как мы уже упоминали, играет важную роль в эзотерических тренировках психики. Для лучшей визуализации нередко используются различные предметы. Когда, много веков назад, ведьма желала причинить вред своему врагу, она делала куколку, символизирующую объект колдовства. Известно, что чем более кукла была похожа на реального человека, тем действеннее было колдовство. Сделав куклу, ведьма затем входила в высокоэмоциональное (экстатическое) состояние и «убивала» ее. Излюбленный метод «убийства» — втыкание булавок. Реальная магия происходила, впрочем, не в руках, а

в голове ведьмы. Кукла просто-напросто помогала создать более живую визуализацию врага. Булавки же помогали визуализировать раны, нанесенные ему. На некоторой стадии колдовства между ведьмой и ее жертвой устанавливалась некая связь. Жертва начинала ощущать реальную боль...

Подобный метод, хотя и в применении к гораздо большим масштабам, пытался задействовать в конце войны и Гитлер: спрятавшись ото всех, он старался визуализировать свою победу. Оккультисты утверждают, что, пользуясь этим методом, можно установить телепатическую связь между двумя людьми. Может быть, Гитлер научил этому своего поклонника Гиммлера? Фотография может оказаться более полезной для визуализации, чем кукла.

Неизвестно, от рождения ли или от тренировок, Гиммлер был неплохим медиумом. Он хвастался перед своим массажистом, что может вызывать духов и разговаривать с ними. Он не только мог, но и регулярно этим занимался. Как и многие спириты, он считал, что такие контакты помогают ему в принятии верных решений. Его способности, тем не менее, были весьма ограничены. В отличие от современных спиритов, которые стремятся вступать в контакт с недавно умершими людьми, Гиммлер мог вызывать только умерших в далеком прошлом. Это звучит достаточно странно для любого сведущего в оккультных искусствах и наталкивает на мысль о том, что способности Гиммлера, как и Гитлера, были скорее результатом тренировок, чем врожденным даром. Любопытен и тот факт, что Гиммлер говорил о вызывании духов. Спирит пассивен в своих контактах с духами. Если бы Гиммлер действительно являлся таковым, ему следовало бы ждать, когда дух сам вступит с ним в контакт.

Гиммлер специально прибыл в Кведлинбург на церемонию, посвященную тысячелетию со дня смерти короля Генриха I, и отдал фашистский салют над его могилой. Это было приветствие старого друга: дух короля часто посещал Гиммлера и нередко давал ему полезные советы. Настал день, когда Гиммлер уверовал в то, что он является воплощением короля. Вопрос о том, как дух может навещать свое собственное воплощение, не волновал его.

Этот человек превратил в 1929 году полувоенную гитлеровскую группировку СС в элитный магический орден.

СС (сокращенное немецкое Schutzstaffel — «подразделение охраны») возникло за четыре года до того, как его возглавил Гиммлер. Гитлер лично приказал Юлиусу Шреку в апреле 1925 года сформировать для охраны штаб-квартиры новую гвардию. Вначале она состояла всего из восьми человек. Начиная с самых первых дней вокруг СС витал дух элитарности: правила гласили, что в гвардии не могут состоять сплетники, пьяницы и другие грешники. К 1927 году правила ужесточились. Особое внимание уделялось несению службы и политическим взглядам членов СС. Малейшее нарушение каралось штрафом или даже увольнением. Гвардейцы регулярно посещали партийные митинги, но им было запрещено вступать в дискуссии.

Гиммлер принял на себя руководство СС в январе 1929 года. Несмотря на свою эксцентричность, он был очень хорошим администратором и уделял внимание каждой мелочи. Через некоторое время после прибытия в штаб-квартиру СС в Мюнхене он наткнулся на меморандум, автором которого был местный партийный лидер. В меморандуме говорилось о возможном создании, в рамках партии, национал-социалистического ордена.

Это предложение вызвало у Гиммлера глубокий интерес. Он не обладал творческими способностями. Ему не хватало воображения. Этот факт в значительной мере объясняет то, почему он превратился в чудовище. Отправляя одним взмахом пера на смерть тысячи людей (на его совести миллионы жертв), он не был способен увидеть реальные жизни за сухой статистикой.

В 1941 году директор Анатомического института при университете Страсбурга, профессор Аугуст Хирт, написал Гиммлеру письмо, в котором жаловался на то, что, хотя в коллекции института есть множество черепов представителей всех рас и многих народов, еврейских черепов довольно мало. Он предположил, что война на востоке могла бы восполнить этот пробел, и предложил брать «еврейско-большевистских комиссаров» в плен живыми. Для начала, по его мнению, следовало проводить тщательные измерения головы пленного (вспомним учения ордена германцев), а потом «умерщвлять» его, не повреждая череп. Затем врачу — вероятно, тому, что проводил «измерения головы» и «умерщвлял» пленного — следовало от-

делить голову от тела и отправить в герметично запечатанной емкости в страсбургский институт.

Любого, обладающего воображением, оттолкнуло бы такое безумное письмо. Гиммлер, напротив, отнесся к нему серьезно и прочитал его с удовольствием. Хирт получил черепа.

В том же 1941 году Гиммлер дал добро на эксперименты еще одного «врача», Зигмунда Рашера. Рашер работал в концентрационном лагере Дахау. Его эксперименты, целью которых было изучение воздействия климатических условий высокогорья на человека, включали убийство заключенных в вакуумной камере, а в более поздний период — замораживание до смерти. Изучались также и возможные способы «оживления» замороженных до критической стадии. Гиммлер проявил неподдельный интерес к последнему эксперименту и дважды советовал Рашеру использовать в экспериментах по оживлению «животное тепло». Полоумный доктор сперва отнесся к этому предложению довольно скептически, но потом оно было принято. После этого некоторые из потерявших сознание во время сеансов замораживания просыпались в постели с одной или даже двумя обнаженными женщинами. Рашер позднее докладывал о том, что «животное тепло» было менее эффективно, чем горячая ванна, за исключением тех случаев, когда имел место половой акт.

Интерес Гиммлера к подобного рода экспериментам возник, возможно, как результат помешательства на эзотерической почве, охватившего его после встречи с Гитлером. В детстве он увлекался ботаникой. Собрал большую коллекцию трав, которые считал более эффективными в лечении, чем лекарства и хирургические операции. Позднее он отдал приказ, согласно которому заключенные в концентрационных лагерях должны были собирать травы для медицинских целей.

Его странное увлечение псевдомедициной нашло понимание у садистов, проводивших псевдонаучные эксперименты в лагерях. Врач и член СС Адольф Покорни, увидевший «блестящие перспективы» в тезисе о том, что большевики должны работать на рейх, но не должны при этом размножаться, написал Гиммлеру о том, что ему известен путь к этой цели. По его наблюдениям, *Calladium seguinum* мог быть использован как средство для пожизненной стерилизации.

Несмотря на очевидные доказательства обратного, Гиммлер не считал себя злым человеком. Он не был способен на насилие, обладал довольно мягким характером, любил животных, был вежливым — из тех людей, которые не в состоянии оживить вялую беседу веселыми шутками. Он не мог видеть в цифрах живых людей и был озадачен тем, что многие считали его бесчеловечным чудовищем. Эта загадка волновала его много лет. В конце концов он оставил попытки разрешить ее и ограничился тем, что частенько шутил о своем образе в кругу друзей.

Лишенный воображения Гиммлер не был в состоянии создать эффективно функционирующий тайный орден, не руководствуясь готовой моделью. К счастью, такая модель была под рукой — орден Иисуса.

Ортодоксальные католики, возможно, будут поражены, узнав о том, что орден иезуитов — организация, наиболее приближенная к понятию открыто функционирующего магического ордена, а иезуиты очень напоминают магов. Даже вдалеке от безумной интеллектуальной атмосферы оккультного рейха два эти высказывания кажутся достаточно правдивыми. Тот факт, что об этом до сих пор мало кто говорит, объясняется типом упражнений, практикуемых в оккультных орденах с западной традицией. Обычный человек, если его вообще интересуют подобные проблемы, представляет себе магические ритуалы в лучшем случае так, как они описаны в «Макбете». В действительности, как мы уже видели, суть магической тренировки состоит в систематической визуализации, которая, как считает большинство оккультистов, может в значительной мере ускорить личную эволюцию. Эту веру, хотя и в несколько иной форме, разделяют и иезуиты. Она воплощена в известных «духовных упражнениях» святого Игнатия, составляющих основу иезуитских тренировок.

Генерал СС Вальтер Шелленберг прямо говорил о том, что Гиммлер построил СС на принципах ордена Иисуса, хотя главным образом его заинтересовала склонность иезуитов к жесткой организации и их традиция абсолютного подчинения.

Гейнц Хоне пишет в своем исследовании по истории СС следующее:

«Сходство между двумя орденами поразительно: каждый из них дает огромные привилегии своим членам, действия кото-

рых не подлежат осуждению; оба ордена установили строжайшие условия на вступление новых членов, дисциплина держалась в них на клятве в абсолютном, слепом подчинении магистру — папе или фюреру.

В истории обеих организаций — немало замечательных параллелей. В XVII веке иезуиты основали на земле парагвайских индейцев свое собственное религиозное государство. Во время Второй мировой войны вожди СС мечтали о собственном государстве в Бургундии, за пределами великого германского рейха, с собственными правительством, армией, администрацией и дипломатической миссией в Берлине.

Даже кризисы, пережитые двумя орденами, имеют сходные черты. У иезуитов всегда были враги среди служителей католической церкви, а у СС — в рядах национал-социалистической партии. Иезуиты спорили о том, должен ли их орден стать мечом контрреформации или образцом монашеского благочестия. Руководство СС так и не решило, чем быть их организации — идеологическим стержнем национал-социализма или же государственным полицейским».

Хоне настаивает на том, что сходства существовали и в структуре двух орденов. К примеру, Лойола создал орден, глава которого опирался на четырех советников. Гиммлер последовал этому же плану, хотя персональные помощники были вскоре заменены отделами.

Такие сходства не оставались незамеченными. Гитлер нередко называл Гиммлера «мой Игнатий Лойола». Мнение Карла Эрнста, лидера соперников СС — СА (Sturmabteilung — «штурмовой отряд»), было менее лестным и более выразительным. Он звал Гиммлера «черным иезуитом».

ЗОДИАК И СВАСТИКА*

**Воспоминания лейб-астролога
Гиммлера. Опубликовано в 1970 году.**

Вступление:

ЗАЧЕМ Я НАПИСАЛ ЭТУ КНИГУ

Одна из странностей нацистского режима состояла в том, что, хотя он и преследовал астрологов, а кое-кого из них и сгубил в концентрационных лагерях, сам он тем не менее не гнушался их использовать в своих целях. Трагический пример тому судьба швейцарского астролога Эрнста Краффта. Большой оригинал и одаренный человек, он первым применил в астрологических исследованиях статистику, а в общем и целом был мистиком. В 1937 году он решил перебраться из Цюриха в южную Германию, в Шварцвальд, в основном потому, что в Швейцарии, как он полагал, его не оценили по достоинству. Он открыто восхищался нацистами и надеялся при них сделать карьеру.

Когда в сентябре 1939 года началась война, Краффт подумывал вернуться в Швейцарию, но все же остался в Германии. Он был знаком с одним из небольших чинов, служивших в штабе Гиммлера. Этот человек работал в Отделе VII, который держал под присмотром группы, казавшиеся нацистам подозрительными: разного рода чудачки, религиозные секты, астро-

* Перевод с английского С. Цебаковского.

логи, оккультисты, бывшие франкмасоны и проч. Отдел VII завербовал Краффта внештатным сотрудником осенью 1939 года, а в самом начале 1940-го его по просьбе министра пропаганды доктора Геббельса доставили в Берлин, где ему предложили заняться пророчествами знаменитого французского предсказателя XVI столетия Мишеля Нострадамуса.

Очень скоро Краффт пожалел, что связался с Отделом VII и Министерством пропаганды. Весной он подыскал себе работу переводчика в правительственном агентстве новостей «Дойче нахрихтенбюро». В начале того же 1940 года о появлении Краффта в Берлине узнали англичане и сделали скоропалительный и совершенно неверный вывод, будто он непременно должен работать на Гитлера. Краффт никогда не встречался с Гитлером, хотя об этом только и мечтал, но он добился кратких встреч с двумя нацистскими бонами, — доктором Гансом Франком, генерал-губернатором Польши, и доктором Робертом Леем, лидером так называемого Трудового фронта.

В июне 1941 года, месяц спустя после драматического полета Рудольфа Гесса в Шотландию, Краффта арестовали вместе с сотнями других астрологов. Считалось, что на свой полет Гесс от кого-то получил астрологическое «добро». Гестапо получило приказ найти астролога, к которому мог обращаться Гесс, но эта таинственная личность так и не была найдена, возможно, потому, что ее не существовало. По прошествии нескольких недель или месяцев почти все астрологи были отпущены на свободу, но Краффта оставили в тюрьме; он умер в Бухенвальде в январе 1945 года. Я знал о его заключении, но предпринимавшиеся мной попытки освободить его оказались тщетными. Даже Гиммлер не решался этого сделать без одобрения Гитлера.

Как и всех моих собратьев по профессии, меня жестоко преследовали с 1933 по 1945 год. Еще до начала войны я испытал на себе все мерзости тюремных камер и допросов в гестапо, а после злосчастного полета Гесса в Шотландию мне пришлось разделить участь остальных немецких астрологов. Меня посадили в Фюльсбюттель, печально известную полицейскую тюрьму в Гамбурге. Лишь благодаря уловкам одного тщеславного фабриканта и ветерана нацистской партии, который сотрудничал с СС и пытался снискать расположение самого Гим-

млера, я, тогда уже узник концлагеря, был вызволен из заключения и на завершающем этапе войны использовался в качестве астролога Гиммлером и его людьми. Хотя из тюрьмы меня выпустили, я был кем угодно, только не свободным человеком. Я по-прежнему был пленником, хотя и жил в поместье, принадлежавшем Керстену, массажисту Гиммлера. Поместье Гарцвальд представляло собой трудовой лагерь для разного рода специалистов, и в этом качестве оно было частью концлагеря Равенсбрюк. Физических страданий я больше не испытывал, но мне приходилось работать под страхом сурового наказания, если бы мои расчеты вдруг оказались неверными.

Было это в то время, когда перед нацистским режимом уже маячило поражение. Сегодня кому-то может показаться нелепым, что главари «господствующей расы», провозглашавшие веру в ее историческую миссию, вдруг все свои надежды возложили на астрологию, как будто она была неким секретным оружием, способным спасти их от гибели. И тем не менее описанные здесь события — неотъемлемая часть одной из самых мрачных глав истории Германии.

Не просьбы друзей и не заинтересованность издателей, годами побуждавших взяться за перо, заставили меня наконец решиться поведать все это. Этому рассказу о жизни астролога и некоторых событиях недавней истории Германии читатель обязан прежде всего Хью Тревор-Роуперу.

В 1947 году Тревор-Роупер опубликовал в Лондоне книгу «Последние дни Гитлера». Переведенная на многие языки мира, вскоре книга разошлась по свету. В ней мое имя и моя работа, которую я выполнял для Генриха Гиммлера в конце войны, упоминаются не однажды и по разным поводам. В утверждениях Тревора-Роупера о моей деятельности столько фантастических измышлений, что я решился высказаться. Приведу всего один пример из книги Тревора-Роупера, на странице 93 он пишет:

«В Гамбурге он [Вальтер Шелленберг] обнаружил способного астролога по фамилии Вульф, знатока ядов, санскрита и прочих занятных вещей. Предсказания Вульфа, как выяснил Шелленберг, оказались на редкость точными. Он предсказал, что Гитлер останется жив после покушения 20 июля 1944 года, что он заболеет в ноябре 1944 года, а умрет таинственной смер-

тью до 7 мая 1945 года. Предсказания Вульфа относительно Гиммлера были столь же впечатляющи при всех вполне понятных дипломатических умолчаниях. Шелленберг считал Вульфа человеком трезвомыслящим в политике, и потому он представил его Гиммлеру в качестве противовеса нетрезвомыслящему Кальтенбруннеру. Знакомство это оказалось столь удачным, что на закате третьего рейха, по словам Шелленберга, Гиммлер редко предпринимал какие-либо шаги, предварительно не сверившись со своим гороскопом».

Всякий, прочитавший этот пассаж, будет вынужден заключить, что я не только трезвомыслящий нацист, но еще и выполнял некие особые функции в высших эшелонах власти, что позволяло мне противостоять такому человеку, как Кальтенбруннер. Настало время все расставить по своим местам.

Я СТАНОВЛЮСЬ АСТРОЛОГОМ

Весной 1912 года я был студентом-первокурсником, изучавшим искусство в Гамбурге, неуверенным в своем будущем, озабоченным размолвками с наставниками. И я с радостью принял тогда приглашение дяди сопровождать его в поездке по южной Европе, не подозревая, что это путешествие перевернет всю мою жизнь. Мы должны были пересечь Альпы и через Люцерн, Женеву, Интерлакен, Монтре спуститься в Италию.

Наше путешествие было мало чем примечательным до тех пор, пока в поезде близ Базеля мы не повстречали друга моего дяди, епископа, монсеньора фон Берлихингена, который проявил интерес к моему артистическому образованию и посоветовал мне посетить Палаццо ди Брера, а также библиотеку в Милане, где, как он сказал, я смог бы изучить оригиналы рисунков Леонардо да Винчи. Я воспользовался его советом, ибо уже тогда испытывал восхищение перед Леонардо. Много раз я бывал в Палаццо ди Брера, в академии изящных искусств, в картинной галерее и в библиотеке с собранием уникальных древних манускриптов, и, признаюсь, сильнее всего меня поразила астрологический отдел. Разумеется, библиотека была полна других сокровищ, но коллекция астрологических книг, более обширная, чем я полагал, показалась мне нетронутой святыней, которую ученые попросту не заметили.

Несмотря на то что я и раньше питал интерес к астрологии, у меня было довольно смутное представление по многим вопросам, к ней относящимся. И вот там, в Палаццо ди Брера, я познакомился с трудами по астрологии великих ученых Средневековья и Древнего мира.

Астрология не всегда была на дурном счету в обществе. В древние времена ее даже не считали оккультной наукой. На ее основе развивалась астрономия. Ввиду их общего происхождения эти две дисциплины трудно разделить; от античности вплоть до начала нашей эры мы встречаем известных астрономов, которые в то же время были и астрологами: Птолемей, Пьер д'Айи, Иоганн Кеплер и Морен ди Вильфранш. Мое ученичество было нелегким, поскольку изучение астрологии предполагает глубокое знание столь многих дисциплин, что человеку едва ли удастся ими овладеть по-настоящему, в их числе классические языки, немецкая и восточная философия, астрономия и графология.

Во время своих штудий я обнаружил книги и древние манускрипты с картами планет и созвездий, размеченных по деканам, иначе говоря, с десятиградусными делениями зодиака. Нашел я также традиционное построение созвездий, превосходно проиллюстрированное на небольших диаграммах и крупноформатных рисунках. Меня терзали многие вопросы. Неужели только суеверием на протяжении веков и тысячелетий руководствовались люди, когда спрашивали совета у блиставшего звездами неба? Что ни говори, а по расположению звезд можно с большой точностью предсказать смену времен года, чередование приливов и отливов, наконец, имеют место и космические происшествия, от которых может зависеть жизнь всего живого. Но если стихийные события в конечном счете объяснимы расположением звезд, нет ли основания полагать, что и другие происшествия, влияющие на судьбу человека, определяются тем же путем?

Роджер Бэкон, великий францисканский теолог и философ-натуралист XIII столетия, порицал средневековых докторов за их невежество в вопросах астрологии: «*Et ideo negligent meliorem partem medicinae*» («И они пренебрегают лучшей частью медицины»). Так неужели ученые такого уровня заблуждались или были глупцами? Этот вопрос не давал мне покоя, и я решил углубиться в изучение астрономии.

На обратном пути из Италии мне представилась возможность на несколько недель задержаться в Мюнхене, где я продолжил свои исследования. Среди вещей, которые мне довелось увидеть там, был составленный Кеплером гороскоп для Валленштейна, блестящего немецкого полководца времен Тридцатилетней войны.

В Мюнхенской Придворно-государственной библиотеке, как она тогда называлась, хранилось несколько полных копий *Prognosticum* Кеплера. С моей стороны это было не более чем праздным любопытством, поскольку в ту пору я мало что смыслил в гороскопах. И тем более я был удивлен, когда сравнил важнейшие вехи биографии Валленштейна с тем, что предсказал в гороскопе Кеплер, — в основном все совпадало. Это открытие побудило меня составить свой собственный гороскоп, и вскоре я стал членом клуба Кеплера в Гамбурге, где познакомился с замечательными людьми. Особенно я подружился с одним из зачинателей современной немецкой астрологии, Альбертом Книепфом. Он меня во многом просветил относительно гороскопа Валленштейна, так как сам перепроверил и исправил вычисления Кеплера. Книепф также обратил мое внимание на труд доктора Эрнста Браузеветтера о Валленштейне и астрологии. Валленштейн и сам проявлял большой интерес к астрологии, возможно, из чисто практических побуждений, ведь в семнадцатом столетии астрономическая информация нередко подменяла собой военную разведку. Дни, даже недели, подчас уходили на то, чтобы доставить по назначению разведдонесение, между тем постоянные астрономические наблюдения позволяли принимать решения общего характера в отношении текущих дел ежедневно. В своей работе Браузеветтер утверждает, что мудрость астрологов, в том числе и Кеплера, не принесла пользу Валленштейну, не изменила его судьбу. Эта точка зрения до сих пор считается общепринятой, а потому есть смысл остановиться на ней подробнее.

Кеплер составлял гороскоп Валленштейна дважды, в 1608 и 1625 годах, причем особенно удачны в них общие толкования. Между прочим, Кеплер пришел к выводу, что гороскоп Валленштейна очень похож на гороскоп покойного канцлера Польши, а также английской королевы Елизаветы — в них тоже много планет на горизонте, как восходящих, так и

заходящих. «Следовательно, — заключил он, — человек, родившийся в это время (Валленштейн), вне всяких сомнений, достигнет высоких почестей, богатства, удачно женится, а как предводитель и вождь революции соберет вокруг себя множество солдат». Отметим, что, когда Кеплер составлял этот первый гороскоп в 1608 году, он имел дело с безвестным дворянином, которому едва исполнилось двадцать пять лет. И этому человеку он предсказывает блистательную карьеру на государственном поприще. Там же Кеплер говорит о «многих пагубных, скрытых и явных врагах, над которыми он будет одерживать верх». Эти замечательные предсказания впоследствии будут дополнены обстоятельными подробностями будущей жизни Валленштейна.

Первый гороскоп, составленный Кеплером для Валленштейна, нельзя считать вполне правильным. Валленштейн назвал неверную широту места своего рождения, а именно 50 градусов 9 минут северной широты, что приблизительно соответствует местоположению Дрездена, между тем как Валленштейн родился в поместье Германиц близ Арнау в Богемии на широте 49 градусов 56 минут северной широты. Несмотря на неточность изначальных данных, Кеплер уже в 1608 году дал в общем правильное толкование, что можно рассматривать как редкую удачу и свидетельство его способностей в этой сфере.

В 1625 году Кеплер составил новый гороскоп для Валленштейна с уточненным местом рождения. В нем он перечислил неблагоприятные для Валленштейна созвездия и предсказал «разгул ужасных и жестоких беспорядков в государстве» в марте 1634 года. Валленштейн был убит 25 февраля 1634 года. Кеплер, разумеется, тактично умолчал о своем предсказании о смерти полководца в 1634 году. Вместо этого он говорил об ужасных беспорядках. И что примечательно, целый ряд годовых прогнозов исходит именно из этого наблюдения!

Валленштейн поплатился за то, что уволил Кеплера, лучшего астролога своего времени, заменив его разными посредственностями. В своей «Астрологии» (1816) профессор И.В. Пфафф из университета Эрлангена не без оснований заметил, что Валленштейн по-настоящему не понял значения астрологии, он лишь стремился использовать ее для достижения своих политических планов.

Таким образом, знакомство с трудами Кеплера в 1912 году превратило меня в поклонника астрологии. Довольно долго я это считал небольшим отклонением от избранного пути, что нередко бывает в юности. И все же я уже никогда не смог от нее отказаться.

Меня можно считать выходцем из среднего класса, я из семьи потомственных ганзейских купцов, всегда предпочитавших честную коммерцию, чьи интересы замыкались на портовых доках и международной торговле Гамбурга. Приливы и отливы, спуск на воду кораблей, морские путешествия и прогулки на яхтах по Альстеру и Эльбе составляли фон моего детства. В самой атмосфере портовых городов есть что-то необычное, и мне в том мире нередко доводилось слышать рассказы моряков и путешественников о необычайных приключениях, от которых воображение настраивалось на что-то странное, даже сверхъестественное. Предсказатели, ясновидцы и медиумы всегда составляли заметную прослойку в гамбургском обществе. И я, возможно, еще с детских лет был предрасположен признать существование неких особых законов, влияющих на наши жизни и даже ими управляющие.

Но тот оккультный отзвук в моем окружении никогда не был преобладающим. Характеризуя город в целом и мою семью в частности, следовало бы говорить о нарочито трезвой и подчеркнуто традиционной закваске, присущей ганзейским деловым кругам. Поэтому неудивительно, что мой отец решил вырастить коммерсанта. По окончании школы он устроил меня в солидную гамбургскую фирму, занимавшуюся экспортом-импортом. Вне всяких сомнений, он это сделал из лучших побуждений, фирма вполне подходила для моего обучения коммерции. Пройдя такую школу, я бы смог, когда настало бы для этого время, взять в свои руки дела нашей собственной фирмы. Однако отец не учел моего глубоко отвращения к торговле. И вместо того, чтобы занять свой неоплачиваемый пост практиканта, я сбежал в глухую деревню, служившую тогда прибежищем для художников, чтобы воспользоваться наставлениями своего старого учителя Пауля Лихтварка, побуждавшего меня посвятить жизнь искусству. В конце концов мое упорство победило, и после многих месяцев споров отец неожиданно уступил. Он разрешил мне записаться в новый Ган-

зейский институт изобразительных искусств, согласившись платить за мое обучение.

Когда же год спустя я показал свои рисунки, акварели, скульптуры и маски директору Гамбургской школы искусств, он предложил мне поступить в один из классов этой школы. Там я работал под руководством Иоганна Боссарда и научился от него многим полезным приемам. Но вскоре у меня возникло ощущение, что в этих классах я ничего не получаю, и я перестал посещать школу, всецело отдавшись собственному творчеству.

Начало Первой мировой войны застало меня врасплох. К счастью, я получил по болезни отсрочку от призыва и какое-то время продолжал свои занятия. Большинство моих школьных товарищей на волне патриотического энтузиазма записалось добровольцами, всех их наскоро обучили и отправили на фронт, и они полегли под Лангемарком, Ипром или на полях России. Школа постепенно опустела.

Наконец и меня призвали. Ни ходатайства влиятельных друзей, ни заступничество моего профессора Иоганна Боссарда не спасли меня от военной муштры и армейских казарм. В начале 1917 года я получил ранение, а затем заразился сыпным тифом. Из армии меня уволили и отправили отбывать трудовую повинность на оптическую фабрику.

В свободные часы я снова смог заниматься любимым делом. Настоящее облегчение пришло, когда я близ Альстера снял небольшую мастерскую, где мог спокойно работать. Никогда еще жизнь не казалась такой содержательной, желанной, полновесной, как в той скудно обставленной мастерской.

И все же я тосковал по одиночеству, стремился понадежней укрыться от современной цивилизации. Порой даже подумывал вступить в какой-нибудь орден, надеясь в монастырском затворничестве обрести досуг для своих артистических и научных занятий. В то же время я постоянно задавался вопросом — излечит ли мою душу простая перемена обстановки. Мое прошлое мне представлялось бессмысленным, будущее пугало своей неопределенностью. В этот и в последующие кризисы я находил утешение и поддержку в астрологии. По главным созвездиям своего гороскопа я смог понять, для чего такие кризисы нужны и когда они пройдут. По правде сказать,

астрология научила меня разбираться в жизни и согласовывать ее со своими целями.

Но только после знакомства с Генрихом Франком, владельцем ресторана, а в прошлом художника, я по-настоящему и всерьез обратился к астрологии. Суховатая фигура, длинная белоснежная борода и волосы до плеч сразу привлекли мое внимание к этому человеку, едва я увидел его на одном из астрологических собраний. В то время он вычислял эфемериды, или таблицы положений небесных светил, и любезно согласился обучать и меня этому сложному делу. У него была большая библиотека древних астрологических и мистических книг. С его помощью я научился производить астрономические и астрологические вычисления и составлять гороскопы, не прибегая к английским эфемеридам, которые в ту пору уже были известны в Германии. Любой гороскоп можно было составить исключительно математически, не прибегая к таблицам домов. Помимо собственной библиотеки Генрих Франк располагал перечнем старинных астрологических трудов, имевшихся в Гамбургской государственной библиотеке и в Королевской библиотеке в Берлине, так что мне не составляло труда заполучить любую из нужных книг.

Между тем мой образ жизни вольного художника, которым я так дорожил, оказался под угрозой. Война была на исходе. На экономику уже ложились первые зловещие тени инфляции. Больше я не мог рассчитывать на существенную помощь отца. И вообще я предпочел бы от него не зависеть, к тому же его фирма испытывала серьезные финансовые затруднения. Но даже те немногие из клиентов, которых мне удавалось заполучить, оказывались неплатежеспособными.

Мои астрологические изыскания в то время тесно переплетались с артистической работой. Когда я уставал лепить, писать холсты или рисовать, астрология помогала мне вернуть интерес к жизни. Но я еще не сознавал, что благодаря своим астрологическим познаниям смогу зарабатывать на жизнь. И конечно же, мои возможности в этой сфере все еще были достаточно скромными. Для своих первых экспериментов в толковании созвездий я, подобно подопытным свинкам, использовал близких друзей и родственников. Вскоре я с удивлением обнаружил, что индивидуальные гороскопы поразительно со-

впадают с характером, способностями и житейскими обстоятельствами тех лиц, к которым они относились. Это придало мне смелости составить и проанализировать другие гороскопы. Я раздобыл точные даты рождения исторических деятелей, чьи жизни были превосходно документированы, таких как Гете, кайзер Вильгельм I, принц Отто фон Бисмарк, император Максимилиан, Микельанджело. Эти изыскания мне очень много дали. Вполне допускаю, что можно стать отменным астрологом и историком, анализируя гороскопы знаменитостей, при этом не испытывая личного сопереживания.

Но что действительно увлекательно, так это составлять гороскоп здравствующему человеку, которого прекрасно знаешь и которому на основе данных о его рождении ты предсказываешь его судьбу. Разумеется, страшно, когда тебе приходится предсказывать болезнь или смерть. Гороскоп моего младшего брата предсказал ему серьезную рану и утрату конечности. Об этом я сообщил ему еще в 1913 году. Никто этого тогда не принял всерьез. Но в 1915 году в окопах брат был ранен шрапнелью, перенес несколько операций, в результате которых потерял правую ногу.

В казармах, где время обычно растрачивается на карты и пьянство, у меня оказалось достаточно досуга и возможностей для проверки своих астрологических знаний. Это было всегонавсего приятное времяпрепровождение, тем не менее оно помогло мне обрести астрологическую клиентуру. Многие из моих фронтовых товарищей и те, с кем позже лежал в лазарете, те, чьи гороскопы я составлял ради забавы или любопытства, после войны писали мне письма, испрашивали новых предсказаний. Вместе с тем завелась у меня особая клиентура из тех людей, которых встретишь в приемных астрологов после каждой войны, катастрофы. Это несчастные матери, потерявшие сыновей на полях сражений, матери летчиков, чьи самолеты были сбиты, а сами они считались без вести пропавшими, это жены, желавшие знать, вернутся ли и когда их мужья из плена. Наконец, были просто женщины, приходившие ко мне со своими печальями.

Я был довольно молод, и хотя из своего собственного гороскопа знал, что доверие, оказываемое мне совершенно незнакомыми людьми, следует принимать как должное при моей профессии, все же меня постоянно охватывало сострадание к этим несчастным.

Их личные невзгоды усугублялись всеобщими политическими неурядицами. Немцы проиграли войну, имперская помпезность канула в прошлое, политически незрелые люди оказались захваченными ноябрьской революцией 1918 года, инфляция разрасталась, лопались солидные фирмы, самоубийства становились обычным делом. В тот период небывалой экономической и политической напряженности процветали гипноз, месмеризм, ясновидение и любая другая форма оккультизма*. Такого рода увлечения всегда идут по следам катастроф. В послевоенной Германии гипнотизеры, ясновидцы и чтецы мыслей вдруг стали собирать огромные залы публики. Вряд ли тогда существовало какое-либо увеселительное заведение — мюзик-холл или кабаре — где бы посетителей не развлекали телепатическими сеансами. На подобные представления публику зывали огромные плакаты и объявления в газетах: «Чудо-парапсихолог», «Женщина с тысячей глаз» (мадам Кароли в цирке Буша), «Великая Тайна, или Высшее достижение оккультных наук», «Женщина, которая все расскажет» и т.п. Не знаю, было ли это сплошным надувательством, обманом, но пресса и публика такие представления находили забавными. Мне претил этот шабаш оккультизма, и чем чаще подобные вещи обсуждались на публике, тем упорнее я уединялся в своей мастерской.

Весной и летом 1919 года происходили волнения и беспорядки. Иногда стычки между рабочими и полицией я мог наблюдать прямо из окон моей мастерской. Я старался не обращать на это внимания и почти ни с кем не встречался. Но мои старания совсем укрыться от мира оказались напрасными. Вскоре мне пришлось общаться с политиками тех дней. И еще я был вынужден иметь дело с теми самыми ясновидцами, чья новомодная деятельность мне представлялась отталкивающей.

Однажды вечером ко мне неожиданно явился отец. До этого он никогда не переступал порога моей мастерской. С тех пор как я решился испытать свою судьбу в качестве свободного художника, он обо мне не слишком беспокоился. С ним были двое молодых людей, моих товарищей по детским играм, ко-

* Как кажется, и отдельные слои американского общества были охвачены тем же безумием во время и после Гражданской войны в США.

торых я не видел уже много лет. Вид у них был потерянный, как у людей, кого постигло горе. Они пришли просить астрологического совета. Примечательным было и то, что их привел ко мне отец, всегда считавший мои занятия пустым делом. Молодые люди рассказали мне печальную историю. Их сестра ушла из дома восемь дней назад. Ее одежду нашли на одном из пляжей в верховье Эльбы, что наводило на самые мрачные предположения. Мой отец надеялся, что с помощью астрологических вычислений я смогу хоть что-то сказать относительно происшедшего. Случилось так, что в тот вечер у меня была назначена встреча с одним доктором, намеревавшимся провести эксперимент с открытым мною медиумом. И я предложил посетителям сопровождать меня, чтобы на этом сеансе попытаться прояснить обстоятельства исчезновения их сестры. По беспокойным улицам города мы благополучно добрались до квартиры доктора. Я предупредил братьев о трудностях, которые могут возникнуть во время сеанса, как и о том, что медиум, быть может, вообще лишен способности ясновидения. Но это их не смутило, и даже мой отец решил принять участие в сеансе. Он полагал, что мои астрологические расчеты могли бы подтвердить или уточнить сообщение ясновидца.

Братьям очень хотелось поверить в медиума, и он их не разочаровал. После того как доктор ввел его в транс, медиум, который ни о чем не мог знать заранее, довольно точно описал внешность девушки, ее привычки и верно отметил, что на пляже она купалась с мужчиной. Действительно, это был ее жених. Далее медиум рассказал, что эта пара осталась на пляже и после того, как ушел последний катер, что мужчина заколол девушку ножом, труп бросил на берегу, сам доплыл до середины реки и там застрелился. Мы требовали от него, чтобы он назвал точное местонахождение трупов, и медиум невнятно произнес «Лавенберг». Братьям не терпелось что-то предпринять, и они, поверив медиуму, обратились в полицию. Последующие двухнедельные поиски результатов не дали. Мы с отцом, надо сказать, не поверили медиуму.

Между тем я составил гороскоп пропавшей девушки. Она родилась в Гамбурге 26 июля 1892 года в семь часов пополудни. В ее гороскопе Луна находилась в неблагоприятной позиции да еще в сочетании со зловещей планетой Сатурн. Обе

были в восьмом доме, доме смерти. Более того, они оказались вблизи Меркурия, который в этом гороскопе был правителем пятого дома, дома любви и чувственности. Нептун, другая зловещая планета, занимал крайне неблагоприятное положение в пятом доме. Одновременность смерти девушки и ее жениха объяснялось присутствием Меркурия, Луны и Сатурна в восьмом доме. В этом гороскопе Сатурн правил восхождением. Когда Сатурн находится в восьмом доме, это указывает на то, что человек сам становится причиной своей смерти. Если в том гороскопе обратиться к подотделу зодиака, как того требует индийская астрология, то мы обнаружим Луну, Сатурн и Марс в водной Navamsas (т.е. в одной девятой или в сорокаградусном секторе зодиака) и в Dvadasamsas (одной двенадцатой или тридцатиградусном секторе). А это означает могилу в воде, в данном случае девушка и ее жених добровольно себя утопили. Я не обнаружил ничего, что бы указывало на насильственную смерть, о чем говорил медиум.

Мое объяснение в основе своей оказалось верным, хотя и не вполне проясняло дело. Три недели спустя рыбаки обнаружили трупы пропавших на значительном расстоянии от пляжа вниз по течению. На телах не нашли никаких повреждений, если не считать небольшой раны на голове мужчины, но она появилась после того, как рыбаки багром вытаскивали труп на берег. Вскоре отыскали прощальное письмо, ставшее решающим доказательством того, что это было добровольное самоубийство. Помолвленные молодые люди оказались в бедственном положении, тогда жених стал подделывать счета и растратил значительную сумму денег. Когда деньги кончились, они решили уйти из жизни.

После этого и других подобных случаев заговорили о моих астрологических способностях, о том, что я изучаю санскрит, чтобы применять в своей практике опыт индийской астрологии. Сам я не стремился себя рекламировать ни посредством объявлений, ни выступая с лекциями. Но число людей, меня посещавших отнюдь не из интереса к моим скульптурным работам, а в надежде получить астрологический совет, постоянно росло.

Одним из моих ранних дел была гибель женщины при таинственных обстоятельствах. Бульварные газеты раздували происшествие как убийство на почве секса, к величайшей до-

саде родственников погибшей. Мой астрологический анализ показал, что это было не убийство, а несчастный случай, хотя инспектор полиции с ходу отверг мою версию. По его мнению, убийство совершил один известный доктор, который затем ужасающим образом расчленил труп жертвы. Единственным доводом в пользу такого предположения было то, что доктор скрылся как только подозрения пали на него. Я еще раз перепроверил свои расчеты, однако ни коим образом не смог поддержать версию инспектора. Двадцать три года спустя было доказано, что это была случайная смерть. По причинам, оставшимся мне неизвестными, Рейнхард Гейдрих, шеф гестапо, проявил неожиданный интерес к этому давнему делу и, пользуясь методами расследования, доступными лишь гестапо, успешно решил его. Адвокат, защищавший предполагаемого убийцу, позволил мне заглянуть в следственное дело, хотя и не имел на то права. На адвоката произвело огромное впечатление то обстоятельство, что астрологическое толкование более чем двадцатилетней давности подсказало, в каком направлении искать разгадку этому необычному происшествию.

За свои исследования я не брал гонораров. Поскольку я считал себя профессиональным скульптором, то полагал, что было бы недостойным и зазорным брать деньги за свои астрологические познания. И все же именно из-за этих познаний мне приходилось постоянно отвлекаться от артистической работы, и я не переставал мечтать о полном уединении, куда бы не долетали отзвуки политических баталий и новомодных увлечений.

В ЗАСТЕНКАХ ГЕСТАПО

В начале 1930-х годов астрология в Германии была не столь популярна, как сейчас, но именно тогда она была на высоте. Непредубежденный сотрудник английской секретной службы — уже после 1945 года, стало быть, после знакомства со многими астрологическими досье из архивов гестапо — отмечал, что астрология в Германии 1930-х годов достигла значительных успехов, а потому он не может понять, почему нацизм отвернулся от своих квалифицированных астрологов. Даже тот факт, что видные его представители, такие как Рудольф Гесс, Генрих Гиммлер и Вальтер Шелленберг, если называть немно-

гих, прибегали к помощи астрологии, не способен изменить к ней официального отношения. Вскоре после 1933 года во многих немецких землях на астрологическую практику был наложен запрет. В других местах, как, например, в моем родном Гамбурге, развернутая против астрологов кампания отпугивала клиентов. Такой оборот событий поставил меня в бедственное положение. Практически каждый из моих немногих «крупных» клиентов или переметнулся в другой лагерь, или, опасаясь политических последствий, старался от меня держаться подальше. Ну а мелкие клиенты были попросту загнаны. Из прежней клиентуры у меня сохранилось лишь несколько евреев, которые подвергались еще большему преследованию, чем астрологи. Таким образом, астрология обрела ауру эзотерической доктрины. Она была низведена до процветавшего в подполье ремесла, о котором никто не отваживался упоминать публично. Мне повезло хотя бы в том, что принц Георг Заксен-Мейнинген, тесть Отто фон Габсбурга, все еще обращался ко мне за советами. Он быстро поладил с новыми властями и благодаря своему положению мог себе позволить поддерживать связь со мной.

Но эти перемены были лишь предвестием тех невзгод, которые обрушились на меня несколько лет спустя. По мере того как разрасталась моя астрологическая практика, мне приходилось отказываться от творческой деятельности, и вот теперь мое существование вдруг оказалось под угрозой. Астролог не медик. Его знания и опыт не освобождают его от собственной судьбы. Тот факт, что я сумел выжить, возможно, объясняется тем, что я знал об ожидавших меня впереди злоключениях и напастях: арест, тюрьма и концлагерь Фюльсбюттель, еще один концлагерь, «филиал» Равенсбрюка в поместье Гарцвальд и, наконец, Генрих Гиммлер и его приближенные, на которых я должен был работать под страхом смерти.

В июне 1941 года, месяц спустя после полета Гесса в Шотландию, меня тоже забрали в гестапо. Подручные Гиммлера производили аресты обычно на рассвете. Я лежал с открытыми глазами, когда где-то между тремя и четырьмя часами утра раздался звонок. Я открыл дверь, и четверо гестаповцев ворвались в квартиру. Они вверх дном перевернули комнаты, привели в беспорядок мои книги, папки, картотеки. Затем мне было велено одеть-

ся, после чего меня отвезли в Фюльсбюттель, тогда это была следственная тюрьма и концлагерь одновременно. Шла война, гестапо становилось все бесцеремоннее. Меня подвергали изнурительным допросам. Допытывались, не знаю ли я людей, составляющих универсальные гороскопы, — иначе говоря, гороскопы целых народов, групп или движений, в отличие от индивидуальных гороскопов, — и в какой мере я сведущ в оккультных науках.

Обращались со мной бесчеловечно. Вопрос о соблюдении законных прав подследственного даже не возникал. Мне не разрешили воспользоваться помощью адвоката и ежедневно, вместе с другими заключенными, выводили на каторжные работы. Послабление пришло, когда охранники проведали, что я астролог. Пока другие заключенные расчищали завалы после бомбежек, меня отводили в сторону и начинали расспрашивать об астрологии. Я посиживал в кустах в окружении эсэсовцев, которые нередко просили меня заглянуть в их будущее.

Многие от нацистов пострадали несравненно больше, чем я. Поэтому не стану подробно описывать свои бедствия. Скажу только, что заключение в Фюльсбюттеле для меня было тягостным. Я был вконец измотан допросами и физически сломлен. К тому же ничего не знал о своей семье. Мне пришлось оставить жену, дочь и младшего сына без средств к существованию. Мой старший сын был в армии, и о нем я тоже ничего не знал. При таком положении дел казалось маловероятным, чтобы немногие из оставшихся у меня клиентов сохранили бы веру в меня. Тем более я был удивлен, узнав, что сразу после моего ареста жена стала получать помощь из разных источников. В одном случае знакомый оплатил заказ, о котором я даже не слышал. Словом, моя семья была избавлена от нищеты. Но тогда я этого не знал, а потому дни и недели в моем заточении тянулись в волнениях и неизвестности.

На четвертый месяц меня освободили, причем так же внезапно, как когда-то арестовали. Но сначала я должен был пообещать больше никогда не заниматься астрологией. С этого момента за мной была установлена слежка.

Когда на исходе лета 1941 года передо мной открылись ворота Фюльсбюттеля, я, можно сказать, получил строго ограниченную дозу свободы. В то время я не мог себе представить, что то самое гестапо, которое лишило меня средств к существо-

ванию и которое так жестоко обошлось со мной, вскоре по приказу свыше заставит меня работать на себя. Те же люди, что запретили мне заниматься любимым делом, несколько месяцев спустя завалят меня заказами, исходящими от вожаков СС. Но пока передо мной вставали совсем иные проблемы. Заниматься астрологией мне запретили, и вряд ли я, противник режима, мог рассчитывать получить заказы как художник и скульптор. На что мне было жить? Со дня на день я ожидал повестки, чтобы явиться на какое-то оборонное предприятие в качестве разнорабочего.

Вскоре после освобождения из лагеря ко мне зашел один из моих бывших клиентов, химик и фабрикант по фамилии Циммерман. Он предложил мне место и скромное жалование на своем предприятии. Позднее я выяснил, что именно Циммерман способствовал моему освобождению из тюрьмы. Он поддерживал тесные связи с СС, а потому пользовался значительным влиянием. В лаборатории Циммермана разрабатывался метод иррадиации молока, после чего оно обретало новое качество, предупреждавшее заболевание рахитом. Циммерман считал свой проект весьма прибыльным. Но все его попытки поставлять на рынок облученное молоко для детей наталкивались на препятствия со стороны его конкурентов — представителей фармацевтической промышленности, опасавшихся, что новый метод обесценит их собственную продукцию.

С установлением диктатуры вся экономика оказалась под единым контролем, и потому было очень важно для любого нового начинания получить поддержку и одобрение правительства, тем более в условиях военного времени, при строжайшем распределении всех ресурсов. Вполне возможно, Циммерман рассчитывал протолкнуть свой молочный проект, преподнеся вождям СС какой-нибудь особенный подарок. А если так, то этим подарком вполне мог оказаться я. То, что со стороны представлялось дружеским поступком моего бывшего клиента, на самом деле было тонко продуманным планом. Гестапо понимало, пока я нахожусь под опекой Циммермана, я остаюсь в поле их зрения. И наоборот, Циммерман мог быть уверен, что, предоставляя мне работу, он оказывает услугу и гестапо. Хотя в ту пору я об этом не догадывался, но должность, предложенная мне в лаборатории иррадиации молока, почти

наверняка была предлогом. В моей жизни намечался новый, совершенно неожиданный поворот.

В марте 1942-го, полгода спустя после освобождения из Фюльсбюттеля, мне было предписано покинуть предприятие Циммермана и отправиться в некий берлинский институт, о котором я прежде ничего не слышал. А рекомендовал меня туда мой друг, нюрнбергский астроном и астролог доктор Вильгельм Гартман.

Я приехал в Берлин и явился в институт, находившийся в ведении военно-морского штаба. С начала войны такого рода институты создавались армией, флотом, военно-воздушными силами с единственной целью проверять любые открытия и предложения, поступавшие от частных лиц, — все, что могло бы внести ощутимый вклад в военные мероприятия. В Берлине я с удивлением узнал, что вожди нацистов предложили использовать эти «исследовательские центры» для овладения не только естественными, но и сверхъестественными силами природы. Все интеллектуальные, естественные и сверхъестественные источники энергии — от современных технологий до средневековой черной магии, от учения Пифагора до заклинаний Фаустовской пентаграммой — должны были служить для победы Германии.

Возглавлял этот секретный исследовательский центр капитан ВМС. Под его началом собралась довольно странная компания, были там спириты и медиумы, экстрасенсы и маятниковеды (род лозоискательства, когда вместо прутика лозы используется маятник), знатоки таттвы (индийская теория маятника), астрологи и астрономы, математики, эксперты по баллистике.

От ВМС институт получил задание: с помощью маятников и прочих параштуковин научиться обнаруживать на морях местонахождение конвоев, чтобы немецкие подводные лодки с большим успехом могли бы их пускать ко дну. Изо дня в день укротители маятников, сидя на корточках, держали руки над морскими картами. Разумеется, результаты были плачевны. Что бы вы ни думали о феномене оккультизма, было бы просто смешно ожидать, чтобы неведомый нам мир был взят дилетантским наскоком и затем использован в военных целях. Даже в тех случаях, когда появлялся хоть какой-то проблеск успеха, не делалось никаких попыток осмыслить достигнутое и закрепить его системой и методикой.

Одним из сотрудников институт был отставной архитектор из Зальцбурга по имени Страниак, изысканный барин лет шестидесяти, проявивший определенные способности при работе с маятником. Он был убежден, что его таланты истинны, и, хотя он имел несчастье быть автором книжонки под названием «Восемь природных сил», не производил впечатление шарлатана. Страниак, посмотрев на фотографию какого-нибудь корабля, брался указать его точное местонахождение на карте. Сотрудники Адмиралтейства посетили его в Зальцбурге и показали фотографии «Бисмарка» и «Принца Евгения». С помощью своего маятника Страниак действительно установил местонахождение этих двух кораблей.

Прежде Страниак за свои способности подвергался преследованиям со стороны гестапо. Теперь же благодаря им он оказался в исследовательском институте в Берлине вместе со своим инструментарием и бумагами. Морское ведомство намеревалось с его помощью поставить эксперименты. Доктор Гартман также был откомандирован в Берлин с тем, чтобы, проследив за движением маятника Страниака, попытаться установить возможные колебания и отклонения маятника на рассвете, в полдень, на закате, в полнолуние и новолуние. Тогда же свои способности демонстрировали и другие экстрасенсы.

Поскольку Страниак представлял собой совершенно необычный случай, для него был придуман особый эксперимент. Небольшой металлический брусок на несколько секунд клали на большой лист бумаги. На это время Страниака просили удалиться из комнаты, а затем приводили обратно. На листе бумаги не оставалось ни малейших следов, где только что лежал металлический брусок. И все же Страниак точно указывал это место, причем то же самое он мог делать, находясь в соседней комнате, используя такой же лист бумаги.

Берлинскому институту лучевой энергии, работавшему исключительно по научной методике, было предложено проверить поразительные достижения исследовательского центра при морском ведомстве. Сотрудники научного института, понятно, с предубеждением относились к заклинателям маятников и прочим оккультным курьезам. Первый же пробный эксперимент, который они провели, для Страниака закончился

провалом. В течение многих недель он неизменно показывал блестящие результаты, а тут потерпел неудачу.

Мои контакты с морским исследовательским учреждением совпали с захватом японцами Гонконга. Во время этой операции японские солдаты закрывали своими телами амбразуры дотов. Благодаря такому самопожертвованию даже надежно укрепленные районы Гонконга были быстро захвачены. И вот в качестве знатока Веданты и буддийской йоги я должен был представить свои соображения относительно программы воспитания воинов с тем, чтобы внушить немецким солдатам дух дзен-буддизма, которым вдохновлялись японцы.

Между тем Страниак заболел и стал быстро терять свои способности. И другие заклинатели маятника оказались в столь же незавидном положении. Рабочий день был долгим, изнурительным. Люди становились раздражительными. Доктор Гартман предложил руководителю института сменить обстановку. Гартман полагал, что во многих срывах и сбоях виновата атмосфера Берлина, пагубно действующая на его чувствительных сотрудников. «Переведите свой институт в горы или к морю, — говорил он. — Уверен, морской воздух и солнце пойдут им на пользу, они станут работать лучше». Его совет был принят, и в начале лета институт переехал на остров Зальт. К тому же и рабочий день сотрудников был сокращен. Однако результаты оказались еще более плачевными, чем в Берлине.

Сегодня кому-то может показаться невероятным, что подобный институт мог возникнуть под эгидой ВМС. На самом же деле идея такого «исследовательского центра» принадлежала не нацистам. У истоков ее стоял мой друг Вальтер Лохман, в 1920-х годах работавший в военно-морском ведомстве. После войны и другие страны открывали у себя такие институты. Хотя об этом мало что известно, с уверенностью можно сказать, что в Англии, США, Японии, а возможно, и в Советском Союзе существовали подобные центры.

Позже доктор Гартман возобновил свое сотрудничество с люфтваффе, а меня вновь отослали в распоряжение Циммермана в Гамбург. По крайней мере это означало, что я возвращаюсь домой. Вскоре, однако, мне пришлось выполнять задания куда более странные и опасные, от которых невозможно было отказаться.

ФЕЛИКС КЕРСТЕН

Мое знакомство с Феликсом Керстеном, одной из закулисных фигур в мрачной трясине нацистской политики, впервые приблизило меня к эсэсовской верхушке. Толстяк и внешне безобидный массажист из Финляндии, он сумел проложить себе дорогу не только в аристократические круги за рубежом, но и в высшие эшелоны власти нацистской Германии. Хотя он не был интеллектуалом, но имел трезвый, цепкий ум и отличался необыкновенной проницательностью. Он родился в крестьянской семье, в 1917 году недолго служил офицером в финской армии, потом, спасаясь от большевиков, бежал в Германию, где Керстен работал посудомойкой, статистом на киностудии, массажистом и, наконец, с 1930 года — «доктором манипулятивной терапии». Он был на «ты» с голландским принцем-консортом Генрихом фон Мекленбургским, и еще он был личным врачом Гимmlера.

Когда зимним вечером 1942 года Циммерман привел меня к нему, Керстен занимал роскошные апартаменты на углу Рюдесхаймерплац в Берлин-Вильмерсдорфе. Эти апартаменты ему достались благодаря программе «арианизации» — их прежний владелец, еврей, был попросту оттуда выдворен. Квартира поражала вычурной роскошью. Интерьер и убранство ее были скопированы во дворцах, замках и загородных виллах богатых клиентов Керстена. Хозяин нас встретил унылой миной. Мы не рассчитали расстояние и опоздали на полчаса. Керстен сухо заметил, что не привык ждать людей, приходящих к нему с просьбами и одолжениями. Он имел все основания рассматривать наш визит именно в таком свете: Циммерман рассказывал ему о моей участии, а от Герды, сестры Циммермана, Керстен был осведомлен о проекте по облучению молока и трудностях, возникших на пути его осуществления.

Но вскоре омрачившую первую четверть часа атмосферу удалось развеять. Керстен перестал хмуриться, разговор оживился. Циммерман заговорил о молочном проекте, а Керстен поначалу отговаривался своей некомпетентностью. Затем пообещал помочь, представив Циммермана нужным людям, которые воспользуются для него своими связями, что вскоре действительно было сделано.

Во время разговора я внимательно наблюдал за Керстеном. Можно ли его принимать всерьез? В тот момент он показался мне любезнейшим человеком, каким его и описывал Циммерман. На пухлом лице алчные глаза, чем-то похожие на глаза ребенка. У Керстена были нелады со щитовидной железой, к тому же он страдал от ожирения. Однако, несмотря на огромные размеры, был очень подвижным. Его жирные руки с беловатыми следами ранок постоянно вертели какой-нибудь предмет, то карандаш, то подвернувшуюся миниатюрку. По средневековой классификации он был флегматиком с примесью сангвиника. Его отличали чувственность и страсть, он был очень ленив, честолюбив, тщеславен. Прекрасно зная об этом, Циммерман верно рассчитал, что Керстен будет польщен знакомством с астрологом, который, быть может, заинтересует Гиммлера. Неожиданно Керстен сказал: «Со мной вы можете говорить вполне откровенно о политической обстановке. Я достаточно хорошо обо всем информирован, к тому же у меня есть свои соображения и своя озабоченность относительно войны и международного положения Германии. А теперь скажите, что вы думаете о гороскопе Гитлера».

С большой опаской я перечислил относящиеся к нему созвездия и обратил внимание на те, что были особенно неблагоприятны. Затем я высказал предположение, что такой человек не сможет долго и удачно руководить страной, и добавил, что мне жаль немецкий народ; впереди мне виделось нечто ужасное, если только в политике не произойдет радикальных перемен. Наступления под Москвой и Ленинградом к тому времени были остановлены, наши войска осуществляли «стратегическое отступление», которое должно было продолжаться три долгих года. Я сказал Керстену, что в гороскопе Гитлера Сатурн занимает ту же позицию, что в гороскопе Наполеона, и хотя их судьбы не идентичны, в них все же есть определенное сходство, прежде всего в том, что касается русской кампании и предстоящих сражений. Чтобы спасти Германию, необходимо в ближайшее время что-то сделать. Я не сказал, что нужно сделать, но Керстен понял меня.

Затем он сказал: «Вы можете дать мне гороскоп Гитлера? Я бы хотел показать его Гиммлеру». Эти слова повергли меня в ужас. Видя мое замешательство, Керстен продолжал покрови-

тельственным тоном: «Дорогой мой, вам нечего бояться. Гиммлер вам не причинит вреда. Я берусь все устроить. То, что вы мне рассказали о будущем Гитлера, очень важно, интересно, и Гиммлер должен об этом узнать».

«Нет, — сказал я. — Пожалуйста, ни слова Гиммлеру. Не хочу снова оказаться в «следственной тюрьме» гестапо. Гиммлер ничего не должен знать. Он этого не поймет, сочтет мои слова клеветой, подстрекательством. Прошу вас сохранить в тайне мои замечания о гороскопе Гитлера, не создавайте мне лишних неприятностей».

Тут Керстен спросил, пришлось ли мне очень страдать в заключении; я ответил, что испытал на себе все те ужасы, что и другие заключенные в схожей ситуации. Еще я сказал, что мои мрачные прогнозы относительно личной судьбы Гитлера основываются на универсальных гороскопах, на гороскопе Германии и гороскопе на 30 января 1933 года — это дата основания третьего рейха, который, как было возведено, просуществует тысячу лет и который, однако, окажется вскоре в предсмертной агонии.

«Вы должны мне рассказать об этом подробнее, господин Вульф, — настаивал Керстен. — Это чрезвычайно важно как для меня самого, так и для тех проектов, которыми я занимаюсь. И раз уж вы начали, прошу вас, продолжайте».

Циммерман также просил меня продолжать. Он Керстена знал лучше, чем я, поскольку финн был поклонником его сестры, доктора Герды Циммерман. Но я опять отказался. Я сказал, что не смогу этого сделать, не сверившись со своими вычислениями, но мои бумаги конфискованы, так что гестапо знакомо с моими предсказаниями относительно будущего Германии. Все, что я бы мог сейчас сообщить, не более чем запомнившиеся детали, картина была бы неполной, к тому же некоторые из моих вычислений и толкований сделаны двадцать лет назад.

«Вы должны встретиться с Гиммлером, — сказал мне Керстен. — Он вам понравится. Приятный человек, и многое для вас сможет сделать, если вы того пожелаете».

Я отклонил и это предложение. У меня не было желания встречаться с Гиммлером. Мне было достаточно того, что я о нем слышал. Позже и Циммерман убеждал меня, что я заблуждаюсь относительно Гиммлера, но Циммерман не знал того, что

я видел в его гороскопе. Затем Керстен попросил составить подробные гороскопы для него и для Гиммлера. Созвездия Гиммлера для меня, астролога, представляли большой интерес, и мне захотелось включить его гороскоп в свою коллекцию. Так я начал работать на Керстена, предварительно получив от него заверения, что не буду подвергнут преследованиям. Через несколько недель я вручил Керстену его подробный гороскоп.

В то время у меня не было точных данных о рождении Гиммлера, и потому я не мог составить его гороскоп.

НАЙДИТЕ МУССОЛИНИ!

Мой визит к Феликсу Керстену подвел меня к наиболее драматичному периоду моей жизни. Это была отнюдь не драма моего собственного сочинения. Я был в нее вовлечен Циммерманом, который представил меня Керстену, надеясь извлечь для себя выгоду, используя меня как приманку. Керстен, в свою очередь, воспользовался моими астрологическими познаниями, чтобы придать себе больший вес в глазах Гиммлера, Вальтера Шелленберга и Артура Небе. Его уловка прошла. Вскоре он стал передавать мне заказы непосредственно от шефа СС. В результате я оказался в странном положении. По закону я, как и другие астрологи, должен был бы сидеть в концлагере; официально я числился служащим в исследовательском институте Циммермана по иррадиации молока, а фактически я занимался составлением астрологических прогнозов для высших чинов СС. Безусловно, мое положение было несопоставимо с пребыванием в концлагере, в то же время я должен был работать на пределе своих возможностей и, выполняя курьезнейшие заказы, стремиться выдать безупречные результаты, что было утомительно и опасно. Я не имел понятия, как долго эсэсовцы намерены опекать меня и не приведет ли малейшая оплошность с моей стороны к новому заключению, а то и к чему похуже. По роду своей деятельности я должен был много знать, возможно, слишком много. А тех, кто знает слишком много, при диктаторских режимах стараются без лишнего шума убрать.

В ту пору люди из гестапо нередко заезжали за мной в Гамбург и через Ораниенбург или концлагерь Равенсбрюк везли меня в уединенное поместье Керстена Гарцвальд. Несколько

членов секты Свидетели Иеговы — заключенные из Равенсбрюка — работали в поместье, расположенном километрах в семидесяти от Ораниенбурга, иначе говоря, из Берлина туда было езды часа полтора. Это поместье было излюбленным местом встреч эсэсовских вождей.

28 июля 1943 года — вскоре после ужасного воздушного налета на Гамбург — я стоял на улице перед домом, занятый погрузкой вещей, которые собирался отправить на хранение в Волдорф, когда увидел подкативших на машине офицеров гестапо Вальтера Волера и Мэйти Мехленберга. «Слава Богу, мы вас нашли, — крикнул один из них. — Я двое суток вас разыскивал. Нам велено доставить вас на командный пункт гестапо. От рейхсфюрера поступила телеграмма».

Моей первой мыслью было, что я опять арестован. Но все оказалось иначе — меня затребовали для выполнения особого задания. Двумя днями раньше, 26 июля, партизаны захватили Бенито Муссолини. В Берлине, в штаб-квартире криминальной полиции, я предстал перед обергруппенфюрером СС Артуром Небе, который уже много лет возглавлял криминальную полицию и теперь имел звание генерала. Это был один из лучших криминалистов всех времен, тонкий знаток сыскной техники, человек, увлеченный своей работой, и потому, возможно, он занимал бы этот пост при любом режиме. Но когда понадобилось установить местонахождение похищенного Муссолини, традиционные методы сыска оказались бесплодными.

Кабинет Небе был обставлен в стиле ложного Ренессанса, столь почитаемого нацистскими главарями, ибо он сполна удовлетворял их пристрастия к показной роскоши. Небе принял меня с нарочитой любезностью, приберегаемой обычно сыщиками для неговорчивых клиентов. Он предложил мне коньяк «Хенесси» и американские сигареты, словно я к нему явился с дружеским визитом. Затем Небе передал мне данные о рождении одного предполагаемого преступника и другого — предположительно шпиона. Он попросил меня прямо в его присутствии составить краткий гороскоп на каждого из них. Сначала я занялся преступником: «Вы можете особенно не беспокоиться об этом человеке. Вскоре он окажется в руках криминальной полиции, и это для него плохо кончится». Познакомившись с данными шпиона, я сказал: «У этого человека скромные способности к сыску».

Я заметил, что Небе потрясли мои характеристики. Позднее я узнал, что «преступником» был сам Небе, а «шпионом» — его заместитель Лоббе. Вскоре я составил подробный гороскоп Небе. Мрачные предсказания, сделанные мною о времени и обстоятельствах его смерти, подтвердились дальнейшим ходом событий. Как выяснилось, Небе вел опасную двойную игру; он поддерживал тесные связи с немецким сопротивлением. После 20 июля 1944 года* ему пришлось скрываться. Несколько месяцев за ним гонялась его собственная криминальная полиция. Его подвели любовные связи. Одну из подружек Небе вынудили рассказать, где он скрывается. Небе судил чрезвычайный трибунал, и 4 марта 1945 года его повесили самым жестоким, изуверским образом.

Доктор Эрнст Тейхман, адвокат, в письме от 8 мая 1963 года писал мне: «Мы с Вами однажды вечером в июле 1943 года встречались в управлении криминальной полиции на Вердшермаркт в Берлине... На следующий день я узнал, что Вы тот самый известный и уважаемый астролог Вульф... Спустя несколько недель шеф криминальной полиции Артур Небе вызвал меня к себе. В то время я был его личным помощником. Он вручил мне гороскоп некоего управляющего фабрикой по имени Франц Шварц и попросил меня тут же прочесть и высказать свое мнение. Хотя Небе был человеком крайне подозрительным, но мне в отличие от моих коллег он полностью доверял, так что я без боязни мог говорить все, что думаю. По данным о рождении я тотчас понял, что так называемый управляющий Франц Шварц не кто иной, как Небе. Между прочим, в первой части гороскопа был дан довольно точный, хотя и не слишком лестный, отзыв о личных качествах Небе. Мне это показалось забавным, и я воскликнул: «Шеф, а ведь тот управляющий — это вы сами! Удивляюсь, насколько точно астролог описал вас!» К моему ужасу Небе побледнел, мне показалось, он был потрясен. И тут он рявкнул на меня: «Черт побери, приятель, сначала дочитай до конца!» Последующие мрачные предсказания о профессиональном и личном крахе, о преследованиях и жуткой смерти «господина Франца Шварца» меня в буквальном смысле слова ошеломили. Небе не сводил с меня глаз, и я попытался смягчить

* Неудавшееся покушение на Гитлера.

зловещее пророчество, все обратив в шутку. С того дня Небе почувствовал страх. Он становился все более раздражительным и часто впадал в глубокую депрессию. Не думаю, что ошибусь, предположив, что именно его душевное состояние подсказало ему удариться в бега после неудавшегося покушения 20 июля 1944 года. Вы были автором того гороскопа!»

Но при первой нашей встрече Небе интересовало главным образом местонахождение Муссолини. Индийская астрология предлагает методы вычислений такого рода. Я уже имел случай опробовать их в своей практике. Во второй половине того же дня я смог сообщить Небе, что Муссолини находится не более чем в ста двадцати километрах к юго-востоку от Рима. Как выяснилось, эти расчеты были точными. Хотя впоследствии его переправили на другой остров, а затем спрятали на вершине Гран-Сассо в Аbruцких горах, поначалу Муссолини был доставлен на остров Понца, и там он находился, когда я производил расчеты. Местоположение этого острова точно совпадает с указанным мною.

В тот вечер Небе пригласил меня отобедать с ним в «Кайзерхоф отеле», который был почитаем нацистской верхушкой, поскольку тут до 1933 года часто бывал Гитлер. За обедом я должен был прокомментировать Небе гороскоп Кромвеля, Валленштейна и Наполеона. Я обратил его внимание на частичные совпадения этих гороскопов с гороскопом Гитлера. После этой встречи мне было разрешено ненадолго вернуться в Гамбург. Вскоре Небе прислал мне данные о рождении двадцати пяти высших нацистских чинов, чьи гороскопы я должен был составить в предельно короткий срок. Все эти люди подозревались в коррупции. Их имена и должности мне были неизвестны, но в одном из них опять фигурировал Небе. В Берлине, куда меня доставили в сопровождении офицера гестапо, я встретился с адъютантом Гимmlера Суханеком, и тот мне сделал выговор за то, что я слишком долго делал свои расчеты. Суханек сказал: «Рейхсфюрер велел передать, что вы должны работать быстрее и прилежней, иначе вас ожидает участь алхимика Таузенда, который сейчас сидит в концлагере и будет там сидеть, пока не получит золото».

Все же работа с Небе для меня обернулась удачей. Почти все книги и бумаги, конфискованные гестапо весной 1941 года, были мне возвращены по указанию Небе. Он сумел сделать то,

что, несмотря на все старания, не смогли ни Циммерман, ни Керстен. Конечно, Небе это сделал не по доброте сердца. Он старался выжать из меня как можно больше, а потому и вернул столь необходимые в моей работе вещи. Недоставало только двух ящиков с индийскими рукописями и переводами. Позже я узнал, что сам Гиммлер реквизирует эти бесценные сокровища, сыгравшие важную роль при моей первой встрече с ним. Это Гиммлер позже устроит мне встречу с генералом Вальтером Шелленбергом, одним из тех, кому он полностью доверял. Отчасти Гиммлер это сделал, чтобы не терять меня из виду, но больше все же для того, чтобы воспрепятствовать мне работать на противников Небе в командовании СС, уже тогда расколотом на две враждующие группировки.

МОЯ ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ВАЛЬТЕРОМ ШЕЛЛЕНБЕРГОМ

С Вальтером Шелленбергом, руководителем контрразведки и шефом Отдела VI в Главном управлении имперской безопасности, я впервые встретился на одной из гамбургских вилл. Был холодный январский день 1944 года, через заледеневший Альстер с востока дул студеный ветер.

Глава Отдела VI в свои тридцать четыре года был одним из самых молодых генералов третьего рейха. С виду это был застенчивый, неброской внешности человек. Его спокойные и сдержанные манеры были приятным исключением среди кичливого высокомерия нацистских главарей. У него был уравновешенный характер, он был хорошо сложен, его походка и жесты отличались живостью. Глаза у него были маленькие, но пронизательные.

Шелленберг сел подальше от окна, в самом углу комнаты, и тотчас завел со мной разговор. Его блестящие способности к дедукции проявились уже через несколько минут. Располагая немногими фактами, он быстро сумел составить для себя ясную картину о людях и событиях. У меня сложилось впечатление, что этот человек с превосходным аналитическим умом не слишком хорошо себя чувствует в своем элегантном мундире СС.

Шелленберг завел разговор об астрологии, и мы обсудили созвездия в его гороскопе, который я успел изучить. Я сказал,

что период, объемлющий 1909 год, в котором он родился, астрологически крайне неприятный: «Созвездия Нептуна, Сатурна, Марса, Юпитера, Урана и Солнца тогда доминировали. На языке астрологов это означает, что тех, кто родился в эту пору, ожидают суровые испытания. Многие из них уже убиты, депортированы или пропали без вести. Другие сами стали инструментами массовых убийств. Если бы только этот факт был подвергнут статистическому анализу, результаты, вне всяких сомнений, оказались бы удручающими».

Затем я сказал Шелленбергу, что его здоровье вызывает опасения; длительное время подвергая себя перегрузкам и перенапряжению, он может истощить свою в высшей степени чувствительную натуру, а это приведет к тому, что присущее ему стремление к самовыражению и самоутверждению будет сковано излишней осторожностью.

Шелленберг был осведомлен о преступлениях и промахах своих коллег и начальников. Руководя особой сферой контрразведки в системе Главного управления имперской безопасности, он в этом качестве унаследовал часть того, что осталось после Гейдриха. В какой-то мере Шелленберг прославился среди немецких разведчиков, захватив двух английских шпионов, Беста и Стивенса, которых сумел заманить через датскую границу в Венло в ноябре 1939 года.

Шелленберг вел очень опасные интриги против Эрнста Кальтенбруннера, ставшего после убийства Гейдриха в Праге в июне 1942 года его номинальным начальником, а также против своего коллеги, Генриха Мюллера, шефа гестапо. Все трое стремились расширить сферу влияния своих ведомств и укрепить свою личную власть, добываясь поддержки и доверия Гимmlера, который защищал преданных ему друзей, карал их врагов, а кроме того, оказывал им тысячу разных услуг. Будучи главой контрразведки, Шелленберг был лучше осведомлен о военно-политической обстановке за границей, как и об отношении там к Гитлеру и Гимmlеру. Ему приходилось вести жестокую закулисную борьбу, чтобы предотвратить или хотя бы смягчить некоторые чудовищные преступления, о которых ему становилось известно. В какой мере это мотивировалось чувством гуманности, в какой — желанием обеспечить себе оправдание на будущее, трудно сказать.

При первой встрече мы лишь слегка коснулись этого вопроса. В тот вечер Шелленберг пожелал услышать мое мнение об астрологии; он отметил, что астрология пользуется дурной репутацией и что у него лично возникают большие сомнения по поводу многих аспектов этого феномена. «Возьмем такой пример, — сказал он, — железнодорожная катастрофа произошла по вине стрелочника, забывшего перевести стрелку. Астролог нам скажет, что катастрофа была в тот момент неотвратима по причине такого-то расклада звезд. Этого я не могу понять».

Я пояснил, что на самом деле последовательность событий тут совсем иная. «В данном случае, — сказал я, — определенное созвездие, соответствующее определенной точке земной поверхности, положило начало целой цепи событий внутри космобиологической системы. Возможно, врач объяснил бы происшествие болезнью стрелочника, а психолог, химик или метеоролог сделали бы это по-своему. Я же объясняю это расположением определенного созвездия, представляющего внешнюю оболочку системы «микрокосм-макркосм», той сущности, что всех нас объемлет. Для астролога созвездие — это всего лишь небесное соответствие событию, происходящему в определенной точке на поверхности Земли».

Тогда Шелленберг выдвинул следующее возражение. «Астрологи допускают фундаментальную ошибку, — сказал он. — Составляя гороскоп, они его привязывают к моменту рождения, которое и считают началом жизни. На самом же деле жизнь начинается при зачатии. Как вы объясните это, господин Вульф?»

Это был другой типичный вопрос, который обычно задают астрологам интеллигентные дилетанты. «Но гороскоп можно составлять на любой момент человеческой жизни, — ответил я. — Мы отдаем предпочтение рождению хотя бы потому, что это некий определяющий фактор. Всякий согласится, что рождение — это поворотный пункт в биологическом потоке жизни человека. Гороскоп, привязанный к этой точке, включает в себя все прежние точки и фазы — момент зачатия, рост зародышевых клеток родителей и даже линию предков, одновременно предвосхищая все важнейшие биологические процессы и события, которые последуют с момента рождения».

«Но момент рождения может быть прерван произвольно хирургическим вмешательством или при помощи медицинс-

ких препаратов. Роды могут наступить преждевременно в результате каких-либо случайностей», — возразил он.

Этот довод мне также был хорошо известен. Я объяснил, что все подобные обстоятельства в гороскопе будут отмечены особыми созвездиями, а следовательно, тут противоречий нет. Непрофессионалу это кажется невероятным и странным, сказал я, поскольку он не способен разглядеть связующие звенья единой цепи и поскольку у него неверное представление о времени и пространстве, которое в современной физике уточняется теорией относительности Эйнштейна.

«В таком случае, — заключил Шелленберг, — предшественницей современной научной мысли была астрология, и тем не менее у нее дурная репутация».

В этом я с ним согласился. «Злейшие враги астрологии — сами астрологи, — сказал я, — точнее, так называемые астрологи, шарлатаны и газетные писаки. Но есть серьезные астрологи, которые стремятся привести знания и методы традиционной астрологии в соответствие и согласие с естественными науками. Атомная физика прекрасный тому пример».

Шелленберг понял меня с полуслова. Затем с присущей ему неожиданностью он задал мне вопрос совсем другого рода: «Считаете ли вы астрологию средством пропаганды политических доктрин, а также средством политического контроля нации?»

«Разумеется, — ответил я, — астрологию можно использовать в государственных интересах, тем более в пропагандистских целях. Англичане это делали в крупных масштабах в годы Первой мировой войны. Лорд Нортклиф, известный специалист по пропаганде, в полной мере оценил значение астрологии как средства влияния на массы. Конечно, подобная практика чревата злоупотреблениями, и вряд ли уважающие себя астрологи на это пойдут. Сегодня все наши видные и серьезные специалисты сидят за решеткой, а шарлатанам и самозванцам разрешено продолжить свои занятия».

Прошло несколько месяцев, Шелленберг снова вызвал меня в свое ведомство и показал небольшой астрологический журнал под названием *Der Zenit*. За исключением одной детали, а именно артикля «Der», титул у него был тот же, что у широко известного астрологического ежемесячника, журнала *Zenit*, печатного органа наиболее влиятельной немецкой аст-

рологической ассоциации, однако он прекратил свое существование в 1939 году.

«Вот интересная публикация, — сказал Шелленберг. — Журнал переправили морем из Швеции, не так давно он появился в Штеттине. Мы захватили несколько ящиков. В качестве издателя и редактора на нем значится имя доктора Корша, но, как вы знаете, Корш находится в концлагере с 1938 года*. Что вы об этом думаете?»

Я пролистал этот лже-Zenit. В нем оказался хороший универсальный гороскоп на 1943 год, а также гороскопы адмиралов Деница и Редера вместе с гороскопами нескольких немецких боевых кораблей. Последние были составлены по дате их спуска на воду. Я сказал Шелленбергу, что с точки зрения астрологии издание превосходное, это работа профессионалов. Несколько достаточно тонких пропагандистских шпучек как бы невзначай было обронено на страницах этого в остальном безобидного текста. Мы рассудили, что подделка была изготовлена в Англии. Я сказал Шелленбергу, что в этой стране есть несколько толковых, знающих свое дело астрологов. Годы спустя Эллик Хау поведал мне о своей причастности к изданию этого псевдо-Zenit вместе с Сефтоном Делмером и покойным Луисом де Волем. Я рассказал Шелленбергу о неудачных попытках министерств пропаганды и иностранных дел использовать так называемый оккультизм в психологической войне во Франции и других европейских странах. Особенно подробно остановился на стараниях доктора Геббельса использовать в своих целях туманные стихотворные пророчества Нострадамуса.

«Кампания» Нострадамуса проводилась с конца 1939-го и до осени 1940 года. Издавались 16-страничные брошюры с предсказаниями Нострадамуса, отобранными швейцарским астрологом Краффттом, а ловкие писаки из Министерства пропаганды так обрабатывали «интерпретации» Краффта, что предрекали неизбежность падения Британской империи и победы Германии. Грубая подделка истинных предсказаний и очевидная тенденциозность комментариев не остались незамеченными в тех странах, где эти брошюры распространялись. В один прекрасный день ведущие английские, шведские

* К тому времени Корша уже не было в живых.

и испанские газеты вышли с заголовками: КТО ТАКОЙ НОСТРАДАМУС? А несколько дней спустя был напечатан ответ этой загадки, НОСТРАДАМУС — ЭТО АДЛЬФ ГИТЛЕР!

Шелленберг был прекрасно осведомлен о методах фальсификации и подделок, к которым прибегали министерства пропаганды и иностранных дел. В конце концов он и сам держал целый институт, служивший своеобразной кузницей, где с помощью последних достижений науки и техники производились искусные подделки для его шпионского ведомства.

Затем мы перешли к обсуждению проблем универсальной астрологии. Шелленберг был в приятельских отношениях с Керстеном, а потому знал, что со мной можно говорить совершенно открыто.

С большим беспокойством он высказал свои взгляды на зловещий для третьего рейха оборот событий, ведущих страну к полному краху.

«Гитлера необходимо убрать, устранить, только восстановление законности способно дать мир Германии и другим странам. Но ему это совершенно чуждо. Для меня, человека, исповедующего подобные взгляды, очень трудно добросовестно выполнять свои непосредственные обязанности», — заключил Шелленберг.

«К сожалению, отстранение Гитлера не изменит хода событий», — ответил я. — Для этого произошло слишком многое. Двадцать лет я уже изучаю гороскоп Гитлера, и у меня совершенно четкое представление о том, что ему уготовано судьбой. Возможно, он погибнет от руки убийцы, безусловно, при «Нептуновских», то есть при загадочных обстоятельствах, в которых женщина сыграет немаловажную роль. Пожалуй, мир так никогда и не узнает подробности его гибели, поскольку в гороскопе Гитлера Нептун занимает крайне неблагоприятное положение по отношению к другим планетам. Более того, позиции Нептуна в его гороскопе чрезвычайно сильны, а это всегда наводило на мысль, что все его широкомасштабные военные предприятия будут иметь сомнительный успех».

«С некоторых пор я ломаю голову, стараясь понять, что можно было бы сделать, — прервал меня Шелленберг. — Возможно, судьбу немецкого народа удалось бы облегчить, если бы произошла смена правительства. А как вы считаете, для Сталина и Советского Союза созвездия благоприятны?»

«Если только данные о рождении Сталина, которыми я располагаю, точны, — ответил я, — он может рассчитывать на многие благоприятные движения планет с 1945—1946 годов. Они отнюдь не указывают на поражение Советов. Но данные о рождении Сталина не мешало бы уточнить. Вы можете выяснить точное время его рождения, чтобы я смог перепроверить свои вычисления?»

«Посмотрим, что можно сделать, — ответил Шелленберг. — А каковы астрологические прогнозы относительно Великобритании и Соединенных Штатов?»

«Во многом тождественны прогнозам, касающимся Советского Союза! Прямо скажу, созвездия этих двух народов чрезвычайно благоприятны вплоть до 1947 года. А своего пика они достигнут в середине мая 1945 года. Необходимо что-то срочно предпринять, чтобы избавить Германию от еще больших бед».

«Могли бы вы составить исчерпывающий доклад для рейхсфюрера относительно всех этих вопросов? — спросил Шелленберг. — Я нахожу наш разговор в высшей степени полезным и важным как для моих собственных, так и для планов рейхсфюрера. Я вам очень признателен за откровенность. И знаете, — добавил он, — то, что вы сказали о моем гороскопе, абсолютная правда».

ОБЕД С ГЕНРИХОМ ГИММЛЕРОМ

Погожим весенним утром ранним поездом я приехал в Берлин. Личный секретарь Вальтера Шелленберга встретил меня на вокзале и повез к Ванзее. Новенький «мерседес» остановился перед большой виллой. Окружавший се сад спускался прямо к берегам Ванзее.

Меня представили невысокому, полноватому человеку, сотруднику Шелленберга. Он и секретарь должны были подготовить меня к поездке в неведомом мне направлении. Тот человек не знал, кто я такой, но мне удалось выяснить, что его зовут Франц Геринг. Коллеги называли его «маленьким Герингом». Он был из породы служак, которые постоянно чем-то заняты, всегда себе находят дело. Он был в штатском, хотя, конечно, служил в СС.

Моя первая встреча с Генрихом Гиммлером была надежно засекречена. Путешествие в специальном воинском поезде в

Бергвальд — это было кодовым названием поместья Гиммлера — прошло без okazji. Пополудни следующего дня, с опозданием в пять часов я прибыл к месту назначения. О конечной цели меня уведомил в дороге офицер СС, ответственный за курьерский вагон поезда.

После недавнего воздушного налета Зальцбург был все еще окутан дымкой. В Айгене близ Зальцбурга находится построенный в стиле позднего барокко замок, который Гиммлер облюбовал для своего уединения. В целях конспирации замку дали другое название — Бергвальд. А когда-то этот замок с парком сказочной красоты принадлежал князю Шварценбергу. Расположен он у подножья горы Гайзберг, откуда открывается великолепный вид на Зальцбургские Альпы и овечьную легендами гору Унтерсберг. Добраться туда непросто, дорога узкая, со множеством крутых поворотов. То поднимаясь, то опускаясь по этому серпантину, мы приближались к замку. Миновав эсэсовские кордоны, наш элегантный «мерседес» подкатил к внешней стене укрепления с коваными железными воротами необыкновенной красоты. Водитель подал условный сигнал, и охранник пропустил нас. Мне не пришлось предъявлять никаких документов. С той минуты в течение трех дней я оказался полностью отрезанным от внешнего мира под опекой эсэсовцев.

Я был встречен оберштурмбаннфюрером Занне и другими офицерами личного штаба Гиммлера. Затем меня — по ошибке, как выяснилось позже — отвезли в гостиницу «Естеррайхшпер хоф». Едва успел я привести себя в порядок и передохнуть с дороги, как в номере зазвонил телефон. Адьютант Гиммлера сообщил, что у подъезда ждет машина, которая доставит меня к Гиммлеру. Когда я приехал, обед только начинался. Гиммлер и его люди уже сидели за столом. Как только я вошел, Гиммлер поднялся, чтобы встретить меня. Сердечность его приветствия была настолько искренней, что всякий, кто увидел бы его впервые, возможно, был бы приятно поражен. Гиммлер усадил меня справа от себя. И вот сижу бок о бок с шефом СС, который, похлебывая суп, ведет со мной учтивую беседу.

Кто был Гиммлер? Властитель? Человек железной воли? Или политическая счетная машина? Робот в очках с роговой оправой и куском стали в груди вместо сердца, вложенным неким злым духом при помощи магических заклинаний?

В прошлой своей жизни он торговал домашней птицей и удобрениями. Впервые мир о нем услышал 30 июня 1934 года в связи с делом Рема, когда Гиммлеру пришлось отдать приказ уничтожить «заговорщиков».

С тех пор в антинацистских кругах за ним закрепилась кличка «кровожадный пес». Говорят, что Геринг называл его *Wurstchen*, то есть человеком незначительным, «сосиской», а Дениц отзывался о нем не иначе, как *der Himmler* («этот Гиммлер»), что было завуалированной формой презрения к шефу СС. Но что они в действительности знали о Генрихе Гиммлере?

Просторные окна наполняли столовую обилием света, и когда рассеялся туман, открылась величественная панорама Альпийских гор. Простая пепельно-серая мебель создавала атмосферу покоя, уюта. Здесь все разительно отличалось от гнетущей роскоши убранства столовой на вилле Хоршнер. За большим овальным столом сидело человек двенадцать. По левую руку от Гиммлера — молодая женщина с ослепительно-голубыми глазами. Рядом с нею Киррмайер, в прошлом сотрудник криминальной полиции, ветеран СС. Этот бывший полицей был «сторожевым псом» Гиммлера. Он был вне всякой политики и фанатично предан своему хозяину. Его колоритный баварский акцент был под стать деревенским замашкам. Киррмайер был человеком простым и грубым. Квадратная форма его головы говорила о несокрушимой воле, энергии, фанатизме. Вместе с тем я в нем подметил скрытые черточки благодушия, дружбы, прямоты и преданности старого служаки, который ради Гиммлера позволил бы с себя заживо кожу содрать. Выбирая Киррмайера на роль сторожевого пса, Гиммлер, как кажется, руководствовался здравым смыслом и безошибочным чутьем.

Справа от меня сидел оберштурмбаннфюрер Занне, специалист по «расовым вопросам», ученик профессора Вюста из Мюнхена, знатока санскрита, директора исследовательского института «Атлантис». Сразу за ним сидели три симпатичных офицера СС, которые с другого конца стола робко поглядывали на своего кумира, рейхсфюрера. Они молчали даже тогда, когда разговор оживился и принял шуточный оборот. Офицеры внимательно слушали, время от времени бросая на меня восторженные взгляды, какими обычно дети смотрят на Деда

Мороза. Все трое были в безукоризненно подогнанных мундирах и при всей своей скромности демонстрировали прекрасные застольные манеры. Напротив меня сидел доктор Рудольф Брандт, адъютант и личный секретарь Гиммлера, к тому же начальник департамента правительственного ведомства со званием штандартенфюрера СС. Его близорукие глаза из-под увеличительных стекол очков внимательно присматривались ко мне, в то время как Гиммлер, Киррмайер и Занне вели оживленный разговор, в котором и я принимал посильное участие. Мертвенно-бледный цвет лица Гиммлера выделял его из всех сидевших за тем столом как человека, обремененного многими тяжелыми обязанностями. Если не считать его и Брандта, все гости выглядели свежими, здоровыми, упитанными. Задумчивые, грустные глаза доктора Брандта должны были на своем веку перевидеть столько ужасных вещей. И, несмотря на это, он был идеалистом, притом верой и правдой служил Гиммлеру. За обедом этот сумрачный человек не проронил ни единого слова. Рядом с Брандтом сидели две молодые дамы, его секретари.

Блюда разносили двое слуг в белоснежных ливреях и перчатках. Они внимательно за всем следили, но сами не произносили ни слова.

У Гиммлера это был один из разгрузочных диетических дней. Меня это устраивало, поскольку я вегетарианец. Моя личная философия близка к буддизму и его восприятию космоса. Еще в ранние годы я проникся убеждением, что не следует потреблять в пищу ничего, что хоть как-то связано с трагедией. И я всегда старался по возможности придерживаться этого правила. Но у Гиммлера были иные мотивы. Он перешел на обезжиренную, постную пищу по причине желудочно-кишечных осложнений.

Разговор зашел о вегетарианстве. Гиммлер сказал, что он ненавидит охоту, поскольку не может смотреть на страдания животных. Он расчувствовался и стал нас уверять, что не выносит даже вида крови. Поистине странных субъектов подчас выбирает провидение на роль кровавых палачей. Мне почему-то часто вспоминается это сентиментальное признание Гиммлера. Для близких то был приятный, милый человек. Говорят, был заботливым и любящим отцом. Как и всякая хищная птица.

То, что «сторожевой пес» Гиммлера демонстрировал эти столь дурные манеры и вел себя как неотесанный деревенщина, никого не удивляло. Но подобные манеры казались недопустимыми для начальника полиции, министра внутренних дел третьего рейха, рейхсфюрера СС. В чем-то Гиммлер даже превосходил Киррмайера — ставил локти на стол, вытягивал вперед руки, по-крестьянски звучно хлебал суп. Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер не старался скрывать отсутствие хороших манер, как не скрывал того же его верный страж Киррмайер. В сравнении с другими гостями эти двое здесь казались совершенно неуместными. Молодые офицеры СС исподтишка мне улыбались через стол, заметив, что крестьянские манеры их Рейхсхайни привлекли и мое внимание. Затем Гиммлер завел со мной разговор:

«Я вам весьма признателен за то, что вы приехали, и за то, что рассказали Шелленбергу об «Arthasastra» (сборник наставлений в области политики и фальсификаций). Это поистине бесценная книга, в своем роде совершенно уникальная. Древние индийцы были столь основательны, что не упустили ни один из аспектов управления государством. В самом деле, я очень вам благодарен, господин Вульф. Странно, что никто из моих людей не обратил мое внимание на существование подобной литературы».

На мгновение я лишился дара речи. Гиммлер говорил о том индийском сочинении, которое гестапо конфисковало у меня дома и которое мне так и не вернули.

Придя в себя, я сказал: «Согласен, удивительное произведение. В нем содержится вся мудрость, необходимая правителю». И дальше я пояснил: «Мир Древней Индии, в которой жил Каутилья, нам совершенно чужд. Внутренний порядок в Древней Индии держался на строгой иерархии, на вершине ее стоял царь со своими советниками. Затем шли касты, строго-на строго отделенные друг от друга, а их организация, их архетипы во многом соответствовали представлениям и практике древних индийских астрологов. Каждая из каст в сравнении с другой имела свои особые преимущества. Исполнение своих предопределенных обязанностей для членов касты служило залогом вознесения на небо и слияния с бесконечным (parabrahman). Стоило только нарушить этот порядок вещей,

и весь мир обрекался на гибель в последующей неразберихе. Далее, в том индийском сочинении говорилось, что человек должен предаваться удовольствиям (kama), не вступая при этом в конфликт с нравственностью (dharma) и пользой (artha); не должен он быть лишен и радостей жизни. Если человек позволял себе излишество хотя бы в одном из этих трех аспектов, — удовольствие, нравственность, польза, — тем самым он вредит себе и прочим двум аспектам. И все же превыше всего польза, ибо «Артхашастра» писалась в основном для царя и правящей касты. На вопрос, должны ли учитываться моральные соображения, когда принимается то или иное решение, автор «Артхашастры» отвечает: что полезно (царю), тому и следует отдавать предпочтение (перед dharma и kama)».

Тут Гиммлер начал длинный монолог на заданную тему и пришел к заключению, прямо противоположному тому, что излагалось в «Артхашастре», чем очень меня удивил. Я знал, что «Артхашастра» не налагает никаких обязательств на царя по отношению к своему народу. Несколько глав в том сочинении посвящались организации и работе тщательно продуманной внутренней шпионской сети. И вот Гиммлер в своих высказываниях о Каутилье, чье сочинение он тщательно изучил, объявил, что использовать подобную шпионскую сеть в отношении германской нации было бы непристойно и недостойно.

Невероятно было такое слышать от человека, создавшего изощреннейшую, бдительную машину слежки, которая работала с фанатичной энергией. Но то были подлинные слова, сказанные шефом секретной полиции, одним из столпов национал-социалистической партии. Хотя сама партия — движение массовое, но состоит она из отдельных клеточек, которые постоянно отмирают и возрождаются. И каждый отдельно взятый член партии становился «важным звеном национал-социалистического сообщества», а это, в свою очередь, означает, что любой член партии шпионит за всяким другим членом партии. Шпионство в национал-социалистическом движении было всеобщим, всеобъемлющим, начиналось оно с какого-нибудь ничтожного чинуши, а замыкалось на главе гестапо, Генрихе Гиммлере. Действуя по поручению Гитлера, Гиммлер разработал методы современного террора, с его помощью построил разветвленную систему, важнейшим фактором кото-

рой стало шпионство. За что бы ни брались национал-социалисты, предпочтение отдавалось обману. Ложь и блеф у них были в почете. Процветала безнравственность, ибо она естественна для людей, прибегающих к террору. Иногда безнравственность демонстративно провозглашалась, но чаще служила прикрытием какого-то заговора.

Гиммлер использовал типично нацистский прием, превознося высокие идеалы и ценности, к которым ни он, ни его подручные не имели ни малейшего отношения. Все национал-социалистические акции предпринимались в защиту священных, божественных и, следовательно, высоконравственных предначертаний. В тот день в Бергвальде, в кругу своих последователей, веривших каждому его слову, Гиммлер, расправив грудь, с возмущением осудил уловки и коварство, провозглашенные Каутильей в «Артхашастре».

Этот лицемер, фанатичный приверженец расовых законов и национал-социализма, был воплощением жестокости и звериной сущности гитлеровского режима. Гиммлер считал себя добропорядочным, не имея понятия, что это значит, он считал себя честным, хотя, душой и телом служа национал-социализму, вырос на коварстве. Его эсэсовские методы стали символом тотально аморального правительства нацистов. Эти методы были рассчитаны на худшие человеческие качества: жестокость, мстительность, зависть, алчность, воровство, ложь и обман. Он методично насаждал их в Германии, отчего разложение нации пошло такими темпами, что перенос этой смертельной заразы на самих зачинщиков можно было считать лишь вопросом времени. В своем монологе Гиммлер преподносил беспринципные акции СС как «святые подвиги» во имя «тысячелетнего рейха».

Максимы Каутильи в его «Артхашастре» предназначались для индийского князька, чьи владения граничили с землями таких же удельных князьков. В подобных государствах внутренний порядок поддерживался силами, хотя и независимыми от правителя, но они действительно его поддерживали, как и правитель поддерживал их. Вот почему «польза» (artha) ценилась столь высоко. Князь (или правящая каста) пеклись об одном — как бы удержать в руках власть. Следовательно, политические проблемы при таком правлении сводились к одно-

му вопросу: как с помощью пряника усладить жизнь своих друзей и как с помощью кнута наказать своих врагов?

«Для нас политика — это народное государство в полном смысле этого слова, — заявил Гиммлер. — Это предполагает устранение всех сил, за исключением тех, что служат единой созидательной идее. На тех же принципах мы строим отношения с другими странами, хотя наши дипломаты это искусно скрывают. Следовательно, нас заботит не личность, а народ, нас привлекает не просто сила, а сила как средство для воплощения нравственной идеи».

Подобно всем нацистским бонзам Гиммлер боялся публичных дискуссий, а потому избегал прямых вопросов, пока мы не остались с ним наедине. В присутствии своих лейтенантов, секретаря и подчиненных он говорил напыщенно и грозно, требовал изъявления восторгов к «монументальной идее, какую когда-либо знал мир». Он говорил трескучие фразы, сулил светлое будущее, вещал о великой божественной миссии фюрера по отношению к простому народу. По всему было видно, что присутствующие весьма восприимчивы к его речам. Гиммлер же использовал те самые пропагандистские трюки, что пускались в ход в 1933-м, даже в 1920-е годы, когда они буквально завораживали слушателей.

После обеда адъютант проводил меня в кабинет Гиммлера. В приемной дежурила блондинка подчеркнуто «нордической» наружности, одна из секретарш Гиммлера, которая и доложила обо мне. Гиммлер приветствовал меня столь же радушно, как раньше. Мы сели за небольшой круглый стол в углу комнаты подальше от окна, выходявшего в парк. На горизонте маячила лилово-голубая громада Зальцбургских Альп.

Кабинет у Гиммлера был большой, просторный, не загроможденный ничем лишним. И здесь бросалась в глаза простота обстановки. На паркетном полу всего лишь один ковер. Немногие предметы мебелировки были изготовлены из дорогой древесины натуральной расцветки, и все выдержано в современном шпеевском стиле Ренессанса. Письменный стол без особых затей, под ним прямоугольный одноцветный ковер. Никакой роскоши, ничего вычурного. Напротив стола, на стене висела картина: застигнутая бурей ладья древних викингов у скалистого побережья Норвегии. За дешевой театральностью сюжета этой написанной

маслом картины скрывалась своя символика: корабль Гиммлеровской судьбы на всех парусах идет через опасные рифы национал-социалистической политики. Остальные стены были пусты.

Уже после того, как мы сели, Гиммлер поспешно поднялся и закрыл обе двери, ведущие в приемную, а ключ положил в карман. Он уже распорядился, чтобы его не беспокоили. Сторожевой пес, герр Киррмайер, звучно дышал за второй дверью.

Гиммлер изложил свое отношение к астрологии и другим оккультным наукам. Его высказывания были живы и не лишены интереса. Он рассказал мне о собственных наблюдениях за фазами луны. Его предки, сказал он, были знакомы с крестьянскими приметами и всегда точно рассчитывали время посадки овощей и злаков. И сам он все важнейшие дела начинал лишь при определенных фазах Луны. Как только мы остались одни, речь Гиммлера стала раскованной, свободной от политического жаргона.

«Я сожалею, что вынужден был вас отправить в тюрьму, но нужно было покончить с публичной астрологией. Этого нельзя было дольше терпеть. Все связанное с астрологией должно быть запрещено. От нее было много вреда. Фридрих Великий в пору Семилетней войны также запретил астрологию. По его указу предсказателей, астрологов, хиромантов и пасторов, которые посмели бы сказать что-либо худое против войны и его плотики, бросали за решетку. Странствующим хиромантам он велел предсказывать победы и долгую жизнь его солдатам, чтобы те не дезертировали и смело шли в бой. Он повелел пасторам провозглашать со своих кафедр войну Пруссии священной, справедливой и угодной Богу. Ослушников строго карали. Фридрих II предупредил также и астрологов, что, если их предсказания пойдут вразрез с его волей и интересами государства, они тоже окажутся за решеткой», — заметил Гиммлер.

«Но Фридрих Великий не запрещал астрологическую практику, распространение астрологической литературы, календарей, — возразил я. — Он предоставил людям многие свободы. Руководствуясь здравым смыслом, он использовал предсказателей в своих целях и в интересах государства».

«В третьем рейхе мы были вынуждены запретить астрологию, — продолжал Гиммлер. — Тот, кто нарушит новые постановления, должен быть готов до конца войны просидеть в кон-

лагере. Мы не можем позволить астрологам заниматься практикой, за исключением тех, кто работает на нас. В национал-социалистическом государстве астрология должна остаться *privilegium singulorum*. Она не для широких масс».

«Я на себе успел почувствовать всю суровость ваших новых постановлений, — возразил я, — и все же не могу разделить вашу точку зрения».

«А вы очень страдали в концлагере? — спросил Гиммлер. — Можете назвать фамилии охранников, которые были с вами жестоки?»

«Боюсь, что не смогу, — ответил я. — Никогда не знал фамилий охранников СС, с которыми приходилось иметь дело. Они друг друга называли по именам. Сначала ваши люди очень скверно со мной обращались, но позже, когда нас стали выводить на работу, расчищать завалы после бомбежек, стало полегче. Обычно я, полежащая на траве, объяснял охранникам их гороскопы».

Это развеселило Гиммлера.

«Никакие ваши запреты не помогут, — продолжал я. — Те астрологи, которые превосходно знают свое дело, работают как и прежде. Просто они стали осторожней. Как только вы удалили из общества наиболее видных представителей этой профессии, на поверхность тут же всплыли звездочеты. Они предлагают своим клиентам устраивать чаепития и занимаются своим делом за чашкой чая. Недавно один из них на свадьбе предсказал приглашенным судьбу, составлял гороскопы, за что был осыпан деньгами и подарками. Сегодня, практикуя подпольно, предсказатели становятся неподконтрольными государству, а такого рода астрология очень опасна.

«В ваших полицейских постановлениях наука астрология приравнивается к гаданиям и предсказанию судьбы. Второй параграф гласит: «В соответствии с данными постановлениями, предсказание судьбы следует понимать как прорицание грядущих событий, как ворожбу о прошлом или настоящем, а равно и другие формы предсказаний, не основанные на естественных процессах восприятия. Особенно это относится к гаданию на картах, составлению гороскопа, толкованию знамений и снов». Но все дело в том, что астрология как раз и основывается на естественных процессах восприятия», — сказал я.

«Мы исходим из того, — отвечал Гиммлер, — что астрология как универсальная доктрина находится в кричащем противоречии с нашим философским миропониманием. Астрологи утверждают, что умеют составлять гороскопы для всего земного шара, всего человечества. Но это как раз то, против чего мы, национал-социалисты и члены СС, категорически возражаем. Доктрина, в равной мере применимая к неграм, индийцам, китайцам и арийцам, никак не согласуется с нашими представлениями о расовой душе. Каждый из названных мною народов имеет свою особую расовую душу, как и мы имеем свою, и, следовательно, никакая доктрина не способна охватить собою все случаи».

«Но в астрологических руководствах индийских ариев, — возразил я, — дается описание созвездий, отражающих многообразие расовых характеристик, что в древней индийской культуре нашло практическое отражение в системе каст. Еще в древности астрологи достаточно подробно разработали эту проблему».

Мне стало ясно, что хотя Гиммлер и знал о притеснениях астрологов его людьми, он ничего не знал об истинных достижениях научной астрологии.

И тут он сказал:

«Притеснения астрологов действительно велики, господин Вульф. Мне это известно из донесений. Астрологи фигурировали в ряде сенсационных процессов. В Берлине вредоносная практика предсказаний судьбы с помощью так называемых гороскопов к 1934 году достигла таких размеров, что я уже тогда подумывал запретить астрологию. Гороскопные лавчонки появлялись как грибы в любой части Большого Берлина и во многих других городах. Заплати только денежки, и легковверный простак тут же узнает, что ему уготовано в будущем! Вот вам и предсказание судьбы!»

«Остается пожалеть о том, — заметил я, — что при этом пострадали и серьезные астрологи, когда вы очищали Берлин от шарлатанов. Полиция и впрямь должна была воспользоваться этим постановлением и защитить людей от обмана и вымогательства. И вскоре после обнародования вашего запрета определенные круги в Берлине основали национал-социалистическое общество членом оккультных профессий с единствен-

ной целью защитить людей, работающих в этой сфере. Возглавляемая доктором Губертом Коршем Ассоциация научной астрологии, входившая в Немецкий астрологический центр в Дюссельдорфе, в то время была единственной из оставшихся астрологических организаций. Я знаю, шарлатаны от астрологии причинили нам много вреда, но пока нет оснований утверждать, что серьезные астрологи имели что-либо общее с ними или привлекались к шумным судебным процессам».

После этого Гиммлер просмотрел гороскопы Сталина и Черчилля и наконец заговорил о гороскопе Гитлера. Делясь своими наблюдениями о гороскопе Гитлера, я дал неприукрашенный отчет о трагическом исходе его военных кампаний, описал его болезнь, зловещие обстоятельства его карьеры, а также таинственную смерть.

«Гитлер не будет убит, — сказал я Гиммлеру, слегка изменив ранее данное толкование Шелленбергу. — На это не рассчитывайте! Возможно, будет предпринято покушение на его жизнь, но он уцелеет».

Уже год, как Гиммлер имел мой отчет о гороскопе Гитлера. Его передал ему Керстен. В отчете я утверждал, что Гитлер встретит смерть в 1945 году. Я особо подчеркнул этот факт, надеясь поколебать хорошо известную нерешительность Гиммлера и побудить его выступить против Гитлера еще до истечения указанного срока, чтобы не оказаться застигнутым катастрофой врасплох. Я полагал, он сочтет нужным свергнуть Гитлера и приступить к мирным переговорам. Если бы даже это ему не удалось, это могло бы приблизить восстание внутри страны, что положило бы конец нацистскому режиму.

«Что же, по-вашему, мы должны сделать? — спросил Гиммлер. — Вы уверены, что еще можно выправить ситуацию? В России у нас есть в резерве свежие дивизии. Конечно, их недостаточно. Мы должны обезопасить себя и на Западе».

И Гиммлер заговорил о «секретном оружии», возлагая на него большие надежды.

Выразив сомнение в том, что с помощью нового оружия нам удастся добиться решающего перелома в войне, я вновь обрисовал обстановку и в заключение осмелился высказать предположение, что арест Гитлера мог бы стать для Гиммлера единственной возможностью спасти себя.

Гиммлер ответил без малейших колебаний: «Это было бы нетрудно. Я бы мог послать Бергера с бронетанковой дивизией, тем временем мои люди заняли бы все важнейшие объекты».

Это многое проясняло. Гиммлер изучал возможность мятежа против Гитлера и даже подумывал о том, чтобы самому его возглавить. «Вы понимаете, господин Вульф, — добавил он с ноткой угрозы в голосе, — то, что мы с вами сейчас обсуждаем, не что иное, как государственная измена, которая нам может стоить жизни, если бы Гитлер узнал о наших планах».

«Я понимаю, задача трудная и опасная, — отвечал я. — Но ведь каждый из нас хоть завтра может погибнуть при воздушном налете. Я уверен, отношение к вам за границей изменится, если вы заключите мир и откроете концлагеря. Гитлер же настолько ослеплен, что помочь ему уже невозможно. Если все пойдет как прежде, война будет вскоре проиграна. Вот почему вы должны действовать! Ваши войска по-прежнему боеспособны, и вы легко могли бы взять власть в свои руки. Созвездия ваши на ближайшее будущее благоприятны, чего нельзя сказать о созвездиях Гитлера. Не медлите, пока не поздно!»

Гиммлер был задумчив и мрачен. «Единственное, чего я боюсь, так это народа, — сказал он. — Вы же понимаете, все не так просто. После захвата власти в различных частях рейха и на оккупированных территориях начнутся мятежи, и мне придется подавлять их с величайшей жестокостью. Непредсказуема и реакция части населения. Это очень серьезный шаг, и он чреват большими волнениями». Именно это я и надеялся услышать. Подобно моему другу доктору Говертсу и многим из тех, кто входили в кружок Крейсау, — группу сопротивления, организовавшую покушение на Гитлера 20 июля 1944 года, — я полагал, что вслед за падением Гитлера начнется «война диадохов» за власть, а все завершится полным разгромом национал-социализма.

«Даже в самом худшем случае мятежи будут подавлены в течение двух-трех месяцев, — заверил я Гиммлера, — при условии, что вам удастся заручиться поддержкой генералов, занимающих ответственные посты».

«В таком случае мы должны действовать быстро. Я подумаю об этом. А пока, прошу вас...»

Да, оказывается, Генрих Гиммлер в приватной беседе, когда не разыгрывал из себя всемогущего, мог произнести «прошу вас».

Роста он был среднего. Резковатые движения изобличали его нервную натуру. Говорил он быстро, оживленно жестикулируя. Нередко делал оговорки. В одном случае, рассуждая о гороскопе, он произнес «рождиние» вместо обычного «рождение». Это навело меня на мысль, что Гиммлер мог ознакомиться с содержанием моей папки, которая любезнейшим образом была у меня отобраана офицером СС и передана в камеру хранения, — так вот, в той папке, в одном из отчетов слово «рождение» оказалось напечатанным как «рождиние», и я его не исправил.

Гиммлер был очень бледен. Веки воспаленные, красные, должно быть, от чрезмерного чтения. Зрачки какого-то серо-мышинного цвета, а типично монгольские брови почти свисали на глаза. Волосы у него были темные. Выпуклый лоб невысок, без крутизны по бокам, зато полноватые виски казались почти наростами. Резко скошенный подбородок отступал, как пасть амфибии или челюсть акулы. Гиммлер был плохо выбрит. Верхнюю губу и щеки покрывала жесткая щетина. Нижняя губа имела приятный изгиб, но уголки рта были как бы зашпилены, что придавало лицу выражение циничное, резкое и скрывало присущие ему жестокость и слабость.

Пока мы обсуждали военно-политическую обстановку, я для себя сделал три вывода. Взгляды Гиммлера (это было в конце мая 1944 года) поражали своей наивностью, я даже задавался вопросом, вполне ли он со мной откровенен. Гиммлер утверждал, что в скором времени Германия подпишет с западными державами сепаратный мир. Англия основательно потрепана, а США, хотя пока и не ослаблены, все же не сумели в полной мере развернуть свой военный потенциал. После того как будут объявлено перемирие и согласованы условия договора, война на Востоке будет продолжена. Благодаря выгодным стратегическим позициям, которые занимает немецкая армия, эта война может длиться десятилетиями, если будет поддержана западными союзниками. Но неужели Гиммлер ничего не слышал о Тегеранских соглашениях? Неужели не знал, что сепаратный мир невозможен? Постепенно я приходил к выводу, что в вопросах политики Гиммлер чрезвычайно наивен. Позже, когда я встречался с ним в Хоэнлихене, Гарцвальде и Любеке, незадолго до конца войны, этот человек, занимавший самые высокие государственные посты, задавал мне странные,

прямо-таки детские вопросы, стараясь получить от меня астрологические озарения относительно военно-политической обстановки. Видит Бог, Гиммлер не был гением. Скорее, посредственностью, особенно когда приходилось его видеть в домашней обстановке, без блестящей свиты.

После того как мы немного подкрепились, Гиммлер заговорил о своем гороскопе. набросок его гороскопа был мною сделан еще в 1934 году. Гиммлер не знал точного времени своего рождения, и мне пришлось взять за основу расположение планет на полдень. И вот теперь мы попытались установить точное время его рождения, так сказать, обратным числом. В подобных случаях астролог составляет гороскоп на прошлое, а затем выверяет его, сравнивая с действительно происходившими событиями в жизни этого человека. Если созвездия совпадают с течением событий в прошлом, становится возможным определить точный момент рождения человека и составить его гороскоп на будущее. Пока я готовил этот уточненный гороскоп, я заключил из нашего разговора и вопросов Гиммлера, что он достаточно сведущ в астрологии. Он употребил несколько профессиональных терминов, которые узнал не от меня. Он говорил о тройственных аспектах, о благоприятных и не благоприятных знаках, о возвышении планет.

Тогда же я передал Гиммлеру папку с моими наблюдениями по универсальной астрологии. Особенно его привлек доклад, который я составил на заданную тему: «Существует ли угроза нового монгольского нашествия?». Завершая доклад, я писал, что, возможно, уже близок день «Битвы у Пчелиного Древа», сражения, предсказанного седой легендой, бытовавшей на берегах Рейна и в Вестфалии. Я высказал предположение, что эта битва, как и Битва на Вельзер-Хайде, также упоминавшаяся в стародавних легендах, теперь неотвратимы.

Гиммлер возражал: «Битва у Пчелиного Древа и Битва у горы Унтерсберг на Вельзер-Хайде близ Айген-Бертесгадена к теперешней войне не имеют никакого отношения. Время тех битв наступит не скоро».

«Не могу согласиться с вами, — сказал я. — Разве разрушенный до основания Кельн, о чем недвусмысленно говорится в пророчестве, и массированные бомбардировки городов Рейна-Вестфалии не наводят на мысль, что предсказанная

Битва у Пчелиного Древа, которой суждено решить судьбу Германии, уже началась? Разве этот срок уже не наступил?»

Гиммлер холодно принял мои возражения. Я это сразу почувствовал и впредь решил быть осторожней — подождать, пока не завоюю его доверие удачными предсказаниями.

ШТАБ – КВАРТИРА КОНТРАЗВЕДКИ, БЕРЛИН

После заговора 20 июля 1944 года положение Гиммлера казалось прочным как никогда. Десятью годами раньше, в июне 1934 года, уничтожив Рема и его друзей, Генрих Гиммлер достиг сразу двух целей: устранил СА, вероятного противника СС, и доказал свою преданность Гитлеру. С начала войны Гиммлер всеми путями стремился усилить свою организацию. Расширение СС и особенно ваффен-СС с 1939 года проходило столь методично, что к 1943 году имелось пять танковых и четыре мотострелковых дивизий, горнострелковый корпус, а также множество частей и соединений, созданных на оккупированных территориях. К концу войны уже имелось тридцать семь эсэсовских дивизий. Заветной целью Гиммлера было создание люфтваффе-СС, однако этого он сделать не успел.

На фронтах дивизии ваффен-СС сражались дружно, героически и даже фанатично бок о бок с дивизиями регулярной армии. Гиммлер всегда заботился о своих эсэсовцах — по сравнению с войсками вермахта те имели больше привилегий, которые они вполне оправдывали своими потерями и жертвами. Хотя к концу войны различия между ваффен-СС и армией стали менее заметными, армейцы, вне всяких сомнений, чувствовали себя задетыми и уязвленными.

После того как Гиммлер был назначен командующим резервной армией и всех частей и соединений на территории Германии, он, можно сказать, что он, добился осуществления своих честолюбивых планов, хотя, конечно, был кем угодно, только не полководцем.

В новой должности Гиммлер со всей возможной поспешностью наращивал численность ваффен-СС и, формируя фольксгренадерские дивизии, создал новый вид вооруженных сил, позднее переросший в фольксштурм (части гражданской обо-

роны). Однако после этого назначения безотлучно находившийся в ставке Гитлера Мартин Борман стал усиленно плести против него интриги, чего Гиммлер поначалу не заметил. Возглавляемые им войска не сумели добиться зримых успехов и очень скоро стали выдыхаться. В начале 1945 года, когда у Гиммлера случилось нервное расстройство, они находились в упадке.

История Гиммлера мне была хорошо известна, но как личность он для меня оставался загадкой. Незадолго до моей первой встречи с ним я некоторое время провел в Гарцвальде с Керстеном. Меня одолевали мрачные предчувствия, я давно подозревал, что Гиммлер хочет меня видеть и что Шелленберг готовит эту встречу. Как-то прогуливаясь с фрау Керстен, очень умной и милой женщиной, я спросил ее мнение о Гиммлере. Она долго молчала и наконец ответила: «Трудно сказать, что он собой представляет. Кажется, занятный человек». И опять замолчала.

Потом помимо ее воли с уст сорвалось то, что она думала: «Гиммлер свинья, настоящая свинья!» И рассказала мне, как однажды в концлагере Равенсбрюк он велел вывести к нему голых женщин из секты Свидетели Иеговы и как стал избивать их плетью, а после экзекуции ушел, злорадно посмеиваясь.

Итак, первая «аудиенция» завершилась. На встречу с Генрихом Гиммлером в Айген я ехал со смешанным чувством любопытства и страха. Так или иначе, встреча состоялась, я цел и невредим. Опасения Шелленберга, что излишней откровенностью я могу поставить под удар себя, а следовательно, и его, и весь кружок Керстена — эти опасения не подтвердились. У меня складывалось впечатление, что встреча прошла удачно.

Я долго думал, как вести себя с Гиммлером, и в конце концов решился говорить открыто, ничего не скрывая. В тот момент мне казалось, я достиг поставленной задачи: я описал полную безнадежность политической ситуации, а гороскоп Гитлера прокомментировал в сугубо мрачных тонах, я убеждал Гиммлера устроить путч, и несмотря на это мне в какой-то степени удалось заручиться его доверием.

Вернувшись в Берлин, я сразу отправился в штаб-квартиру контрразведки на Беркерштрассе, чтобы обо всем рассказать Шелленбергу. Управление контрразведки размещалось в многоэтажном здании, построенном в 1930-е годы в «утилитарном» стиле. Окружавший его просторный двор пестрел урод-

ливными бункерами и гаражами. Кабинет Шелленберга находился в центре сложного лабиринта коридоров. Подобно паутине, они тянулись к многочисленным подотделам, ведавшим регионами или отдельными темами.

Молоденькие офицеры СС придирчиво проверяли посетителей, после чего те под эскортом двух охранников препровождались в соответствующие кабинеты. Любая попытка остановиться в коридоре пресекалась грубым окриком, а нарушитель автоматически подозревался в намерении что-то подслушать. Несмотря на такие крайности, меры безопасности были на любительском уровне. Так, напротив входа в здание контрразведки я заметил несколько сараев, откуда с помощью телеобъектива можно было заснять всех входящих и выходящих.

Прежде чем попасть в кабинет Шелленберга, нужно было пройти несколько комнат, где сидели его секретари и адъютанты и еще один особый кабинет его адъютанта, доктора Шмица. Шелленберг восседал за огромным полированным столом, на котором красовалось пресс-папье в виде пушки. Под центральным выдвижным ящиком были устроены специальные отделения для автоматических пистолетов. Шелленберг всегда их держал под рукой. Ему приходилось считаться с возможностью, что подручные Кальтенбруннера или Мюллера в любой момент могут его застрелить. Рядом с письменным столом находился похожий на приемник коммутатор, который контролировал подслушивающие устройства, установленные в различных приемных, конференц-залах и Бог знает где еще. Подслушивающее устройство имело и в кабинете Шелленберга. Оно стояло в простенке между окнами и было замаскировано под буфет. С помощью этого устройства Шелленберг мог записать любой разговор с посетителем. Меня это очень беспокоило, и позже, когда я стал чаще навещать Шелленберга, я всегда садился в самом дальнем углу кабинета, в небольшом алькове, где, как я полагал, не может быть никаких микрофонов. Контрразведка оснащалась новейшими достижениями техники слежки и сыска. Все эти устройства, такие изощренные и в то же время примитивные, вполне соответствовали представлениям обывателей о разведывательной службе.

Шелленберг был очень рад видеть меня целым и невредимым. Он пожелал услышать малейшие подробности нашего

разговора с Гиммлером и прежде всего то, о чем говорил я. Я заверил Шелленберга, что был достаточно сдержан. «Как долго вы говорили с рейхсфюрером?» — спросил Шелленберг. Я ответил, что пробыл с ним с двух часов пополудни до семи вечера. «Это хорошо, очень хорошая примета, — воскликнул Шелленберг. — Обычно он ни с кем не говорит так долго».

Шелленберг был прекрасно осведомлен о положении дел и, зная, что Гиммлер увлекается астрологией, решил через меня оказать на него воздействие. Шелленберг надеялся, что универсальные гороскопы, мною составленные, убедят рейхсфюрера покончить с Гитлером и как можно скорей завершить войну. Шелленберг лично вручил те гороскопы Гиммлеру, а моя поездка в Айген — под благовидным предлогом обсудить издание в пропагандистских целях астрологического журнала в Швейцарии — позволила мне установить контакты с Гиммлером, чтобы затем оказывать на него непосредственное и долговременное влияние.

В ту пору — это был май 1944 года — Шелленберг особенно нервничал. Со дня на день ожидалась высадка союзников. Кроме того, Шелленберг ожидал покушения на Гитлера. Об этом я, конечно, ничего тогда не знал, но сегодня общеизвестно, что Шелленберг был осведомлен о предстоящем покушении и своей разведслужбой, и людьми, имевшими контакты с американцами в Швейцарии. Ему было известно, что Гиммлер при всей его нерешительности склоняется к тому, что Гитлера следует убрать. Ему было также известно, что Кальтенбруннер только ждет предлога, чтобы уничтожить Гиммлера. Чем труднее становилось положение Шелленберга, тем больше он полагался на Керстена, массажиста Гиммлера и его «отца исповедника», делавшего все возможное, чтобы Гиммлер почаще прислушивался к советам Шелленберга. Ежедневные общения Керстена с Гиммлером стали важным каналом связи, по которому Шелленберг мог передавать информацию и предвзятые составленные донесения. Вскоре после моего возвращения из Айгена положение еще больше осложнилось. Началась давно ожидавшаяся высадка союзных войск в Нормандии. Керстен пришел ко мне, заламывая руки. «Гиммлер все еще колеблется, — сказал он. — Говорит, не доверяет больше своим высшим офицерам, а следовательно, не может устроить путч».

События развивались стремительно. 20 июля было принято покушение на Гитлера. Гиммлер, у которого совесть была нечиста, постарался все загладить, с безжалостной жестокостью преследуя заговорщиков и их сторонников.

Тогда же доктор Говертс вернулся из Швейцарии, где он изучал возможности издания астрологического журнала. Во время нашей беседы он не скрывал своего разочарования с связи с неудавшимся покушением и колебаниями Гиммлера. Мне казалось, что теперь уже не избежать худшего, а все мои старания пропали впустую. Я сообщил доктору Говертсу, что, если это возможно, я бы хотел отойти от СС. Но он был против, говорил, насколько это важно — поддерживать прямые контакты с самым могущественным человеком третьего рейха, любой ценой оказывая на него сильное влияние, на худой конец, просто получая ценную информацию для групп сопротивления. Таким образом, мне пришлось до печального исхода продолжать играть опасную роль астролога Генриха Гиммлера.

ГИММЛЕР 20 ИЮЛЯ 1944 ГОДА

Агенты и разведчики Шелленберга заблаговременно предупредили Гиммлера — на этот счет не должно быть сомнений — о заговоре 20 июля, имевшем цель убить Гитлера. Планы самого Гиммлера относительно путча тогда еще только обсуждались и выверялись по астрологическим картам в Айгене. Заговорщики работали во всех важнейших ведомствах; разведдонесения об их деятельности регулярно поступали к Гиммлеру. При каждой новой встрече с Шелленбергом он получал свежую информацию. В астрологических вычислениях, которые я для него готовил, Гиммлера прежде всего интересовало: «Какой смертью умрет Гитлер?» и «Как долго ему осталось жить?»

Отвечая на эти вопросы, я говорил, что Гитлер не погибнет от рук убийц. И тогда Гиммлер мрачнел, становился угрюмым или замирал с какой-то тупой и елейной улыбкой на лице, что так не вязалось с его характером. И несмотря на все мои предостережения, Гиммлер предпочел дожидаться исхода покушения. Он надеялся, что, если оно окажется успешным и Гитлер будет убит, ему самому не придется совершать переворот, который обсуждался в апреле и мае. Располагая разведдонесениями, Гим-

млер имел возможность поиграть в политику. Он колебался, продолжая вести двойную игру, и упускал драгоценное время.

После неудавшегося покушения на жизнь Гитлера 20 июля доктор Говертс, который поддерживал тесные контакты с Геро фон Геверницем, сотрудником Аллена Даллеса из Управления стратегических служб в Берне, сообщил мне, что польской разведке о заговоре Штауфенберга стало известно еще 10 июля. В разведку поступил запрос о возможной реакции со стороны польских и украинских групп сопротивления в случае переворота в Германии. Из этого следовало, что Шелленберга могли оповестить о заговоре и другие источники. Немецким оппозиционерам это важно было знать. Шелленберг и его разведслужба располагали информацией о готовящемся путче и не препятствовали ему! А поскольку Шелленберг был близким человеком Гиммлера, было бы невероятно, если бы этот вопрос не обсуждался и с ним.

Шелленберг не раз жаловался мне на нерадивость своих агентов, бесполезность их донесений. Прежде всего, говорил он, ему не хватает хороших, прямых контактов с английскими и американскими политиками. И вот однажды я предложил представить ему надежного человека, который бы помог наладить такие контакты. У этого человека, сказал я, мать англичанка, она состоит в дружеских отношениях с женой одного из ведущих английских политиков. Шелленберг с восторгом принял мое предложение и просил поскорее устроить встречу с этим человеком, которым был не кто иной, как доктор Генри Говертс.

Когда я передал это Говертсу, он сказал: «Если мои созвездия благоприятствуют, я готов». Созвездия были благоприятны. И я устроил Шелленбергу встречу с Говертсом. Гарцвальд мне показался наиболее подходящим для этого местом, ибо там Говертс, пожелавший убедиться в том, что служба СС заранее знала о готовящемся на Гитлера покушении 20 июля, встретился бы не только с Шелленбергом, но и с Феликсом Керстеном. Конфиденциальную беседу Керстен им устроил сразу после обеда в день нашего приезда. Во время прогулки Керстен показывал многочисленным гостям свое поместье, а на подходе к свиарникам предложил Шелленбергу и Говертсу, поскольку те уже осматрели свиарники, продолжить прогулку по лесам поместья, и вот тогда доктору Говертсу было сказано, что

СС ничего не знало о заговоре Штауфенберга и было им застигнуто врасплох. Между Шелленбергом и доктором Говертсом установились тесные и дружеские контакты.

22 июля, два дня спустя после неудавшегося покушения, мне позвонил Феликс Керстен и передал несколько срочных заказов от Гимmlера. Речь в них шла о состоянии здоровья Гитлера и о последствиях покушения на его жизнь. Керстен был настолько возбужден, что не смог закончить телефонный разговор, вместо него это сделал секретарь. Керстен требовал, чтобы я немедленно выехал в Гарцвальд. Керстен жил тогда в постоянном страхе за свою жизнь, ибо и он был причастен к заговору 20 июля; руководитель группы сопротивления доктор Лангбен был арестован еще до 20 июля, а затем гестапо схватило его друга Венцеля фон Тойченталю. Едва увидев меня, Керстен сразу стал допытываться, не грозит ли ему опасность, не лучше ли ему вернуться в Стокгольм. Я повторил свой прежний астрологический прогноз — ему вообще ничто не угрожает.

Накануне вечером, 12 августа, за день до нашей встречи, Керстен вернулся от Гимmlера. «Рейхсфюрер сам оказался в весьма затруднительном положении в результате этого путча, — сказал он, — а потому хотел, чтобы вы перепроверили его гороскоп. Я его увижу через несколько дней. Он желает знать, как это все отразится на нем. А затем вы должны будете детально заняться моим гороскопом. Как бы эта ужасная история не довела нас всех до беды!»

После 20 июля Гимmlер временно отказался от мысли совершить переворот, ибо боялся лишиться всех своих постов. В начале ноября он вернулся к прежним замыслам, что убедительно доказывают поручения, которые доктор Генри Говертс получил от Шелленберга.

В очередной раз Шелленберг пожелал увидиться в Говертсом под предлогом обсудить проблемы обороны Гамбурга. Я вычислил благоприятный день для Говертса, и он отправился в Берлин в сопровождении капитана СС. Этот офицер не присутствовал при их разговоре, Шелленберг предпочел беседовать с глазу на глаз.

У Шелленберга было воспаление легких, и он принимал Говертса лежа в постели в халате с голубой оторочкой. Положение в Гамбурге было только поводом. Шелленберг тотчас

заговорил о контактах Говертса с Геверницем и Алленом Даллесом. Шелленберг считал войну проигранной и хотел, чтобы Говертс устроил встречу Даллеса и Гиммлера на борту корабля посреди Боденского озера — в надежде хоть что-то поправить.

С конца 1943 года любой непредвзятый и здравомыслящий наблюдатель, знакомый с военно-политической ситуацией третьего рейха, не мог не заметить, что Гитлера ждет неминуемый крах. Немецкая армия отчаянно оборонялась. После того как из Сибири были переброшены дивизии, ранее стоявшие на границе Маньчжурии, Гитлер проигрывал битву за битвой. С Муссолини было покончено в том же 1943 году. Правительство Бадольо само по себе ничего не значило и держалось лишь на немецких штыках. Фашизм в Италии был сломлен. И хотя итальянские солдаты тысячами сдавались в плен союзникам, Италия по-прежнему была под пятой нацистов, пока союзники не взяли Рим. Гиммлер не мог примириться с тем, что его доблестные войска СС вновь и вновь терпят поражение. В ту пору людям Гиммлера разрешалось только прославлять победу. Офицеры СС на этот счет получили особые инструкции.

Тем не менее известия, которые Шелленберг направлял Гиммлери, были удручающими. Тысячи и тысячи солдат непобедимой немецкой армии оказывались в плену. Начиная с 1944 года людские потери Германии исчислялись уже миллионами. Разведсводки становились все более мрачными, а после 3 ноября 1944 года положение характеризовалось как катастрофическое.

Говертс отправился в Швейцарию на поиски мира*. В гостинице «Ром Инзелзотель» в Констанце он провел предварительные переговоры о встрече Гиммлера — Даллеса, которая так и не состоялась, поскольку Гиммлер не смог побороть страха за свою личную безопасность.

Люди Шелленберга изрядно мешали моим астрологическим вычислениям, подбрасывая все новые задания и настаива-

* Насколько солидны были его контакты, он доказал еще в первую поездку, доставил в Германию пропуск гестапо — изготовленный в Англии — для тщеславного доктора Гизевиуса.

вая на их первоочередности. В то же время у меня был заказ от Гиммлера, его я должен был закончить к 15 ноября, а между тем я за него не принимался.

В течение ноября доктор Говертс нередко искал со мной встреч. На исходе месяца стало ясно, что военная ситуация крайне запутана. Войскам не хватало оружия, боеприпасов. Сокращались поставки горючего, а это снижало мобильность армии; железнодорожные составы уничтожались в больших количествах. Огромные запасы, размещенные на складах во Франции — целые арсеналы, тянувшиеся до берегов Соммы, оказались в руках союзников, а их военно-воздушная мощь к ноябрю 1944 года удвоилась. Вот почему эмиссары и курьеры Шелленберга требовали от меня особых астрологических подсказок относительно всего комплекса политической и военной обстановки.

При виде Берлина мы поняли, что один из будущих планов правительства третьего рейха, а именно — разрушение крупнейших наших городов — будет выполнен еще до того, как закончится война. Последствия этого были вполне очевидны. К сожалению, выполнение задачи, выдвинутой нацистскими главарями, взяли на себя ВВС Великобритании и США.

Керстен завел разговор о бомбежках: «Что вы думаете, господин Вульф, мне сказали в ставке о разрушении жилых кварталов? Они сказали, что делается все возможное, чтобы уменьшить эффективность воздушных налетов и защитить население. Если один или несколько наших крупных городов будут разрушены, сказали мне там, мы это воспримем как достойную сожаления неизбежность, и населению придется все невзгоды перенести стойко и мужественно. Ведь Гиммлер считает немцев сильной, мужественной расой, а потому их не пугает гибель пятнадцати или двадцати миллионов сограждан на войне».

Керстен был прав. Гитлеровский режим ни с чем не считался. «А как же разрушенные города на западе — Кельн, Бохум и Штуттгарт? — спросил я. — Что о них говорят в ставке?»

«Дорогой господин Вульф, вы не поверите! Эти люди считают Кельн отвратительной старой дырой с допотопными ужасными домами, узкими улочками, непотребными коммунальными удобствами. Их нисколько не беспокоит, что старый Кельн превратится в груду развалин. Большая часть зданий там пришла в негодность, а после войны Кельн отстроят заново,

он станет лучше и краше — в соответствии с принципами национал-социалистической культуры и предначертаний великого фюрера. Эти грязные, прокопченные старые города, такие как Кельн и Дюссельдорф, по их мнению, вообще могут исчезнуть с лица земли. Вы не представляете, что там говорят о массивованных налетах. Между прочим, у них и к Гамбургу точно такое же отношение».

На это я заметил, что Гамбург не такой уж древний город, как Кельн, Майнц или Кассель. Большая часть старого Гамбурга сгорела в пожаре в 1842 году. Отстраивался город в 1880-е годы, и тогда именитыми ганзейскими родами было воздвигнуто много красивых зданий. «Так что подобные разговоры пусты и лживы, — сказал я, — и свидетельствуют о невежестве этих людей, о незнании ими истории. Большая часть вновь отстроенного Гамбурга сегодня лежит в руинах, а поскольку война разорит не только Гамбург, но и всю Германию, не думаю, чтобы эти районы были отстроены и восстановлены с прежним великолепием. Хотел бы я знать, как нацисты собираются проводить реконструкцию».

МИССИЯ ГРАФА БЕРНАДОТТА

В конце 1944 года дипломатический представитель Швеции в Берлине Дитлеф неоднократно предпринимал попытки добиться освобождения удерживаемых в Германии пленных шведов, датчан и норвежцев. Вместе с графом Бернадоттом он в течение многих месяцев пыгался установить контакт с Гиммлером, который старательно избегал этой встречи, ибо она могла осложнить его отношения с Гитлером. В январе—феврале 1945 года, уже по официальным каналам, для таких переговоров была предложена кандидатура графа Бернадотта. Дипломату было трудно связаться с Генрихом Гиммлером или деятелем национал-социалистической партии, лицами, в ведении которых находились узники концлагерей. Пришлось обратиться в Министерство иностранных дел. Процедура оказалась тяжелой и утомительной, с проблематичным исходом. А это было недопустимо, ибо дело не терпело отлагательств.

22 января 1945 года мне было велено явиться в ведомство Шелленберга. Я туда прибыл в половине второго пополудни.

Среди тем, подлежавших обсуждению, была названа и миссия графа Бернадотта. Шелленберг объяснил обстановку: «Керстен пыгается вывести Бернадотта на Гиммлера. Не могли бы вы, изучив это дело, сообщить мне, каков ожидаемый исход? Бернадотт достаточно энергично добивается своих целей, и я надеюсь, это нам поможет вернуться к нашему первоначальному плану. Давно пора. Вам известно о предпринятых мной шагах, чтобы устроить эту встречу, но я ничего не могу делать в тайне от Гиммлера, не подвергая себя риску, так что встреча между Бернадоттом и Гиммлером крайне важна. Мы должны поторапливать события». Всякий раз, когда Шелленберг обсуждал план устранения Гитлера, он редко называл его по имени. Его отвращение к Гитлеру было так велико, что ему стоило труда произнести имя фюрера.

Керстен впервые услышал о миссии Бернадотта в середине декабря. Теперь Шелленберг известил меня, что он решил связаться с Бернадоттом на более или менее официальном уровне. Обсуждая безобидный вопрос о передаче военнопленных, он смог бы затронуть все важнейшие аспекты мирных переговоров. Шелленберг упомянул о том, что граф Бернадотт просил о личной встрече с Гиммлером. Так что возложенную на меня задачу получить астрологическую информацию относительно возможности мирного урегулирования следует считать крайне важной и первоочередной.

В Ялте полным ходом шла конференция глав союзных держав, а население Берлина готовилось к обороне города. По всей Германии вооружались и обучались ополченцы фольксштурма, дабы защитить гитлеровский «тысячелетний рейх».

Керстен начал проталкивать дело Бернадотта через Гиммлера с конца 1944 года, а во время отъезда Керстена за границу этим занимался Шелленберг. Общими усилиями им удалось на 17 февраля 1945 года устроить встречу графа Бернадотта с Кальтенбруннером на вилле Хоршнер на берегу Ванзее. Накануне, 16 февраля, Бернадотт приехал в Германию под предлогом инспекции конвоев Красного Креста, а на самом деле, чтобы встретиться с Гиммлером. 19 февраля, два дня спустя после переговоров с Кальтенбруннером, его принял Шелленберг, и они обсуждали предполагаемую встречу с Гиммлером. Граф Бернадотт путешествовал по Германии в маши-

не и на пути в Берлин воочию смог убедиться, что третий рейх вступил в заключительную фазу своего существования.

По завершении моего разговора с Шелленбергом один из его людей проводил меня на вокзал Лертер, где я встретился с доктором Говертсом, только что вернувшимся из Стокгольма. Это была приятная встреча, ибо мы могли вместе отправиться в Гамбург и по дороге обменяться новостями.

Вокзал являл собой картину ужасающего бедствия, которое еще больше усугублялось январским морозом. Все помещения были забиты беженцами. Больные и раненые лежали на полу посреди умирающих в ожидании мест в переполненных поездах. И мы до своих мест в вагоне смогли добраться лишь через опущенные окна — совсем как молодые кавалеристы. Это путешествие, как и все путешествия в те дни, было сущим мучением и пыткой.

Говертс по приезде в Берлин не появился у Шелленберга, а предпочел сначала поговорить со мной. По правде сказать, нас с ним уже не слишком волновало, как будут развиваться события. Из-за постоянных колебаний Гимmlера момент устранения Гитлера и создания нового правительства был упущен. Народу Германии в ближайшем будущем предстояло до конца испытать горькую чашу поражения.

В Гамбурге мы узнали, что Гимmlер серьезно болен. Сначала говорили, что у него всего-навсего грипп. Его личный врач, профессор Гебхардт, тоже заболел. Но, как оказалось, у Гимmlера было нервное истощение, и он отлеживался в Хоэнлихене. Главной причиной его болезни были все ухудшавшиеся отношения с Гитлером.

С конца 1944 года между Гимmlером и Гитлером стала нарастать напряженность, а Мартин Борман делал все возможное, чтобы ее усилить. Гимmlер боялся интриг Бормана и подозревал, что тот намерен его свергнуть. А когда группенфюрер СС Герман Фегелейн, офицер связи Гимmlера в ставке Гитлера, женился на сестре Евы Браун — из чисто практических соображений, разумеется, — Гимmlер и впрямь заподозрил что-то недоброе. В ту пору чуть ли не каждую неделю доктор Рудольф Брандт или Шелленберг заваливали меня вопросами относительно разлада между Гимmlером и Борманом. Восемнадцать месяцев назад я уже составил гороскоп Бормана, те-

перь же Гиммлер считал необходимым получить его с подробнейшими комментариями.

Отношения между этими людьми прежде были вполне доброжелательными, но в 1943 году, когда Гиммлер был назначен министром внутренних дел, отношения стали натянутыми. Борман почувствовал возможного соперника, и вскоре между этими нацистскими сатрапами начались раздоры. Преемник Гесса и лидер партии Борман имел огромное влияние на Гитлера, и вскоре ему удалось стать между фюрером и Гиммлером.

Гиммлер очень боялся Бормана и перед каждой встречей с ним выпрашивал меня, не существует ли опасности, что он будет арестован своим соперником. Из-за Бормана Гиммлер не решался сократить своих телохранителей, хотя солдаты нужны были фронту. Очередной уловкой Бормана с целью удалить Гиммлера из Берлина, а следовательно, отдалить от Гитлера, стало его назначение командующим группой армий «Вейхсель» на Восточном фронте. Борман прекрасно понимал, что вновь созданная группировка слишком слаба, чтобы остановить натиск превосходящих сил противника, но он воспользовался ее отчаянными и безуспешными действиями, чтобы убедить Гитлера в полной некомпетентности Гиммлера.

Примитивность мышления Гиммлера была поразительна. Хотя он и боялся Бормана, но так и не сумел до конца разгадать его плутней. Поначалу ему в голову не приходило, что Гитлер может его отрешить от всех дел. Он пребывал в полной уверенности, что фюрер лоялен к нему, до того момента, пока тот не назначил своим преемником Деница. И это тоже была хитрость Бормана с целью держать на безопасном расстоянии дивизии СС, многие из которых все еще сохраняли боеспособность. Пока Гиммлер был вхож к Гитлеру, он представлял угрозу для Бормана. После назначения Деница его можно было сбросить со счетов.

Единственным реальным соперником теперь был только Геббельс. И Борман не остановился бы и перед физическим его устранением, если бы в том появилась нужда.

Гиммлер потерял покой, узнав, что он еще с 20 июля 1944 года подозревается в том, что закрыл глаза на готовившийся заговор полковника Штауфенберга. За этой «клеветой»

также стоял Борман, пытавшийся убедить Гитлера не только в некомпетентности Гиммлера, но и в его неблагонадежности.

До поры до времени Гиммлер отказывался верить, что Борман настолько подл и низок, хотя давно уже знал из его гороскопа, что тот представляет для него реальную опасность. Казалось бы, враждебность Бормана должна была продемонстрировать Гиммлеру непрочность его положения и побудить его осуществить свой план — арестовать Гитлера и приступить к переговорам. Но вместо этого, после неудач на Восточном фронте, Гиммлер лежал в Хоэнлихене, как считалось, с гриппом. На самом деле он был совершенно подавлен и постоянно плакал. Он просил Феликса Керстена немедленно приехать к нему. Но Керстен был поглощен своими делами в Стокгольме и не спешил на выручку Гиммлеру. Прошло четыре, а то и пять недель, прежде чем Керстен прибыл со своим «судьбоносным для Германии планом». Он убеждал меня отправиться с ним к Гиммлеру, рассчитывая на мою помощь в осуществлении своих корыстных замыслов. Мирные переговоры уже не интересовали Керстена. Он привез из Швеции длинный список лиц, находившихся в заключении, и теперь хлопотал об их освобождении. Вопрос об освобождении шведов и евреев уже обсуждался вместе с вопросом о возможности перемирия — 19 февраля, когда Шелленберг с согласия Гиммлера принимал графа Бернадотта. Керстен же преследовал свои сугубо личные интересы — он стремился обрести за границей друзей, которые смогли бы поддержать его деловые начинания.

ГИММЛЕР У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Последний год войны для меня был особенно мучительным; многие из моих друзей умерли, кто своей смертью, кто от рук палачей. Но тяжелейшие испытания были еще впереди. Чтобы Гиммлер мог в любой момент связаться со мной, гестаповцы доставили меня вместе с моими инструментами и книгами к «месту моего временного проживания», как они выразились, в Гарцвальд. Эфемериды, диаграммы, звездные хронометры — все, что было необходимо в моей работе, разместилось в комнате, которая освободилась после отъезда в Стокгольм фрау Керстен. Эта комната была мне предоставлена еще

и потому, что там был установлен телефон, напрямую связывающий с Гиммлером и другими важными персонами; такой привилегией по распоряжению рейхсфюрера пользовался Керстен. Помимо всего прочего моя комната было очень удобна для совещаний и встреч.

2 марта Керстен прилетел из Стокгольма в Берлин и тотчас приехал в Гарцвальд. Мне пришлось сделать для него целую пачку толкований в связи с «политической задачей всемирной важности». Прямо с порога Керстен объявил: «Отныне судьба Германии покоится на моих слабых плечах». Я улыбнулся на это замечание. Гиммлер все еще был болен, и Керстен ежедневно ездил к нему на машине, присылаемой из штаба Гиммлера, для проведения сеансов массажа в руководимой профессором Гебхардтом больнице в Хоэнлихене.

Пока Керстен отсутствовал, я должен был для него вычислять и толковать его «проблемы». А так как у меня было множество трудных и деликатных поручений от Гиммлера, то эти дополнительные задания выводили меня из себя. Всякий раз, возвращаясь из Хоэнлихена, Керстен обрушивал на меня поток новых вопросов.

«Прикиньте, как сложится мой завтрашний разговор с рейхсфюрером. Сумею ли уладить дело? Не хочу к нему приступить, не зная, какие доводы привести в его пользу. Гиммлер не желает принимать Бернадотта, а я хочу свести их вместе. Кроме того, я должен позаботиться и о своих интересах, о них я веду переговоры с господином Гиллелем Сторхом. Посмотрите и скажите, в каком направлении они будут развиваться. А в других проблемах вы не успели еще разобраться?» Почти каждый день он встречал меня таким приветствием.

Я попытался объяснить ему, что у меня много заданий, что к 10 марта я должен подготовить несколько астрологических отчетов для Гиммлера.

«Не торопитесь в отчетах для рейхсфюрера, — возражал Керстен. — Они могут подождать. Мои дела важнее. Вы должны мне точно сказать, как поступить. Зайдите на минутку ко мне и просмотрите мой гороскоп. Господин Сторх намерен посетить Германию, чтобы обсудить с Гиммлером освобождение десяти тысяч евреев. Я уже зондировал почву, но пока по этому вопросу не нахожу поддержки Гиммлера».

Керстен и раньше говорил мне о Гиллеле Сторхе. В телефонных разговорах мы условились называть его «птицей». Со слов Керстена я понял, что этот господин собирается приехать в Германию, чтобы вести переговоры лично с Гиммлером, не доверяя это дело Бернадотту.

О Сторхе Керстен всегда отзывался почтительно. «Это очень значительный человек, главная персона в сионистском движении и Всемирной еврейской организации. В Америке, куда он в скором времени переедет, он будет иметь еще больший вес. Вы непременно должны познакомиться с этим человеком, господин Вульф. Он обещал позаботиться обо мне в Америке. После войны я хочу там открыть свое дело. Гиллель Сторх мне нужен, чтобы с его помощью войти в круг богатых людей. Мой дорогой Вульф, почему бы и вам не отправиться туда вместе со мной? Вы бы зарабатывали уйму денег. Мы могли бы стать партнерами. Смеем вас уверить, я бы не позволил вам в Америке составлять гороскопы меньше, чем за пять тысяч долларов. Если сделка с господином Сторхом состоится, я сразу стану человеком. Вы ведь тоже хотите зарабатывать деньги, не так ли? И вам совсем не обязательно говорить американцам правду, составляя для них гороскопы. Вы станете им говорить то, что они желают слышать. Это самое главное, как, впрочем, и то, чтобы вам хорошо платили».

Мои отношения с Керстеном были далеко не столь дружеские, как он пытался изобразить. Но поскольку я все еще оставался на положении узника концлагеря, работавшего по приказу Гиммлера, само собой разумеется, я не мог ответить Керстену так, как мне хотелось. А потому я ограничился словами: «Господин Керстен, давайте подождем. Мы все это с вами обсудим, когда закончится война».

Зная Керстена, я мог вполне предположить, что он меня усиленно обхаживает, рассчитывая на поддержку своих проектов, когда они будут представлены на рассмотрение Гиммлеру. Не верилось, что он собирается забрать меня с собой в Америку. И все же Керстен продолжал толковать об этом: «Вам стоит только слово сказать. По приезде в Стокгольм я расскажу Сторху о наших намерениях. Он выправит нам паспорта для въезда в любую страну. Я все для вас устрою».

«Надеюсь, это будут не фальшивые паспорта, господин Керстен, — сказал я. — При всем уважении к господину Стор-

ху не верю, что он был настолько влиятелен, чтобы устроить нам паспорта в любую страну. Одно из двух: или те паспорта стоят огромных денег, или с ними нас арестуют, едва ступим на землю той страны. Откуда у господина Сторха настоящие паспорта? Какую цену пришлось бы за них заплатить?»

Керстен не медлил с ответом: «Сейчас вам ничего не придется платить. Позже, когда все устроится, можно будет подумать о форме компенсации».

Это было как раз то, что я и ожидал. «Дорогой господин Керстен, — сказал я, — не по душе мне такие дела».

«Послушайте, господин Вульф, — запротестовал он, — вам абсолютно не о чем беспокоиться. Я берусь достать все необходимые документы. Ни малейших сомнений для вас и вашей семьи».

«Я должен подумать об этом, — ответил я. — О своем решении извещу вас через неделю».

«Понимаю вашу озабоченность, — заметил Керстен, — но позвольте объяснить механику дела. Все очень просто. К тому же мы знаем друг друга настолько хорошо, что нет нужды что-либо скрывать. Если б дело обстояло иначе, я бы не обращался к вам за советами. А вы всегда были превосходным советчиком».

Я поднял руку, чтобы прервать поток похвал в мой адрес, и он продолжал свои объяснения: «В офисе господина Сторха имеется множество паспортов, в основном, стран Южной и Центральной Америки, скажем, таких, как Гаити. Все паспорта подлинные, получены непосредственно из тех государств. Разумеется, они были выкрадены из паспортных отделов лицами, имевшими к ним доступ. Но все паспорта с подлинными номерами, печатями и подписями. Все номера фиксируются, так что власти будут знать, что эти паспорта исходят из офиса господина Сторха. А это равносильно признанию их действительными. Возможно, у господина Сторха с этими странами особое соглашение. Мне об этом ничего неизвестно. Но уверяю вас, господин Вульф, на этого человека вы можете положиться. Если захотите, я все немедленно устрою»*.

* В то время выдавалось много таких паспортов; секретарь Керстена вела им учет. Люди Шелленберга из Отдела VI знали, что Керстен снабжает людей заграничными паспортами.

Я никак не мог отделаться от мысли, что Керстен хитрит и за границу меня хочет увезти, чтобы там закабалить. Опыт двух последних лет вполне подтверждал мои подозрения — Керстен постоянно заваливал меня неоплачиваемой работой. «Господин Керстен, — сказал я, — вы же понимаете, прежде чем решиться на столь серьезный шаг, я должен все обдумать».

Перед его отъездом в Стокгольм я поблагодарил за предложение — и отказался.

Но тогда, уже с неделю находясь в Германии, Керстен постоянно ездил на массажи к Гиммлеру. Сейчас мы, конечно, знаем из книги «Мемуары Керстена, 1940—1945 годы», что забота о здоровье Гиммлера для него была только поводом, в Германию он вернулся ради собственных дел или, как он выразился, «из гуманитарных соображений». Очень скоро выяснилось, что представляла собой его «гуманность» и какие интересы он собирался отстаивать.

С начала 1943 года Шелленберг, Говертс и я стремились приблизить падение Гитлера и побуждали Гиммлера вступить в переговоры с союзниками, освободить узников концлагерей и репатриировать заключенных иностранцев. Без такого жеста доброй воли перемирие, конечно, было бы невозможно. Мы понимали, Гитлер не пойдет на заключение мира. Его девиз — Победить или погибнуть! — большинство немецкого народа отвергло.

Гиммлер был осведомлен о наших планах с конца 1944 года, а в мае того же года, когда он советовался со мной по астрологическим вопросам, мы эту тему обсуждали часами. Тысячи немцев за эту идею боролись годами, их бросали в тюрьмы, пытали. Генералы отдали свои жизни ради того, чтобы покончить с Гитлером. И вот теперь, в начале марта 1945 года, господин Керстен появился со своим смехотворным списком из нескольких тысяч фамилий и еще одним «особым» списком, где было совсем немного фамилий, появился в надежде «предотвратить наихудшее» во имя гуманности. Господину Керстену не было необходимости брать на себя такую миссию. Шаги в этом направлении уже предпринимались, и, к сожалению, не обошлось без жертв. Но миссия Керстена поддерживалась прежде всего шведским правительством, которое добивалось освобождения заключенных скандинавов. Всемирная еврейская организация о своих интересах заявила позднее.

Из-за постоянных колебаний Гиммлера, его нежелания совершить переворот положение узников концлагерей день ото дня становилось все более отчаянным. Передававшиеся через Мартина Бормана приказы Гитлера — всех заключенных расстрелять, а лагеря сравнять с землей — в той обстановке, к счастью, оказались невыполнимыми. Попытки швейцарского Красного Креста добиться освобождения евреев и других заключенных предпринимались и ранее, продолжались они и в 1945 году, хотя в обстановке полной неразберихи, уже охватившей Германию, любые переговоры были затруднительны.

Керстен передал свой список Гиммлеру и затем неоднократно пытался добиться его утверждения. Но к 10 марта дело не сдвинулось с мертвой точки. Гиммлер не был готов освободить такое количество заключенных, он боялся, что это станет известно Гитлеру. Позже он утвердит освобождение нескольких заключенных, затем доведет число освобожденных до 1800. Но он решительно отказывался освободить десятки тысяч узников, о чем просил его Керстен по настоянию Гиллеля Сторха.

Даже после того как Гиммлер распорядился отправить в Швецию какое-то количество заключенных, возникали непредвиденные трудности. В концлагерях свирепствовали эпидемии, концлагеря из восточных провинций были эвакуированы. С транспортом были проблемы. Автомашин катастрофически не хватало, перевозки по железной дороге отпадали из-за воздушных налетов. Безысходность положения стала для меня очевидна после разговора с доктором Брандтом.

«Каким образом я могу обеспечить транспортом сразу столько заключенных? — говорил он. — Грузовики нужны для фронта, транспорта не хватает даже на то, чтобы доставлять в лагеря продукты. Люди просто штампуют приказы. Еще не было дня, чтобы я не получал откуда-нибудь совершенно бессмысленных приказов. Зачастую мы не знаем, куда девать освобождаемых заключенных. Вот уже несколько месяцев, как мы потеряли контроль над ситуацией». Зная об этих трудностях, Швеция еще в конце 1944 года предложила предоставить транспортные средства для тысяч поляков, бельгийцев, французов и др.

10 марта, вернувшись из Хоэнлихена, Керстен зашел в мою комнату и сказал, что Гиммлер ожидает меня завтра для

консультаций. Поскольку слишком рано было бы требовать от меня последней серии заказанных астрологических отчетов, я рассудил, что эту встречу устроил Шелленберг, которого я не видел уже месяц. Но ошибся и понял это только на следующий день. В десять утра на присланном из штаба Гиммлера «фольксвагене» мы покинули Гарцвальд. Наш путь пролегал через Менц, Фюрстенберг и Равенсбрюк, к тому времени ставшие практически прифронтовыми районами. На Запад тянулись длинные колонны беженцев, на обочинах валялись дохлые лошади, придорожье пестрело на скорую руку сколоченными крестами с именами замерзших в пути стариков и детей.

Когда выезжали из Гарцвальда, зарядил меленький дождик, все вокруг заволокло туманом. Но вскоре небо прояснилось, выглянуло солнце, позолотив своими лучами поля и озера Бранденбурга. Начиналась распутица, дорога становилась непроезжей. За Менцем шоссе было сильно разбито; рытвины, ухабы, воронки, брошенные машины затрудняли движение. И все же наш изрядно потрепанный «фольксваген» выдержал. Ближе к Хоэнлихену дорога стала сносной.

Еще в пути я выяснил, что этот визит мне устроил не Шелленберг, а Керстен. Я был крайне удивлен инструкциями, которые он начал давать мне, предвывая предстоящую беседу с Гиммлером. Я, со своей стороны, намеревался вручить Гиммлеру — по просьбе Шелленберга — несколько астрологических отчетов, в числе их универсальный гороскоп на 1945 год, а затем вновь завести разговор о необходимости устранения Гитлера и незамедлительных переговоров о капитуляции.

Давая мне инструкции, Керстен заметно нервничал. «Послушайте, дорогой друг, — говорил он, — вы должны воспользоваться новым гороскопом, дабы убедить Гиммлера, что мои переговоры с Гиллелем Сторхом важны и для него. Поддержите мой проект, чтобы я смог уломать Гиммлера и получить от него письменное обещание, которое я бы передал Гиллелю Сторху в Стокгольме». В былые времена уловки Керстена обычно проходили, ибо Гиммлер, как большинство запуганных людей, когда они болеют, должны в ком-то чувствовать опору. Свой выбор он остановил на массажисте. И хотя Гиммлер был тогда в очень плачевном состоянии, все же Керстену не удалось воспользоваться этим и добиться освобождения большо-

го числа евреев. Гиммлер шел на мелкие уступки и согласился освободить всего несколько заключенных.

Между тем Керстен продолжал увещевать меня: «Вам будет нетрудно убедить Гиммлера, что в его гороскопе содержится указание на то, что он должен освободить евреев. Господин Сторх человек весьма влиятельный, он смог бы замолвить за него слово перед шведами и союзниками. Еврей готов заступиться за Гиммлера! Вот как вы должны это преподнести! Если он отдаст необходимые распоряжения, мы с вами сегодня вечером разопьем бутылку шампанского, а всеми прочими делами займемся завтра».

«А почему бы вам самому не постараться убедить Гиммлера покончить со всем разом? — спросил я. — Воздушные налеты, уже унесшие столько жизней, причинившие столько страданий немецкому народу, сразу бы прекратились, а ворота концлагерей открылись бы сами собой. За последние два года Гиммлер вполне осознал бедственное положение Германии. Так почему бы вам не попробовать убедить его совершить переворот?»

Керстен очень разволновался и все же продолжал уговаривать меня поддержать его план прежде, чем я начну обсуждать с Гиммлером другие проекты. Но я не собирался помогать Керстену хотя бы потому, что при этом пришлось бы превратно толковать гороскоп Гиммлера. Мне было ясно, что речь должна идти не просто о помощи евреям. Прежде всего требовалось покончить с бессмысленной войной, в которой по-прежнему гибло множество людей. «Дорогой господин Керстен, — сказал я, — гороскоп Гиммлера я истолкую в полном соответствии с астрологической практикой». И затем спросил: «Шелленберг знает о вашем проекте?» Шелленберг ничего не знал. Поездка к Гиммлеру была придумана Керстеном!

Позже, когда я рассказал об этом Шелленбергу, он ограничился замечанием: «Стало быть, наш друг толстяк снова взялся за старые трюки!» Требования Керстена и впрямь были возмутительны. И хотя я решил не связывать себя какими-либо обязательствами, я согласился оказать посильную поддержку его миссии, предпринятой по поручению Гиллеля Сторха.

Вопросы, которыми Керстен докучал мне в последние дни в Гарцвальде, и те вычисления, которые в связи с этим мне прихо-

дилось делать, значительно превосходили то, что практикующий астролог делает для одного клиента. Поистине то была изнуряющая, нудная работа. Поэтому я решил по возвращении из Хоэнлихена как можно скорей уехать из Гарцвальда, известив об этом Шелленберга уже из Гамбурга. Для этого мне нужен был какой-то предлог, но ничего подходящего в голову не приходило. Я уже подумывал о том, не прикинуться ли мне больным.

Чем ближе в Хоэнлихену, тем тревожней становилось на душе. Миновали сторожевые посты, потом железные ворота, за которыми открылось подобие парка с невысокими строениями. Наши пропуска проверяли охранники-эсэсовцы. Керстен, чья внешность была всем хорошо знакома, приветствовал охранник веселым «Доброе вам утро!» вместо привычного «Хайль Гитлер!». По присыпанной гравием дорожке мы въехали на открытую площадку. Кругом чистота и порядок. По одну сторону выстроились в ряд автомобили, по другую — мотоциклы. Киррмайер поджидал на площадке лестницы, ведущей в цокольный этаж особняка, временной резиденции Гимmlера. Со всех четырех сторон дом охранялся людьми Киррмайера. Керстен по своему обычаю приветствовал его дружелюбно и весело. Я кивнул Киррмайеру. Нас провели в комнату охраны и попросили подождать.

Наконец дверь открылась и в комнату вошел невысокий, плотный, пожалуй, даже тучный человек с глубоко посаженными глазами. Керстен поздоровался с ним сдержанно, затем представил меня. Это был обергруппенфюрер СС профессор Гебхардт, личный врач Гимmlера. (В 1947 году он был приговорен трибуналом к смертной казни за военные преступления.) Он внимательно оглядел нас, прежде чем пригласить в соседнюю комнату. Это была небольшая гостиная с французскими окнами, выходящими на балкон; на него я обратил внимание еще при подходе к дому.

Генрих Гимmlер сидел в кресле и пригласил меня сесть рядом. Он недавно проснулся, от него пахло мылом и дешевым одеколоном; выглядел он свежее, чем обычно, из чего можно было заключить, что дело идет на поправку. Массаж Керстена, похоже, помог. Сам массажист удобно устроился на старинной софе. Простенькие занавески из бежево-коричневого муслина с зелеными и красными узорами обрамляли окна. С потолка свисала старомодная люстра из дымчатого

стекла с подвесками. Обстановка в целом была пошловатая. И в этой неказистой комнате Генрих Гиммлер жил с начала года, с тех пор, как Гитлер пригрозил снять его со всех постов. На Гиммлере был мундир, но без орденов.

Он улыбнулся нам кривой улыбкой и завел разговор о своем здоровье; довольно долго выспрашивал меня о своей личной жизни, о том, когда окончательно поправится. Затем Керстен, очень спокойно, без нажима, повел речь о своих проектах. Это дало повод Гиммлеру прочитать нам лекцию о чести, величии и преданности, тех качествах, которые он приписывал исключительно немцам и в которых отказывал славянам, монголам, представителям латинской расы. Я с трудом удержался от улыбки, когда он помянул монголов, ибо уже имел случай отметить его типично монгольский разрез глаз.

На эти высказывания Керстен отреагировал довольно бурно.

«Но вспомните моих друзей Венцеля и доктора Лангбена, — перебил он Гиммлера. — Это вы по отношению к ним нарушили слово, арестовав их, господин рейхсфюрер, и вряд ли вам пристало говорить о чести как истинно немецкой черте». Гиммлер усмехнулся и сказал, что то был особый случай, чрезвычайный трибунал оказался сильнее его, к тому же следствие неопровержимо доказало причастность того и другого к заговору*.

Затем Гиммлер опять повернулся ко мне и заговорил о предсказаниях, сделанных мною на основе его гороскопа. Одно из них было связано с происшествием 9 декабря 1944 года. «Это странно, господин Вульф, — сказал он, — но 9 декабря со мной действительно произошло нечто такое, что могло завершиться трагедией. Дело было ночью, я ехал по шоссе, и вдруг мою машину выбрасывает с проезжей части, и она несется вниз по склону метров под сорок и — прямо на рельсы, по которым как раз приближался поезд. Мы едва успели убраться с полотна железной дороги. Точность ваших предсказаний поразительна!»

«Отрадно слышать, господин рейхсфюрер, — ответил я. — Не ожидал, что первая же поправка к вашему гороскопу будет

* Это неправда хотя бы потому, что доктор Карл Лангбен был арестован до 20 июля 1944 года по пустяковому обвинению, не имевшему ничего общего с покушением на Гитлера.

удачной. Похоже, мы смогли установить точный момент вашего рождения. Это обнадеживает. Возможно, это убедит вас всерьез задуматься и о других моих предсказаниях и с должным вниманием отнестись к моему совету по поводу «Майского плана» (это было кодовым названием предполагаемого переворота, о чем было условлено между Гиммлером, Шелленбергом и мной, но об этом ничего не знал Керстен и потому посмотрел на меня своими большими глазами, так похожими на глаза ребенка).

«Вы знаете о планах господина Керстена, — сказал мне Гиммлер. — Что вы о них думаете?» Мне о них особенно нечего было сказать. С астрологической точки зрения эти планы не вызывали возражений, о чем я и сообщил Гиммлеру.

«Вряд ли я смогу удовлетворить просьбу господина Керстена, — продолжал Гиммлер. — Он просит немедленно отправить за границу большое число заключенных евреев. Но без одобрения Гитлера это невозможно. Транспортировка большой группы заключенных не останется незамеченной, значит, об этом узнает фюрер. Он уже возмущался, прослышав, что мои эсэсовцы освобождают евреев, и отдал приказ расстреливать всякого, кто впредь попытается это сделать. Так что я смогу удовлетворить лишь немногое из представленного мне плана».

Керстен и Сторх пришли к согласию относительно четырех пунктов: 1. Позволить узникам-евреям получать продукты и медикаменты из-за границы. 2. Всех евреев перевести в отдельные лагеря под контролем Международного Красного Креста (который, как рассчитывала Всемирная еврейская организация, станет содержать их на свои средства). 3. Отдельные лица, перечисленные в особом списке, привезенном Керстеном из Швеции, освобождаются немедленно. 4. Значительное число узников-евреев будет освобождено и отправлено за границу, по преимуществу в Швецию и Швейцарию.

В том соглашении называлась конкретная цифра — 10 000 евреев. Операция в целом поддерживалась шведским правительством, которое открыло в Любеке свое представительство Красного Креста, передав в его распоряжение большое количество грузовиков и автобусов. Гиммлер с готовностью принял три первых пункта, однако наотрез отказался санкционировать освобождение и эвакуацию десяти тысяч евреев, а также освобождение шведских, датских и норвежских

пленных, на чем настаивало шведское правительство. Тогда же мне стало ясно, что Керстен ничуть не продвинулся в своих делах (начиная со 2 марта); все его уловки ни к чему не приводили. Он опасался, что с Гиммлером у него ничего не получится, тогда под угрозой окажется весь проект, а вместе с ним его надежды на получение шведского гражданства.

Я спросил у Гиммлера, почему он не готов отпустить тех евреев, что числились в шведском списке. «Я не могу этого сделать, господин Вульф, — ответил он. — Фюреру уже известно об освобождении и отправке в Швейцарию заключенных евреев. Кальтенбруннер донес ему об этом, а Борман поддерживал его. Я связан по рукам и ногам». После этого он окончательно оставил эту неприятную тему и перешел к другой. «Господин Шелленберг мне говорил, что вы хотели бы вновь рассмотреть политическую обстановку в свете вашего гороскопа на 1945 год», — сказал он. Тот гороскоп для Гиммлера был не слишком обнадеживающим. Диаграммы двух первых кварталов, к истолкованию которых я перешел, содержали катастрофические для режима Гитлера созвездия.

Между тем Керстен, развалившись на софе, всем своим видом показывал, что ему абсолютно безразличны мои толкования. Ему было ясно, что его просьбы не прошли и что я не помог ему добиться от Гиммлера уступок, на которые он надеялся. Выражение его лица не было ни злым, ни добрым, скорее подчеркнуто отстраненным.

Разговор зашел о Ялтинской конференции, и Гиммлер попросил меня дать ей оценку с астрологической точки зрения. Я подготовил универсальный гороскоп на Ялтинскую конференцию месяцем раньше. Созвездия рисовали ужасающую картину, которую я в своем пересказе ничуть не пытался смягчить. Шелленберг вопреки всем обескураживающим прогнозам не отчаивался и с характерным для Козерогов упрямством продолжал подталкивать Гиммлера к пугачу. Но Гиммлер и Шелленбергу не уступал. Он просто не мог себе этого позволить, ибо его разлады с Гитлером достигли критической отметки.

«Дорогой господин рейхсфюрер, — сказал я, — почему вы не претворяете в жизнь наш «Майский план»? Наихудшего все еще можно было бы избежать, к тому же вы в отличие от фюрера могли бы улучшить свое положение».

«То, о чем вы с Шелленбергом просите меня, господин Вульф, не что иное, как нарушение клятвы верности, — ответил Гиммлер. — Я присягал на верность фюреру, и можете считать меня сентиментальным, но я не могу нарушить присягу. А потом вы думали о перспективе народных волнений? Как реагируют массы, если я арестую их фюрера? Конечно, мятежи и волнения я бы смог подавить с помощью войск СС, это было бы не так уж трудно. Но ведь я дал Гитлеру солдатскую клятву и не могу ее нарушить. Я всем обязан Гитлеру. Нет, господа, это невозможно, я на это не пойду». Последние слова Гиммлер произнес спокойно, но твердо, после чего посмотрел на меня долгим, пытливым взглядом и затем продолжал: «Вы говорите, что в настоящее время созвездия чрезвычайно неблагоприятны. Не могли бы вы сказать, какие части Германии не затронет оккупация? Что говорит об этом ваш циферблат?» — и Гиммлер показал на мой карманный хронометр, которым, в целях экономии времени, я пользовался при особых вычислениях. Времени у Гиммлера оставалось совсем немного. Положение было просто отчаянное. Если он не сумеет отрешиться от своих вздорных взглядов, у него одна дорога — катиться вниз, в пропасть.

«Насколько помню, — заметил я, — вы давно собирались назначить одного из верных вам людей, кто бы смог приступить к осуществлению нашего плана».

«Да-да, — прервал меня Гиммлер, — только где вы сегодня найдете верных людей? В данный момент было бы трудно совершить переворот. К тому же я не вполне здоров, все еще чувствую слабость. С военной точки зрения это возможно, однако я не могу приступить к выполнению этой задачи. Для успеха операции я должен был бы поменять руководство всех ведомств, заменить людей, подобных Кальтенбруннеру и Мюллеру на тех, кому я доверяю. На Кальтенбруннера меньше всего полагаюсь. Но стоит мне удалить его и Мюллера, как тотчас всполошится Борман и предпримет в ставке Гитлера ответные шаги. А уж Кальтенбруннер непременно за моей спиной настроит донесение Борману. Нет, было бы слишком рискованно заменять его теперь».

«Но господин рейхсфюрер, — возразил я, — этих людей вы могли бы заменить в последний момент, более того, арестовать Кальтенбруннера и других. В этих вопросах я не специ-

алист, но, мне кажется, для вас было бы несложно провести такую операцию».

«Вот уже мне предлагают свергнуть моего фюрера, — воскликнул Гиммлер. — Шелленберг даже настаивал, чтобы я убил его».

Тут я напомнил Гиммлеру гороскоп Гитлера: «Гитлер не умрет от рук убийцы, — сказал я. — Его созвездия предсказывают таинственную смерть. Вас ждет удача, если вы его арестуете».

«Но как я могу арестовать фюрера, если он сейчас болен?» — возразил Гиммлер. Затем повторил свое знаменитое изречение, которое нам не раз приходилось слышать: «Свои войска СС я создал на основе преданности. И этим принципом не могу поступиться». А потом Генрих Гиммлер, человек, чье имя наводило страх и ужас на миллионы людей, сказал сокрушенно, почти жалобно: «Признаюсь честно, господа, — я просто не могу этого сделать!»

Гиммлер никогда по-настоящему не занимался этим грандиозным планом, исполнение которого положило бы конец войне, дало человечеству мир и покой. Гиммлеру не хватило силы воли пожертвовать собой во имя страны, совершить то, что ждали от него миллионы немецких солдат. Не было в нем мужества закаленного ветерана, способного волевым поступком прекратить кровопролитие. От своих эсэсовцев он требовал жертвенности, но где было его самопожертвование? Не нужно было особой проныцательности, чтобы понять: от Генриха Гиммлера бесполезно ждать волевого поступка, который бы облегчил участь сограждан.

И даже зловещие тучи, уже сгушавшиеся над его собственной судьбой, не смогли заставить его изменить решение. В то утро в Хоэнлихене Гиммлер окружил себя химерами собственных фантазий. Напрасно я пытался разглядеть в нем хоть какие-то приметы величия. В выражении его лица не было даже намек на мрачную суровость испанского инквизитора или беспощадность кровавого палача времен Французской революции. Гиммлер попросил меня почти жалобным тоном не настаивать на том ужасном плане, не убеждать его разорвать отношения с человеком, принесшим столько горя и страданий миллионам соотечественников. Роковые созвездия его гороскопа уже сходились на нем, и не было никакой возможности что-либо поправить. В тот момент я ощутил, какая это мука —

видеть выход из положения и быть бессильным что-либо сделать. Я пережил внутренний кризис в августе 1944 года, теперь во мне назревал второй. Я мог утешать себя только тем, что испробовал и сделал все возможное.

Гиммлер прожил жалкую жизнь в своей штаб-квартире среди запятнанных кровью папок и карточек; все его существование было как бы преддверием ада. Ненавидимый, проклинаемый во всех частях света, заклеянный самой гнусной из всех земных тварей, он был теперь и самым несчастным, когда робко просил: «Не заставляйте меня что-либо вновь объяснять, не заставляйте пересказывать то, что я испытал, что пришлось пережить за последние месяцы, — я не могу этого сделать!»

Керстен за все время не проронил ни слова. По правде сказать, я ожидал, что он опять начнет уговаривать Гиммлера принять его план освобождения узников-евреев. Но Керстен молчал — не из тактических соображений, не из стремления казаться непроницаемым и таинственным, а потому что увидел Гиммлера у последней черты. Увидел Гиммлера, который не знал, что делать дальше. Если Керстен внимательно слушал наш разговор, он не мог не понять, насколько плохи дела его пациента. Гиммлеру нужен был доктор, но еще больше ему был нужен пастор. А Керстен сидел неподвижно, очевидно, раздумывая о своей сделке, которая, судя по обстановке, могла и не состояться. Что же касается его пациента Гиммлера, этого исчадия ада, на своем веку пролившего столько человеческой крови, что ему было в пору в ней захлебнуться, этот человек для Керстена был всего-навсего своеобразным залогом в его деловых операциях со шведами. Профессия Керстена обязывала к состраданию. Но где были теперь его целительные руки? Гиммлер так в них сейчас нуждался! Керстен же всем своим видом демонстрировал безразличие.

Пустые банальности Гиммлера о преданности, чести повторялись слишком часто и успели надоесть, как заезженная пластинка. Атмосфера этой гостиной мне вдруг показалась нестерпимой; определенно там витало что-то ужасное. Чтобы отвлечься, я выплянул в окно и был вознагражден роскошным видом залитого солнцем парка. Не время было предаваться бесплодным размышлениям о судьбе Гиммлера.

Гиммлер спросил, имею ли я новости из Гамбурга. Я уже сообщал ему о разрушенных доках; теперь он знал, что поступавшие к нему донесения о последствиях налетов на наши города, были далеко не полными.

Затем разговор зашел о военной промышленности.

Авиационная промышленность была практически парализована; производство двигателей почти остановилось. Как могли доблестные наши летчики оказывать хоть какое-то сопротивление ВВС союзников, оставалось загадкой. Гиммлер знал, что новые самолеты не производятся, однако солдатам и младшим чинам говорилось, что производство, как и раньше, идет полным ходом. Впрочем, надо было быть совсем простаком, чтобы в это поверить.

Гиммлер рассказал о ракетах класса «воздух-воздух», которым предстояло нанести невосполнимый урон вражеской авиации. Об этом новом оружии он говорил мне еще весной 1944 года, когда создавались опытные образцы. Но с той поры военные так и не сумели наладить их массовый выпуск, во всяком случае в достаточном количестве. Я указал ему на это и спросил, не поздно ли тешить себя бесплодными надеждами. Я напомнил о наступлении фон Рундштедта 7 декабря 1944 года, когда Первая американская армия оказалась отброшенной в Бельгию и Люксембург, а немецкая авиация привела в расстройство войска союзников. Хотя успехи Рундштедта были недолгими, в то время оптимизм еще был понятен, сегодня же он неуместен. И я вновь попытался убедить Гиммлера выступить против Гитлера.

И опять Гиммлер говорил о своей преданности фюреру, а потом стал рассказывать про «Фау-5», оружие чудовищной разрушительной силы. Это были не просто слова; эффективность ракет «Фау-1» и «Фау-2» были хорошо известны, особенно англичанам. Но когда я спросил, имеются ли достаточные запасы этого оружия, Гиммлер отвечал уклончиво. И опять никаких гарантий, что оно изменит ход войны в пользу Германии. Ходили слухи и о других видах секретного оружия, будто бы уже подготовленного к массовому производству. Возможно, это также заставляло Гиммлера колебаться.

Затем он рассказал мне о ракете-снаряде совсем иного типа и фантастической мощи. Такие города, как Нью-Йорк и Лондон, утверждал он, с помощью этого оружия могут быть стер-

ты с лица земли! И это сообщение нельзя было считать абсолютно беспочвенным, но оно мало что значило теперь, когда войска союзников форсировали Рейн, а русские вступили в Кюстрин, Штеттин, переправились через Одер и под угрозой оказался район Бранденбурга.

Мне приходилось слышать о новой ракете от Франца Геринга еще в феврале 1944 года. То, что он рассказал, в основном было верно — в то время велись работы по созданию немецкой атомной бомбы.

Франц Геринг утверждал, что новые ракеты прошли испытания. Для этого, по его словам, близ концлагеря Освенцим был построен город, и двадцать тысяч евреев, главным образом, дети и женщины, были отправлены туда на поселение. Весь город был уничтожен одним снарядом. Температура в эпицентре взрыва достигала 6000 градусов по Цельсию, город и люди в мгновение ока превратились в пепел и прах. Подобные рассказы доходили и до Гиммлера. Так стоит ли удивляться, что он по-прежнему возлагал надежды на чудодейственное оружие? Стоит ли удивляться тому, что он не решался устранить Гитлера?

В конце беседы Гиммлер спросил мое мнение о международном положении. Я высказался совсем коротко, а затем вновь напомнил о нашей договоренности относительно плана Шелленберга. После этого мы с Керстеном стали поспешно прощаться. Мне показалось, что Гиммлер был опечален нашим отъездом, на глаза его навернулись слезы, что, впрочем, можно было объяснить и нервным расстройством.

Туман, с утра укрывавший от нас очаровательный озерный край Бранденбурга, теперь окончательно рассеялся. Теплые лучи мартовского солнца расчистили небо. Мы направлялись к Фюрстенбергу. Едва выехали на главную магистраль, увидели беженцев, небольшими группами тянувшихся на запад. Они были не первыми и не последними. Вскоре по той магистрали потечет нескончаемый поток людского горя и страданий.

Керстен по дороге в Гарцвальд избегал разговора со мной, и я спокойно мог поразмышлять о том, как поскорей вернуться в Гамбург. Я подыскивал повод, который бы смог оправдать мой отъезд. Но это оказалось излишним. По прибытии в Гарцвальд мы узнали, что по правительственной линии связи из

Гамбурга поступила телефонограмма: 11 марта в полдень город подвергся массированному воздушному налету, во время которого мой дом был полностью разрушен. Жена требовала, чтобы я немедленно вернулся и подумал, как собрать и куда пристроить то немногое, что у нас осталось. Это позволяло мне покинуть Гарцвальд утром следующего дня. Но вечером Керстен, крайне раздосадованный тем, что я не исполнил его поручений, попытался затеять со мной ссору. Я от нее уклонился, и он ушел к себе, чтобы засесть за свой дневник. Мне так хотелось немедленно покинуть Гарцвальд, но это было невозможно, пришлось ждать утра. Больше не было сил терпеть постоянные домогательства Керстена.

КОНЕЦ УЖЕ БЛИЗОК

Полудни 13 апреля, после очередного массированного налета на Гамбург, на командный пост поступила телефонограмма, предписывающая мне немедленно вернуться в Гарцвальд. Мне было сказано, что Гиммлер намерен предпринять какую-то акцию. Предоставленная в мое распоряжение машина оказалась неисправной, ее ремонт задержал отъезд на сутки. Вечером 14 апреля мы выехали из Гамбурга и угодили под бомбежку в Бойценбурге. Много машин было подбито и взорвано, их обломки вместе с телами убитых и раненых устилали проезжую часть. Если бы мы не успели вместе с машиной укрыться в тени деревьев, нас бы постигла та же участь. Поутру 15 апреля мы прибыли в Гарцвальд, где управительница помещением вручила мне секретный доклад и сказала, чтобы я подготовился к важному совещанию, созываемому по просьбе Шелленберга.

Вопросы, которые Шелленберг и Гиммлер собирались мне предложить на исследование, касались поездки Бернадотта и предполагаемых переговоров с Черчиллем, Эйзенхауэром или Монтгомери, чьи гороскопы я уже составил. А само совещание оказалось захватывающим.

К десяти часам появились Шелленберг и Рудольф Брандт. Доктор Брандт вручил мне список видных деятелей национал-социалистического государства, которые могли войти в состав нового правительства:

1. Рейхслейтер Мартин Борман, родился 17 июня 1900 года в Хальберштаде.
2. Рейхсминистр профессор Альберт Шпеер, родился 19 марта 1905 года в Мангейме.
3. Рейхсминистр доктор Артур Зейс-Инквардт, родился 22 июля 1892 года в Станнерне близ Иглау.
4. Рейхсминистр граф Шверин фон Крозиг, родился 22 августа 1887 года в Ратмансдорфе (Ангальт).
5. Генерал-фельдмаршал Фердинанд Шернер, родился 12 июня 1892 года в Мюнхене.

Астрологические вычисления были очень трудоемкими, я работал без передышки, отвечая лишь на звонки с командного пункта и штаб-квартиры Гиммлера.

18 апреля из Стокгольма позвонил Феликс Керстен, он сообщил, что едет в Гарцвальд вместе с Гиллелем Сторхом. Мне и раньше приходилось слышать, что он намерен привести этого лидера еврейства в Германию для дальнейших переговоров. Тот день выдался особенно интересным. От друзей из Отдела VI я узнал, что высшие чины СС, в их числе Шелленберг, доктор Брандт и, конечно, Гиммлер, намерены бежать в южную Германию, проложив себе дорогу силой, если потребуется. Это был план «Оберзальцбург», о деталях которого стало известно лишь после войны. Гиммлеру хотелось быть поближе к армии Шернера, все еще боеспособной, а я должен был бы его сопровождать. Вздумаю я отказаться, меня бы в наручниках увезли. Понятно, я был очень этим встревожен — проект сам по себе был непродуманный и расходился с моими астрологическими прогнозами.

От меня ждали изучения проблем, возникающих в связи с планом «Оберзальцбург». Это требовало дополнительных усилий и времени. Между тем 19 апреля в Гарцвальде появился Феликс Керстен в сопровождении господина Мазура. Вместо того чтобы лично прибыть на переговоры с Гиммлером, Сторх прислал Норберта Мазура представлять интересы Всемирной еврейской организации. Мазур происходил из семьи гамбургских предпринимателей, покинувших Германию в 1938 году. Керстен и Мазур вылетели из Стокгольма на самолете шведской авиакомпании в Копенгаген, где пересели на немецкий самолет, доставивший их в Берлин-Темпельхоф. В своих мемуарах Керстен настоятельно подчеркивает огромную важность этого путешествия и связанный

с ним риск. Поскольку храбростью Керстен не отличался и очень боялся русских, это путешествие для него и впрямь было подвигом. Вряд ли бы он на него решился, если бы шведы знали, как далеко продвинулись русские на Восточном фронте — они уже занимали предместья Берлина. Визит Мазура проходил в обстановке чрезвычайной секретности. Если бы Гимmlера разоблачили, тут же вмешались бы Борман и Гитлер, и Мазур был бы арестован. Личный секретарь Гимmlера, доктор Брандт, для него изготовил специальный пропуск, гарантировавший безопасное возвращение в Стокгольм. Сторх уполномочил Мазура вести переговоры с Гимmlером по вопросам, утвержденным Всемирной еврейской организацией.

Феликс Керстен и Норберт Мазур добрались до Гарцвальда под вечер. Утром того дня Ораниенбург усиленно бомбили. Многие кварталы северных пригородов Берлина лежали в развалинах. На своем пути они видели целые улицы, превращенные в дымящиеся руины. Проезжая часть нередко оказывалась в завалах, и машине — это был один из персональных автомобилей Гимmlера — приходилось выбирать окольные пути, оттого и прибыли с опозданием. Впервые Мазуру, а возможно, и Керстену, довелось видеть подобные ужасы. В Гарцвальд они явились перепуганными, истощенными от нервных потрясений. Мазур, невысокий, стройный, узкоголовый человек с умными глазами, прямо-таки позеленел от страха. Я с ним поздоровался, но он молчал, будто лишился дара речи. На Керстене тоже лица не было, но он скоро пришел в себя и спросил, приехал ли Шелленберг. Сестра Керстена и его секретарь Елизавета занялись багажом прибывших. Когда они привели себя немного в порядок, Керстен представил меня Мазуру. Разумеется, не как астролога Гимmlера, а как «знатока санскрита» — в соответствии с указанием самого Гимmlера. Я был этим несколько смущен и пытался поправить положение, объяснив, что отнюдь не считаю себя знатоком, а скорее «студентом, изучающим санскрит».

Тем временем стало совсем темно — в буквальном смысле слова. В результате утренней бомбежки Ораниенбаума и Берлина электростанции и подстанции, а также линии электропередач на многих отрезках вышли из строя. Мы остались без света и радио. И только A-Leitung (прямая телефонная линия) все еще работала. Никто, однако, не думал о сне.

Мазур первым завел разговор и поделился своими впечатлениями от поездки из Темпельхофа в Гарцвальд. Он все еще не мог прийти в себя от пережитых потрясений и ужасных сцен, свидетелем которых стал. Взглянув на Керстена, а потом на меня, он сказал: «Господа, мы, — под этим «мы» подразумеваемая евреев, — мы сполна расквитались с немцами. И не будем пытаться им мстить. Нацистский режим для Германии обернулся очень скверным капиталовложением». Керстен мне говорил, что Гиллель Сторх придерживался таких же взглядов.

Но разговор по-настоящему не клеился. Мне было велено помалкивать, а Керстен нервничал, ожидая звонка из штаба Гиммлера. Шелленберг прислал записку, сообщив, что приедет во второй половине дня и что хотел бы посоветоваться со мной по некоторым астрологическим вопросам еще до начала переговоров. Наконец в два часа ночи 20 апреля Шелленберг приехал в Гарцвальд. Встреча проходила при свечах. Керстен сразу же отвел Шелленберга в сторону, показал ему вопросы, которые выносились на обсуждение, и напомнил о просьбе шведского правительства освободить заключенных по индивидуальному списку. Шелленберг казался очень утомленным, говорил мало. Он не спал уже несколько суток. Я ушел к себе, чтобы не мешать их разговору. Позже я узнал от Шелленберга, что его возмутили требования Керстена. Сам Керстен мне об этом ничего не рассказывал, но, как я узнал, и рейхсфюрер не соглашался на более или менее значительные уступки шведам до тех пор, пока не будет установлена дата его встречи с генералом Эйзенхауэром.

Положение Гиммлера было шатким, а события накатывали, подобно снежной лавине. Шелленберг убеждал Керстена, как важно в интересах Германии склонить шведов предоставить немецким войскам свободный проход через их территорию. Этими выведенными из Норвегии войсками можно было бы укрепить Восточный фронт. Но вскоре разговор прервался, усталость окончательно сломила Шелленберга, и он отправился спать.

Утром Шелленберга представили Мазуру. Тот высказал свои требования, и Шелленберг их принял с некоторыми оговорками. Неожиданно переговоры были прерваны двумя мощными взрывами. Не все в Гарцвальде знали, что неподалеку от поместья размещался склад боеприпасов, а при нем рота по обезвреживанию неразорвавшихся бомб. Надо было видеть лица Кер-

стена и Мазура, когда раздался первый взрыв! Они-то думали, русские с бою берут поместье. На самом деле взрывники обезвредили две неразорвавшиеся бомбы. А тем временем с плацдарма на Одере действительно стал долетать шум канонады.

Шелленберг сказал, что у него нет желания участвовать в празднествах по случаю дня рождения «бесноватого», вместо этого он предпочел приехать в Гарцвальд. Позже он намеревался отправиться в штаб-квартиру Гиммлера в Вюстрове и потому просил меня ответить на некоторые интересующие Гиммлера вопросы. Помимо астрологических характеристик Бормана, Зейс-Инквадта, Крозига и Шернера Гиммлеру хотелось узнать вероятную дату смерти Гитлера (для него это было крайне важно); выяснить, удастся ли ему, Гиммлеру, договориться о перемирии; окажется ли Гарцвальд в зоне военных действий и, если да, не по причине ли близости склада боеприпасов; не следует ли ему заблаговременно вывезти людей из поместья; и еще его интересовали астрологические портреты генерала СС Эриха фон Бах-Залевски, фон Альвенслебена, Вальтенхорста, профессора Курта Бломе и Бальдера фон Шираха.

Закончив разговор, мы с Шелленбергом спустились в кабинет, где застали Керстена в крайнем возбуждении.

Накануне доктор Брандт был извещен, что переговоры с Мазуром состоятся 20 апреля, однако никаких дальнейших известий не поступало, и мы не знали, приедет ли Гиммлер вообще. Керстен пришел в ярость, когда Шелленберг вскользь обронил замечание, что переговоры, возможно, уже ведутся в Бернадоттом. «Какой же я дурак, — воскликнул в сердцах Керстен. — Я, который устроил встречу Бернадотта и Гиммлера, вынужден торчать здесь и выжидать!» Мазур сидел в стороне и помалкивал. Атмосфера была напряженная, и я ушел к себе, чтобы продолжить работу.

Гиммлер приехал 21 апреля около двух часов утра. Сначала он переговорил с Керстеном. Гиммлер хотел знать, пропустят ли шведы через свою территорию немецкие войска из Норвегии. Этот вопрос обсуждался уже не первую неделю. Керстен должен был все это выяснить в Стокгольме, а также, используя свои связи, повлиять в нужном направлении на Гюнтера, шведского министра иностранных дел. Но Гюнтер ответил отказом. Шведское правительство соглашалось интернировать

размещенные в Норвегии немецкие войска, но отказывало им в праве транзита. Гиммлер и тут оказался в проигрыше, ибо только Гитлер мог отдать приказ войскам сложить оружие.

Военные эксперты сошлись на том, что все войска, без которых можно было обойтись в Норвегии, Дании и Голландии, следует как можно скорей вывести и отправить на Восточный фронт. Однако гениальный стратег Адольф Гитлер на этот счет имел особое мнение. Его приказы гласили: стоять до конца, не уступать врагу ни пяди земли!

Как выяснилось, Керстен не смог связаться с Эйзенхауэром и организовать мирные переговоры Гиммлера с западными союзниками. Гиммлер все еще верил, что Германия и западные союзники должны и могут объединиться, чтобы вместе продолжить борьбу с большевизмом. Тем утром Керстен заявил: «Эта война в той же мере их, как и наша». Но отношения между Керстеном и Бернадоттом были натянутые, а Бернадотт был единственным человеком в Швеции, который при желании смог бы стать связующим звеном с союзниками. Керстен объяснял это Гиммлеру, и тот слушал его с интересом. Это означало, что при посредничестве Бернадотта он сам еще сможет вступить в переговоры с Эйзенхауэром или Монтгомери. Керстен напрасно кипятился накануне — Бернадотт и Гиммлер еще не встречались. Их встреча была назначена на утро следующего дня в Хоэнлихене*.

Завершая разговор с Керстеном, Гиммлер сказал: «В ближайшее время в руководстве, возможно, произойдут перемены».

Той ночью на Берлин был произведен еще один массивный воздушный налет. С балкона в Гарцвальде нам были видны отблески далеких пожаров. Темные облака на горизонте подсвечивались снизу взрывами бомб. Несколько зенитных батарей, кажется, еще отстреливалось.

Тем временем Мазур спокойно ждал. И вот состоялась секретная встреча Гиммлера, загубившего больше евреев, чем кто-либо другой за всю историю человечества, и представителя Всемирной еврейской организации, встреча, во время которой

* Встреча была устроена Керстеном по настоянию Шелленберга при посещении Бернадоттом концлагеря Невенгамме с целью обеспечить заключенных продуктами и подготовить к эвакуации.

обсуждалось освобождение узников-евреев, а также возможность прекращения военных действий! Мазур вел себя достойно и сдержано.

В тот вечер Гиммлеру пришлось пообещать господину Мазуру, что он не станет выполнять приказы Гитлера уничтожить всех евреев, находящихся в концлагерях. Он сдержал свое слово и, как выяснилось позже, освободил большую часть узников из списка Керстена. Более того, Гиммлер положил конец уничтожению евреев. Завершая переговоры, он, по словам Керстена, будто бы сказал: «Лучшие люди нации погибнут вместе с нами. Те, которые останутся, для нас не представляют никакого интереса! Союзники могут с ними делать все, что им заблагорассудится!»

На рассвете Гиммлер и Мазур, перед тем как расстаться, вышли на свежий воздух и прошлись по двору поместья Гарцвальд. Гиммлер, палач евреев, шел бок о бок с Норбертом Мазуром, представлявшим Всемирную еврейскую организацию. Гиммлер сказал: «А знаете, господин Мазур, если бы мы встретились лет десять тому назад, быть может, этой войны не было!» Гиммлер сел в машину, и они с Шелленбергом отправились в Хозэнлихен.

На следующий день оставшийся в Гарцвальде доктор Брандт подготовил все необходимые документы. Керстену и Мазуру были вручены пропуска и разрешения для освобожденных евреев. Когда доктор Брандт покончил с этим, мы вдвоем с ним удалились в его комнату, чтобы обменяться впечатлениями об этом памятном дне. Часов в одиннадцать утра Керстен и Мазур покинули Гарцвальд, чтобы отправиться в Стокгольм. Керстен все еще дулся на меня из-за того, что я не пожелал поступиться своими астрологическими расчетами ради его собственных проектов. Он так и не зашел проститься со мной.

Керстен и Мазур летели в Стокгольм через Копенгаген, и у них имелись все основания быть довольными. Генрих Гиммлер их не тронул. Керстен получил от Гиммлера щедрое вознаграждение за «манипулятивную терапию», которую тот ему оказывал на протяжении многих лет. Шелленберг по временам испытывал неловкость, когда ему предлагали с заграничных счетов снимать значительные суммы или брать их из Рейхсбанка, а Гиммлер эти суммы потом передавал Керстену. Тот, прав-

да, ничего не знал об этих трудностях, но если б даже и знал, вряд ли бы стал беспокоиться. Если говорить о роли Керстена в операции по освобождению евреев, для него это было чистым и доходным делом в большой политической игре.

ПОСЛЕДНИЕ ПРИКАЗЫ ГЕНРИХА ГИММЛЕРА

Ранним утром 24 апреля 1945 года мне позвонили из Любека. На другом конце провода был сам Гиммлер, возбужденный до крайности. Он потребовал, чтобы я тотчас выехал в Любек, прихватив с собой гороскопы членов правительства. Я не очень-то понимал, как смогу выполнить этот приказ. Войска СС отступали, достать машину было немыслимо. Затем Гиммлер сообщил, что он только что получил известие из Гарцвальда: над беженцами и рабочими поместья нависла угроза оказаться у русских в плену. Он просил изучить информацию с астрологической точки зрения и результаты передавать по телефону. Ему хотелось знать, следует ли всех эвакуировать из Гарцвальда или оставить людей Керстена в поместье. Керстен заверял Гиммлера, что сам по себе русский народ довольно «безобиден», а если в поместье вывесить шведский флаг, его людям, дескать, никто не причинит вреда. Однако сами люди в этом вовсе не были уверены, ибо наслушались от беженцев рассказов о тех страхах и ужасах, которые им пришлось пережить с приходом русских.

Я уже обсуждал этот вопрос с доктором Брандтом 21 апреля. Он согласился со мной, что Гарцвальд следует эвакуировать. Из беседы с господином Мазуром я тоже знал, насколько беспардонно вели себя русские в Польше, Силезии и Восточной Пруссии. Прибывавшие в Швецию беженцы из тех мест рассказывали жуткие истории. Мазур сказал, что, окажись он в подобной ситуации, он бы не мешкая подался на Запад. Лишь бы не попасть к русским.

Исходя из этого, я посоветовал Гиммлеру послать в Гарцвальд грузовики и вывезти оттуда всех беженцев в Гамбург или Шлезвиг-Гольштейн. На армейские грузовики в тот момент рассчитывать не приходилось, но можно было попытаться уговорить шведов совершить такой рейс. В распоряжении шведского Красного Креста имелось большое количество грузовых машин и автобу-

сов, а штаб-квартира Красного Креста находилась как раз в Любеке, так что Гиммлеру будет сравнительно просто все устроить.

В результате вечером 25 апреля, после долгого и опасного путешествия автоколонна грузовиков с беженцами и людьми из поместья Гарцвальд прибыла в Любек. Под Шверином колонна подверглась нападению самолетов-штурмовиков, трое шведов из персонала Красного Креста погибли, несколько машин было уничтожено. По прибытии беженцев разместили в помещениях шведского Красного Креста.

Этот в общем-то незначительный эпизод примечателен в одном отношении: Гиммлер, всегда такой щепетильный во всем, что касалось мер безопасности, впервые отдавал приказы по городскому телефону. К тому моменту все пришло в полное расстройство, секретные линии связи не действовали. Да и сам Гиммлер был в большом расстройстве. Из разговора я понял, что он паникует, нервы у него на взводе.

Шелленберг во время встречи с Бернадоттом просил графа связаться с Эйзенхауэром, чтобы обсудить возможность перемирия на Западном фронте. Это предложение, сделанное в момент, когда третий рейх находился в агонии, можно было расценить как бесцеремонность по отношению к Бернадотту. Полтора года Гиммлер не мог решиться на переворот, а теперь надеялся, что союзники захотят объединиться с ним против русских.

Гиммлер знал о серьезных разногласиях между Черчиллем и Сталиным, на это он и рассчитывал. Но перемирие было бы возможно лишь при условии устранения Гитлера, впрочем, и тогда западные державы не позволили бы ему остаться у власти. Самое большее, на что мог надеяться Гиммлер, это руководство страной на переходном этапе до установления мира. Временами Гиммлер это понимал. Но было совершенно ясно, что он лишен качеств государственного деятеля — взять хотя бы его постоянную нерешительность, он был не способен схватывать ситуацию в целом. Не то бы давно потребовал отставки Гитлера, применив, если нужно, силу, а уж потом бы приступил к переговорам. Но Гиммлер медлил, оправдывал свои колебания пустыми разговорами о преданности. Он не сознавал громадной ответственности перед немецким народом, не то давно задействовал бы отлаженный механизм СС, чтобы предотвратить или хотя бы смягчить надвигающуюся катастро-

фу. 27 апреля западные союзники через Бернадотта передали Гиммлеру, что никаких переговоров не будет.

Шелленбергу все же удалось уговорить Гиммлера собственноручно написать записку Бернадотту, которую он, Шелленберг, должен был лично вручить графу. Позже шведское правительство через зарубежное агентство печати устроило утечку информации, и о содержании записки, о мирных инициативах узнала мировая общественность. Шелленберг оказался в трудном положении. Гиммлер вновь попытался сделать козлом отпущения другого, а сам при этом остался в тени. Если бы переговоры между Бернадоттом и Шелленбергом увенчались успехом, Гиммлеру досталась бы честь миротворца. Если бы они, напротив, провалились, Шелленберга ожидало наказание, не исключено, что Гиммлер мог бы его ликвидировать. Старые методы! На сей раз, однако, все обернулось против самого Гиммлера.

Перед тем как передать записку шведам, Шелленберг выспрашивал меня, одобряют ли созвездия такое мероприятие, должен ли он продолжать переговоры и существует ли опасность, что Гиммлер пристрелит его. Гороскоп Шелленберга я изучил до мельчайших деталей. В той точке Шелленбергу смерть не грозила, и я с чистой совестью посоветовал ему продолжить контакты со шведами. Чуть позже для него должна была наступить удачная полоса, а это означало, что пересуды зарубежной прессы ему не принесут вреда, хотя Гиммлер и попытается его обвинить в превышении полномочий на переговорах.

Мне было велено явиться в Любек 28 апреля 1945 года. На малиновом «мерседесе» за мною приехали солдаты СС и персональный шофер Шелленберга по фамилии Бухвальд. Поездка в Любек была равнозначна поездке на фронт. Дороги заружены обгорелыми машинами, подбитыми с самолетов. Те, кому удалось из них выбраться, лежали на обочинах или еле передвигали ноги.

За вокзалом Аренсбурга на пути в Оддеслоэ с рельсов сошел состав. Вдоль полотна железной дороги в беспорядке были разбросаны покореженные вагоны, машины, погнутые рельсы, железо. Кошмарный этот пейзаж был озарен ласковым весенним солнцем.

В Любек мы приехали под вечер. Бухвальд доставил меня в «Данцигер хоф отель», отведенный Отделу VI и штабу Шел-

ленберга. Там я встретил Франца Геринга, адъютанта Шелленберга. Волнуясь, он рассказал мне о разрушенных по соседству кварталах при последнем налете английских ВВС. От него же я узнал о разбитых грузовиках из шведкой автоколонны.

Шелленберг появился через несколько часов. «Постарайтесь сделать так, чтобы Гиммлер отправил меня в Стокгольм. Все гороскопы при вас?» Такими словами Шелленберг приветствовал меня. Вид у него был измученный; он дрожал, пожимал мне руку и улыбался, чтобы скрыть страх. Мы сели в плетеные кресла с замусоленными подушками и торчащими прутьями; при каждом движении кресла скрипели. Комната была гнусная, грязная, тускло освещенная. Зловещая обстановка усугубляла надвигающуюся беду.

Шелленберг был совершенно сломлен, и я узнал, что идея вызвать меня в Любек принадлежала не Гиммлеру, а ему. Никто из сотрудников Отдела VI не знал об угнетавших их шефа проблемах. Это я понял после разговора с адъютантом Шелленберга, Францем Герингом, и другими людьми его штаба. По всем углам в спешке шли сборы к отъезду, туда-сюда сновали адъютанты, ординарцы, а Шелленберг рассказывал мне о своих невзгодах:

«Западные державы по-прежнему отказываются вести переговоры с Гиммлером, а прекращение военных действий на основе безоговорочной капитуляции для вермахта неприемлемо. Что теперь будет? Общественность за рубежом через агентство Рейтер узнала о наших контактах со шведами и о записке Гиммлера. Что я скажу рейхсфюреру?»

И пока я разыскивал в своих папках астрологическую информацию, необходимую для ответа на этот вопрос, Шелленберг продолжал: «Гиммлер обвинит меня в том, что я поставил его под удар, потому что теперь Гитлер лишит его занимаемых постов. Все разваливается!»

Ни слова не услышал я из его уст о собственной судьбе или о том, что ждет его семью, очаровательную жену, малолетних детей. Когда я сам заговорил об этом, Шелленберг ответил кратко: «Не так важно, что будет со мной. Если рейхсфюрер пошлет меня в Стокгольм на переговоры о выводе наших войск из Норвегии, я попытаюсь что-то сделать через Бернадотта. У меня есть еще шанс. Полагаю, Керстен к нашим делам утратит всякий ин-

терес, вряд ли стоит с ним связываться». Это он произнес со злостью, потом сообщил, что Гиммлер намерен обсудить со мной этот проект, поскольку поиски решения продолжаются.

Я отвечал, что надежд что-либо изменить сейчас очень мало. «Но я попытаюсь с ним поговорить о прекращении военных действий в Норвегии и Дании, — сказал я, — в этом случае мы смогли бы начать переговоры об эвакуации наших войск из Норвегии».

Шелленберг досадовал на то, что шведы до сих пор отказывали нам в проходе через их территорию. Гиммлер надеется, добавил он, что благоприятное решение вопроса может быть найдено после смерти Гитлера. Это, разумеется, было бы наилучшим решением для Гиммлера, оно бы позволило ему на время остаться у власти в качестве преемника Гитлера, что, по его словам, стало бы «стабилизирующим фактором» для страны.

Невероятно, но Гиммлер все еще надеялся убедить западных союзников объединиться с Германией против русских. Он полагал, что западные союзники его примут с распростертыми объятиями.

Он любил повторять, что Эйзенхауэр постоянно следит за его эсэсовской периодикой «Die Schwarzerkorps», и на этом основании делал вывод, что верховный главнокомандующий союзными войсками в Европе благосклонно относится к его организации и войскам СС. Вряд ли это можно было считать проявлением излишнего оптимизма. Скорее, такие заявления свидетельствовали о полном непонимании военной и политической обстановки после Ялтинской конференции. Хотя Шелленбергу и удалось организовать встречу Бернадотта с рейхсфюрером и — несмотря на то что она закончилась безрезультатно — он был готов к новой встрече и новым переговорам, это был не более чем жест для успокоения Гиммлера, что-то вроде слов утешения врача умирающему. У Бернадотта цель была одна: используя Гиммлера, дать возможность Красному Кресту исполнить свой долг. У Бернадотта и мысли не было попытаться спасти Гиммлера.

Когда Шелленберг выговорился, я сказал, что мне надо уединиться на час, чтобы освежить в памяти гороскопы и в тишине, в покое подготовить интересующие его вопросы. Прежде чем встретиться с Гиммлером, я хотел посмотреть, какие созвездия должны были вскоре взойти. После всех пере-

живаний и потрясений последних дней, когда постоянно приходилось двигаться, я чувствовал, что мои физические и умственные силы на исходе, и теперь мне было совершенно необходимо побыть в одиночестве. Примерно через час я снова встретился с Шелленбергом и изложил ему свои соображения. Его гороскоп не содержал указаний на то, что жизнь его в тот момент подвергалась опасности. Зато налицо были знамения предстоящего путешествия. Поэтому я посоветовал ему готовиться к поездке в Швецию и подумать о том, кто будет его сопровождать. После легкого ужина Шелленберг велел шоферу отвезти нас на командный пост к Гиммлеру.

В холле гостиницы в нос ударил затхлый запах давно немых тел и неменявшейся одежды. Измотанные беженцы, преклонив головы на столы, пытались подремать. Другие сидели на своих пожитках в ожидании транспорта, который смог бы отвезти их подальше на запад. Младшие офицеры отрывисто и громко выкрикивали команды. Это была картина всеобщей беды и полнейшей неразберихи.

Мы ехали тем же путем, что и несколько дней назад, когда сам Гиммлер сидел за рулем. Тогда все, кто был в машине, находились под тягостным впечатлением от только что отданного Гиммлером приказа генералу Штейнеру — атаковать противника. Шелленберг от этого приказа пришел в ужас, но, поскольку он не имел боевого опыта, с его мнением можно было не считаться. Однако военные советники СС и адъютант Гиммлера сошлись на том, что продолжение кровопролития ни к чему хорошему не приведет.

По дороге Шелленберг рассказал мне, что недавно Гитлер оказался в весьма критической ситуации: в продолжении нескольких часов он был совершенно отрезан от внешнего мира, и никто не знал, жив ли он. «Вы говорили, что по гороскопу он умрет в конце апреля, — сказал Шелленберг. — Судя по последним донесениям, он истощен физически и морально. Но люди из его ближайшего окружения по-прежнему слепо исполняют его приказы».

Герман Геринг уже не представлял угрозы; его созвездия были просто ужасны. Это я установил раньше и через доктора Брандта известил о том Гиммлера. В тот момент Геринг по приказу Гитлера находился под арестом. В любом случае этот че-

ловец был слишком ленив, чтобы решиться на какие-то энергичные действия.

Как я уже писал, сообщение агентства Рейтер о переговорах Гиммлера с графом Бернадоттом привлекло к себе внимание мировой общественности. Рано или поздно это непременно должно было дойти и до Гитлера. Сегодня мы знаем со слов Ханны Рейч, что Гитлер, узнав о вероломстве Гиммлера, метался от ярости как сумасшедший.

26 апреля мне было предложено — сначала ведомством Шелленберга, а затем Брандтом — выяснить, не покинет ли Гитлер Берлин. Действительно, на случай непредвиденных обстоятельств предполагалось вывезти Гитлера самолетом в Берхтесгаден или — как запасной вариант — силами бронетанковой дивизии СС прорываться туда же по дорогам. Эти планы, как и все проекты тех дней, рождались от полного отчаяния, а потому были непрактичны и невыполнимы.

Попетляв по улицам на окраине Любека, пробравшись через лабиринт автомобилей, оградительных барьеров и казарменных барачков, мы наконец остановились перед входом в один из них. Посреди него тянулся длинный, узкий, тускло освещенный коридор. Из комнат, что были слева, доносились голоса, кому-то что-то диктовавшие, а в комнатах справа были слышны разгоряченные речи, перемежаемые звоном стаканов и кружек. В казарме было очень душно, окна не открывали, соблюдая светомаскировку. Ординарец распахнул перед нами дверь. Вдоль всех четырех стен стояли скамейки; спинками для них служили настенные панели. Скамейки стояли даже под окнами. Поодаль несколько коек. В дальнем конце комнаты стоял дубовый стол, также окруженный скамейками. Мы сели у стены. Шелленберг пробежал глазами список вопросов, которые предстояло обсудить с Гиммлером. В полночь в казарме взвыла сирена — это давали отбой. Шелленберг, как кажется, сумел взять себя в руки, уверенность понемногу возвращалась к нему.

Внезапно дверь отворилась и Гиммлер, с длинной сигарой во рту, вошел в комнату и поприветствовал нас. С ним был генерал Гротман, его военный советник. Меня представили генералу. Тот сказал несколько слов Гиммлеру и вышел. Рейхсфюрер предложил нам сесть. Сам сел во главе стола, я — по левую руку от него, Шелленберг — справа. Лицо у Гиммлера

было опухшее, разрумянившееся, веки воспаленные. Он только что поужинал, от него пахло вином.

Я разглядывал его с большим интересом. Сначала он попросил Шелленберга доложить обстановку. Было ясно, что Гиммлер в полном смятении после сообщения агентства Рейтер и не сомневался, что теперь Гитлер сместит его со всех постов, а затем арестует. Он спросил меня, что говорят об этом созвездия.

Мои бумаги и инструменты лежали на столе. Я достал гороскоп Гиммлера и другие гороскопы, необходимые для ответа. Затем произошло нечто невероятное, что я могу описать лишь приблизительно, именно так, как это произошло. Гиммлер обратился ко мне, и в голосе его звучала не только тревога, в нем звучало раскаяние:

«Теперь я понимаю, господин Вульф, что, убеждая меня арестовать Гитлера, а затем через посредничество англичан приступить к переговорам, вы мне давали честный совет. Но теперь слишком поздно. Год назад, когда вы меня предупреждали, было самое время. Вы действовали из лучших побуждений».

Волнение его возрастало, я расслышал страх в голосе Гиммлера, когда он сказал: «Теперь Гитлер меня арестует». Это дало мне повод поддержать план Шелленберга отправить его в Швецию. Собственно, это и было главной темой встречи, ради этого мы и приехали. Но Гиммлер, бледный, возбужденный, не давал мне слова вставить, он все время повторял одно и то же: «Что теперь будет? Что теперь будет? Все кончено!»

Я пролистал его гороскоп и заметил, что есть еще шанс, если отправить Шелленберга в Швецию и заново начать переговоры с Бернадоттом и шведским Министерством иностранных дел, а тем временем следует подготовить его собственный отъезд из страны, как только от Шелленберга поступит сигнал.

Была и другая возможность. Одна графиня, полуфинка, полуитальянка, однажды дала понять, что Гиммлер мог бы укрыться в Финляндии или Лапландии. Эта графиня была в долгу перед Гиммлером, спасшим от казни ее сына. Она ему нравилась, и Гиммлер выручал графиню и в других случаях. Можно было попытаться использовать этот контакт. Третье предложение было того же рода. Один из подчиненных Гиммлера, некто Фельшлейн, имел возможность и желание спрятать Гим-

млера в поместье в районе Ольденбурга, на севере Германии, где бы он смог выдать себя за работника в поместье. Но Гиммлер постоянно колебался, никак не мог решить, какое из этих предложений выбрать. Когда я объяснил, что предсказывают ему его созвездия, он только спросил: «И это все?!»

Тут Шелленберг стал излагать свой проект, он говорил о новых возможностях, которые появились бы, если б ему удалось по поручению Гиммлера заключить со шведами соглашение, по которому немецкие войска из Норвегии могли бы беспрепятственно пройти через Швецию. Возможно, он сумеет убедить Бернадотта устроить встречу Гиммлера с Эйзенхауэром. Разумеется, все это было фантазией, в тот момент было поздно не только вести переговоры, но даже думать о них. Я пытался заставить Гиммлера понять, что коль скоро он пренебрег моими советами и толкованиями, то события пойдут теперь своим чередом, а третий рейх обречен. Но и тут Гиммлер не смог отмахнуться от безумной идеи — раз он дал когда-то клятву верности фюреру, не посмеет ее нарушить: как заклинание, он повторил все то, что говорил в марте, в Хоэнлихене. Лицо его покрылось потом, тело вздрагивало от еле сдерживаемых всхлипов. Трясушейся рукой совал он в рот сигару, потом клал ее в пепельницу, тут же хватал и снова отправлял в рот. Готовясь к этой встрече, я твердо решил сказать ему, что он сам во всем виноват.

«Теперь вы видите, господин рейхсфюрер, куда вас завела нерешительность, — начал я. — За вашу преданность от Гитлера награды не ждите». Шелленберг поддержал меня и заметил, что скорее всего Гитлера уже нет в живых.

Был момент, мне показалось, что к Гиммлери вернулось самообладание, но он по-прежнему был вне себя. «Что теперь будет? — крикнул он мне. — Все кончено, ничего невозможно поправить!» А затем произнес трезво и тихо: «Я должен покончить с собой, я должен покончить с собой! Как вы считаете, что я должен сделать?»

Я не ответил, и тогда он прокричал мне в лицо на своем родном гортанном мюнхенском диалекте: «Почему вы молчите? Скажите же, скажите, что я должен сделать!» И потом продолжал выкрикивать одно и то же.

Я ответил кратко: «Уезжайте из страны. Надеюсь, вы запаслись документами».

Вмешался Шелленберг, сказав, что доктор Брандт принял меры на случай любого поворота событий. Не уточнил, однако, какие меры.

«Скажите, что я должен сделать, скажите, пожалуйста!» — твердил Гиммлер, стоя передо мной, словно провинившийся школьник в ожидании порки. Он покусывал ногти и дрожащими руками совал в рот сигару. «Что я должен сделать, что я должен сделать?!» — повторял он и сам же себе отвечал: «Я должен покончить с собой, больше ничего не остается!»

Как оказалось, у Гиммлера не было никакого плана. Он предавался отчаянию, только и всего. И вот натерпевшийся от преследований нацистов астролог, испытывавший на себе их застенки и тюрьмы, теперь должен был указать своему учителю выход из абсолютно безвыходного положения.

Постепенно всхлипы прекратились, но он все еще покусывал ногти. И вдруг, бросив на меня подозрительный взгляд, Гиммлер спросил: «Что прикажете делать, если миссия Шелленберга провалится?»

«Завтра я возвращаюсь в Гамбург и буду ждать прихода англичан, — ответил я. — Нам уже слышны их пушки с той стороны Эльбы».

Шелленберг вновь вернулся к своему плагу, и на этот раз получил одобрение Гиммлера.

«Я велю подготовить необходимые бумаги с тем, чтобы вы могли выехать, господин Шелленберг», — сказал Гиммлер. Затем он позвонил своему ординарцу и через него дал указания секретарю подготовить документы, удостоверяющие полномочия Шелленберга. Еще он сказал ординарцу, что желал бы переговорить с генералом Гротманом.

Казалось, Шелленберг был спасен. Но Гиммлер почти тотчас попытался отменить свое решение, ибо желал удержать Шелленберга при себе. Мертвой хваткой он вцепился в человека, который все еще пытался с немалым для себя риском и без всякой мысли о личной выгоде хоть как-то облегчить участь немецкого народа. Мне пришлось пустить в ход все свое красноречие и призвать на помощь относящуюся к делу астрологическую информацию, чтобы доказать Гиммлеру настоятельную необходимость поездки Шелленберга в Швецию.

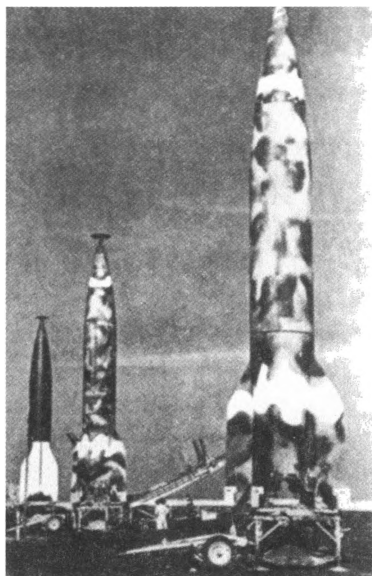

Адольф Гитлер (1889—1945) был страстным почитателем оккультных учений и черномагических ритуалов

А. Гитлер вручает новые штандарты со свастикой

Существует гипотеза, что оккультные учения помогли немецким ученым создавать образцы нового оружия. На снимке опытные экземпляры ракет Фау-2

Дети с ужасом ожидали бомбардировок «люфтваффе» Германии

За спиной А. Гитлера – Генрих Гиммлер (1900–1945), также горячий поклонник оккультных учений

Альфред Розенберг (1893—1946) — виднейший идеолог национал-социализма, главный теоретик и философ Третьего рейха, заложивший основы арийской идеологии фашизма

Ради чистоты идеи сжигались шедевры мировой литературы

Герб тайного общества «Туле», основанного в 1919 году, сыгравшего особую роль в оккультных экспериментах Третьего рейха в 1930—1940-е годы

Для немецкого солдата, истинного арийца, высшим образцом воинской доблести считались древнегерманские и скандинавские воины

Карл Хаусхофер (1869—1946) – профессор геополитики Мюнхенского университета, член обществ «Вриль» и «Туле», маг и ясновидящий, оказавший значительное влияние на Гитлера

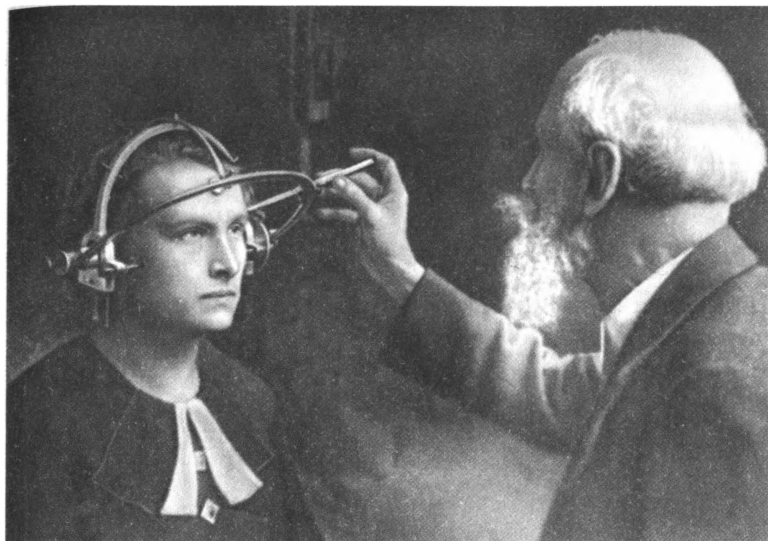
Люди, не прошедшие тесты антропометрических измерений, считались изгоями и подлежали уничтожению

Генрих Гиммлер, запретивший астрологию в Германии, был, тем не менее, поклонником астрологических учений и все свои «начинания» сверял с лунным календарем

Немецкие девушки принимали активное участие в различных неоязыческих и магических обрядах

Германские «фройляйн» по всем параметрам, включая пропорции черепа, должны были соответствовать установленным стандартам представителя нордической расы

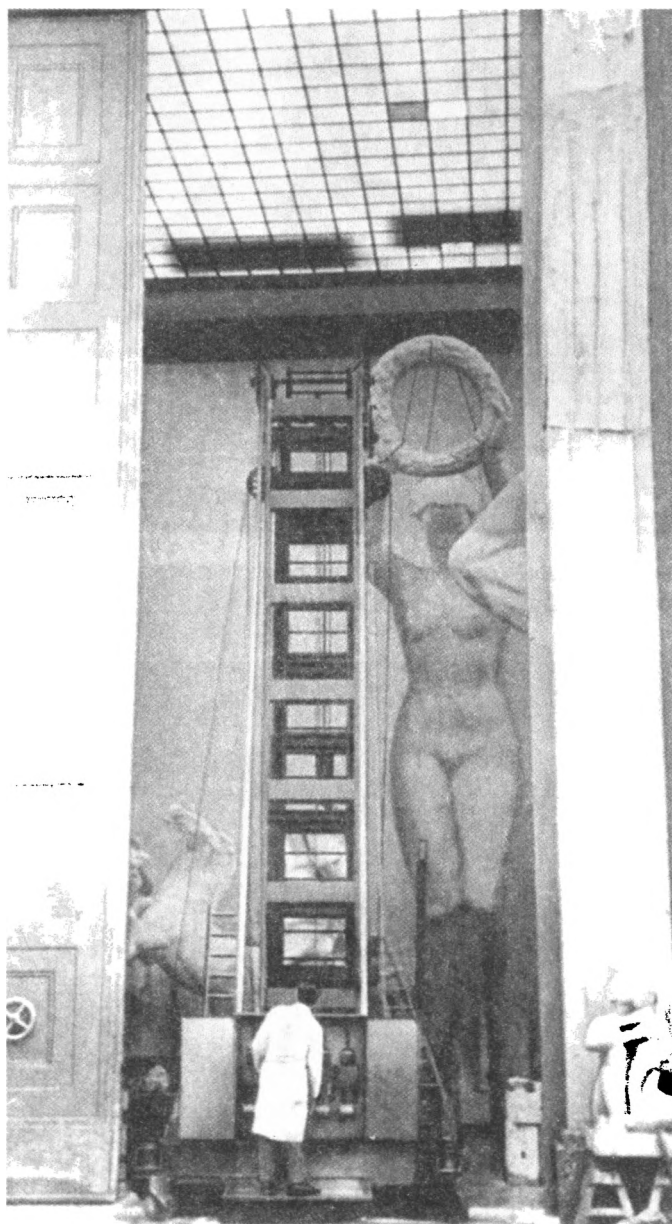
Не соответствовавших этим стандартам представителей других народов ожидала страшная участь

На торжественных парадах всячески подчеркивалась исключительность арийской расы

Величие расы и рейха утверждалось и при помощи архитектуры

Пігантоманія проявлялась и в скульптурі

Проект кургана, который должен был стать братской могилой немецких солдат на берегу Днепра

Действительность была гораздо прозаичней

А. Гитлер был убежден, что лишь провидение спасло его от смерти во время покушения в июле 1944 года

А этого солдата рейха провидение не спасло

Бесславный конец Третьего рейха и его фюрера

Гиммлер и сам немного разбирался в астрологических расчетах. Ему были известны основные принципы составления гороскопа, и он умел их применять. Еще час прошел в обсуждениях, прежде чем Гиммлер уверовал в астрологическую необходимость миссии Шелленберга и окончательно утвердил ее. Затем Гиммлер изучил мою интерпретацию гороскопа и, обнаружив в нем аспекты Юпитера-Сатурна, которые он, оживленно жестикулируя, сам прокомментировал, мало-помалу успокоился. Без малейшего раздражения выслушал высказанные нами упреки в свой адрес.

Если говорить о волевых качествах, Гиммлер являл собой довольно жалкую фигуру на политическом небосклоне последних лет. Его отношение к делу в целом было порочно. Даже после того как Шелленберг неосмотрительно подставил его под удар в переговорах с Бернадоттом на датской границе, Гиммлер все еще продолжал колебаться.

Той ночью я осознал, что для Гиммлера я так и остался загадкой, что он по-настоящему не понял мои предельно ясные астрологические послышки. Он извращал их, чтобы приспособить к своим целям. Мы уже знали, что в зарубежной прессе 25 апреля было опубликовано предложение Гиммлера западным союзникам: он отдает приказ войскам, находящимся под его командованием, сложить оружие. Такое предложение было сделано без согласия Гитлера, хотя в тот момент вряд ли имелась возможность связаться с ним. Гиммлер не получил никакого ответа от союзников. Те предпочли проигнорировать предложение, исходящее от рейхсфюрера и командующего войсками СС. Предложение явно запоздало. Победа союзников была обеспечена.

В последний момент Гиммлера потянуло к друзьям. Если в Хоэнлихене состояние здоровья Гиммлера было неважным, то теперь оно было просто плачевным. С отъездом Керстена он лишился своего физического и духовного утешителя. Керстен к тому времени благополучно добрался до Стокгольма и, сидя дома, возможно, пересчитывал полученные банкноты. Вспоминал ли он при этом своего благодетеля Гиммлера?

Адмирал Дениц, исполнявший обязанности заместителя Гитлера, находился в Фленсбурге, и той ночью спать ему не пришлось, ибо ему предстояло подписать верительные грамоты Шелленберга. Пост министра иностранных дел к тому вре-

мени занимал Шверин фон Крозиг, которого Гиммлеру рекомендовал Шелленберг.

Документ, уполномочивший Шелленберга отправиться в Швецию, предоставлял ему право вести переговоры о капитуляции размещенных в Норвегии и Дании немецких войск. Этот очень важный для миссии Шелленберга документ составлял барон Штеенграхт фон Мойланд, государственный секретарь в новом Министерстве иностранных дел.

Шелленберг еще раньше представил графу Бернадотту офицера СС Эйхмана. Помимо длиннейшего официального списка заключенных всех концлагерей третьего рейха, в наличии имелся всего один приватный список Эйхмана, включавший всех военнопленных и политзаключенных иностранных государств с указанием концлагеря, где содержался узник, или подразделения, куда он был отправлен на работу. Эйхман знал точное местонахождение большинства заключенных и потому сыграл немаловажную роль, когда пришлось разыскивать узников на последнем этапе нацистского правления.

После того как вопрос о поездке Шелленберга был окончательно решен, Гиммлера осенила новая идея. Он решил по воздуху перебраться в штаб группы армий генерала Шернера, только что вошедшего в Чехословакию с востока. Из разговора с доктором Брандтом в Гарцвальде мне было известно о намерениях генерала Шернера из Чехословакии пробиваться с боями в южную Германию. Гиммлер просил меня подвергнуть этот проект астрологическому анализу, а также выяснить, какая часть Германии останется неоккупированной. Тогда же в Гарцвальде я изучил оба вопроса и представил доктору Брандту письменный отчет. Теперь в ответ на просьбу Гиммлера я достал из папки копию отчета и вручил его Гиммлеру. Содержание отчета не могло его вдохновить на задуманное мероприятие.

К тому моменту две группы армий все еще оставались боеспособными и могли оказать сопротивление. Генерал Шернер, командовавший одной из них, недавно побывал в Берлине, в бункере у Гитлера, где обсуждалось военное положение. Войскам Шернера еще не пришлось терпеть поражения, и они были обеспечены всем необходимым. Гиммлер возомнил, что, перебравшись к Шернеру, он сможет соединить его армии с

другой группой армий на юге страны, под командованием фельдмаршала Кессельринга, и с ними продолжать войну до осени 1945 года. Три четверти состава южной группировки были способны оказывать сопротивление, однако занимали невыгодные позиции как для обороны восточных, так и западных рубежей. 22 апреля все еще казалось, что с помощью этих двух группировок удастся предотвратить надвигающуюся катастрофу, а нацистские главарь ни о чем ином не помышляли, только бы продлить свое существование. Однако ситуация решительно менялась.

Прежде Гиммлер подумывал о том, чтобы, перелетев в Берлин, присоединиться к Гитлеру в его бункере. Хотя Шелленберг полагал, что ему удалось отговорить рейхсфюрера от этого шага, все же 25 апреля Шелленберг выспрашивал меня, какова с астрологической точки зрения возможность того, что Гиммлер постарается осуществить именно этот план. Его первая попытка оказалась неудачной — добравшись до Науэна, он был вынужден вернуться в Плен или Фленсбург.

Еще 15 апреля в Гарцвальде Шелленберг интересовался моим мнением — должен ли Гиммлер присутствовать на дне рождения Гитлера — и убеждал меня использовать свое влияние на Брандта в надежде, что последний сумеет отговорить Гиммлера от этой поездки; мы оба понимали, что встречи Гиммлера с Гитлером во что бы то ни стало следует избежать, ибо всерьез опасались, что в Гиммлере вновь разыграется чувство преданности фюреру. Однако на следующий день Брандт вернулся в Гарцвальд с известием, что Гиммлер все же будет присутствовать на дне рождения Гитлера. С тех пор Гиммлер и Брандт общались только по телефону. Так продолжалось до 27 апреля.

В какой-то момент нашего разговора Гиммлер попросил меня прояснить некоторые личные вопросы его гороскопа. Речь шла в основном о семье, детях, о его любовнице, Лизеле Поттхас. Затем он заговорил о нашей «дружбе», сказал, что Шелленберг, Керстен, он и я должны держаться вместе. После этого он встал, намереваясь нас отпустить. Мы уже уходили, когда он спросил, будет ли ночью налет. Шелленберг, изучивший мой желтый лист ежедневных планетарных аспектов, сказал, что налета не будет. Никаких опасностей на это время не предвиделось.

Для Шелленберга исход этой встречи был весьма удовлетворительным. Он предстал перед Гиммлером с чувством некоторой вины, поскольку на свой страх и риск пробивал и подталкивал переговоры со шведами, лишь бы поскорее покончить с войной. Теперь он собирался отправиться в Швецию уже с ведома Гиммлера.

Рейхсфюрер покинул комнату, а Шелленберга известили, что его верительные грамоты будут готовы через час. Мы вернулись в «Данцигер хоф отель». Наши предложения о прекращении военных действий в Норвегии и Дании были приняты. Шелленберг воспрянул духом, этот разговор его приободрил. Что касается Гиммлера, то он с нетерпением ожидал известия о смерти фюрера, но об этом пока сообщений не поступало.

Я сказал Шелленбергу, что хочу немедленно вернуться в Гамбург. Ожидая машину в одном из номеров, я слышал, как за дверью переговаривались офицеры СС. Одного из них, адъютанта Фельшлейна, я знал. В Вессельбурене Фельшлейн присоединился к офицерам из Отдела VI, попросив пристроить его в Любеке. Многие тянулись к Шелленбергу. Знали, что у генерала за рубежом солидные связи. Когда Фельшлейн спросил Гиммлера, что ему делать в будущем, тот посоветовал отсидеться в подполье, пока не настанет время действовать. Фельшлейн и Киррмайер были единственными людьми из окружения Гиммлера, с кем он был на «ты»; они были «братья по крови». Между тем подъехала машина, и я велел шоферу везти меня в Гамбург, не автобаном, а по Любекскому шоссе. Это была моя последняя поездка в эсэсовском автомобиле, и на этот раз я сам отдавал приказы.

По дороге раздумывал о разговоре с Гиммлером. Этот человек все еще уповал на то, что генерал Шернер сумеет достаточно долго сдерживать натиск союзных войск. Последний проблеск надежды в совершенно безнадежной ситуации. Генрих Гиммлер, рейхсфюрер СС, любивший в кругу подчиненных разглагольствовать об отваге древних тевтонцев; пугало для узников концлагерей, палач евреев и всех неблагонадежных, теперь, словно перепуганный крот, стремился уползти на юг, в горы, под защиту армий генерала Шернера. Посредственный чиновник, измученный сомнениями, он, как и его младшие чины, остался верен своему знамени и своей клятве. Дру-

гим его достоинством была бережливость. Когда дело касалось денег, в его грессбухе все было расписано до последнего пфеннига. И теперь, на закате гитлеровского рейха, он превратился в чужака в этой враждебном ему мире, как и его фюрер, ожидавший конца в бункере рейхсканцелярии в Берлине. Лишь когда все было потеряно, когда можно было не бояться мести Гитлера, тогда он отрекся от своей клятвы верности. Гиммлер, как и Гитлер, избежал земного суда, совершив самоубийство после ареста англичанами летом 1945 года. Завершилась битва между зодиаком и свастикой. Национал-социализм был повержен. Астрология в Германии, наверстывая упущенные годы, здравствует поныне.

НАЦИСТЫ НА КРЫШЕ МИРА

Конец августа 1939 года. Генрих Харрер поднялся на Нанга-Парбат, одну из самых высоких вершин Гималаев, в качестве члена экспедиции, проводившейся под покровительством рейха. Экспедиции удалось открыть новый путь наверх, и в Карачи участников ждало судно, которое должно было отвезти их в Германию. Оставались считанные дни до начала Второй мировой войны, и напряжение чувствовалось повсюду. 29 августа экспедиция привлекла внимание одной из частей английской колониальной армии...

1 сентября 1939 года немецкие войска перешли границу с Польшей и Англия объявила войну третьему рейху. «Через пять минут после объявления войны двадцать пять солдат-индусов, вооруженные до зубов, ворвались в комнату, где мы находились, и увели нас с собой», — сообщает сам Харрер. С этого момента начались его подлинные «восточные приключения», которые продолжались до самой оккупации Тибета китайскими коммунистами.

ОТ ПТИЦ-СКИТАЛЬЦЕВ ДО СС

Одной из групп, которые влились в нацистское движение, была «Вандерфогель», или «птицы-скитальцы». Речь идет о молодежном движении, которое призывало возвратиться в лоно природы и жизни вдаль от городской суеты. Многие из «птиц» были альпинистами и скалолазами.

В середине 1930-х годов «вандерфогели» верили, что их идеи превосходства, силы и дисциплины совпадают с идеалами нацистов, и поэтому охотно вступали в партию.

История австро-немецкого альпинизма с 1939 по 1945 год совпадала с путем нацизма. В третьем рейхе субсидировали экспедиции, лучших альпинистов эпохи принимали в СС, а в «Орденсбурге» (школа СС) техника скалолазания считалась такой же обязательной для изучения, как военная тактика, германская мифология и руны.

Генрих Харрер, преисполненный духа «вандерфогелей», посвятил восхождениям на горные вершины 18 лет. Он считался спортсменом высшего уровня и за это получил право вступить в СС.

В 1938 году, когда он уже был членом СС, Харрер и трое других альпинистов из той же группы впервые взобрались на вершину Эйгер в Швейцарии по ее северному склону. Это было признано настоящим подвигом.

В течение всех трех дней, что длилось восхождение, Гитлер следил за сообщениями о продвижении экспедиции, и, когда она успешно завершилась, пожелал познакомиться с ее участниками. Хроника повествует, что фюрер встретил их очень взволнованным вопросом: «Товарищи, а что вы сделали?». Харрер отвечал: «Мы поднялись на вершину Эйгер ради нашего фюрера».

В 1942 году группа альпинистов СС поднялась на Эльбрус — на Кавказе — чтобы установить на вершине нацистское знамя со свастикой. Значение этой акции станет понятно, если вспомнить, что древние персидские ученые считали Эльбрус священной горой арийской космогонии.

В ПОИСКАХ ТАНТРЫ КАЛАЧАКРЫ

В начале 1939 года члены экспедиции на Тибет, которую вел Эрнст Шефер, член СС и чиновник Института Аненэрбе, получили аудиенцию у далай-ламы и в течение нескольких месяцев жили в священных городах Лхасе и Шигацзе. Различные сведения касательно этой экспедиции, переданные пятью исследователями и двадцатью солдатами СС, хранятся в виде микрофильмов в Национальном архиве Вашингтона.

Хотя официальной целью экспедиции было изучение флоры и фауны этого региона, ходят слухи, что Шефер и его люди добыли для Гитлера некоторые документы такой важности, что он

держал их в сейфе берлинского бункера. Есть сведения, что фюрер чуть ли не ежедневно размышлял над одним из этих «документов». Скорее всего, речь идет о символическом изображении, или мандале, весьма распространенном в тибетском буддизме. Но все эти сведения плотно прикрыты завесой слухов и легенд. Одно ясно: приказы Шефферу отдавал непосредственно Гиммлер, настоящий маньяк во всем, что касалось оккультизма.

Можно с уверенностью сказать, что экспедиция СС привезла одно настоящее сокровище, которого до тех пор никто на Западе не видел: «Канджур», свод священных текстов в 108 томах на тибетском языке. Говорят, что верхушка СС особенно была заинтересована ритуалом Тантры Калачакры. Эта Тантра — одно из высших посвящений в тибетском буддизме, но что парадоксально, она может быть передана даже профанам, правда, после некоторой предварительной подготовки. Принявшему это посвящение гарантируется перерождение в Шамбале в момент последнего сражения между злом и добром.

В Тантру Калачакру и сегодня происходят посвящения, и в 1995 году далай-лама провел эту церемонию в Барселоне. Речь идет о воинском посвящении.

На заре гитлеризма один отдел СС, с Гиммлером во главе, занимался поисками новой мудрости, которую можно было бы привить к нордическо-германской традиции для ее возрождения. И искали ее там, где существовала живая воинская традиция ариев — в Тибете.

Тибетская и германская традиции имеют кое-что общее: обе говорят о тайном священном центре, Шамбале или Валгалле; о последней битве (Рагнерек — у германцев), во время которой только элита воинов сможет встретить завершение нынешнего исторического цикла и подготовить наступление Нового Порядка.

Разница лишь в том, что если Тантра Калачакра повествует о воинах духа, сражающихся в последней битве с всемирным злом во благо всех живых существ на Земле, то германская традиция воспеваает воинскую элиту как высших существ, которым подвластно все, в том числе и судьбы простых смертных. Однако эта разница была отмечена посланцами Гитлера как несущественная, ибо главным интересом для них являлась мистическая подоплека древней традиции.

Ритуал Тантры Калачакры, в который был посвящен Шефер и некоторые из его людей, по их представлениям, подтверждал прямую передачу живой традиции и таким образом возможность возрождения нордическо-германской традиции. Этой простой инверсией было скомпрометировано одно из самых миролюбивых учений буддизма.

ИГРЫ НЕМЕЦКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В 1937 году немецкое посольство в Калькутте поддерживало движение за независимость Чандра Босса, соперника Ганди, и даже финансировало антибританский еженедельник, выпускавшийся членами высшей индийской касты. Посол фон Зальцман в предвоенное время установил тесные контакты с кастой браминов, поддерживая их антиколониальную борьбу.

Отто Ран, другой высокопоставленный член СС, который за год до того глубоко исследовал движение катаров во французской Окситании, в 1941 году направился в Ирак, чтобы стимулировать там антиколониальное восстание, а затем переехал в Италию.

Многие другие тайные агенты, представители немецкой интеллигенции и члены СС, использовали свою осведомленность в эзотерике и знания буддийских, индуистских и исламских доктрин, чтобы успешнее работать в областях, подчиненных английской колониальной системе и провоцировать там восстания и мятежи.

ПУТЬ В ЛХАСУ

Нет прямых подтверждений тому, что Генрих Харрер был одним из таких немецких интеллигентов, но он определенно пользовался поддержкой режима на высшем уровне и с началом войны вел себя как солдат своего правительства.

С того момента, как он попал в плен 1 сентября 1939 года, его единственным стремлением было бежать. Такая возможность ему представлялась дважды, и дважды он пускался в почти месячный путь к Тибету. Заключенный в карцер, он снова пытался бежать, два раза подряд, и, наконец, ему повезло. В своей книге «Семь лет в Тибете» он подробно описывает, как готовил побег,

продумывал все в мельчайших деталях и вел себя вовсе не как член элитного отряда альпинистов, а настоящий тайный агент.

17 мая 1944 года он наконец добрался до Тибета. С помощью немецкой делегации, бывшей в Лхасе, Харрер нашел понимание у тибетских чиновников и в конце концов стал доверенным лицом самого далай-ламы. Он оставался в Тибете вплоть до китайского вторжения. Войну он пробыл в плену или жил высоко в Гималаях, и большинство документов, которые могли бы пролить свет на его участие в операциях СС, были уничтожены, поэтому после войны Харрер не был привлечен к суду.

Помимо всего прочего, существует версия, что личность далай-ламы произвела столь сильное впечатление на Харрера, что он многое пересмотрел в своем мировоззрении и взглядах на жизнь. Голливудская же экранизация этой версии с Брэдом Питтом в главной роли произвела столь же огромное впечатление на не искушенных в буддийских тонкостях западных зрителей и имела значительный кассовый успех.

ИНТЕРЕС К ТИБЕТУ

Карл Хаусхофер вошел в историю как один из самых известных теоретиков геополитики. Считается, что генерал Хаусхофер стал членом некоего секретного общества во время своего пребывания на Ближнем Востоке в качестве военного советника в правительстве кайзера.

Впоследствии он был не только одним из первых членов нацистской партии, но и профессором и самым близким другом Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера. Некоторые историки полагают, что это он вдохновил Гесса лететь в Англию и, наконец, что его сын и помощник Альбрехт участвовал в заговоре против Гитлера и был расстрелян нацистами. Через Гесса Хаусхофер проводил свои геополитические идеи к самой вершине третьего рейха. Он утверждал, что в Азии, за хребтом Гималаев, между Тибетом и Сибирью, существует особая зона, которая с точки зрения геополитики может рассматриваться как «центр мира». Этот район защищен от нападений с моря и, таким образом, весьма безопасен. Любое движение народов, проживающих там, неизбежно отзывается на их ближайших соседях и, подобно цепной реакции, передается в весьма от-

даленные места планеты. Оттуда исходили различные нашествия, которые захватывали в своем движении другие азиатские народы, один за другим, и вели их на Запад.

Хаусхофер считал, что стратегия наступления на этот район может сдержать натиск сибирских народов, то есть русско-го коммунизма, на Запад. Именно поэтому для третьего рейха имело жизненное значение установление контактов с народами этой области, которая географически совпадает с той, где буддисты тибетской и других — бурятской и монгольской — традиций поддерживают вечное царство Шамбалы, место обитания Царя Мира.

БУДДИЗМ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Буддизм не был чем-то экзотическим или чуждым в Германии еще до прихода нацистов к власти. Начиная с 1924 года в Берлине действовала группа ортодоксальных буддистов, организованная Паулем Дальке, который привлек к своей деятельности знаменитых интеллектуалов тогдашней Германии. Индуизм также вызывал большой интерес у немецкой общест-венности.

Интерес к буддизму пробудился в одном старом солдате Свободного немецкого корпуса, который сражался на Балтике, а затем вошел в нацистскую партию. Речь идет о Карле Фридрихе Дюрхгейме, сегодня всемирно известном своими трудами о дзэне и техниках медитации. Ойген Херригел, один из чиновников нацистской партии, был послан в Японию и вместе со своей женой тоже увлекся доктриной дзэн и ее практическими применениями, после чего написал работы, которые до сих пор переиздают и восхваляют: «Дзэн и стрельба из лука» и «Путь цветов». Когда нацисты пришли к власти, внутри Аненэрбе был создан особый отдел, посвященный восточным культурам. Все, кто работал там, и прежде состояли в организациях или кружках, которые изучали или практиковали буддизм.

Изучение Генрихом Харрером доктрин тибетского буддизма, таким образом, не было случайным в истории нацистской Германии... Тут многое еще предстоит открыть.

«СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА» *

Главы из книги.

Опубликована в 1972 году.

НАЧАЛО

1 апреля 1942 года я был назначен руководителем 12-го отдела Генерального штаба немецкой армии. Этот отдел был известен под названием «Иностранные армии Востока» и в основном занимался сбором разведанных, касающихся нашего советского противника. Это был мой первый столь ответственный пост в разведслужбе. Мое назначение было следствием желания начальника штаба обновить руководство отдела. Он был недоволен моим предшественником, а мы готовились к решающему наступлению на Волгу и Кавказ. Возможно, генерал Гальдер выбрал именно меня, потому что я был его адъютантом с конца 1939 года до начала 1940-х и принимал участие в подготовке плана новой кавказской наступательной операции в оперативном отделе как раз перед моим новым назначением. Поэтому я хорошо понимал наши задачи и тактику, а также наши краткосрочные и долгосрочные цели на восточном фронте.

Первые двадцать лет моей военной карьеры я фактически не соприкасался с разведывательной деятельностью. Впервые мой интерес к возможностям, которые она предоставляет, возник незадолго до Мюнхенского кризиса 1938 года, тогда я

* Перевод П. Павленко.

сначала служил в 1-м отделе Генерального штаба (планирование и оперативные проблемы), под командованием полковника Гансена, потом в 10-м отделе (фортификационные сооружения), под командованием полковника фон дер Шевальри, где мы разрабатывали теоретические основы и планы оборонительных укреплений. Это побудило нас заняться выяснением обстановки на другой стороне. Однажды мне пришлось пересечь границу между Силезией и Чехословакией вместе с подполковником фон Ризеном, чтобы провести разведку чешских фортификационных работ. Ризен был офицером отделения абвера адмирала Канариса, относящегося к 8-му военному округу в Бреслау (он путешествовал под псевдонимом Шнайдер). Мы провели несколько дней на границе с фотографическим оборудованием, сделав снимки чешских укреплений с дальнего расстояния, используя огромные линзы с фокусным расстоянием 1000 мм. Таким образом, мы определили даже толщину бетонных конструкций, находясь на расстоянии двадцати миль и далее от них. Это задание пробудило во мне интерес к разведывательной работе. (Десятилетие спустя, когда я стал руководителем «Организации Гелена» в оккупированной Германии, я тоже взял себе псевдоним доктор Шнайдер в память о подполковнике, который создал эту службу, так как он к тому времени ушел в мир иной, где псевдонимы не нужны.)

В процессе своей работы в здании военного департамента на Бендлерштрассе я познакомился с уже довольно известными личностями, а также с теми, кому предстояло прославиться в будущем. Что касается первых, больше всего я дорожил знакомством с генералом Людвигом Бекем, предшественником Гальдера на посту начальника Генерального штаба: он постоянно находился в поиске новых методов и тактических приемов, стремясь превзойти в этом отношении генерала фон Секта. (Сект утверждал, что в военном конфликте Германия будет иметь шансы на успех, только если ей удастся вовлечь противника в стремительную и маневренную войну с самого начала.) Бек осознавал значение технических средств в современной войне. Он был реалистом и сразу же после демонстрации поддержал идею закупки нового дорогого штурмового орудия, хотя мог обеспечить им только один отряд в каждой дивизии. Он ненавидел нацистов и делал все, чтобы избегать их. Он толь-

ко однажды лично встречался с Адольфом Гитлером, и эта встреча длилась всего несколько минут.

О нацистских вождях у меня остались лишь фрагментарные воспоминания. Генрих Гиммлер как-то пригласил меня для частной беседы, расспросил меня о моей организации и больше обо мне не вспоминал. В июне 1938 года я в первый и последний раз встречался с Германом Герингом. Ему приказали проверить фортификационные работы армии по нашим западным границам, и я был откомандирован как специалист по этому вопросу в штаб генерала Адама, командующего Западным фронтом. План строительства был разработан военным департаментом на высоком уровне, полное завершение работ намечалось к 1964 году, эти укрепления должны были стать надежным барьером на Западе. Но к середине 1938 года было сделано немного из намеченного. Геринг не скрывал своего недовольства. Адам был обычно оптимистичным, предприимчивым человеком, но после двухдневной атаки Геринга он ретировался, предоставив мне, тридцатилетнему армейскому капитану, отстаивать точку зрения военного департамента. Только я раскрыл рот, чтобы ответить на критику маршала сухопутных войск Геринга, как он прервал меня, обратившись ко мне «молодой человек», и не дал мне сказать ни слова. Позже я побеседовал с его заместителем генералом Мильхом (одним из самых умных и достойных офицеров люфтваффе) и попытался объяснить ему, что я в данный момент являюсь единственным представителем военного департамента и что меня надо выслушать. Наверное, Мильх поговорил с Герингом, так как после этого мне дали слово. Позже я говорил Гальдеру (который собирался занять пост Бека), что, по-моему, приказ Гитлера Фрицу Тодту, инженеру, забрать фортификационные работы от нас был большой ошибкой. Но для фюрера было характерно глубокое недоверие Генеральному штабу и нашим профессиональным знаниям. Однажды он сказал: «Если я хочу, чтобы дело увенчалось успехом, я избегаю экспертов».

Несомненно, Гитлера считали злым гением, это как раз тот тип вождей, которые преуспевают в мирное время и проваливаются, ввязавшись в войну. Он был человеком, не разбирающимся в средствах.

Адольфу Гитлеру не доставало опыта для понимания в полном объеме военных факторов и стратегических возможностей, но он был убежден, что обладает даром военачальника, до самого конца. В этом заблуждении его поддерживали подчиненные — выходцы из партии. Основывалось оно на том факте, что первые военные действия, которые Гитлер предпринял, проигнорировав советы своих офицеров — оккупация Рейнской зоны, «присоединение» Австрии, расчленение Чехословакии и включение части ее в состав фашистского рейха — и первые кампании Второй мировой войны в Польше, Норвегии, Франции — увенчались незаслуженным успехом. Таким образом, подтвердились его предсказания и не оправдались мрачные прогнозы и расчеты генерала Гальдера.

Так, события вначале играли на Гитлера, укрепляя его необоснованную самоуверенность и бросая тень на Генеральный штаб как на сборище пессимистов и пораженцев. Но Гитлер основывал свои решения на предположении, что его враги будут действовать нелогично; такая тактика была рискованна и обречена на провал. Вместо того чтобы тщательно взвешивать каждый свой шаг, он начал опасную игру в покер, не понимая, что рано или поздно проиграет. Даже в 1939 году он не заслуживал победы. Наши вооруженные силы не были нигде готовы к войне, и если бы союзники правильно скоординировали свои политические и военные действия в самом начале войны, вооруженный конфликт закончился бы очень быстро поражением Германии, поражением, которое казалось неизбежным с самого начала. Это заявление может показаться преувеличенным, но в подкрепление своего мнения приведу цифры: весь запас боеприпасов для тяжелой артиллерии — не считая боеприпасов для тяжелых гаубиц — насчитывал 812 эшелонов, и даже к лету 1939 года не было произведено значительного числа боеприпасов. Когда завершались военные действия в Бельгии и северной Франции в начале июня 1940 года, у нас оставались только снаряды для легких гаубиц. Наши боеприпасы для тяжелой артиллерии, включая тяжелые гаубицы, были исчерпаны.

Майор Гассо фон Эцдорф, дипломат, прикомандированный к моему отделу в качестве офицера связи с Министерством иностранных дел, как-то высказался об идеалистических планах Гитлера с горькой иронией, перефразировав заголовок од-

ной из работ Шюенгауэра «Мир как воля и представление». Эцдорф назвал мир Гитлера «миром воли без представления».

С 10 ноября 1938 года и до начала войны я был командиром батареи 18-го артиллерийского полка. Когда в сентябре 1939 года началась польская кампания, я был назначен на пост оперативного офицера в 213-ю пехотную дивизию, Landwehr (резервную дивизию), где средний возраст «солдат» был сорок пять лет, а одному из полковых командиров было не меньше шестидесяти семи. Я был одним из трех действительных офицеров, прикрепленных к этому полку. Если не считать сражение под Модлином, в котором мы проявили себя с лучшей стороны, кампания закончилась без особых проблем для нас. В октябре 1939 года Генеральный штаб, располагавшийся в Цоссене, к югу от Берлина, отозвал меня в фортификационный отдел, и я оставался там — если не считать инспекций вдоль восточного и западного фронтов — вплоть до начала наступления Германии на Францию и слаборазвитые страны.

Генерал Гальдер назначил меня офицером связи маршала сухопутных войск фон Браухича с 16-й армией и в военную группировку генерала Гота; потом, во время второй стадии французской кампании, я служил офицером связи с танковыми частями генерала Гудериана, которые сыграли решающую роль в окончательном разгроме Франции. Затем я три месяца сопровождал генерала Гальдера как его адъютант, пока Гитлер готовился к вторжению на Британские острова.

С самого начала у меня было стойкое убеждение, что Гитлер не принимает операцию «Морской лев» всерьез, и это убеждение было подкреплено теми наблюдениями, которые я мог сделать, будучи адъютантом Гальдера и, после октября 1940 года, руководителем группы «Восток» оперативного отдела, возглавляемого полковником Адольфом Гейзингером, военного департамента. Поведение Гальдера дало мне ключ к пониманию реального положения вещей: Гитлер рассчитывал, что операция «Морской лев», тщательно спланированная, будет надежным прикрытием его истинных планов относительно Востока и наживкой для русских — такое решение Гитлер принял еще до того, как я был назначен руководителем группы «Восток». Даже командующие группами армий не подозревали о замысле Гитлера.

Каким бы непопулярным ни было мое мнение, я должен заявить: у меня не было сомнений в том, что решение Гитлера напасть на Советский Союз было правильным, так как оно было неизбежно. Хотя у Москвы не было твердых намерений атаковать нас до польской кампании 1939 года (в которой Сталин помогал Гитлеру), к тому времени, как мы напали на Россию в июне 1941 года, картина изменилась: было совершенно ясно, что Сталин будет откладывать нападение на своего бывшего союзника лишь до определенного времени, чтобы измотать нас в кровопролитных сражениях на Западе. Потом он, нисколько не смущаясь, атаковал бы нас, осознавая, что капиталистические державы тем временем разорвут друг друга на куски. Возможно, он бы ждал до 1943 или 1944 года, но я и мои коллеги по группе «Восток» военного департамента были убеждены, что рано или поздно он нападет. Расширение военных приготовлений Советского Союза к наступлению подтвердило мои подозрения. Например, эшелонированное глубокое развертывание их дивизий в момент нашего нападения означало, что они стягивали огромные сухопутные силы, чтобы атаковать нас. Состояние их промышленности наводило на ту же мысль. Но если даже Гитлер был и прав в своем решении, он совершенно неверно повел русскую кампанию. В этой связи я хочу заметить, что фюрер испытывал странные чувства к Иосифу Сталину, что-то вроде любви-ненависти. Когда он сталкивался с какой-либо проблемой, он иногда спрашивал себя громко: «А что бы в этой ситуации сделал Сталин?» Может, соревнуясь со Сталиным, Гитлер приказал арестовать родственников некоторых участников заговора 20 июля 1944 года.

Среди заговорщиков, которые впоследствии поплатились своей жизнью, был и адмирал Вильгельм Канарис, шеф разведслужбы ОКВ — абвера. В то время, когда я был адъютантом Гальдера, я часто встречался с адмиралом, так как ему приходилось проходить через мой кабинет, чтобы попасть к Гальдеру. Вскоре я узнал, однако, что мое присутствие нежелательно — в связи с секретностью, а также из соображений безопасности — и я тактично удалялся. Когда я стал руководителем группы «Восток» и работал над планом операции «Барбаросса» — наступательной операции на Россию — я

внес предложение о присоединении подразделений абвера к штурмовым отрядам, принимающим участие в атаке. На совещании, проходившем в его кабинете в 1940 году, Канарис встретил мое предложение с одобрением. Хотя я был только майором, он всегда был вежлив, внимателен ко мне. Позже наше знакомство переросло в дружбу на основе взаимного доверия и уважения.

Эти черты характера Канариса не померкли даже под пеленой дурной репутации — участь, которую он разделил со многими другими разведчиками как в Германии, так и за рубежом. Его критиковали авторы, которые, очевидно, не были знакомы с ним. Канариса постоянно обвиняли в медлительности, недостатке решительности, мнительности. «Разоблачение» известного заговора должно было запятнать его репутацию; но что касается меня, я убежден, что ни одна из этих немислимых сверхъестественных историй не имеет отношения к адмиралу.

Будучи глубоко религиозным человеком, честным, достойным офицером, Канарис обладал интеллектуальными способностями, которыми не могут похвастаться военные с первой половины XIX века — способностями, благодаря которым такие офицеры, как Роон, фон дер Гольц и граф Йорк фон Вартенбург, так же как Клаузевиц и Мольтке, преуспели в различных науках. Более того, в отличие от многих других офицеров, Канарис умел думать в глобальных масштабах. Так, он мог предсказывать с непогрешимой точностью политические события. Правда, к нему далеко не всегда прислушивались, как делали Фрич, Браухич, Бек и Гальдер. Но такова уж была его судьба, и в этом он был не одинок. Поэтому неудивительно, что в 1939 году, когда началась война, он занял весьма пессимистическую позицию и плащ Кассандры прочно осел на его плечах.

Канарис был убежденным противником нацизма. Как и генерал Бек, он страдал из-за внутреннего конфликта: с одной стороны, он принимал военную присягу и клялся именем Бога, с другой — противостоял режиму. Понимание того, что Германия ввязалась в страшную борьбу не на жизнь, а на смерть, и что в случае поражения страдать будут все немцы, а отнюдь не одни нацисты, усугубляло душевные муки. Вспоминаю долгую беседу, которую я имел с Канарисом в 1942 году, когда он рассуждал о предательстве и государственной измене, придя к зак-

лючению, что только последнее может быть оправдано. Но Канарис добавил, что преступники должны сознавать, что только одно гарантирует оправдание заговорщичку — заговор должен быть успешным. И они также должны понимать, что, пока они не добьются успеха, они подвергают себя и своих родственников большому риску. Так он и действовал, собирая в абвер людей, которые подвергались опасности из-за своих политических убеждений, спасая их от гестапо; и он поставил печать на свои убеждения — после чудовищных пыток, о которых мы знаем от уцелевших заключенных концлагеря Флоссенберг, — будучи казнен 9 апреля 1945 года.

Адмирал Канарис был абсолютным противником политических репрессий; его религиозные взгляды запрещали ему даже рассуждать о таких методах. Я хорошо помню, как он с негодованием рассказывал мне о попытке Гитлера заставить его убить Уинстона Черчилля. Он отказался от такого задания (то же самое он сделал, когда ему приказали убрать сбежавшего французского генерала Жиро). И я могу заявить, что абвер II, диверсионная служба, возглавляемая генералом Лахузенем, была создана только для разрушения или повреждения важных военных объектов в тылу врага. Советский КГБ и его предшественников, впрочем, никогда не мучили угрызения совести: кроме шпионажа и диверсий организация занималась ликвидацией неудобных лиц.

Абвер Канариса занимался не только военной, но и политической разведкой. Эта информация передавалась через ОКВ — которому он подчинялся — различным учреждениям, в частности, Министерству иностранных дел и военному департаменту. У него самого были связи с весьма влиятельными людьми за границей, и он часто навещал их. Даже во время войны он посещал знакомых в испанском и португальском правительствах. Следствием таких контактов было то, что в 1940 году его послали в Мадрид убедить Испанию объявить войну. Он сказал мне в то время, что последствия объявления Испанией войны будут незначительными, такой же точки зрения придерживался генерал Гальдер. Канарис считал, что это скорее добавит Германии лишние проблемы, нежели принесет облегчение; кроме того, это закрывает еще одну дверь между нами и остальным миром, что для шефа разведки было очень важно. Он был очень доволен, когда его миссия провалилась.

Конец 1940-го года был занят приготовлениями нашего вторжения в Грецию, которое планировалось на весну 1941-го, с использованием в качестве плацдарма Болгарии. Когда фюрер утвердил план этой операции, мы вплотную занялись предстоящей русской кампанией. Лично я занимался материально-техническим обеспечением, резервом и транспортом, а позже — основными объектами наступления групп армий.

Гитлер начал наступление на Россию 21 июня 1941 года. В первые недели стало ясно, что мы захватили русских врасплох, и Гитлер ликовал, видя, как линия фронта отодвигается все дальше и дальше в глубь советской территории. В Генеральном штабе нашей армии была учреждена специальная служба под началом полковника Эберхарда Кинцеля, которая должна была контролировать разведку на русском фронте и прилегающих территориях. Кинцелю, однако, не удалось поладить с генералом Гальдером, о чем свидетельствуют дневниковые записи генерала, и он не принял на вооружение его организационные принципы, которые помогли бы удержать быстрый темп, взятый в первые месяцы войны. Следствием неудовлетворенности Гальдера Кинцелем — как я упомянул — явился тот факт, что 1 апреля 1942 года я был назначен на его пост руководителем отдела «Иностранные армии Востока».

Обстановка на фронте к началу апреля 1942 года была такова: нам удалось стабилизировать линию фронта в главных секторах, удерживаемых группами армий «Центр» и «Север», где положение усложнилось из-за зимы. В результате возникших затруднений мы потеряли значительную часть территории, много вооружения было утрачено во время отступления. Но гораздо хуже было то, что зима оказала пагубное влияние на немецких солдат, которые после двух лет успешных боевых действий впервые столкнулись с проблемами, если не сказать с поражением. Хотя причины крылись в суровых погодных условиях, нехватке зимнего обмундирования и резком снижении численности дивизий, все это не преминуло отразиться на боевом духе солдат.

Нам надо было во что бы то ни стало снова захватить инициативу, и не только по психологическим мотивам. Перед нами стояла реальная военная угроза: советское контрнаступление, которое началось в ноябре 1941 года (не явившееся, впрочем,

сюрпризом для отдела «Иностранные армии Востока»), показало, что Сталин готов перебросить войска с Дальнего Востока, чтобы облегчить положение на западном фронте, если понадобится. Более того, зимние сражения показали, что русские способны импровизировать. За каждой передышкой, которую мы им давали, следовало многократное усиление их боевой мощи, которую удалось подорвать летом 1941 года. Если мы не предпримем наступление, конфликт затянется, а это грозило войной на два фронта. Мы ожидали, что американцы откроют второй фронт не позднее 1943 года. Таким образом, к началу 1942 года Гитлер стоял перед лицом проблемы, похожей на ту, с которой столкнулось Верховное главнокомандование во время Мировой войны весной 1917 года.

В процессе работы в оперативном отделе мы пытались определить, где и какими силами возможны новые наступательные действия. Мы пришли к выводу, что вермахт и военная промышленность, несмотря на все усилия, не смогут восстановить потери в живой силе и технике достаточно быстро, чтобы начать наступление по всему восточному фронту от Крыма на юге до Ленинграда на севере. Кроме того, мы подсчитали, что дивизии, противостоящие на западе Британии, вероятнее всего, к 1942 году не смогут поддерживать состояние боеготовности без надлежащего перевооружения. Поэтому нам оставалось ограничиться небольшими наступательными действиями — с целью вернуть территории, потерянные за зиму, особенно в Крыму и в Харькове, и захватить Ленинград, чтобы нейтрализовать Балтику и усилить наши наземные связи с финнами.

Мы решили, что должны использовать оставшиеся силы и атаковать русских в местах, где они вынуждены будут занять позиции и сражаться. По мнению начальника штаба генерала Гальдера, наше наступление необходимо было направить на Москву. Помимо ожидаемого психологического эффекта, захват Москвы даже тогда, в 1942 году, лишил бы Советское правительство главного политического и транспортного центра. Это вряд ли сломило бы русских, но во всяком случае поставило бы их в затруднительное положение. По этому вопросу мы горячо спорили с Гитлером, так как он настаивал на наступлении в направлении Сталинграда — чтобы блокировать Волгу — и Кавказа. Гитлер говорил, что захват нефтяных место-

рождений решит исход войны: без них запасы топлива германской армии истощатся через шесть месяцев. Это предположение оказалось неверным, так как даже без кавказских месторождений мы продолжали борьбу еще два с половиной года.

Даже во время французской кампании 1940 года у Гальдера были трения с Гитлером. Летом 1941 года их отношения осложнились из-за того, что Гитлер настойчиво требовал направить наши силы на юг, на Киев. Все же он настоял на своем, что вылилось в грандиозную битву за Киев в августе 1941 года, в результате чего город был окружен и взят в плен почти два миллиона русских. Но этот успех в современной битве при Каннах померк, так как за этим последовали зимнее поражение под Москвой и провал кампании 1941 года.

Обсуждение новой кампании 1942 года еще более обострило этот конфликт. Наконец это стало невыносимым для обеих сторон и их пути разошлись, это случилось 24 сентября 1942 года. Помню одно замечание, высказанное Гальдером, характеризующее взаимоотношения между Гитлером и его ближайшим советником: «Я буду продолжать спорить с Гитлером, пока он не избавится от меня. Он больше не желает прислушиваться к голосу разума». (Гитлер всегда отвергал советы своих офицеров, чтобы не зависеть от них.)

Как можно заключить из упоминания о кавказских нефтяных объектах, решение Гитлера обусловили экономические потребности — а не военная необходимость или требования внешней политики, все обстоятельства были против стремительного внедрения в советский тыл. Камнем преткновения стала проблема снабжения, когда мы пересекли Дон: в нашем распоряжении были отвратительные дороги и всего лишь одна железнодорожная ветка, что тоже явилось немаловажным аргументом против начала такой операции. Но Гитлер пренебрег нашими советами.

Вот почему для нас было необходимо обнаружить и нейтрализовать противника в самом начале атаки. Служба Генерального штаба поручила мне в апреле 1942 года как можно оперативнее собрать всеобъемлющий точный материал относительно положения дел противника и его стратегических и тактических намерений.

Тогда я был уже руководителем отдела «Иностранные армии Востока», разведслужбы, отвечающей за весь восточный фронт. Я сразу же переехал в кабинет полковника Кинцеля в штабе отдела. Это была большая лачуга посередине лагеря Генерального штаба на озере Мауэрзее, к юго-западу от Ангербурга в Восточной Пруссии. Лагерь представлял собой небольшое поселение в глубине леса, состоявшее из деревянных и кирпичных домиков, незаметное с воздуха и всего в получасе езды на поезде от ставки Гитлера, «волчьего логова», в Раштенбурге. Домики были надлежащим образом оборудованы, система центрального отопления позволяла поддерживать нужную температуру. Благодаря сверхсовременным средствам связи мы могли связаться с подразделениями вермахта в любом месте оккупированной Европы за несколько секунд. В одном домике располагался мой кабинет, он был напротив кабинета и апартаментов генерала Гальдера. В центре кабинета стоял большой стол с картой, а мое рабочее место было в алькове, освещенном такими мощными лампами, что каждый, кто подходил неподалеку, начинал потеть.

В мирное время отдел занимался сбором данных об оборонном потенциале и вооружениях восточных стран. Эта работа велась в сотрудничестве с другими службами Генерального штаба армии и ведомствами. Отдел распространял бюллетени среди офицеров, чтобы держать их в курсе событий — например, географические или метеорологические сводки. Особо ценилась любая информация, которую мы могли собрать о боевых качествах каждого подразделения противника — так зародилась наука, которую мы сейчас называем психополитическая оценка противника. Информация о моральных качествах советского воина, которой мы обладали к началу войны, оказалась абсолютно точной, что было видно уже в первый год русской кампании: по нашим данным, русский солдат был выносливым и нестигаемым, и его скромные потребности позволили ему продолжать борьбу даже после того, как битва проиграна. Мы предполагали, что склонить на свою сторону удастся в основном только офицерский состав, но не основную массу призывников, этот наш вывод тоже впоследствии подтвердился. Кроме того, мы предсказали, что, как только советские войска начнут проигрывать, количество дезертиров увеличится.

Впрочем, мы занимались не одним Советским Союзом. В первые годы войны, когда отдел возглавлял мой предшественник, нам было поручено составлять сводки о состоянии вооруженных сил и техники всех скандинавских и балканских стран, а также Чехословакии. Мы регулярно докладывали о системе их оборонительных сооружений, об их позиции по отношению к Германии и внутренней политической ситуации. Кроме составления сводок по боевому расписанию противостоящих нам регулярных восточных армий, мы вели разведывательную работу против активизировавшихся партизанских соединений в Югославии.

Когда я стал руководителем отдела, мне было поручено собирать разведанные о новом сильном враге — Соединенных Штатах. Помню, что, благодаря скрупулезному анализу американской прессы, весной 1942 года в поле нашего зрения попал секретный план перевооружения американской армии, хотя существовало всего восемь копий. Американский генерал Уэдэмейер (который посещал наше штабное училище в Берлине с 1936 по 1938 год и который был, наверное, одним из самых выдающихся американских стратегов Второй мировой войны) сказал мне в 1960 году, что так и не удалось выяснить, как сверхсекретные документы стали известны прессе. В то время он был офицером Общего штаба в оперативном отделе американской армии. Период, когда шло расследование, был самым тяжелым в его жизни, но ему удалось выйти сухим из воды. Он дал мне понять, что утечка шла из ближайшего окружения президента Рузвельта.

В середине июня 1942 года я представил Гальдеру объемный отчет об американских вооруженных силах и стратегических целях на предстоящий год с фотографиями американских танков и десантных судов, подробными планами расширения американской армии и указанием тоннажа судов, необходимых для транспортировки войск. Мы пришли к выводу, что нехватка кораблей исключает опасность открытия полномасштабного второго фронта в тот год. В отчете мы процитировали абверовский источник в британском посольстве в Лиссабоне, который указывал (абсолютно справедливо), что союзники намереваются усилить бомбардировки Германии и провести высадки небольших десантов на французском берегу. Несколько дней спустя я распрост-

ранил детальный отчет об американской армии, в котором отмечал, что «европейский театр военных действий» активизировался благодаря бригадному генералу Эйзенхауэру. Далее я подчеркнул, что «в ближайшем будущем мы должны иметь в виду, что американцы выставят против нас сначала умеренные силы».

Конечно, нашей главной мишенью оставался Советский Союз. В мирное время, чтобы получить четкую картину боеготовности русских подразделений, мы использовали любые источники информации — архивы абвера, донесения наших военных атташе, отчеты, распространенные Министерством иностранных дел. Разумеется, мы пользовались также открытой информацией в прессе, правда, это послужило поводом для ужесточения цензуры. Тщательно анализируя эти материалы, мы извлекали информацию, которая дополняла данные, полученные из секретных источников. Несмотря на проблемы, возникшие в связи с усилением контршпионажа Советским Союзом и абсолютным нежеланием Гитлера развернуть шпионскую деятельность против русских после подписания пакта в 1939 году, мой предшественник полковник Кинцель все-таки смог составить весьма четкое представление о русских укрепленных сооружениях, боевом расписании, мобилизационных мерах и стратегических планах Москвы. Именно на базе этой информации был доработан план операции «Барбаросса», который был приведен в соответствие с изменяющимися обстоятельствами. Кинцель также сделал подробный отчет о живой силе и промышленных резервах Советского Союза, и я нашел эту информацию очень важной. По мере того как мы все глубже увязали в конфликте с Россией, мы активизировали деятельность штаба и оперативной группы. Мы написали тысячи документов о советских вооруженных силах и подразделениях НКВД и подготовили досье на высокопоставленных советских офицеров. Мы составили карты коммуникационных сетей, линий радиосвязи, с обозначением на них складов ядовитых газов, основных направлений наступления и дислокации агентов НКВД. Наконец, мы провели детальное сравнение русских и немецких однотипных подразделений.

Через семь дней после того, как я принял руководство отделом «Иностранные армии Востока», я сделал обстоятельный

доклад генералу Гальдеру о степени перевооружения русской армии и воздушных передвижениях за предшествующий месяц, а также обсудил с ним планы на будущее. Он сказал мне, что ожидает не только обоснованных сводок по текущей ситуации, но и долгосрочных прогнозов стратегических целей и возможностей противника. Это было важное нововведение. В записке, прилагавшейся к этим аналитическим обзорам, я в декабре 1944 года объяснял:

«В начале кампании против Советского Союза отдел «Иностранные армии Востока» не составлял никаких письменных аналитических обзоров, так как русское командование было неспособно разработать собственные стратегические планы и действия русских были целиком обусловлены операциями немцев. Кроме устных докладов, этот отдел до начала зимы 1942 года составлял лишь ежедневные сводки.

Когда Советскому командованию удалось завладеть инициативой на некоторых участках фронта в начале зимы 1941—1942 годов, отдел начал готовить ежедневно сводку «Планы противника», в которой делалась робкая попытка просчитать дальнейшие шаги врага.

По мере развития военных действий стало очевидно, что прогнозы относительно намерений противника — которые до сих пор обсуждались в устной форме с начальником Генерального штаба — должны оформляться письменно.

С 11 апреля 1942 года «Краткая сводка по состоянию противника» готовилась ежедневно и распространялась среди руководства (начальника Генерального штаба, начальника оперативного отдела, разведчиков на уровне групп армий, оперативного штаба люфтваффе).

Кроме этого, мы готовили «Перспективную сводку по состоянию противника» на различные сроки (обычно четыре или восемь недель), так что по мере продолжения войны наше командование получало информацию о предположительных действиях противника на определенный промежуток времени».

Через некоторое время пребывания в должности руководителя отдела я понял, что можно многое улучшить, если предложениям Гальдера пойдут навстречу, и тем самым избежать ряда организационных и психологических проблем. Главной психологической проблемой оставалось ставшее традицион-

ным невниманием к военной разведке, особенно в том, что касалось обеспечения оборудованием. Признаюсь, я тоже сначала недооценивал этот момент.

В военной разведке в мирное время работало очень мало действительных офицеров. Из штатного расписания армейских служб явствовало, что в январе 1939 года в 12-м отделе («Иностранные армии Востока») работало только 7 офицеров. На уровне групп армий работал офицер Ис/АО — отвечавший и за военную разведку и за контршпионаж — обычно это был молодой армейский капитан, подчиненный Генеральному штабу. В мирное время не предусматривалось должности эксперта разведслужбы на дивизионном уровне; в военное время этот пост занимал обычно офицер запаса (который работал на удивление успешно). Конечно, было совершенным легкомыслием пренебрегать этой службой, ведь эксперт-разведчик, особенно в высших эшелонах, должен был работать за двоих, если хотел справиться с заданием. Недостаточно было знать состояние различных родов войск и техники противника; необходимо было уметь предсказывать поведение противника, а для этого нужно хорошо знать склад его ума и командную тактику. Далее, разведчик должен составить убедительный и обоснованный доклад для своего начальства, выступая в роли адвоката дьявола. Это было не так уж легко, если учесть, что штабной разведчик часто был младше по возрасту и званию, чем Ia (оперативный офицер) и начальник соответствующего штаба.

Вскоре после вступления в должность я предложил генералу Гальдеру, чтобы офицер Ис (военный разведчик) был того же звания, что и Ia; это предложение было встречено с пониманием, особенно в высших эшелонах, таких как группы армий и армии. Хотя Ia продолжал быть *primus inter pares*, военный разведчик по крайней мере имел то же звание. В результате последний стал более влиятельной персоной; к его словам относились с большим уважением, чем прежде, и его докладам и сводкам придавали большее значение.

Вторая проблема, с моей точки зрения, крылась в слабо развитом сотрудничестве между отделом «Иностранные армии Востока» и другими основными разведслужбами, особенно абвером адмирала Канариса. Например, абвер часто предос-

тавлял мне очень важную информацию, но их аналитическая работа оставляла желать лучшего.

Это происходило не из-за халатности или недостатка заинтересованности. До этого момента инициатива была в руках германской армии; каждая кампания оканчивалась быстрой и убедительной победой. Поэтому было естественно, как я отмечал в записке в декабре 1944 года, что внимание органов военной разведки и тактического командования в первую очередь концентрировалось на текущих событиях и ближайшем будущем. Абвер плохо справлялся с этой задачей, так как в его распоряжении было очень мало времени на пересылку результатов расследования. Во время стремительных наступлений мы полагались в основном на передовую разведку и прошупывание обстановки самими боевыми подразделениями. Это вполне удовлетворяло нас, правда, теперь я уже с удивлением вспоминаю, какие точные выводы мы делали на основе такого примитивного материала. Провал легкой кампании 1941 года положил конец этой стадии. Противник овладел инициативой — по крайней мере на тот период, — и нам предстояло в первую очередь составлять перспективные сводки о боеготовности и стратегических целях противника, если мы не хотели неприятных сюрпризов.

В этой ситуации я обратился к Канарису, пытаясь убедить его расширить сферы сотрудничества. Он был главой иностранного и разведывательного отделов ОКВ. Первый отдел следил за деятельностью наших атташе в дружественных и нейтральных странах. Второй — абвер — подразделялся на три службы: 1-я служба — шпионаж, под руководством полковника Пьекенброка; 2-я служба — саботаж, под руководством полковника Лахузена; 3-я служба — контршпионаж, под руководством полковника фон Бентивеньи. У абвера была собственная разведывательная сеть, в которой были задействованы, как и в британской службе, в основном свободные агенты, доказавшие свою надежность. Но у Канариса не было группы для анализа поступающей информации: сырые материалы поступали прямо к заинтересованным лицам, и интерпретация любой разведывательной информации зависела от интеллектуальных способностей реципиента. Ввиду отсутствия какого-либо систематического анализа, который бы шел параллельно со сбором информации из источников, находившихся

в распоряжении абвера, важность некоторых сведений могла быть преувеличена, в то время как другие факты проигнорированы. (Из урока, который я почерпнул в процессе сотрудничества с абвером Канариса, я сделал надлежащие выводы, и, когда после 1945 года начала действовать организация Гелена, я сразу же создал аналитический отдел с высококвалифицированными специалистами; я делал все возможное, чтобы развеять миф, будто секретные службы должны опираться исключительно на секретные источники и игнорировать доступные — так называемую открытую информацию — газетные стенды и книжные магазины.)

У Канариса, конечно, были свои проблемы в 1942 году. С развалом многих его сетей в странах, ставших нашими врагами, с началом войны работать стало труднее. В Соединенных Штатах ФБР прикрывало практически все немецкие контакты; но, как я уже говорил, словоохотливые американские газеты и журналы позволяли ему закрывать брешь до восстановления связей. Еще одна проблема состояла в том, что с 1933 года нацистская партия под крышей так называемой Иностранной организации и СД Мюллера (служба безопасности) пыталась создать конкурирующую разведсеть, действуя зачастую дилетантски. Канарис оказался в неприятном положении, так как руководство ОКВ не предоставляло ему необходимую поддержку.

Главное управление имперской безопасности (РСХА), в которое гестапо, криминальная полиция и СД неофициально вошли в 1936 году и которое Гиммлер официально учредил в сентябре 1939 года, в частности, боролось за контроль над шпионской деятельностью и контршпионажем. В 1933 году Гитлер одобрил прошение министра обороны, и теперь Министерство обороны целиком отвечало за контршпионаж и контрсаботажные операции для защиты государства, национальной экономики и вооруженных сил. Но к 1935 году стало ясно, что Гиммлер и верный шеф полиции Рейнхард Гейдрих не намерены следовать указу Гитлера. Так, в 1935 году было создано Специальное управление Штайна, которое проводило расследование по делам о предательстве в интересах гестапо, СД и вооруженных сил. Оно вошло в РСХА, стремясь фактически завладеть правами абвера. В ответ абвер переключился на самого Штайна, но он уехал за границу и под псевдонимом

мом Пфайффер пытался работать на поляков и англичан (впрочем, не слишком успешно). Это явное вмешательство в сферу его влияния побудило Канариса сойтись ближе с доктором Вернером Бештом из РСХА. Вместе они разработали основу для сотрудничества, «десять заповедей» 1936 года, которые определяли основные сферы взаимодействия абвера с гестапо и СД и четко разграничивали их функции.

Два года спустя тщательно закамуфлированная зарубежная разведка СД была преобразована в 6-е Управление РСХА, возглавил которое в июне 1942 года Вальтер Шелленберг. В мае 1942 года, или спустя примерно месяц после моего назначения руководителем отдела «Иностранные армии Востока», между СД и абвером было достигнуто новое соглашение на основе так называемой «программы десяти пунктов», разработанной Шелленбергом. Переговоры вели Канарис и полковник фон Бентивеньи, с одной стороны, и руководитель 4-го Управления РСХА Генрих Мюллер — с другой. Только тогда шпионская деятельность СД за рубежом стала легальной, и Канарис вынужден был согласиться также на их военную разведку за рубежом. Эта уступка явилась началом заката абвера и предвещала передачу контроля над всей разведывательной службой в руки шефа РСХА Гимmlера. Несомненно, Вальтер Шелленберг был движущей силой, помогавшей СД прибрать к своим рукам шпионские и саботажные операции. Канарис всегда предупреждал меня, что Шелленберг — опасный противник; но он был умным и дальновидным человеком, и многие с уважением отзывались о его профессиональных качествах. Я слышал, что он хорошо сработался с людьми Канариса во времена сотрудничества между абвером и ведомствами государственной полиции; но все переменилось, когда Шелленберг стал руководителем разведслужбы Гимmlера. Канарис, сам человек высоких моральных принципов, возможно, считал, что верность Шелленберга не требует доказательств.

Свою первейшую задачу я видел в установлении тесных контактов между абверовской сетью Канариса и различными военными командованиями. В мирное время, если не считать информационных контактов с Министерством обороны, абвер был связан с военным командованием только на уровне во-

енных округов в лице офицера 1с/А0. С мобилизацией даже эта тонкая ниточка оказалась разорванной, так как 1с/А0 теперь должен был действовать в полном объеме как разведчик в передовых штабах армейских соединений.

Организация Канариса владела высококомобильными передовыми разведывательными подразделениями, подчинявшимися трем контрольным станциям (под кодовыми названиями Валли I, Валли II, Валли III), у каждой из которых были свои задачи. Я попросил его разрешить мне контролировать подразделения абвера на восточном фронте, кроме Валли II (саботажные команды), которая мне не могла пригодиться в данной ситуации. Я сказал Канарису, что не буду никоим образом вмешиваться в их работу, но перед нами стоит задача найти более быстрый способ доставки информации командующим на фронтах. О его готовности сотрудничать свидетельствует то, что он согласился, не колеблясь ни секунды.

Первое, что я сделал, это переместил контрольную станцию Валли I с прежнего места дислокации — к востоку от Варшавы — в Николайнен, что находился в двадцати милях от главного полевого штаба армии (ОКХ) в Ангербурге, с тем чтобы связь между секретными разведподразделениями и моим отделом «Иностранные армии Востока» была как можно более быстрой. Валли I под командованием майора Германа Бауна контролировала агентов и особые разведывательные подразделения, действовавшие по всему восточному фронту; сам Баун был низкорослым кареглазым немцем, уроженцем России, который свободно, без акцента говорил и по-немецки и по-русски. Он оставался под контролем моего разведотдела до конца войны, а также после нее. Моя новая организация обеспечивала быструю передачу информации с линии фронта в отдел по двум параллельным каналам: первый — цепь офицеров 1с на каждом командном уровне и второй — абверовская цепь с посылными на каждом уровне. Разведотдел на линии фронта докладывал обстановку одновременно офицеру 1с на уровне армии и абверовской передовой разведгруппе на уровне группы армий. Последний потом сравнивал эти отчеты и, в свою очередь, докладывал 1с на уровне группы армий и абверовской главной контрольной станции майора Бауна, Валли I. Баун в первую очередь докладывал моему отделу, используя и

отчеты передовых разведгрупп, которые дошли до него, и результаты своих собственных абверовских операций. Ведомство Канариса, в свою очередь, получало копии всех отчетов, поступавших в отдел «Иностранные армии Востока». Наконец, для ускорения процесса связи я отдал приказ, чтобы ежедневная сводка составлялась одновременно на всех уровнях; в результате каждый офицер 1с был готов передать своему командованию исчерпывающую разведсводку уже к вечеру.

Следующий пример проиллюстрирует вышесказанное. Гитлер отдал приказ, согласно которому будущей весной первоочередной задачей будет являться наступательная операция на Кавказе. 10 апреля 1942 года в моем первом кратком отчете генералу Гальдеру я утверждал, что русские скорее всего сконцентрируют свои главные силы на юге, хотя пока не совсем ясно, займут ли они пассивную оборонительную позицию или попытаются застать нас врасплох внезапной контратакой. За несколько дней до того, как фон Манштейн предпринял наступление — 8 мая, в отдел «Иностранные армии Востока» поступил следующий сигнал из абвера:

Иностранные армии Востока, 1-й сектор

Секретно. Подразделения абвера докладывают 13 апреля: член Центрального Комитета Носенко в разговоре из Куйбышева сказал редактору газеты «Правда», что на последнем совместном заседании Президиума Центрального комитета с Верховным командованием было решено перехватить оперативную инициативу у Германии, прежде чем она начнет наступательную операцию. Красной армии приказано перейти в наступление в дни майских праздников.

39.9/42 секретно

майор Баун

Как видно, потребовалось много времени, чтобы отчет дошел до нас. 2 мая я показал его генералу Гальдеру. К тому времени появились и другие указания на то, что русские намереваются сорвать нашу атаку. И действительно, прежде чем мы приступили к запланированной второй стадии Кавказской операции, Красная армия внезапно 12 мая начала массированную атаку в районе Харькова. Благодаря директивам воен-

ного департамента и Генерального штаба не выпускать из рук инициативы через 16 дней Харьков был окружен, две русские армии разгромлены и взяты в плен 240 000 солдат.

Для выполнения всего того, что ожидал от нас генерал Гальдер, было необходимо увеличить штат моего отдела и изменить его структуру. К концу войны я увеличил численность отдела «Иностранные армии Востока» с двадцати пяти человек, состоявших в штате на момент моего назначения руководителем, до пятидесяти. Своим главным помощником (1а, или оперативным офицером) я назначил подполковника барона Алексиса фон Роенне. Фон Роенне был высоким светловолосым прибалтом в очках, который походил на школьного учителя, рассказывающего ученикам о том, чего они совсем не понимают; он с сарказмом отзывался о тех, кого считал глупее себя, фанатично ненавидел большевиков, но бегло и правильно говорил по-русски и довольно сносно по-французски и по-английски. Я поделил отдел на три группы: руководителем 1-й группы был назначен майор Гейнц Данко Герре, высокий, атлетического сложения, блондин, хорошо говорящий по-русски (Герре родился 23 января 1909 года в Меце, был начальником штаба горного корпуса на Украине; он заменил фон Роенне на посту моего 1а в начале 1943 года, потом играл важную роль в деятельности власовских соединений. Он снова вошел в мою организацию 10 января 1946 года в качестве моего личного помощника, будучи начальником аналитической секции с 1953 года по 30 июня 1958 года; потом он сменил полковника Лотара Меца, а он, в свою очередь, сменил Кюлайна на посту начальника оперативного разведотдела, а в мае 1964 года был назначен в наше посольство в Вашингтоне как представитель Федеральной разведывательной службы. Он ушел в отставку 1 февраля 1971 года в звании бригадного генерала). 1-я группа отвечала за ежедневные оперативные сводки. Она была, в свою очередь, подразделена на подгруппы, по одной для каждой группы армий восточного фронта. 2-я группа под руководством майора Кюлайна занималась перспективной оценкой положения противника. Туда стекалась информация со всех других служб, и сотрудники 2-й группы анализировали факты, необходимые для выработки позиции в отношении врага (например, живая сила, военное производство). Группа пользо-

валась огромной библиотекой, в которой хранились книги и документы со всего мира, и вела строгую статистику, которая постоянно обновлялась; после поражения Германии в 1945 году этот материал послужил отправным пунктом для меня и моих коллег в деле создании организации Гелена.

3-я группа, которую возглавлял капитан Петерсен под контролем фон Роевне, состояла из экспертов по России. Это были прекрасные специалисты, работавшие в атмосфере секретности... Большинство из них были прибалтийскими немцами или немцами, родившимися в России; они прекрасно знали местность, и русский язык был для них вторым родным языком. Среди них были выдающиеся русские эксперты, например, Вилфред Штрик-Штрикфельдт, бывший царский офицер сорока пяти лет, родившийся в Риге и сражавшийся против Германии в мировой войне. Группа делала переводы всех поступающих материалов, а также переводы в допросных центрах. Русские военные директивы и документы переводились и распространялись среди наших полевых командиров; однажды в июле 1943 года нам в руки попало руководство шпионской организации Смерш, в которой русским подразделениям давались советы по распознаванию «парашютистов, радистов, диверсантов и других немецких шпионов». Это руководство было переведено 3-й группой, и мы скорректировали в соответствии с ним нашу тактику и внесли изменения в поддельные документы. Командующий офицер 3-й группы осуществлял контроль допросного лагеря, организованного отделом «Иностранные армии Востока» в Летцене, Восточная Пруссия. Эта группа была очень важна, так как в Германии было очень мало специалистов по Советскому Союзу, а наши вожди нуждались в точной информации по всем областям, касающимся русского врага.

За несколько недель работа новой системы была налажена. В течение дня к нам поступали информация и сводки из всех групп армий на восточном фронте. Донесения от группы майора Бауна, Валли I, поступали из Николайкена с унтер-офицером-мотоциклистом (самого Бауна редко видели в Ангербурге). Эта информация обрабатывалась отдельными группами моего отдела, которые готовили вечернюю сводку. Многие из входящих отчетов приходилось перепроверять; мы должны были дать дальнейшие предписания пунктам сбора доне-

сений на фронте. Из этих поступающих отчетов мы постепенно составляли общую картину дня и, основываясь на этом, давали оценку ситуации и целей противника, даже прежде чем получали аналитические отчеты, составленные на уровне групп армий. Постоянный обмен информацией между нашим отделом и офицерами 1с на уровне групп армий в течение дня был крайне важен. Мы также обменивались мнениями с майором Бауном и сверяли выкладки с оперативной службой Гальдера. К тому времени как начинали поступать сводки военной разведки от групп армий, то есть к полудню, главы подразделений были в состоянии выработать свою точку зрения, которую они сверяли с поступившими данными. Вечером, за полтора часа до главного 10-часового совещания у Гальдера, я собирал свой отдел в кабинете и приглашал майора Герре, руководителя 1-й группы, и руководителей всех его подгрупп. Герре докладывал мне последние новости из групп армий, сведения, полученные воздушной разведкой, службой радиоперехвата (эти отчеты всегда были громоздкими) и Валли I, детали обсуждались с руководителями подгрупп. Около дюжины офицеров собирались вокруг стола с картой в моем кабинете, и каждый руководитель докладывал ситуацию по своей группе армий и делился своими соображениями. По результатам этого совещания я делал выводы, которые затем попадали в ежедневную разведсводку отдела «Иностранные армии Востока». Таким образом, к подготовке документа подходили очень серьезно, обычно он занимал 2—3 страницы, и каждый вечер я отправлялся с ним на главное совещание к генералу Гальдеру.

На совещании у Гальдера присутствовали представители всех служб Генерального штаба, имевших отношение к стратегической обстановке: руководители оперативных отделов, отдела «Иностранные армии Востока», организаций железнодорожных ведомств; квартирмейстеры, ведающие снабжением; руководитель службы связи и в отдельных случаях представители других служб. Обычно открывал совещание руководитель оперативного отдела, затем слово передавали мне, как шефу отдела «Иностранные армии Востока», а потом, после остальных докладов, Гальдер издавал соответствующие приказы и директивы. Около девяти часов следующего утра снова созывалось совещание в моем кабинете, на котором анализиро-

вались материалы, поступившие ночью. Сразу же после него, в 10 часов, Гальдер собирал совещание, которое было похоже на вечернее, только чуть короче, которое работало с позиционными картами, напечатанными за ночь. Потом он с этими данными в полдень отправлялся на главное совещание, к Гитлеру в «волчье логово».

Необходимо было действовать оперативно, если наши разведсводки имели особую важность для полевых командиров. (Если дело касалось наступательных операций и, даже в большей степени, если противник перехватывал инициативу.) Я думаю, новая система, которую я внедрил, как раз отвечала насущным потребностям. Из ежедневных сводок мы также делали перспективный доклад — о состоянии противника, как я упомянул, на срок один-два месяца. Эти долгосрочные обзоры, в свою очередь, составляли основу для сверки с текущей информацией: любое расхождение с предположением, указанным в долгосрочной сводке, было сигналом того, что противник что-то замышляет. Эту сигнальную систему было крайне трудно ввести в заблуждение. Любое ощутимое нарастание партизанской активности и увеличение числа саботажей или внезапная концентрация шпионских операций в определенном районе были сигналом тревоги для нашего отдела. В ответ мы издавали соответствующие указания по активизации разведывательной деятельности в определенных секторах восточного фронта. Вооруженные разведотряды переходили линию фронта и брали военнопленных; служба радиоперехвата прослушивала передачи противника около линии фронта (прослушивание официальных каналов подразделений советской военной полиции всегда приносило результаты).

В работе ни я, ни мои коллеги не прибегали к услугам экстрасенсов. Своим успехом мы обязаны прежде всего трудолюбию, внимательности, профессионализму и сжатым срокам получения информации. Это не означало, что наши отчеты всегда отвечали желаниям Адольфа Гитлера. Я лично докладывал ему всего четыре раза; обычно это было обязанностью начальника штаба (сначала Гальдера, потом его преемников Цейтлера и Гудериана). Я могу только подтвердить, что мое начальство самоотверженно боролось с этим человеком, пытаясь убедить его не принимать решения, которые могли оказаться

гибельными. Но, имея дело с таким упрямцем, каким был Гитлер, часто приходилось лишь уповать на провидение. Снова и снова Гитлер игнорировал предостережения, содержащиеся в наших докладах, называя их «тораженческими настроениями», и намекал на то, что мы пытаемся саботировать его планы. Начальник штаба прилагал все усилия, чтобы оградить меня от его вспышек гнева, которые могли обернуться моей отставкой. Мои несколько встреч с Гитлером прошли относительно спокойно, но Гудериан часто срывался. Вспоминаю один случай, когда Гудериан пришел в штаб Гитлера после провала наступления в Арденнах в январе 1945 года, за несколько дней до того, как началось вторжение советских войск в Германию. По возвращении он живо описал, как фюрер швырнул мои карты и доклад на землю и сказал, что я помешался.

РАССТРЕЛЯННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ

ПРАВДА И ЛОЖЬ О ПРИКАЗЕ № 270

(Рассказывает Александр Лискин, полковник юстиции в отставке)

60 лет назад появился грозный приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270. Его подписали председатель Государственного комитета обороны СССР И. Сталин, заместитель председателя В. Молотов, Маршалы Советского Союза С. Буденный, К. Ворошилов, С. Тимошенко, Б. Шапошников и генерал армии Г. Жуков.

И адресован он был всем членам и кандидатам ЦК ВКП(б), секретарям обкомов, крайкомов, ЦК компартий союзных республик, председателям областных крайисполкомов, СНК республик, всем секретарям райкомов, горкомов и председателям райисполкомов и горисполкомов. Он не подлежал опубликованию, но его предписывалось прочесть во всех ротах, эскадрах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

В приказе завуалированно говорилось об обстоятельствах разгрома 6-й, 12-й и других армий, а также о неудачах на Западном фронте. По стилю и содержанию можно предположить, что в гневе и впопыхах его писал лично Верховный. Почему-то командующего 12-й армией генерал-майора Понеделина Павла Григорьевича называли генерал-лейтенантом. А все военные чины, подписавшие приказ, несомненно лично знали Понеделина, и ошибка в его воинском звании была бы исправлена, если бы ее допустил не сам Верховный. Видимо, не случайно и то, что все военачальники не указали занимаемых

ими в то время высоких должностей, иначе можно было бы судить о личных провалах каждого из них в отражении немецко-фашистской агрессии на вверенных им участках театра военных действий.

Приказ начинается с тирады о том, что «не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной армии, их громадное большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, а порой прямо героически».

После нескольких положительных примеров выхода из окружения противника остатков некоторых частей обрушивается лавина проклятий в адрес командармов 28-й и 12-й армий и командира 13-го стрелкового корпуса: «Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова (штаб группы был у Понеделина П.Г. — *А.Л.*) из окружения вышел, пробился из окружения части группы (?) Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, — предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией (а где же группы армий? Куда делась 6-я армия, которой командовал Понеделин с 27 июля, так как командарм 6-й был тяжело ранен? — *А.Л.*), попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелково-

го корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особоотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Понеделиным, Кирилловым и другим сдать в плен врагу.

И далее: «Некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят поля боя, а при серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя». Позволю себе процитировать тут же воспоминания известного поэта Евгения Долматовского, очевидца сражений 6-й и 12-й армий в окружении возле города Умани: «К северу и востоку от Новоархангельска наши войска отражали натиск 16-й, 11-й и 9-й танковых дивизий, а также двух механизированных (одна из которых тоже значилась под номером 16, а другая называлась «Адольф Гитлер»). С запада надвигались 297-я, 24-я, 125-я и 97-я пехотные дивизии. На юге и юго-западе (а мы рассчитывали пробиться на юг) против нас были выставлены 1-я и 4-я немецкие горнострелковые, 257-я и 96-я пехотные, 110-я и 101-я легкопехотные дивизии, да еще венгерский и румынский корпуса. Здесь же находилась итальянская дивизия, впоследствии оккупировавшая Первомайск. <...>

По немецким данным, наши 6-я и 12-я армии сковали двадцать две... полнокровные дивизии противника с приданными им всевозможными средствами усиления (отдельные артиллерийские дивизионы, отдельные понтонные батальоны, «пионерские», то есть саперные, части, наконец, батальоны фельджандармерии и зондеркоманды). А в воздухе против нас действовали наиболее отличившиеся на европейском театре эскадрильи бомбардировщиков и истребителей общей численностью более 700 самолетов...

Отчаянные бои, которые вели 6-я и 12-я армии сначала в оперативном, а потом и в тактическом окружении с конца июля почти по середину августа, оказались в историческом плане вкладом в разгром гитлеровского блицкрига... 6-я и 12-я армии

грудью прикрыли Днепропетровск — крупнейший район сосредоточения нашей промышленности, которую необходимо было эвакуировать. А пока она работала на оборону! Был также сорван захват Киева. Пока эти армии сражались, было эвакуировано в глубь страны 99 тысяч вагонов с промышленным оборудованием».

В приказе Ставки № 270 обо всем этом ни слова.

Против генералов Качалова Владимира Яковлевича, Понеделина Павла Григорьевича и Кириллова Николая Кузьмича военной прокуратурой были возбуждены уголовные дела по обвинению их в измене Родине, а в основу обвинения в качестве главного доказательства положены выписки из приказа Ставки № 270 и несколько малозначущих бумаг.

Судьи Военной коллегии Верховного Суда СССР, пренебрегая отсутствием доказательств, на основании формулировок того же приказа заочно осудили Качалова В.Я. (29 сентября 1941 года), Понеделина П.Г. и Кириллова Н.К. (13 октября 1941 года), определив каждому в качестве меры наказания расстрел.

Тут же работала машина преследования — пострадали жены и совершеннолетние дети Понеделина и Кириллова. Репрессировали даже тещу Качалова.

По большому счету все три генерала стали жертвами политических и военно-стратегических просчетов лиц, подписавших приказ Ставки № 270, ибо войска, которыми эти генералы командовали, были разбиты превосходящими силами противника. Понеделин и Кириллов были захвачены в плен фашистскими егерями. Известно, что, находясь в неволе, эти генералы вели себя достойно, их не сломали ни издевательства, ни посулы фашистов, а ведь оба отлично знали о приказе Ставки № 270 от 16 августа 1941 года.

29 апреля 1945 года в числе других пленных они были освобождены американскими войсками. Понеделину предлагали службу в армии США, но он отклонил это предложение.

3 мая 1945 года всех бывших военнопленных генералов доставили в Париж и передали советским представителям. Затем их отправили самолетом в Москву. Какое-то время они жили свободно, носили положенную генеральскую форму и ничего не знали о своих семьях. Видимо, в отношении их проводились мероприятия спецслужб, но заочный приговор Военной колле-

гии Верховного Суда от 1941 года в исполнение не приводился. Вообще о нем помалкивали, его как бы не существовало.

Арестовали Понеделина и Кириллова только 30 декабря 1945-го по постановлению начальника следственного отдела ГУКР «СМЕРШ» генерала Леонова, санкционированному начальником ГУКР «СМЕРШ» В.С. Абакумовым и Главным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции Н.П. Афанасьевым.

Фактически на основании приказа Ставки № 270 были возбуждены новые уголовные дела, но без ссылок на этот приказ и с умолчанием о наличии уголовного дела с заочным приговором о расстреле. Оба этих документа по-прежнему оставались как бы за кадром. Генералов водворили в Сухановскую тюрьму особого режима.

В конце 1946 года власти СССР полностью рассчитались с предателем А.А. Власовым и его ближайшим окружением, а с Понеделиным и Кирилловым не спешили. Их жизнь проходила в тюремных застенках, заполненная редкими допросами, бесконечными продлениями сроков следствия и содержания под стражей.

Похоже, от них ожидали (или требовали) признания вины за окружение и разгром 6-й и 12-й армий.

20 августа 1950 года «по новым обстоятельствам», которых фактически не имелось, по заключению ГВП, Военная коллегия отменила свой заочный приговор от 13 октября 1941 года, Понеделину и Кириллову (по их новым делам) объявили об окончании следствия (без предъявления дела за 1941 год), а 25 августа все та же коллегия обоих, теперь уже очно, вновь приговорила к расстрелу с немедленным приведением приговоров в исполнение. Генералы признали, что в бою попали в плен. Суду этого было достаточно.

Из собранных следствием и судом материалов очевидно, что генералы невиновны, но грозный приказ Ставки № 270 делал их таковыми, и ни у следователей, ни у судей не хватило мужества хоть как-то протестовать.

После смерти Сталина ГВП было проведено настоящее расследование вновь открывшихся обстоятельств, и все та же пресловутая Военная коллегия Верховного Суда СССР в феврале 1956 года приняла определение о реабилитации загублен-

ных политическим произволом верных сынов Отечества. Вскоре были реабилитированы их жены и дочери.

Содержание приказа Ставки № 270 о генерале Качалове было еще более постыдной и трагической нелепостью. Оказалось, что он, командуя в Ельнинской операции 28-й армией Резервного фронта под руководством Г.К. Жукова, попал в сложную обстановку. В боях севернее города Рославля его штаб был отрезан от войск. Его громили наземным огнем вражеские пушки и минометы, а сверху бомбила авиация. Генерал Качалов погиб. Это удалось доказательно установить смоленским чекистам при вскрытии братской могилы в деревне Старинка Смоленской области и при дополнительном расследовании.

Значит, в приказе Ставки № 270 глумились над генералом, уже сложившим голову за Родину. Он был реабилитирован в 1953 году, после смерти Сталина, и, согласно сообщению ГУК МО РФ, «считается погибшим в Великой Отечественной войне в районе д. Старинка Смоленской области» (приказ МО СССР № 0855 от 13 февраля 1954 года).

Жену генерала Качалова, Елену, бдительные «законники» дважды упрятывали в тюрьмы и лагеря. Пострадала, как вы помните, и мать Елены. Реабилитировали их уже в 1954 году. Мне удалось разыскать сына генерала Качалова, которого малым ребенком оторвали от матери и которому пришлось сполна хлебнуть лиха.

В приказе № 270 есть указание относительно командиров, комиссаров и особоотдельщиков. Сколько из этих категорий лиц было названо в суматохе боев самозванцами и расстреляно, снято с должностей, никто не исследовал. Но известна, например, такая военная легенда. В критический момент окружения и последнего из боев 6-й и 12-й армий под командованием генерала Понеделина в районе Умани была якобы проведена секретная операция по спасению боевых знамен сражавшихся в окружении воинских частей. По этой легенде, командир 8-го стрелкового корпуса генерал-майор М.Г. Снегов поручил начальнику Особого отдела корпуса майору госбезопасности — назовем его Гонцов — собрать все знамена попавших в безвыходное положение частей, укрыть их в легком танке или танкетке и глубоко зарыть в лесном овраге. Для этой ак-

ции отобрали самых надежных воинов. Знамена были собраны, уложены в танк и глубоко зарыты.

Фашистам они не достались, но и в наших музеях их тоже нет. Подробности этой операции, если она имела место, до сих пор неизвестны. Знамена не найдены, хотя их упорно искали в 1983—1987 годах. Установлено, однако, что майор госбезопасности Гонцов в 1942 году был осужден за измену Родине на десять лет ИТЛ. Это незаслуженное наказание он отбыл полностью. Позже был реабилитирован и умер в 1980 году в Самаре.

Попытка выяснить из уголовного дела Гонцова возможные подробности той операции не увенчалась успехом. Видимо, бдительных следователей это вовсе не интересовало, поскольку над Гонцовым висел дамоклов меч приказа Ставки № 270. И даже сегодня это может помешать восстановлению героических судеб и фактов военного прошлого.

Тень приказа Ставки оскверняет не только память боевых командиров. В условиях окружения у особоотдельщиков не было возможности «подглядывать» за батальонными и полковыми командирами, выяснять, прыгают ли они при бомбежке в щели. Перед ними объективно возникали другие, более важные задачи. Сражаясь с оружием в руках против врага, они еще должны были, в частности, принимать меры для сокрытия секретных документов, как собственных, так и штабных. Особенно шифров.

Известно, что 213-я стрелковая дивизия полковника М.П. Осьминского попала в окружение в районе села Подвысокое, в междуречье Ятрани и Синюхи. На нее также навалились войска 17-й армии немцев и танки генерала Клейста. Тогда-то старший оперуполномоченный Особого отдела дивизии лейтенант госбезопасности Митяж, находясь в безысходном положении, с остатками отдела и шифровальщиком Николаем Лютовым на кладбище села Копенковатое Новоархангельского района Кировоградской области закопал пять железных ящиков (сейфов) с документами Особого отдела и штаба дивизии. В ту же ночь все, кроме Лютова, погибли.

Известно, что в 1961 году Лютов вместе со спецкором газеты «Красная звезда» капитаном 3-го ранга Воронежским приехал в село Копенковатое, где были найдены два сейфа из пяти. Остальные три сейфа обнаружены поисковой экспеди-

цией МВД СССР в 1986 году. В двух сейфах документы оказались непригодными к восстановлению, зато в третьем сохранились документы на триста пятнадцать военнослужащих. Этот сейф был передан в Подольский архив МО СССР.

Так, может, и операция по спасению знамен тоже не легенда?

Безусловно, изменить историю или переписать ее заново невозможно. Однако очистить ее от наносной грязи назрела необходимость. Подобные попытки очищения истории уже предпринимались. Так, на XX съезде КПСС разоблачили культ личности И.В. Сталина. Потом воскресили из небытия героев Брестской крепости, рассказали о подвиге героя-подводника Александра Маринеско. Настало время официально решить вопрос о несостоятельности и несоответствии действительности приказа Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года в части необоснованных обвинений в трусости и измене Родине генералов В.Я. Качалова, П.Г. Понеделина и Н.К. Кириллова.

Сошлось еще на один факт относительно неблагоприятной роли этого приказа. Известно, что генерал армии А.В. Горбатов перед войной испытал на себе всю «прелесть» ежовско-бериевских застенков. Но он чудом был освобожден и командовал на фронте 3-й армией. В самом начале августа 1943 года во время боев за освобождение Орла Горбатов, тогда еще генерал-лейтенант, с группой генералов при всех регалиях выехал на высоту, где саперы уже строили армейский наблюдательный пункт. День был солнечный, и фашистам не составило труда засесть группу советских генералов. Их минометчики начали пристрелку. Копавшие щели саперы умоляли командующего и генералов воспользоваться открытыми щелями, но Горбатов не слушал их. А скорее всего, помнил о приказе № 270. Когда просвистела третья мина, командир 308-й саперной дивизии генерал-майор Леонтий Николаевич Гуртьев свалил командарма на землю и прикрыл своим телом. В результате А.В. Горбатов остался жив, а генерал Гуртьев посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза и памятника на одной из площадей города Орла. Приказом ГУК МО СССР № 0985 от 13 августа 1943 года он был исключен из списков армии как погибший в боях против немецко-фашистских войск.

308-я дивизия за освобождение Орла была удостоена гвардейского звания, став 120-й гвардейской Краснознаменной, а несколько позже еще и Рогачевской дивизией.

Прославленные маршалы извели немало чернил на свои воспоминания, оправдывая ошибки Верховного, восхваляя его и свои успехи. Однако никто из них не осудил себя за участие в подписании позорного и, безусловно, вредного для чести армии и страны приказа № 270.

Скорее всего, решение проблемы возможно на уровне Верховного Суда РФ, который компетентен признать часть преамбулы приказа Ставки № 270 в отношении генералов В.Я. Качалова, П.Г. Понеделина и Н.К. Кириллова не соответствующей действительности, а также волонтаристскую часть этого приказа, не соответствующей нормам уголовного права, требованиям полевого (боевого) устава 1941 года и правилам военной науки (тех времен) с предварительным проведением компетентных экспертиз.

В этом случае в качестве истца могла бы выступить Генеральная прокуратура РФ, а условным ответчиком — Министерство обороны РФ.

П.Г. Понеделина необходимо оставить посмертно в звании генерал-лейтенанта, как это указано в приказе Ставки № 270. Ему и генералу Н.К. Кириллову, уволенным из армии 9 мая 1956 года (приказами №№ 0214 и 0213) «ввиду смерти», следовало бы добавить в мотив увольнения слова: «как жертва политических репрессий».

В ПРОРЫВ ИДУТ ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ...

(Рассказывает Александр Бернштейн, участник Великой Отечественной войны)

«Трусов, паникеров, дезертиров — истреблять на месте».

*Из приказа № 227 за 1942 год
(«не подлежит опубликованию»)*

Свой очерк я назвал «Штрафные батальоны». Там были главным образом не уголовники, а командиры, разжалованные на месяц, в силу разных причин не выполнившие задач в бою. Это была негативная сторона войны так же, как расстрелы на месте, или, как было сказано в приказе № 227, — «истребление». Это были издержки войны, потери не от противника. Свои. Статистики учета побывавших и погибших в штрафбатах нет. Она никогда не публиковалась. Наши военные историки должны были бы давно провести этот анализ...

Великая Отечественная... Особенно тяжелыми и драматическими были ее первые два года, когда наша армия, неся огромные потери, вынуждена была отступить. Положение тогда становилось трагическим, и чтобы изменить ход войны, Сталин подписал приказ Наркомата обороны (НКО) № 227 от 28 июля 1942 года.

Этот приказ вошел в историю и послужил жестким уроком для армии, но стал и мобилизующей силой, и этому нужно отдать должное. Об этом приказе сегодня могут помнить только

ветераны, непосредственные участники боев, ибо приказ касался их. При этом даже не все военнослужащие того времени знали подробности этого приказа, потому что он был по существу секретным, то есть не подлежал размножению и опубликованию. В «Истории Второй мировой войны» и «Военной энциклопедии», выпущенных Воениздатом до 1987 года, когда действовала еще жесткая цензура, приказ № 227 представлен в усеченном виде. Излагается только создававшаяся обстановка на фронтах (где обвиняется сама армия) и в нескольких словах задача: что нужно сделать. В указанных выше трудах даже не упоминаются те жесткие и беспрецедентные меры, которые допускались и осуществлялись по отношению к самим фронтовикам.

Вот как сокращенно изложен приказ № 227 в пятом томе «Истории Второй мировой войны», подписанный Сталиным: «...Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими потерями, лезет вперед, рвется в глубь страны, захватывает все новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает наше советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценою захватить Кубань, Северный Кавказ с его нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа... ..После потери Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, людей, хлеба, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 млн населения, более 800 млн пудов хлеба в год и более 10 млн тонн металла в год. У нас нет уже превосходства перед немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше — значит погубить себя, вместе с тем Родину...

Из этого следует, что пора кончать отступление. Ни шагу назад. Теперь таким должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности. Сможем ли мы выдержать удар и потом отбросить врага назад, на Запад? Да, можем... ..Чего уже не хватает? Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях. В этом теперь наш главный недостаток. ...Мы должны ус-

тановить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять нашу Родину. Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование: НИ ШАГУ НАЗАД БЕЗ ПРИКАЗА ВЫСШЕГО КОМАНДОВАНИЯ. ПАНИКЕРЫ И ТРУСЫ ДОЛЖНЫ ИСТРЕБЛЯТЬСЯ НА МЕСТЕ».

Вслед за этим приказом, буквально на следующий день, 29 июля 1942 года, в войска поступила директива Главного политического управления Красной армии. Директива предписывала всем политработникам, всем коммунистам перестроить партийную и политработу, обеспечив в боях одну задачу: ни шагу назад без приказа высшего командования. «Коммунисты — вперед» — своим непреклонным примером должны обеспечивать этот приказ». Нужно сказать, что приказ № 227 (я хорошо помню) своим железным острием был направлен против командного и политического состава Красной армии (тогда еще категория офицерства не была введена). Вот что говорилось в приказе: «Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников части и соединения, которые оставляют боевые позиции самовольно. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других и открывали фронт врагу»... «Паникеры и трусы должны истребляться на месте». В приказе совершалось пояснение: противник для повышения дисциплины и ответственности сформировал более 100 штрафных рот для рядовых и около десятка штрафных батальонов для офицеров, нарушивших дисциплину и проявивших в бою трусость. Таких офицеров в гитлеровской армии лишали орденов, заслуг, посылали на трудные участки фронта, чтобы они искупили свою вину. Немецкое командование сформировало специальные отряды-заграждения, поставило их позади неустойчивых дивизий и приказало расстреливать тех, кто пытается отступить или сдаться в плен. Эти меры, по мнению И.В. Сталина, подняли дисциплину и боеспособность гитлеровской армии. «Не следует ли нам научиться в этом деле у наших врагов, как учились наши предки в прошлом, и одерживали над ними потом победу?» — задает воп-

рос в приказе № 227 тот, кто его издал — И.В. Сталин. И отвечает твердо: «Я думаю, следует». И далее уже конкретно: командиры рот, батальонов, полков, дивизий, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевых позиций без приказа свыше, являются предателями Родины. С ними следует поступать, как с предателями Родины. Приказ № 227 определяет: «Снимать с должности командиров, комиссаров, политработников всех ступеней, провинившихся по трусости, неустойчивости, нарушении дисциплины, допустивших отход войск, снимать с должности и отправлять в вышестоящий трибунал, чтобы после суда, на трудных участках фронта искупить свою вину». Эта часть приказа относится более к крупным штабным командирам, которые не находились на передовой и не могли быть «истреблены на месте». И далее приказ предписывал: «Сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек) для старшего и среднего разжалованного комсостава, чтобы в более трудных условиях искупили свою вину кровью». «Сформировать в пределах каждой армии от 5 до 10 штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых и младших командиров, чтобы в более трудных условиях дать им возможность искупить свою вину перед Родиной кровью». Давайте подумаем. Если считать, согласно приказу № 227, количество офицеров, разжалованных в штрафбатах максимально по фронту, то это составляет 3S800, то есть 2400 человек. Уже в то время, если считать приведенное количество штрафников в штрафротах в пределах фронта, это должно составлять максимум до 6 тысяч человек. Сами по себе цифры планировавшихся наказаний людей — гигантские. Но если считать среднее армейское соотношение офицеров и рядовых — около 20—30 рядовых на одного командира, то соотношение планируемых штрафников офицеров (командиров) во много раз превышает штрафников рядовых. Видимо, в тот период И.В. Сталин всю вину возлагал на командиров и не против был заменять их в ходе войны, что фактически и имело место.

«Сформировать в пределах каждой армии до пяти заградотрядов по 2000 бойцов в каждом. Размещать их в тылу неустойчивых дивизий и обязать их в боевых условиях в случаях бегства, паники, отступления паникеров и трусов расстреливать

на месте и тем помочь честным бойцам выполнить свой долг перед Родиной».

Горькое это было время, безумно тяжелое. Горько то, что учился товарищ Сталин у самой низменной бесчеловечной гитлеровско-фашистской системы. Горько и то, что свою вину и вину Генерального штаба (находившегося под его контролем и контролем НКВД) в оперативно-тактической неподготовленности армии к боям на своей территории, он целиком переложил на армию. Да и возьмем само понятие «штрафной батальон» — оба слова не русские). Под штрафом понимают нарушение, подвергаемое наказанию.

Я, рядовой автор и рядовой гражданин, не берусь здесь обсуждать личность И.В. Сталина. Хоть и безумно дорогой ценой, но своей энергией он сумел улучшить положение на фронтах и привел страну к победе. В этом отношении приказ № 227 сыграл свою положительную роль. Но на время. Только на время. Приказ № 227 зачитывался или объявлялся в ротах, батареях, эскадрильях, полках и т. д.

Сам я тогда капитан, инженер полка, разъяснял приказ в строю перед строем красноармейцев, сержантов, командиров применительно к задачам, которые выполнял полк.

— Не готов аэроплан к подъему и отражению налета вражеских самолетов — значит вы отступили в бою.

— Отказала боевая машина, вы не выполнили приказ.

— Самовольная отлучка, сон на посту, утрата оружия или снаряжения, не говоря уже о самострелах — это и есть нарушение приказа № 227, а отсюда трибунал и, возможно, штрафбат или штрафрота (каждому — свое). Таким образом командиры авиационных, морских, технических, зенитно-артиллерийских и других частей уже сами интерпретировали этот приказ, подгоняя под него свои внутренние, порою совсем иные нарушения.

Внутренние инструкции приказа № 227 в штрафбатах и штрафротах в не оглашались, но они несомненно существовали, так как уставы Красной армии распространялись только на кадровые войска. Однако некоторые подробности известны. Например, все штатные командиры, начиная от младших и до самого комбата, имели штатную категорию на одну ступень выше. То есть комбат имел права командира полка, взводный — права ротного командира и т. д. Внутренние же порядки извес-

тны сейчас по воспоминаниям очевидцев (например, автора).

Возьмем в качестве примера штрафбат для разжалованных командиров. Формула наказания трибунала или другого органа гласила: «Лишить воинского звания, разжаловать в рядовые, направить в штрафной батальон сроком на один месяц, чтобы кровью искупил свою вину». Поступивший в штрафбат сдавал все свои награды, партийные и другие документы и переодевался в казенную одежду без знаков принадлежности к военнослужащим (без звездочки на пилотке). Он обращался к начальникам по форме «гражданин лейтенант» и т.д., сам же имел звание «штрафник». За 30 суток пребывания в штрафбате штрафники должны были быть в бою не менее раза. Их посылали группами, взводами, отделениями на самые рискованные участки, через минные поля и т.п. Сзади них находилось подразделение НКВД, которое должно было расстреливать штрафников из пулеметов, если они начнут отступать или отползать назад. Даже раненым нельзя было выходить из боя: пристрелят, предупреждали их, мы ведь не знаем, почему вы ползете назад, ждите, вас потом подберут.

Аналогичные порядки были и в штрафротах. Право направлять в них разжалованных имел трибунал, но практически это решали командиры соединений. Это наказание полагалось за трусость, за отступление из боя, за потерю оружия, за отказавший в бою пулемет, за сознательное членовредительство (чтобы убыть с фронта в нестроевые), за невыполнение боевого приказа, за необеспеченную полевую связь, дезертирство, самовольные отлучки и т.д. С этого времени слова «штрафбат» или «штрафрота» стали пугалом и стимулом, а позднее старшие начальники напоминали таким образом младшим о своем месте.

Прошедшего бой штрафника отпускали в часть, возвращая награды и звания. В случае гибели сообщали семье, как обычно, о погибшем, и семья получала пенсию. Штрафные батальоны и роты дрались в бою жестоко. Впереди враг, за спиной пулеметы. Нужно идти на врага и уничтожить его. Идти вперед. В некоторых литературных произведениях я читал о том, что штрафники ходили в разведку. Мне это не известно. Хотя разведка разведке рознь. Если тебя посылают разведать минные полосы противника, а сзади пулеметы НКВД или

«СМЕРШ», то это вполне возможно. Штрафнику трудно надеяться на удачу, но всякое бывало.

Уже в середине 1943 года ход войны стал меняться в пользу Красной армии. Разгром немцев под Сталинградом, прорыв блокады Ленинграда и другие успехи подняли боевой дух нашей армии. Уже редки стали паника и отступления в бою, случаи самострелов, уклонения от боя: по этим причинам уменьшилось количество командиров и рядовых, которых нужно было судить. Однако созданные в июле 1942 года штрафные части оставались до самого конца войны. И без «работы» им быть не полагалось. Тогда появился несколько иной контингент штрафников, направляемых на отбытие наказания по другим причинам и зачастую без суда трибунала.

Так, когда войска становились на отдых или на переформирование, особенно на территории, откуда были изгнаны немцы, среди красноармейцев имели место случаи самоволок, пьянок, связей с местными женщинами и венерических болезней. Это вызвало опасение командования, так как болезнь могла распространиться и повлиять на боеспособность воинов. Поэтому было объявлено, что последнее будет рассматриваться как сознательное членовредительство для убытия с фронта в госпиталь и за это будут переводить в штрафную роту. К чести солдатской, нужно сказать, что явления эти были достаточно редки. Но были.

Несмотря на боевые успехи армии, на прекратившиеся отступление и панику, разжалования и отправки в штрафбат командного состава продолжались, но причины были уже не те, что оговорены в приказе № 227. Например, при переправе затонуло орудие, летчик на боевом задании спутал окопы и отбомбился по своим, зенитчики сбили свой самолет, ответственный не сумел вовремя доставить боеприпасы, интендант не провел обоз через линию огня, не обеспечил питанием и т.д. Однако появилась и другая, уже отвратительная черта — это сведение счетов амбициозных командиров — старших с младшими, возродилось и доноительство в СМЕРШ.

Летом 1943 года в полк прибыл приказ командующего армией, предписывающий за плохое содержание стрелкового оружия (винтовок) и нехватку 2 винтовок по учету командира 4 отряда нашего 11-го полка аэростатов заграждения капитана В.И. Грушина разжаловать в рядовые и направить в

штрафбат сроком на 1 месяц, чтобы кровью искупил свою вину. Грушин был один из опытейших и уважаемых командиров в полку. Поэтому такое внезапное решение командующего армией (именно командующего, а не суда-трибунала) было нам непонятно. Тем более что Грушин не имел до этого замечаний и взысканий. Его отряд был всегда боеспособным и поднимал аэростатное заграждение перед налетом вражеской авиации. Но действительная причина офицерам полка была ясна. С ним свел счеты начальник аэростатов заграждения из штаба ПВО Ленинграда полковник Волхонский. Это был грубый, мстительный, чванливый, малограмотный человек. Он случайно выдвинулся из интендантов, когда многие опытные командиры из ПВО были направлены в стрелковые части на пополнение потерь. Волхонский не мог смириться с тем, что командир отряда Грушин отстаивал свое мнение и не допускал оскорблений в свой адрес и в отношении людей своего отряда. Что касается винтовок, то в полку были винтовки, прошедшие уже советско-финскую войну, частью трофейные, словом, порядочно изношенные, с сыпью в каналах стволов, уже не удаляемой. Офицер, проверявший стрелковое оружие в отряде Грушина, был из штаба армии и прислан Волхонским. И решение для наказания Грушина командующему армией генерал-майору Зашихину представил тот же Волхонский. Василий Иванович Грушин из штрафбата уже не вернулся. Все мы переживали за этого умного и честного командира. Такие бессмысленные потери на войне особенно горьки.

В штрафном батальоне разжалованным довелось побывать и мне. Для меня это было абсолютно неожиданным. Весной 1943 года в секретную часть полка пришел приказ, подписанный командующим армией войск ПВО Ленинграда генерал-майором Зашихиным, членом военсовета, бригадным комиссаром Веровым (третьего лица не помню). Этим приказом я был разжалован в рядовые в штрафбат сроком на 1 месяц, «чтобы кровью искупил вину». Мне ставилось в вину следующее:

1) плохо замаскированные две автолебедки, разбитые от артналета противника;

2) исследуя обрыв тросов аэростатов, я якобы не отдавал под суд виновных мотористов;

3) во время боевого дежурства ночью на КП полка не могло точно доложить, приземлен ли последний аэростат, и при неоднократных запросах оперативного дежурного КП штаба армии обругал его по-матерному.

Так было написано в приказе «тройки». Я и командир полка подполковник Лукьянов и военком батальонный комиссар Коршунов были потрясены нелепостью этого решения. Мы понимали, что это дело рук того же Волхонского, который таким образом усиливал свое положение. В то же время боевые лебедки, пострадавшие от артобстрела противника, находились в районе Васильевского острова, то есть в 10 км от меня, и были в распоряжении командира отряда. Мотористов под суд я не отдавал потому, что не было их вины. Последний аэростат был пробит осколками во время артобстрела, он был приземлен на 2 часа позднее, а что касается матерной ругани, то все мы на фронте не были ангелами и нелепо было ставить это в вину. Еще более дико было просто так разжаловать профессионала, военного инженера, каким я стал уже в 1943 году, и отправить в штрафбат...

Подобные случаи были и в других полках. И каждый раз приказ подписывала «тройка» во главе с командующим генерал-майором Зашихиным. К слову сказать, полки ПВО, защищавшие Ленинград, были опытные и дисциплинированные. За весь период боевых действий авиационные истребительные полки, зенитно-артиллерийские и полки аэростатов заграждения сбили над небом города и на подступах к нему 1561 вражеский самолет. Это была лучшая армия ПВО в тот период. Однако о причинах такой жестокости командующего по отношению к офицерам армии я узнал лишь через 30 лет после войны. Мне об этом рассказал в 1975 году И.И. Геллер, бывший начальник политотдела нашей армии.

С 1940 года Зашихин, получив звание генерал-майора, был начальником ПВО Балтфлота. Внезапные удары с воздуха, которые нанесли немцы в ночь на 22 июня 1941 года и ближайшие дни, парализовали и разрушили средства ПВО Балтфлота. Столицы Латвии, Литвы, Эстонии были захвачены. Остатки наших судов пришли в Кронштадт и Ленинград. Зашихин, конечно, тяжело переживал наши потери. Ведь только-только поступила директива Генштаба — в провокации не ввязываться. Он ожидал неприятностей. Его вызвал член Военного совета Ленинградского

фронта А.А. Жданов, но не для привлечения к ответственности, а чтобы назначить командовать 2-м корпусом ПВО (впоследствии Ленинградская армия войск ПВО). Жданов сказал, что Зашихина, очевидно, назначат командиром корпуса ПВО, но предупредил, чтобы ни один вражеский самолет не появился в небе над городом. Немцы уже используют в Прибалтике наши аэродромы. Немецкие самолеты-разведчики набирают высоту до 7—8 км. Это не в достигаемости нашего зенитного прицельного огня, поэтому исключить их налеты нельзя, доложил Зашихин.

— Будете нести ответственность, мы еще не забыли, что вы ранее были исключены из партии как троцкист, — сказал Жданов, а он был одновременно членом Политбюро ЦК ВКП(б), секретарем ЦК и секретарем обкома. Это был удар в спину. Зашихин этого не ожидал.

— Товарищ Жданов, ведь я был тогда совсем молодым членом партии, матросом был малограмотным. Я ведь потом просил прощения у партии и был восстановлен в 1929 году.

— Да, мы это знаем, — сказал Жданов, — знаем, что партия вас простила. Но она не простит второй раз, если ПВО не защитит должным образом город Ленинград. Тогда пошадь вам не будет. Идите воюйте, укрепите дисциплину и боеготовность и помните наш разговор...

Так Зашихин оказался под дамокловым мечом. Впоследствии его профессионализм, строгость и жестокость были оценены высшим командованием и сыграли свою роль в выдвижении. Он закончил войну генерал-полковником, командующим одним из фронтов ПВО.

Я, согласно приказу, находился в штрафном батальоне, но внезапно был отозван из него в свой старый полк, но уже на звание и должность ступенью ниже. Приказ Военсовета был пересмотрен. Моего освобождения добились командир и комиссар полка. Боевое товарищество и порядочность я всегда высоко ценил, а через полгода я вновь был восстановлен в своем звании капитана и инженера 11-го полка аэростатов заграждения.

После разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом, с 1944 года я воевал на других фронтах, уже в должности старшего инспектора управления воздухоплавания центрального аппарата. 24 июня участвовал в Параде Победы на Красной площади в 1945 году.

МИФ О «ВНЕЗАПНОСТИ»

Что знал Сталин о подготовке Гитлером нападения на СССР?

(Рассказывает Юрий Басистов)

«На рассвете 22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны неожиданно и вероломно напала на Советский Союз...» Эти слова — из выступления Сталина по радио 3 июля 1941 года. Гитлеровское вторжение было действительно вероломным, но вот «неожиданным» его никак нельзя назвать. В том же выступлении сам Сталин признавал, что 170 дивизий, брошенных Германией против СССР, были придвинуты к границам СССР и находились в полной готовности, ожидая лишь сигнала для вторжения. О какой же «неожиданности» могла идти речь?

Архивные материалы советской внешней разведки, имевшей два подразделения — разведывательную службу НКВД и Главное разведывательное управление (ГРУ) Генштаба, свидетельствуют о том, что руководству СССР систематически докладывалось о нарастании военной опасности. Сталин обладал достаточно полной и надежной информацией о замыслах Гитлера.

В 1930-е годы советская разведка имела в ведущих странах Запада, а также в приграничных государствах разветвленную агентурную сеть. Опытными кадрами был укомплектован аппарат военных атташе при полпредствах за рубежом. Сталинские репрессии не обошли разведорганы, они были подвергнуты жесткой «чистке». Тем не менее в 1940—1941 годы зарубежная агентурная сеть была воссоздана. Особое значение приобретали источники информации непосредственно в Герма-

нии. Так, с начала 1940 года доверительные отношения с сотрудниками НКВД поддерживали жившие в Германии известная актриса Ольга Чехова и польский князь Януш Радзивилл, имевшие связи в высших нацистских кругах. Ценными информаторами были иностранные граждане, работавшие на советскую разведку, например, группа венгра Шандора Радо, действовавшая в Швейцарии. Одним из выдающихся советских разведчиков был Рихард Зорге, работавший в Японии. Насколько важны были добытые им данные, свидетельствуют его шифровки в центр ГРУ:

— 18 ноября 1940 года. Первое сообщение о возможном нападении Германии на Советский Союз.

— 28 декабря 1940 года. В районе Лейпцига формируется новая резервная армия вермахта из 40 дивизий.

— 1 марта 1941 года. Из Франции передислоцируются 20 немецких дивизий к советской границе, где уже находятся 80 дивизий.

— 5 марта 1941 года. Получил микрофильм с телеграммы Риббентропа немецкому послу в Японии Отту с сообщением о том, что Германия начнет войну с Россией в середине июня 1941 г.

Позже Зорге назовет точную дату нападения — 22 июня.

Уже за полтора года до начала войны из разных источников в Москву поступала тревожная информация о готовящемся нападении Гитлера. В донесении из Берлина от 20 января 1940 года говорилось: «Представитель Министерства иностранных дел сообщает, что СССР нам (немцам) нужен, чтобы разделаться на Западе... Нужно использовать теперешний момент, чтобы завоевать стопроцентное доверие СССР, а что Гитлер решит русский вопрос — это несомненно. Гитлер не будет делить господство в Европе со Сталиным». В другом донесении из Берлина от 26 июня 1940 года сообщалось, что Министерство путей сообщения Германии получило указание подготовить к концу 1940 года план перевозок с Запада на Восток. А вот информация из Парижа от 27 сентября 1940 года: «Немцы отказались от наступления на Англию, и ведущаяся подготовка к нему является лишь демонстрацией, чтобы скрыть переброску основных сил на Восток. Там уже имеется 106 дивизий». Работающий на советскую разведку сотрудник МИД Германии барон фон Шелла сообщил 29 декабря

1940 года: из высокоинформированных кругов стало известно, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР, и война будет объявлена в марте следующего года. Это сообщение было перепроверено и после получения подтверждения доложено по «большому списку», начиная со Сталина.

Трудно переоценить значение информации о том, что в июле 1941 года Гитлер начал готовиться к войне против СССР, и о том, что 18 декабря 1940 года он подписал директиву № 21 — план «Барбаросса». Руководству СССР, благодаря усилиям разведки, было известно и об издании директивы главного командования сухопутных войск Германии от 31 января 1941 года о стратегическом сосредоточении и развертывании на востоке трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг».

Наиболее крупной советской разведывательной сетью в Европе была организация Харнака — Шульце-Бойзен, известная под именем «Красная капелла». Ее члены, имевшие связи в правительственных кругах Германии, систематически поставляли службе внешней разведки НКВД ценную информацию военного и политического характера. 18—19 июня 1941 года на основе этих данных был подготовлен обзорный документ, переданный наркому госбезопасности Меркулову для доклада Сталину. Зная отношение Сталина к донесениям иностранной агентуры и опасаясь отрицательной реакции, Меркулов не решился подписать документ и передать его Сталину. Содержание документа было рассекречено и опубликовано лишь в 1991 году. В нем сообщалось о подготовке гитлеровцев к нападению на СССР, о конкретных мерах, проводимых немецкими государственными и военными органами в этих целях. Донесения охватывали период с 6 сентября 1940 года по 16 июня 1941 года. В них, к примеру, говорилось: «Штаб авиации Германии в январе 1941 года отдал распоряжение начать в широком масштабе разведывательные полеты над советской территорией с целью фотосъемки всей пограничной полосы. В сферу полетов включен Ленинград. Верховное командование вооруженных сил дало указание о составлении карт промышленности СССР. Составляются планы бомбардировок важнейших объектов. В частности, разработан план бомбардировки Ленинграда и Выборга».

Одно за другим поступают сообщения «Красной Капеллы» о концентрации немецких войск на Востоке. Начиная с марта

1941 года указываются сроки нападения на СССР — весной-летом 1941 года.

Со слов двух фельдмаршалов, оно может начаться в мае, Генштаб сухопутных войск с прежней интенсивностью проводит в апреле подготовительные работы для операции против СССР, детально определяются объекты для бомбардировок. Далее сообщалось, что все подготовительные военные мероприятия должны быть закончены в середине июня. Сформировано будущее административное управление оккупированной территории Советского Союза во главе с Розенбергом. Назначены начальники военно-хозяйственных управлений будущих округов.

В архиве Министерства иностранных дел РФ обнаружена шифрограмма из Берлина от 4 апреля 1941 года с грифом «Особая. Строго секретно». Полпред Деканозов докладывал советскому руководству обобщенные данные о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. Документ содержал сведения о проведении мобилизации запасных и призыве лиц 1922 года рождения, о переброске войск вермахта на Восток, о выпуске для солдат немецко-русских разговорников. В полпредство поступало много анонимных сообщений и телефонных звонков немецких граждан с предупреждениями о грозящей СССР опасности. О предстоящем военном конфликте между Германией и СССР открыто говорили в кругах дипкорпуса Берлина.

В предвоенные месяцы поток информации о подготовке Германии к войне нарастал. Из Берлина поступило сообщение о том, что с 12 января в немецкой армии запрещены отпуска. Источник из Бухареста сообщил 19 января, что в беседе с Антонеску Гитлер заявил, что первоочередной задачей Германии является завершение боевых действий с Югославией и Грецией, затем будет поставлен вопрос об СССР.

В марте 1941 года на основе поступивших в ГРУ новых донесений было подготовлено спецсообщение для руководства. В нем указывалось, что в министерствах Берлина убеждены в предстоящей войне против СССР. Датой нападения считают 1 мая 1941 года. Из Бухареста поступило сообщение, что нападение на СССР следует ожидать через три месяца, то есть в июне.

Военный атташе в Берлине генерал Тупииков доложил 9 мая 1941 года план возможных действий немецкой армии против

СССР. ГРУ информировало Сталина, Молотова и военных руководителей о боевом составе германской армии, о распределении ее войск против Англии и СССР, о группировке немецких войск против западных военных округов. На 1 июня здесь было сосредоточено 120—122 дивизии.

10 апреля 1941 года были получены агентурные сведения о содержании беседы Гитлера с югославским принцем, во время которой Гитлер заявил, что он решил начать военные действия против СССР в конце июня 1941 года. В начале мая поступила информация о том, что военные приготовления на территории Польши проводятся открыто, немецкие офицеры прямо говорят о предстоящей войне между Германией и Советским Союзом. 6 июня из Софии поступили сообщения о переброске немецких войск из Болгарии и Греции в Румынию к советской границе. В тот же день была доложена информация о том, что на германо-советской границе сосредоточено около 4 миллионов немецких и румынских солдат. Все начальники аэродромов в Польше и Восточной Пруссии получили указание подготовиться к принятию самолетов.

9, 11 и 13 июня поступали данные о заседании финского правительства, на котором решался вопрос о вступлении в войну против СССР на стороне Германии. В это же время пришла информация о прибытии в Финляндию немецкого транспорта с 1500 солдат на борту. Всего в Финляндии размещалось три немецких дивизии, а еще две ожидали погрузки в Штеттине. В Финляндии началась частичная мобилизация.

Наиболее важные сведения были получены центром от двух разведгрупп из Берлина вечером 16 июня. В них говорилось: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время». Срочным спецсообщением эта информация была направлена Сталину и Молотову.

Действия советской разведки в Германии, по признаниям многих деятелей рейха, были хорошо организованы и эффективны. Шеф политической разведки Германии Шелленберг вспоминал, что в 1940 году русская агентура значительно расширила свою сеть и работала очень активно. В Берлине и других немецких городах, на территории «генерал-губернаторства», то есть в Польше, существовали хорошо законспириро-

ванные явочные квартиры, систематически работали радиопередатчики на московский центр.

Об обстановке, в которой действовали наши разведчики, свидетельствует эпизод со «Сводкой № 8». По докладам начальника ГРУ Ф. Голикова Сталину количество немецких дивизий на наших границах колебалось от 35 до 40. Это подтверждали и источники НКВД. Между тем в декабре 1940 году дивизий было уже на 15 больше и число их возрастало. Начальник отдела информации разведуправления подполковник Новобранец подготовил сводку № 8 об истинном положении дел, и на свой страх и риск, минуя Голикова, разослал ее всему начальствующему составу армии, а также по особому списку — руководству страны.

Сводка вызвала настоящий переполох в Генеральном штабе, где не имели проверенных данных о сосредоточении германских войск на наших границах (!). Начальник Генштаба Мерецков был вскоре снят с должности. Автор «Сводки № 8» подполковник Новобранец был смещен, но ему повезло — он был отправлен на «бериевский курорт», как называли закрытый дом отдыха разведуправления для «паникеров войны».

Советская разведка располагала уникальным информатором в лице немецкого антифашиста Герхарда Кегеля, бывшего в 1940—1941 годы сотрудником посольства Германии в Москве. Кегель пользовался в посольстве доверием руководства, включая посла Шуленбурга, который старался не обострять отношения с Советским Союзом и пытался предостеречь Гитлера от недооценки советской оборонной мощи. В середине апреля 1941 года Шуленбург, изложив свою точку зрения по вопросу германо-советских отношений в обстоятельном меморандуме, отправился в Берлин для его вручения лично фюреру. 30 апреля, вернувшись в Москву, он сказал своим ближайшим сотрудникам: «Жребий брошен, война неизбежна».

В этот период в Москве под видом представителя «химической промышленности» побывал Шелленберг. Во время застолья в «Национале» и «Метрополе» он с гордостью делился с Кегелем секретными сведениями о предстоящей агрессии против СССР. Предстоящую зиму, заявлял он, немецкие солдаты проведут в Москве, Киеве, Ленинграде, а может быть, в городах и селах Урала. Когда Кегель выразил скептическое отношение к этим перспективам, Шелленберг показал на карте

исходные позиции немецких войск и главные направления планируемых против СССР ударов для достижения линии «А». Кегель поинтересовался, что это за линии, и получил ответ, что на линию Архангельск — Астрахань должна выйти германская армия примерно через три месяца после начала войны.

Иногда Кегель слышал разговоры сотрудников посольства, имевших родственников в различных берлинских ведомствах. Он был свидетелем начала скрытой эвакуации части семей дипломатов и служащих посольства. Вывозились также секретные документы. В середине мая большинство работников посольства знало, что война вот-вот начнется.

Когда Кегель утром 21 июня приехал в посольство, во дворе жгли документы. Из Берлина пришло указание уничтожить последние шифры, а также сообщалось, что «германские интересы» в Москве будет представлять болгарский посланник. В этой обстановке Кегель, пренебрегая всеми правилами конспирации, вышел на незапланированный контакт с сотрудником Главного разведуправления и сообщил, что война начнется через считанные часы. Много лет спустя Кегель, живший тогда в ГДР, с горечью вспоминал, что советский полковник ответил ему совершенно в духе того времени: «А вы не думаете, что это провокация?»

Посол Шуленбург и советник немецкого посольства Хильгер считали войну против СССР опасной для Германии. Когда стало ясно, что война неминуема, они пошли на беспрецедентный шаг — предупредили советское руководство о предстоящем нападении. Когда Сталину было доложено предупреждение Шуленбурга, он в присутствии членов политбюро сказал — будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов.

Развитие событий в марте-апреле и вплоть до июня 1941 года отчетливо свидетельствовало: война стучалась в дверь Советского Союза. Маршал Жуков вспоминал, что в связи с сосредоточением крупных немецких войск в Польше Сталин послал Гитлеру в начале 1941 года письмо. В нем говорилось, что «нам это известно, нас это удивляет и создает у нас впечатление, что Гитлер собирается воевать против нас». В личном и «доверительном» ответе Гитлера утверждалось, что сосредоточение немецких войск в Польше связано с необходимостью обезопасить их от налетов английской авиации на Западе. Гитлер заверял в своей верности германо-советскому

пакту «честью главы государства». По мнению Жукова, Сталин поверил фальшивым заверениям фюрера. У советского руководства были совершенно необоснованные надежды на решение возникших проблем с Германией политическим путем при полной недооценке военно-стратегических факторов.

Известно, что двое немецких солдат перешли на нашу сторону и предупредили о предстоящем нападении вермахта. В час ночи 22 июня в районе Волчина переплыл Буг перебежчик Ганс Шлотер. Он сказал, что в 4 часа утра германские войска начнут вторжение в Россию. Другой солдат Альфред Лисков, тайно покинув свое подразделение, перешел границу близ города Сокаль. На допросе в погранотряде он сообщил, что днем раньше командир взвода объяснил солдатам, что в ночь с 21 на 22 июня после артиллерийской подготовки будет форсироваться река Буг на плотках, лодках и понтонах. Полученная от перебежчиков информация была срочно доложена в Москву. Реакция была обычной — «это провокаторы, нас пытаются дезинформировать».

Трудно себе представить, как могло остаться без внимания руководства страны во главе со Сталиным совершенно секретное сообщение НКВД СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 2 июня 1941 года. В документе докладывалось о широкомасштабных военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР, в том числе о ночных перебросках частей всех родов войск, сосредоточении двух армейских групп, рекогносцировках в приграничных районах, о сосредоточении вблизи пограничных рек понтонов, брезентовых и надувных лодок, наконец, о запрещении отпусков в германской армии.

Сталин обладал в июне 1941 года достаточно достоверной информацией для принятия действенных мер по отражению гитлеровской агрессии.

О нарастании военной опасности убедительно свидетельствовала тревожная обстановка на советско-германской границе. С 1 января по 10 июня 1941 года на границе с Германией было задержано 2080 нарушителей, разоблачено 183 германских агента, заброшенных на советскую территорию с разведывательными целями.

Постоянными стали нарушения советского воздушного пространства гитлеровской авиацией. Но советской зенитной

артиллерии и истребительной авиации было запрещено сбивать вторгнувшиеся немецкие самолеты-разведчики. Не допускалось открытие даже предупредительного огня по нарушителям. За всем этим стоял патологический страх Сталина «спрогнозировать» немцев, дать им «повод» начать войну.

Предупреждения о готовящемся нападении Гитлера поступали от правительства США и Англии.

Американский дипломат в Берлине Эдисон Вудс, имевший связи в немецких высших кругах, получил в августе 1940 года информацию о приготовлениях в ставках Гитлера к войне против СССР. Позже Вудс узнал о директиве № 21 — плане «Барбаросса», утвержденной Гитлером. Президент США Рузвельт сообщил в Москву о полученных сведениях.

На основании анализа военной обстановки в Европе весной 1941 года Черчилль решил проинформировать Сталина о немецких планах в личном послании. Английский посол в Москве Криппс тщетно пытался вручить его Сталину или Молотову. Лишь через две недели предупреждение Черчилля было передано в Народный комиссариат иностранных дел. Спустя три дня посла уведомили, что послание премьер-министра вручено Сталину.

Предупреждения, поступившие из Вашингтона и Лондона, были расценены Сталиным как очередная дезинформация, как попытка посеять подозрительность в отношениях СССР с Германией.

Советские разведывательные органы свой долг выполнили — руководство имело убедительные данные о надвигающейся опасности. Но пробить стену убежденности Сталина в непогрешимости его собственных суждений оказалось невозможным.

Сохранились весьма выразительные резолюции будущего генералиссимуса на разведывательных донесениях. На сообщении советского военного атташе во Франции о том, что нападение Германии назначено на 22 июня 1941 года, Сталин начертил: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его». На срочном сообщении о назначении немецких начальников военнo-хозяйственных управлений на оккупированной советской территории вождь собственноручно написал — послать источник к е... матери, добавив, что это «не источник», а «дезинформатор».

Венцом неспособности Сталина реально оценить обстановку является донесение Берии Сталину от 21 июня 1941 года, в котором отрицается сосредоточение 170 дивизий Гитлера на советской западной границе. Берия с холуйской угодливостью завершает донесение словами: «Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помнили Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет». Вот такая «мудрость»!

В воспоминаниях Молотова ясно сквозит недоверие и недооценка, которые они со Сталиным питали к разведке. «На разведчиков положиться нельзя, — утверждал Молотов, — их надо слушать, но надо проверять. Разведчики могут толкнуть на такую опасную позицию, что потом не разберешься. Если бы мы пошли за разведкой, дали малейший повод, он (Гитлер) бы раньше напал».

Миф о «внезапности» гитлеровского нападения был политическим маневром Сталина, с помощью которого он хотел снять с себя вину за неподготовленность страны и армии к войне. Не в характере вождя было говорить о своих просчетах и провалах. Ведь тогда нужно было бы признать свою полную некомпетентность в оценке военно-политической обстановки, а главное, признать свою вину за непомерную цену, которую наш народ заплатил за победу, отстаивая свободу и независимость своей страны

У НАС БЫЛ СВОЙ ПЛАН «БАРБАРОССА»

(Рассекреченный «план Жукова»)

О войне написано не все. В настоящее время, когда сняты разного рода ограничения, принуждавшие смотреть на факты только с позиции заданных «судьбоносных решений», в мемуарной и историко-документальной литературе о Второй мировой войне представлено много существенных, не известных ранее широкому кругу читателей да и военных историков подробностей, сведений. Свою лепту в это внес и известный автор Виктор Суворов. Популяризация его «нефантастической повести-документа» в газетах и журналах, выход отдельной книги с космическим по нынешним временам тиражом (более миллиона экземпляров!), а также, прямо скажем, неординарная судьба автора и, главное, — содержащиеся в книге сенсации — породили своеобразный «феномен «Ледокола».

Казалось, отшумели споры о научности или псевдонаучности доводов бывшего капитана ГРУ (он и сам признавал, что не имел доступа к архивным документам той поры). Но вот недавно в архиве президента РФ обнаружен сенсационный документ, который может придать «Ледоколу» второе дыхание.

Документ этот — на пятнадцати страницах. Не машинописных — рукописных. Текст написан убористым каллиграфическим почерком. Но писал не штабной писарь, а высокий чин — генерал-майор, заместитель начальника оперативного отдела Генерального штаба. Кто именно? Тогда данную должность занимал Александр Михайлович Василевский — будущий Маршал Советского Союза. Почему нет машинописного экземпляра? Это поясняет гриф: «Совершенно секретно. Особой важности. Толь-

ко лично», а также приписка в правом верхнем углу: «Экземпляр единственный». Авторы не решились доверить тайну даже сто раз проверенной на благонадежность генштабовской машинистке.

Как и подобает в подобных случаях, есть «Приложение»: подробнейшие карты Польши, Восточной Пруссии и части Германии. На одной из них проставлена дата: «15 мая 1941 г.» (на первое странице — бланке Народного комиссара обороны СССР указаны только месяц и год). Таким образом, можно датировать весь документ с «Приложением» как составленный не позднее указанного числа.

Перед нами план «превентивного удара» по фашистской Германии, который вполне резонно именовать «Планом Жукова». Почему? Ведь первая подпись под документом (кстати, она не проставлена, а, как говорится, «заделана») — «Наркома обороны». Дело в том, что сам нарком обычно старался держаться подальше от «бумажной писанины», «поближе к практике», к войскам и передоверял эту работу Генштабу. Собственно, в функции Г.К. Жукова как раз и входило военное планирование на самом высоком уровне, и «План стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками» — это его труд.

Охарактеризовав общую угрожающую обстановку на Западе (Германия уже развернула вдоль нашей государственной границы 230 пехотных, 22 танковых и 20 моторизованных дивизий). Жуков пишет: «Чтобы предотвратить это (внезапный удар вермахта и войск сателлитов Германии) и разгромить немецкую армию, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать и разгромить (в документе рукой Жукова внесена поправка — слово «разгромить» зачеркнуто, как и предшествующий союз «и») германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»...

Главный упреждающий удар со стороны СССР должны были нанести войска Юго-Западного фронта (то есть бывшего Киевского Особого военного округа) и отчасти войска Западного фронта. Планировалось уже в первой фазе наступательной операции ликвидировать всю приграничную группировку вермахта, изготовившуюся напасть на СССР. Мало это

го. Красная Армия должна была с боями пройти с северо-запада на юго-запад всю Польшу (вообще говоря, Польши в то время государства не существовало еще с осени 1939 года — было «Польское генерал-губернаторство») и выйти к границам Германии. Одновременно решались исключительно важные стратегические задачи: германские войска отрезались от Балкан и, что не менее важно, от жизненно необходимой им румынской нефти. Попавшая в «стальной мешок» Восточная Пруссия — этот традиционно милитаристский бастион третьего рейха — принуждалась к безоговорочной капитуляции.

Замысел Жукова поражал грандиозностью и, как мы сейчас говорим, «нестандартностью мышления».

Однако теперь-то мы знаем, что по плану «Барбаросса» (Barbarossa Fall) наступательная группировка гитлеровской Германии сосредоточена была не на левом нашем фланге (юго-западное направление), а в ЦЕНТРЕ!

Уже после войны выяснился удивительный факт: Жукову, начальнику Генерального штаба, его подчиненный генерал Ф.И. Голиков, возглавлявший тогда ГРУ, не дал возможности ознакомиться с директивой № 21 Гитлера — пресловутым планом «Барбаросса», ибо имел соответствующее указание Хозяина — И.В. Сталина.

Таким образом, наш Юго-Западный фронт, устремившись в направлении Краков—Люблин, тут же подставил бы свой правый фланг бронированной армаде основной группировки под названием «Центр», возглавляемой генерал-фельдмаршалом фон Боком. В то же время оставшиеся части нашего Западного фронта (командующий генерал армии Д.Г. Павлов) не в силах были бы сдержать основной удар гитлеровских войск и открыли бы им дорогу в Прибалтику, а также по оси Минск—Смоленск—Москва.

Еще одна немаловажная деталь: обеспеченность «превентивного удара» ресурсами. Вот только один пример.

По плану от 15 мая, части Красной армии должны были совершить стремительный марш-бросок на сотни (только до границ Восточной Пруссии было 500 км) километров. Однако материально такой марш был практически ничем не подкреплен. Правда, в плане содержится такое примечание: «Запасы горючего, предназначенные для западных военных окру-

гов, эшелонированы в значительном количестве (из-за недостатка емкости на их территориях во внутренних округах)...»

Как понять этот неуявдаемый военный канцелярит? А так: Западному военному округу действительно было отпущено (как и отрапортовал командующий округом) все потребное количество горючего. Но хранилось оно «во внутренних округах» — в Майкопе, на Северном Кавказе, то есть за несколько тысяч километров от «красных стрел» превентивного главного удара Красной армии!

Таким образом, в случае реализации плана от 15 мая мы бы оказались даже в худшем положении, чем 22 июня 1941 года...

Когда еще был жив Георгий Константинович Жуков, его посетил наш известный военный историк В.А. Анфилов. Во время беседы маршал оценил реакцию Сталина на предложенный план следующим образом: «Хорошо, что он не согласился с нами. Иначе при том состоянии войск могла произойти катастрофа».

Вот тебе и на! Оказывается, начальник Генерального штаба даже доволен тем, что Верховный главнокомандующий вооруженными силами страны отбраковал его рожденное в муках детище (специалисты утверждают, что на составление «Плана Жукова» ушло как минимум две недели напряженнейшего труда всего коллектива Генштаба).

На память приходят такие строки (правда, совсем «из другой оперы») из записной книжки Ильи Ильфа: «В Союзе писателей работает комиссия. Члены ее, заполняя опросную анкету, обращаются к одному инженеру человеческих душ: «Так вы эклектик?» «Да...» — понуро отвечает тот. «Так эклектизм — разве это хорошо?» — «Да уж что хорошего...» Записали: «Эклектик. Но к эклектизму относится отрицательно...»

Возникает резонный вопрос: чем руководствовались Г.К. Жуков и нарком обороны С.К. Тимошенко, представляя Сталину план, в который сами не верили?

«ВОЛЧЬЯ ЯМА» ДЛЯ АБВЕРА И СД

(По материалам В. Надбитовой и В. Клевы)

Январь 1943 года. После фашистской оккупации столица Калмыкии — город Элиста, улусные центры, села и хозяйства были разрушены и разграблены.

Отступив под ударами Красной армии на запад, немцы увели с собой и сформированный здесь многочисленный «добро-вольческий калмыцкий полк», а также семьи предателей. Возникновению этой пятой колонны содействовали эмигранты, которые бежали в Гражданскую войну в Европу, а в 1930-х годах перешли со своим лидером Балиновым на службу к Гитлеру. С тех пор они были подмастерьями сотрудника восточного отдела абвера из украинских фольксдойче Отто Вербы (он же — доктор Долль).

В степную республику зондерфюрер абвергруппы-103 Верба-Долль привел также «запорожский легион» и два полка «донских казаков». Первый он создал накануне войны в Польше из западноукраинских националистов, второй сформировал из уголовников Дона. Эти головорезы вместе с предателями из советского и партийного аппарата автономной республики и помогли возвратившейся цаган-яси — так называемой калмыцкой «белой» кости — натравить часть простых калмыков на русских в отместку за жестокость властей в период коллективизации и раскулачивания. Координатором этой ненависти стала газета «Хальмг», она же вербовала всякий сброд в «калмыцкий кавалерийский эскадрон» немецкой армии...

Пребравив тысячи неустойчивых в вооруженных наймитов, Верба-Долль приступил к главной своей миссии — формированию исламского легиона из пленных и дезертиров татар, ка-

захов, узбеков, азербайджанцев и других представителей мусульман. По программе адмирала Канариса, именно через Калмыкию, где не было сплошного фронта, Долль должен был начать массовую засылку агентуры на Кавказ и в Среднюю Азию для подготовки там восстаний националистов, которые заодно должны прикрывать и тайные аэродромы на трассе Берлин — Токио. В дни Сталинградской битвы вражеские диверсанты и резиденты уже эффективно действовали в заволжской степи от Энгельса до Астрахани и Гурьева. Сюда их регулярно забрасывали по ночам из Донецка эскадрильи дальних бомбардировщиков-разведчиков FW-200.

Помимо подрывной работы, банды должны были создать базу для осуществления вермахтом новой акции. Гитлер настойчиво требовал доставить из Токио посла и военную миссию, оказавшихся невольными агентами арестованного там советского разведчика Рихарда Зорге. В ходе судебного процесса над разведчиком был основательно подорван престиж Германии, и Япония дала понять, что выжидает с объявлением войны на Дальнем Востоке. Она требовала от далекого и ставшего явно ненадежным союзника весомых аргументов, подтверждавших его силу и способность контролировать континент.

Чтобы доказать это, Гитлер утвердил план наведения воздушного моста из Таганрога в Маньчжурию под предлогом вывоза в рейх скомпрометировавших себя дипломатов для показательного суда над ними в Берлине. Однако у люфтваффе не было самолетов, способных совершать беспосадочные перелеты протяженностью более семи тысяч километров. Герингу поручалось подчинить абверу полк воздушной разведки, работавший еще до войны над территорией СССР. Стартовой площадкой для акции была выбрана пустынная после Сталинградской битвы калмыцкая степь, которую абвер сумел за короткое время оккупации «заселить» надежными профашистскими бандами, в том числе — законспирированными на случай отхода. Они и должны были создать и охранять тайный аэродром «подскока» с его радиомаяком. Отсюда завращик и курьер должны были вылететь на Балхаш. Там самолет-цистерна остался бы, а лидер направился бы в Китай, в расположение Квантунской армии Японии. Перелеты планировалось осуществлять исключительно в ночное время.

Даже будучи изгнанным за Дон, вермахт не отказался от этого плана. На территории Донецкой области Долль с Балиновым объединили эскадроны смерти в «калмыцкий кавалерийский корпус», который стал карательным. «ККК» поручалось вершить кровавые расправы на Украине, в Румынии, Польше, Югославии. Внутренняя жизнь «ККК» была выведена из-под контроля гестапо, корпусников щедро награждали бронзовыми медалями, преданных обучали в Германии и присваивали офицерские звания, иногда в присутствии Гитлера.

Наиболее ретивых Долль отбирал в специальные группы для внедрения на калмыцком стыке Европы и Азии. Долль решил воспользоваться этой «дикой» зоной в центре российского юга и усиленно создавал там опорную базу для подрывной работы на Кавказе и в Средней Азии. Он добился существенных успехов: его диверсанты наводили бомбардировщики на железную дорогу Кизляр — Астрахань, по которой на фронт шли тысячи составов, доставлялась грозненская нефть. Абвер получал отсюда оперативные сведения даже о ситуации в Заволжье и на Севере Каспия.

Особое внимание опытный разведчик придавал черноземью Прикаспийской низменности. Расположенные на десятки метров ниже уровня моря равнинные пастбища с высоким травостоем были отменным естественным укрытием. Долль здесь бывал, близко знал многих предателей и их родственников. Это под его началом в 1942 году был уничтожен партизанский отряд № 53, возглавляемый председателем Черноземельского райисполкома Сергеем Коломейцевым и военспецом Бучой Боктаевым. Отряд умело блокировал дороги Яшкуль — Адык, Улан-Хол — Утта — Хулхута, взорвал два моста через балку на трассе Яшкуль — Улан-Эрге. Только на территории совхоза «Улан-Хееч» он за несколько суток уничтожил до 200 фашистов, подорвал три грузовика, разрушил телефонную связь, а на аэродроме в Яшкуле сжег пять мессеров.

Против партизан гитлеровцы бросили большую механизированную группу. Долль предложил объявить денежную премию тому, кто укажет место нахождения отряда «Ялта», весьма серьезно усложнившего ситуацию в тылу немецких войск, рвавшихся к Астрахани.

Отряд выдал дезертир из 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии Красной армии Хашаев. До войны он работал замес-

тителем директора МТС этого района. После ранения на Дону лечился в Железноводске, откуда и бежал из армии. Немцы не дошли до Адыка, но местный гелюнг-поп Устаев назначил дезертира старостой. Проверяя его преданность рейху, Долль потребовал расстрелять родственников Хашаева, осуждавших его пособничество фашистам. Староста выполнил приказ Долля и старался всячески выслужиться перед ним: увеличил банду до пятидесяти человек, рьяно вылавливал в степи советских разведчиков и передавал их в гестапо.

Объединившись с начальником полиции и другими главарями банд, Хашаев выследил отряд Коломейцева и вместе с гитлеровцами уничтожил его. Из боя вышел только один человек — директор МТС Грицен Сангинов. Узнав об этом, Хашаев послал полицейских арестовать своего бывшего руководителя и сдать его в гестапо.

Побывав на месте этой операции, Долль понял, что черноземельская степь на нейтральной территории уже подконтрольна ему, и решил делать ставку на таких, как этот добровольный каратель. Хашаева и его банду зачислили в «корпус». Долль готовил легионеров к предстоящей работе в степи ради прикрытия того самого будущего аэродрома, который должен быть именно в тех краях. Для этого фашисты, отступая на запад, угнали с собой практически все местное население: огромная степь стала дикой, в ней абвер оставил только несколько сотен предателей уже в качестве диверсантов в тылу громившей врага 28-й армии.

Но в феврале 1943 года агентура передала Доллю: в республике активно идут восстановительные работы, налаживается хозяйственная деятельность, успешно уничтожаются бандитские группировки. Только в Черноземельском улусе 117 бандитов сложили оружие.

Зондерфюрер понял, что надо действовать энергично. Он засылает сюда отборную группу «корпусников» во главе с Огдоновым. Поговаривали, что этому матерому бандиту немцы присвоили звание майора вермахта, а Геринг наградил его именным парабеллумом. Диверсанты, среди которых находился и Хашаев, убивали активистов республики, разрушали линии связи, заражали общественные колодцы, нападали на чабанов, забирали скот, везде говорили о готовящемся восстании и неизбежном возвращении фашистов.

Анализируя донесения своей разведки, внедренной непосредственно в штаб «ККК», в Северо-Кавказском военном округе и Смерше сначала расценили это как попытку абвера дестабилизировать жизнь еще прифронтового и малонаселенного Прикаспия. Ведь даже в крупный до войны поселок Яшкуль после тяжелых боев на подступах к Астрахани со всей округи собралось всего 50 семей. Огдонов — исключительно находчивый вожак, отменный конник и стрелок, начал собирать новые отряды и создавать базы для приема диверсионных групп из-за линии фронта.

Весной огдоновцы активно проявили себя в разных уголках республики, угоняя скот. Малочисленные гарнизоны НКВД не могли локализовать их даже с помощью авиации и втянулись в изматывающее для себя преследование бандитов. А те, заманив погоню в камыши Маньчских озер, вернулись под Яшкуль. В середине июня они совершили нападение на все посты воздушного наблюдения и оповещения связи по трассе Элиста—Астрахань. Там дежурили девушки-связистки, и все они пали в неравном бою. Уничтожив посты, налетчики вырезали большое количество полевого кабеля.

Через две недели уже на западном Каспии директор Уланхольской рыболовецкой станции Сагдаев, объезжая на моторке бригады, чтобы забрать у них улов, обнаружил резиновую лодку, в которой сидели четыре вооруженных фашиста. Протаранив ее, директор взял немцев в плен. В лодке была обнаружена рация.

Задержанные оказались летчиками. Один из них — кавалер трех железных крестов — был командиром соединения дальних бомбардировщиков-разведчиков. Он и рассказал чекистам, что целью их полета была выброска в Казахстане диверсантов, но перед этим в районе Яшкуля в очередной раз сбросили группе Огдонова кавалерийские седла, боеприпасы, цистерну под авиационный бензин и аэродромное оборудование. Возвращаясь из Казахстана, они летели над морем на небольшой высоте и случайно вышли на корабль, который обстрелял и поджег их самолет, о чем они успели доложить на базу в Румынию. По программе спасения предстояло добраться до берега, соединиться с Огдоновым и дожидаться транспортного самолета, который должен был прибыть в ближайшие дни...

Офицер также рассказал, что абвер давно работает по программе вбивания «клина» между Россией и ее союзными азиатскими республиками. С этой целью его самолеты вывозят в советский тыл по трассе «Великого шелкового пути» диверсантов из туркестанского легиона. Как и в Калмыкии, они выявляют посты воздушного наблюдения и оповещения, уничтожают их, готовят площадки для приема... тяжелых бомбардировщиков FW-200, способных преодолевать без посадки 3520 км. Эти самолеты с помощью тайных аэродромов-заправок и радиомаяков должны будут долететь до Маньчжурии и установить стабильное воздушное сообщение с Токио. После этого чекистам стало понятным и вторжение в ночное небо Калмыкии бомбардировщика Ju-52. Его засекли посты наблюдения, и на обратном пути он был сбит патрулировавшими летчиками эскадрильи Героя Советского Союза Бориса Ковзана. В тот же день под Яшкулем заработала неизвестная радиостанция. Смерш расценил это вторжение как обычную поддержку Доллем активизировавшейся банды. Ведь ее основные силы уже насчитывали около 250 человек и таились в труднодоступных песках возле Нарын-Худука. Против Огдонова и ему подобных были выставлены гарнизоны НКВД, численность которых не превышала 300 человек. Естественно, вооружены они были слабо: по два станковых пулемета, четыре 50-миллиметровых миномета, автоматы, винтовки да трофейное оружие. Окружающую их степь, не в пример диверсантам-карателям, знали только по карте...

Вторжение Ju-52 в степь и отсутствие там каких-либо признаков бомбардировки навели контрразведку на мысль организовать воздушное патрулирование над безлюдными прикаспийскими песками. Это задание было поручено лучшим пилотам, среди которых были Герои Советского Союза Емельяненко и Ковзан. На рассвете 13 августа по наводке постов наблюдения истребители вылетели из Сталинграда в район Утты (70 км на восток от Яшкуля), где увидели на земле тяжелый Ju-290, прорвавшийся сюда ночью со стороны Азовского моря. Кое-как замаскированный самолет расстреляли, диверсантов и конников разметали огнем по степи... Оперативная группа Смерша основательно потрепала остатки банды и десанта. Двое — капитан фон Шеллер и его радист унтер-офицер, бро-

шенные убежавшими от огня истребителей огдоновцами — сдались. Они рассказали, что доставили сюда два десятка калмыков-карателей, которые должны были подобрать и обустроить площадку, способную принимать и отправлять тяжелые FW-200, необходимое оборудование. Наличие пишущей машинки с русским шрифтом, советских печатей, штампов, бланков удостоверений и продуктов объяснили тем, что Огдонов должен организовать выступления якобы имеющегося подполья.

Узнав о готовности Шеллера и его радиста ради сохранения им жизни работать под диктовку Смерша, в Москве решили начать «лисью игру» с абвером. Из Утты в Берлин пошло донесение о том, что группа прибыла благополучно, нашла давно пересохшее озеро, которое могло служить незаметной взлетно-посадочной полосой. Было также подтверждено, что банда надежно контролирует окрестную территорию. Сообщили также, что Ju-290 вылетел на базу в Румынию минувшей ночью... Фон Шеллера поблагодарили за проведенную работу и сообщили, что FW-200 прибудет уже под утро 20 августа...

«Все развивалось настолько стремительно, что мы не были готовы достойно встретить его, — писал из поселка Заречный Алма-Атинской области старший лейтенант Павел Боровков на запрос журналистов А. Надбитовой и А. Клевы, переданный ему через КГБ СССР. — Чтобы операция оставалась в секрете, ее решили провести силами яшкульского гарнизона, а мы в это время были далеко, да и по-прежнему имели лишь легкое оружие. Пришлось форсированным маршем идти к окаменелому такыру, на который через сутки должен приземлиться четырехмоторный гигант. Немецкий капитан назвал ширину колес «фоккера», и мы аккуратно выкопали глубокие узкие рвы, замаскировали их. Командир операции лейтенант Васильков расписал взводам их места, все запаслись связками гранат, вырыли ячейки вокруг обозначенной полосы. Нас предупредили об обилии мощных эрликонов и пулеметов в брюхе бомбардировщика. К ночи «наши» немцы передали шифровку: все готово, ждем, координаты... В 4.00 с борта фашистского самолета поступил условный сигнал о том, что он на подходе.

Вскоре на западе появился самолет. Для него разложили опознавательные знаки на месте посадки. Самолет сделал круг, и что-то из него вывалилось. Я думал, он обнаружил нас и бросил бомбу. Но груз упал в бурьян и не рвется, за ним еще два груза. Как потом узнали, для облегчения посадки пилоты сбросили контейнеры с оружием и бочку рома... «Фоккер» не докатил до первой волчьей ямы метров десять и затормозил... В левой группе у кого-то сдали нервы — и оттуда полетела связка гранат под стабилизатор. Услышав взрыв, в самолете захлопнули люк, и он покатил по полю. Еще момент — и влетает по брюхо в ямы. Летчик дал полный газ. Поднялась неимоверная пыль. Ничего не видно и не слышно, четыре мотора заглушают нашу перестрелку с десантом из самолета. Еще немного — и тот вспыхнул от бронезажигательных пуль... Прекратили обстрел, побежали тушить его песком, сбили пламя с левого крыла... В фюзеляже находим девять убитых... Из бронированной кабины еще отстреливается летчик. Уничтожили его, штурман и радист застрелились сами... Но, видимо, успели передать сигнал, поскольку, когда после боя мы вышли на связь, нам ответили по-русски: х... вам, два самолета съели, хватит!

В салоне были румынские седла, продовольствие, ящик с большим количеством советских денег...»

Весть о том, что под Яшкулем уничтожены два фашистских самолета с грузами для Огдонова, что впредь ему не получить поддержку из-за линии фронта, деморализовала банду: ее ряды стали редеть, некоторые бандиты убежали, вступали в переговоры с гарнизонами и возвращались в села... На Ставрополье убежал от своего главаря и Хашаев... Скоро с Огдоновым остались лишь шестеро конников с запасными лошадьми. На них началась крупномасштабная охота. Огдонов, хорошо знавший степь, совершал прохладными ночами переходы протяженностью 70 километров. Днем его обнаруживали с воздуха, направляли за ним кавалеристов, но по жаре и безводью они не могли настичь его. Поэтому он еще долго водил за собой гарнизоны от Маньча под Сталинград, от Астрахани до Элисты.

Все это длилось до тех пор, пока НКВД не решился вооружить чабанов и внедрить в их среду чекистов. Однажды ночью

под станицей Ремонтное Огдонов попросился к пастухам передохнуть. Его узнали и попытались захватить. Тяжело раненый, он нашел силы выбежать в ночь, на ходу разобрал на детали и разбросал свой именной парабеллум. Но взобраться на коня не успел: настигли пули...

По мнению ветеранов МГБ, свои просчеты в организации столь затяжной борьбы с бандитами Долля руководство НКВД той поры преподнесло правительству страны как борьбу с серьезным противостоянием калмыцкого народа, якобы готовившегося к восстанию. Этим и были спровоцированы в декабре 1943 года упразднение автономной республики и депортация калмыков в Сибирь...

СКАНДАЛ ВОКРУГ «СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ» *

Ровно шестьдесят лет назад началась Отечественная война, названная Великой и потому, что принесла советскому народу великие муки, и потому, что выявила ее великое мужество. Два символа, словно две вежи, отмечают ее начало и ее конец. В первые же дни войны прозвучала песня «Священная война». Она выразила дух народа, поднявшегося на защиту своей родины. И как бы завершением войны стало водружение над рейхстагом знамени — символа того, что народ победил.

УЧИТЕЛЬ ИЗ РЫБИНСКА

Официальная история песни такова. 24 июня «Известия» и «Красная звезда» опубликовали стихи В.И. Лебедева-Кумача «Священная война». На следующий день их прочитал Александр Васильевич Александров, руководитель Краснознаменного ансамбля песни и пляски РККА. Они так потрясли композитора, что он тут же написал к ним музыку.

Удивительно, как быстро была сочинена эта великая песня! Видно, такова сила вдохновения, концентрирующая человеческие возможности. Так Руже де Лиль, «гений одной ночи», за несколько часов сочинил слова и музыку «Марсельезы». Но вот писатель Виктор Суворов, убежденный, что Сталин планировал сам в июле начать войну против Гитлера, в одной из своих книг пишет, что некоторые представители творческой интеллигенции еще зимой получили задание сочинить нечто такое, что во-

* По материалам М. Сторожева.

одушевляло бы советский народ на подвиги в скорой войне. В апреле Главное политическое управление рассмотрело некоторые плоды их творчества, и была среди них якобы и «Священная война». Так что вроде бы «гениев одного дня» не получается, песня была готова двумя месяцами раньше.

Но как бы то ни было, 27 июня на Белорусском вокзале перед уходящими на фронт солдатами ансамбль в первый раз спел «Священную войну». Могучая мелодия, исполненные силы слова потрясли сразу, после первого куплета все, как по команде, встали. Песню пришлось исполнить целых пять раз подряд!

Однако нужно с горечью признать, что происхождение одной из самых дорогих реликвий нашей истории небезупречно. Только в 1991 году стало возможным открыто сообщить то, о чем поговаривали уже давно, — имя настоящего автора слов песни. В журнале «Столица» № 6 появилась статья журналиста А. Мальгина, в которой рассказывалось об учителе А.А. Боде, который написал «Священную войну» еще в 1916 году.

Род де Боде прославился своими военными подвигами. В конце XVIII века барон Карл де Боде приехал в Россию. С этого времени российская ветвь протестантских баронов, отказавшись от военной карьеры, посвятила себя труду исключительно мирному.

Александр де Боде, будущий автор песни, родился 22 марта 1865 года в городе Клинцы Черниговской губернии. После окончания в 1891 году филологического факультета Московского университета Александр стал преподавать древние языки в Лифляндии, в гимназии города Арнсбурга. Женился на дочери коллежского советника Надежде Ивановне Жихаревой, приняв перед этим, по настоянию родителей невесты, православную веру.

О том, что молодой преподаватель древних языков довольно успешно справлялся со своими обязанностями, свидетельствует тот факт, что уже в мае 1895 года Александр Боде (частичку «де» он, должно быть, потерял при крещении в православие) получил чин титулярного советника, а через 20 лет стал коллежским советником, что согласно Петровскому установлению о рангах соответствует воинскому званию полковника. Не обделен был преподаватель и наградами: орден Св. Станислава 3-й и 2-й степени, Св. Анны 3-й степени.

В 1906 году А. Боду был переведен учителем русской словесности в Рыбинск, где и встретил начало мировой войны. Эшелоны уходили на фронт под звуки «Боже, царя храни» и «Прощания славянки», а прибывали оттуда с ранеными уже без оркестров. Александр Боду, «русский гугенот», радовался победам русского оружия и тяжело переживал поражения. Именно тогда и родились удивительные строки, которые спустя 25 лет стали словами знаменитой песни. Вот ее первоначальный текст:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С германской силой темною,
С тевтонскою ордой.*

*Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.*

*Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За русский край родной.*

*Не смеют крылья черные
Над родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!*

*Гнилой тевтонской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб.*

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С германской силой темною,
С тевтонскою ордой.*

Но тогда песня так и не была востребована. Возможно, свою роль сыграло то, что жил автор в захолустье, а может, к тому времени в стране уже возобладали антивоенные настроения.

Вот как его дочь Зинаида вспоминает о последних годах жизни Александра Адольфовича, которые он провел в поселке Кратово под Москвой: «Отец стал говорить о неизбежности войны с Германией: «Чувствую я себя уже слабым, а вот моя песня «Священная война» может еще пригодиться». Считая поэта-песенника В.И. Лебедева-Кумача большим патриотом, отец решил послать ему свою «Священную войну». Письмо со словами и мотивом песни было отправлено в конце 1937 г., но ответа не было. В январе 1939 г. отец умер...»

Выходит, поэт-песенник послание от Бode получил. И когда пришел час, выбросил из песни куплет «Пойдем ломить всей силою...», заменив его другим: «дадим отпор душителям всех пламенных идей» (как же без идей-то!), исправил «тевтонской» на «фашистской», «германскою» на «проклятою». И подписал: «Вас. Лебедев-Кумач». Надо сказать, что грешок этот за ним не единственный. Его еще обвиняли в том, что присвоил слова популярного довоенного фокстрота «Маша», записанные жительницей Ялты Ф.М. Квятковской, говорили, что стихи, удивительно похожие на «Москву майскую» («Утро красит нежным светом...»), были опубликованы в журнале «Огонек» еще до революции.

Но как подумаешь, что мог ведь Василий Иванович написать какой-нибудь свой текст, и тогда это могучее «Пусть ярость благородная вскипает, как волна...» мы никогда бы не узнали и никогда не спели, то даже хочется сказать ему спасибо...

БЫЛ ЕЩЕ И БЕРЕСТ...

В Знаменном зале Центрального музея Вооруженных Сил находится самая дорогая реликвия Великой Отечественной войны — Знамя Победы. По официальной версии, его вечером 30 апреля 1945 года водрузили над рейхстагом Егоров и Кантария.

Накануне штурма рейхстага военный совет 3-й Ударной армии утвердил девять специальных знамен, которые были изготовлены по стандарту Государственного флага СССР. Одно из них, знамя за № 5, было передано в 756-й полк 150-й стрел-

ковой дивизии. А там в 1-м батальоне и служили сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария. Потом эти два имени узнала вся страна. Однако был еще один человек, имя которого по праву должно было стоять рядом с их именами. Это лейтенант Алексей Прокофьевич Берест, заместитель командира по политчасти 1-го стрелкового батальона 756-го стрелкового полка.

Вот что он писал в своем письме в редакцию «Комсомольской правды» в начале 1960-х (письмо тогда не было опубликовано): «Передо мной командованием была поставлена задача возглавить и обеспечить водружение Знамени Победы. В стремительном броске мы ворвались в открывшийся проход центрального входа здания, двери которого были подорваны гранатой. В это время при моем участии знаменосцами товарищами Кантария и Егоровым было закреплено армейское знамя № 5 на одной из колонн центрального входа в рейхстаг в 14.30 дня 30 апреля».

Понимая, что знамя, закрепленное на одной из колонн, совсем не то, что знамя, режущее над рейхстагом, Берест около 22 часов вечера того же дня приказывает командиру отделения Щербине отобрать десяток бойцов для переноса знамени на фронтон.

«Товарищи Кантария и Егоров открепили знамя от колонны, и при поддержке огнем мы стали подниматься по винтовой лестнице. Вследствие артиллерийских обстрелов оказалось, что лестница в отдельных местах была разрушена, препятствие нам удалось миновать путем образования живой лестницы: становился я, на меня — товарищ Кантария, а на нас — товарищ Егоров. И в 22.50 наше советское Знамя Победы заколыхалось на фронте рейхстага».

(Всем известны кадры кинохроники, запечатлевшие взбегающих по ступеням рейхстага солдат, двое из которых затем водружают знамя на фронте здания. Но немногие знают, что эти кадры постановочные, и были они сняты фронтовым оператором не 30 апреля, а 2 мая, когда все бои практически уже отремели.

Нужно сказать, что подобное случается не так уж редко.

У американцев тоже есть свое Знамя Победы, тоже самое главное, оно было водружено на вершине горы на одном из ти-

хоккеанских островов. Фотография, на которой развевается знамя и стоят те, которые водрузили его, облетела весь мир, сделала солдат национальными героями, а фронтового фотографа миллионером. Потом один из солдат, квакер, покончил жизнь самоубийством, другой, индеец из племени крик, спился. И уже годы спустя выяснилось, что на самом деле весь расчет, который действительно установил знамя, был срезан японской автоматной очередью, но фотограф, не успевший сделать снимок, не растерялся, поставил возле знамени других солдат и сфотографировал их.)

Знамя уже реяло над рейхстагом, но бои в здании продолжались. Около 4 часов утра немцы, выбросив белый флаг, согласились на переговоры, но с офицером не ниже полковника. Тогда в рейхстаге самым старшим по званию был комбат капитан Степан Неустроев. Он принял решение отправить на переговоры лейтенанта Береста — парня крепкого телосложения, настоящего «русского Ивана». Сам же, будучи человеком невысоким и сухощавым, пошел с ним как адъютант. Чтобы скрыть знаки различия, надели телогрейки. Неустроев потом писал в своих воспоминаниях, что Берест предложил немецкому полковнику сложить оружие в обмен на гарантию жизни, но тот огрызнулся, дескать, пусть русские сами сдаются, их, немцев, гораздо больше. Тогда Берест напомнил, что эта беседа происходит не в Москве, а в Берлине, и они не затем пришли в Берлин, чтобы сдаваться. Когда парламентареры вышли в вестибюль, эсэсовец, сопровождавший их, выстрелил в спину Неустроеву, но промахнулся. Тот, резко развернувшись, разрядил в него свой пистолет, и тотчас же началась стрельба. Завязалась рукопашная, Берест уничтожил двух «фрицев», получил несколько ранений, но остался в строю.

В мае 1946-го был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза офицерскому и сержантскому составу Вооруженных Сил СССР, водрузивших Знамя Победы над рейхстагом». Звание получили пятеро: капитаны Степан Неустроев и Василий Давыдов, старший лейтенант Константин Самсонов, сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария. Береста в этом списке не оказалось.

После войны Берест уехал к себе на родину, в деревню Горяйстеевку Сумской области, там заболел тифом. Его вывезли в госпиталь в Ростове-на-Дону, где он влюбился в медсестру Людмилу, и они поженились. После демобилизации семья вернулась на родину Людмилы, и Берест стал работать в Неклиновском районе начальником отдела кинофикации.

Все это время он писал к высшему военному руководству, просил, требовал восстановить справедливость. Напористость бывшего фронтовика не понравилась. Да и как могло такое понравиться? Установлено, можно сказать, в меди отлито: сержант и младший сержант, русский и грузин, два представителя двух великих народов водружают знамя, ставят точку в войне, все выверено, с эстетикой и с идеологией полный ажур, в общем, Берест «портил композицию».

В феврале 1953 года Берест был арестован. Но, поскольку предъявить какие-либо обвинения было трудно, Береста спротоцировали. Следователь сказал: «Надо еще разобраться, где ты был во время войны, может, за чужими спинами отсиживался!», и фронтовик не сдержался. Схватив обидчика вместе с креслом, он выкинул его со второго этажа. Итог — статья за хулиганство. Только через два с половиной года вернулся Берест домой, стал работать на «Ростсельмаше».

3 сентября 1970 года, в 49 лет, Алексей Прокофьевич Берест погиб, спасая ребенка из-под колес поезда. Его имя все еще оставалось под запретом. Только в киноэпопее «Освобождение» он впервые появился на экране — роль молодого лейтенанта сыграл Эдуард Изотов, внешне удивительно похожий на героя, штурмовавшего рейхстаг.

И тогда же Неустроев узнал от одного крупного военачальника, почему в списке награжденных не было Береста. Оказалось, что так решил маршал Жуков, который недолюбливал политработников.

РАЗНИЦА ВСЕ ЖЕ ЕСТЬ

Так ли все это важно? Ведь, слава богу, песня и поныне высекает слезы. И чувство той великой гордости, которое охватило весь советский народ, когда над рейхстагом взметнулось наше знамя, живо и сейчас. Не все ли равно — Боде или Ку-

«ач, двое их было или трое? Для справедливости слов «не все ли равно» не существует. И потому в длинном списке тех, благодаря которым мы выстояли в великой страшной войне, должны быть и они — «русский француз» Александр Боде, и «русский украинец» Алексей Берест.

РУССКАЯ НЕВЕСТА ГЕРМАНА ГЕРИНГА

(По материалам Д. Баранца, «Комсомольская правда»)

В конце апреля 1990 года российское правительство под личным контролем Михаила Горбачева создало специальную межведомственную комиссию по расследованию советско-германского сотрудничества в период с 1922 по 1940 год. Тогда, в обход версальских соглашений, на нашей земле строились совместные с вермахтом заводы, химические лаборатории, аэродромы, танковые и авиационные школы. Немецкие офицеры обучались в наших военных учебных заведениях. Неожиданный интерес современников к событиям 70-летней давности был вызван тем, что, по данным ПГУ (Первого Главного управления) КГБ, на счетах некоторых швейцарских банков находились предназначенные СССР более 85 миллионов рейхмарок (часть — золотыми монетами), переведенных в 1938 году Германией. Эти деньги проходили как оплата фашистской Германией части своих военно-промышленных долгов нашей стране. Незадолго до Великой Отечественной войны Швейцария, согласно международным банковским законам, «заморозила» официальные счета воюющих государств. Немецкие миллионы так и оставались невостребованными Россией до 1990-х годов.

Для подробного расследования этого дела вновь созданная межведомственная комиссия, куда входили сотрудники Госбанка СССР, МИДа, Минюста и целая группа историков из Института военной истории, была допущена в архивы КГБ к «совершенно секретным» материалам о пребывании немецкой летной школы «Виф-Упаст» в Липецке с 1924 по 1933 год. Это секретное дело с пометкой «хранить вечно» было полностью закрыто

особистами лишь в 1958 году. ПГУ КГБ, осуществлявшее надзор за работой комиссии над «Делом немецких летчиков», согласилось выдать только самые необходимые материалы. Остальные листы из дела № р-2176, среди которых — агентурные донесения, данные разведки, итоги оперативных мероприятий НКВД и изъятые вещдоки, остались недоступными.

Один из членов этой межведомственной комиссии обратился в редакцию «Комсомольской правды», когда закончился его восьмилетний срок по подписке «секретного умолчания». Бывший военный рассказал о неизвестных до сих пор фактах пребывания немецких летчиков в довоенном Липецке. В то время этот специалист работал в архиве бывшего КГБ на Лубянке с документами, касавшимися технического обеспечения летной школы «Виф-Упаст. Среди секретных материалов он обнаружил листок бумаги с записями на немецком языке. Даже постороннему, по его словам, стало бы ясно, что тетрадный лист попал в техническую документацию по чистой случайности. Единственное, что он смог перевести на русский в своей «находке», это имя получателя письма: Герман Геринг. Письмо Герингу было написано Надеждой Горячевой из Липецка 2 ноября 1926 года...

В 1924 году руководство РККА неожиданно закрыло только что организованную Высшую школу красвоенлетов в Липецке. На ее базе на правах концессии была создана авиационная школа летчиков рейхсфера «Виф-Упаст», замаскированная под 4-ю эскадрилью авиационной части Красного Воздушного флота (иногда в документах — 4-й авиаотряд товарища Томсона). Сначала в школу прибыло 58 немецких самолетов «Фокер-Д13», однако советская сторона настояла на поставке в школу самых современных машин «Альбатрос». Уже через несколько месяцев в школу прибыли первые «ученики».

Под аэродром была выделена площадка дореволюционного ипподрома, а немцев расселили в здании бывшей конторы винного завода. Будущие немецкие асы приезжали на обучение по чужим паспортам как командированные гражданские специалисты от частных фирм. Все оборудование, продукты, обслугу завозили из Германии. За восемь лет в летной школе прошли обучение около 180 немецких летчиков.

В начале 1930-х годов в учебном расписании значились и нововведения: полеты на высоте 5—6 тысяч метров, бомбометание с истребителя и стрельба из пулеметов по буксируемым мишеням. В своей книге «Они ковали победу» герой войны Виктор Анисимов приводит любопытный случай: однажды в учебном бою, «незадолго до войны», он столкнулся с известным среди немцев асом Первой мировой войны летчиком по имени Герман (фамилия не указана). Как следует из книги, после продолжительного боя Анисимов прижал самолет Германа к земле, и тот совершил вынужденную посадку. Признав факт поражения, немецкий летчик подарил Анисимову свои золотые часы. На обратной стороне подарка была дарственная надпись: «Лучшему летчику Германии от Вильгельма Второго». Во время Первой мировой войны у немцев было всего 17 лучших асов, среди них с именем Герман — только Геринг.

Сейчас в Липецке остался только один свидетель пребывания немецкого авиаотряда — Яков Петрович Водопьянов, служивший в школе «Виф-Упаст» техником-испытателем самолетных двигателей.

«О том, что среди немцев, учившихся у нас летному делу, был Герман Геринг, начали поговаривать еще до начала войны, — говорит Яков Водопьянов. — Я сам тогда не раз слышал от друзей постарше, что те даже видели Геринга». Немецкие летчики быстро обживались, некоторые селились в частных домах, нанимали деревенскую прислугу. Большинство вполне сносно научилось говорить по-русски.

Немцы все чаще стали разгуливать по рынку или охотиться близ деревенских окраин. «Их можно было легко опознать по клетчатым гольфам и душистым сигарам, — вспоминает Водопьянов. — С некоторыми частенько выпивали. У них свой медведь был, и тот наше вино обожал. Ходили они и в деревню на танцы. Помнится даже, как играли они первую свадьбу — весь город собрался. Молодой летчик Карл Булингер женился на учительнице из Воронежа Асе Писаревой».

Приезжая из краткосрочных отпусков, немцы баловали деревенских девушек шоколадом и разными заграничными безделушками. Потому и пошли по Липецку острые шутки про обманутых «шоколадниц» — невестребованных немецких невест.

Была своя зазноба и у немца Геринга. Дочь станционного смотрителя Надя Горячева жила на городской окраине в районе Нижинки. Единственное, что помнят про Горячеву, так это ее гордость и красоту. Когда познакомилась с немцем, стала нелюдимой, только с ним и видели. Сегодняшние родственники покойной «бабы Нади» живут неподалеку от бывшей авиашколы (сейчас там расположен военный городок). Разговаривать с журналистами «о родственнице и немцах» наотрез отказались. Соседка их, Анна Ваганова, рассказала, что не один раз видела в соседней квартире среди семейных реликвий скатерти с изображением фашистской свастики.

Зимой 1926 года, после приезда в школу «высокой» немецкой комиссии, уехал на каникулы в Германию и Геринг, судя по всему, пообещав Надежде вернуться позже и забрать ее из России. К тому времени у будущего рейхсмаршала Германии уже была законная жена Эмми. Слов своих будущий фашистский деятель не сдержал, но любовные письма писал до начала войны. Надежда, обучившись по школьным учебникам немецкому языку, тоже писала письма в Германию с признаниями, что «ждет Геру и готова пронести в сердце любовь к нему через всю жизнь» (пер. с немецкого). О серьезных намерениях влюбленных говорит и тот факт, что в этом же письме Надя писала Герингу: «...дорогой Герман, как твоя нога (во время одной из прогулок Геринг упал с лошади и повредил ногу, о чем написал в Россию)? Я очень переживаю, что болезнь помешает твоему возвращению в Липецк».

Тогда ей было неизвестно, что часть писем оседала в архивах НКВД, так и не дойдя до Германии.

С августа 1933 года Липецкий отдел НКВД начал разрабатывать секретную операцию под кодовым названием «Летчик». Чекисты пытались выявить шпионов, завербованных немцами. До начала войны в застенках оказалось больше 65 «врагов народа», замеченных в связях с летчиками «Виф-Упасть».

В начале войны, однажды ранним летним утром, Надежда Горячева исчезла из города, а вернулась в родной дом только в 1946 году умалишенной 38-летней женщиной, так и оставшейся в воспоминаниях земляков легендой. Надежда осталась жива только благодаря своему знакомству с человеком номер 2 в нацистской Германии. Именно через нее, по одной из вер-

сий, советское командование пыталось выйти на переговоры с главарями рейха.

В этой истории еще много белых пятен, прояснить которые до конца смогут только засекреченные с тех времен документы. На главный для историков вопрос, почему на город Липецк, находившийся на направлении главного удара германской армии, упали всего две шальные бомбы, а находящийся в 20 минутах полета Воронеж фашисты стерли с лица земли? Может, оттого, что Гера помнил о городе своей молодости и Надюше Горячевой?

АЭРОСТАТЫ ЗАГРАЖДЕНИЯ В НЕБЕ СТОЛИЦЫ СБИВАЛИ И НАШИХ ЛЕТЧИКОВ

(Рассказывает Александр Бернштейн, ветеран воздухоплавания и Великой Отечественной войны)

Этот очерк основан на рассекреченных недавно архивных документах Министерства обороны, беседах автора с офицерами, сержантами и рядовыми воинами, ныне ветеранами частей АЗ (аэростатов заграждения) ПВО Москвы.

Советское правительство еще до войны рядом своих решений укрепляло противовоздушную оборону западных и юго-западных границ страны и особенно выделяло защиту Москвы, Ленинграда, Баку, Киева, Минска, Одессы, Риги и других, в основном приграничных, а также столицы наших республик. Для обороны столицы с воздуха был сформирован 1-й корпус ПВО, командиром которого всю войну был генерал-майор артиллерии (впоследствии генерал-полковник) Д.А. Журавлев.

В состав корпуса на 22 июня 41 года входили пять зенитных артполков — всего 576 орудий, 1 зенитно-пулеметный полк — всего 324 ствола, 1-й и 9-й полки аэростатов заграждения (АЗ), 2 зенитно-прожекторных полка — всего 318 прожекторов, 2 полка ВНОС — 580 постов наблюдения, 9 радиолокационных станций разведки самолетных целей РУС-1 (и РУС-2, что было тогда редкостью) и другие части (связь и т. д.).

1-му корпусу ПВО был оперативно подчинен 6-й истребительный авиационный корпус (командир полковник И.Д. Климов), который состоял из 11 авиационных полков — всего 387 самолетов-истребителей.

Силы были немалые, но это по штату, а фактически меньше. Боевая тактика ПВО по защите Москвы была разработана еще до войны. Истребительные авиаполки должны были базироваться в радиусе 120 км от центра Москвы. Их задачей были встреча и уничтожение в воздухе самолетов противника на рубеже 150—200 км от столицы. Пояс огня зенитной артиллерии на уничтожение самолетов противника планировался в радиусе 30—35 км от центра города. В этом же поясе действовали световые поля прожекторов. На аэростаты заграждения возлагалась защита центральной части Москвы в радиусе около 8 км, а также подступов к ней с западной, юго-западной, северо-западной сторон и прикрытие ближайших стратегических узлов.

1-й и 9-й полки аэростатов заграждения были сформированы в Кунцево на базе отдельных отрядов АЗ, вооруженных уже с 1934—1936 годов. Кадры в эти полки поступали из опытно-испытательного воздухоплавательного дивизиона, а также с офицерских курсов ПВО. Первым полком АЗ командовал подполковник П.И. Иванов, его заместитель подполковник Худинский, начальник штаба майор К.И. Зилле, инженер полка капитан В.М. Немцев. Девятым полком командовал майор Э.К. Бирнбаум, его заместитель батальонный комиссар Д.А. Захватаев, начальник штаба майор Остроумов.

Каждый полк должен был иметь по штату 216 постов АЗ. Для прикрытия Москвы планировалось поднимать 432 аэростата на дистанции 800—1000 м друг от друга. В тот период площадь центральной части столицы была около 200 кв. км, а по границам города — около 330 кв. км. Следовательно, штатной численности было вполне достаточно, чтобы создать 100%-ную вероятность столкновения самолета с тросом при его полете ниже потолка поднятия аэростатов по курсу через центр столицы с любого направления.

Одиночные аэростаты заграждения предвоенного выпуска имели высоту подъема 2,5—3,0 км, а в системе «тандем» —

4—5 км. Применялись аэростаты типа КВ-КН, КТВ-КТН, К6 В-К6Н с наземными лебедками ЛЗ6 на шасси ГАЗ-АА. К концу войны, кроме перечисленных, на вооружении были одиночные АЗ КО-1 и БАЗ-136, последний тип применялся и в тандеме.

Однако, несмотря на принимаемые правительством меры, промышленность не успевала обеспечить войска ПВО всей необходимой техникой до штатного расписания. Так было с зенитной артиллерией, самолетами и аэростатами. По состоянию на 22 июня 1941 года, полки АЗ 1-го корпуса ПВО были обеспечены аэростатами, лебедками и другой техникой не более чем на 40%. Что касается личного состава, то он был, как обычно, по штату мирного времени, то есть примерно 25% от необходимого в случае войны.

Нужно сказать, что структура полка АЗ была сложной и перегруженной. Полк имел два дивизиона и 108 постов в каждом. Дивизион состоял из четырех отрядов по 27 постов, отряд — из трех звеньев по 9 постов АЗ в каждом. На посту АЗ несли службу 12 человек: командир — старший сержант, моторист-сержант и 10 красноармейцев-воздухоплателей. Таким образом, командир звена АЗ, командуя девятью постами и не имея заместителей и техники, был единственным средним командиром на 108 военнослужащих. В то же время в стрелковой роте на 120 человек было 6 средних командиров. При этом полк АЗ был разбросан по территории 180—200 кв. км и поэтому был трудноуправляемым. Сейчас по прошествии времени хорошо видны эти и другие просчеты и ошибки. Но в те годы рассуждать, а тем более критиковать не приходилось, да и само понимание проблемы приходит с опытом.

Войну ждали. Зарево ее пожаров уже польхало на большей части Европы. В светлую воскресную ночь с 21 на 22 июня 1941 года улицы Москвы были полны гуляющих. Школьники и студенты отмечали окончание школы и института. Утром люди уточняли планы выходного дня, а война уже разгоралась по всей западной и юго-западной границе нашей страны. Предупреждения об опасности поступали давно, но руководство страны им не вняло!

Во втором часу ночи 22 июня военные советы округов получили секретную шифровку:

«1. В течение 22—23 июня возможно нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибВО, ЗапВО, КоВО, ОдВО. Нападение может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск — не поддаваться на провокации, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности и встретить возможный удар немцев или их союзников.

ПРИКАЗЫВАЮ:

- а) В течение ночи на 22.06.41 года скрытно занять огневые точки укрепрайонов на гос. границе,*
- б) перед рассветом рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе войсковую, тщательно ее замаскировать,*
- в) все части привести в боевую готовность, рассредоточить и замаскировать,*
- г) ПВО привести в боевую готовность без призыва приписного состава. Подготовить мероприятия по затемнению городов и объектов,*
- д) никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.*

*Нарком обороны Тимошенко
Начальник Генштаба Жуков».*

Вот такое распоряжение и подписи наших кумиров... А тем временем немцы уже нанесли мощный удар по 26 аэродромам от Прибалтики до Черного моря. Было уничтожено около 1200 наших боевых самолетов, практически половина того, что мы имели. Немцы уже бомбили Киев, Вильнюс и другие города.

Только в 12 часов дня правительство объявило о войне и мобилизации. В 4 часа 20 минут 22 июня командир 1-го корпуса ПВО генерал-майор артиллерии Д.А. Журавлев отдал приказ всем подчиненным частям прибыть из лагерей и встать на боевые позиции, принять приписной состав (мобилизованных) и объявить боевую готовность к уничтожению вражеских самолетов в воздухе.

На московском направлении вермахт сосредоточил группировку войск под кодовым названием «Центр» в составе 50 на-

земных дивизий, действовавших под прикрытием 2-го воздушного флота люфтваффе, имевшего 1680 боевых самолетов.

Бесноватый фюрер, как мы тогда называли Гитлера, требовал не только захвата Москвы. В его приказе от 8 июля 1941 года предписывалось: «Массированными налетами разрушить Москву. Сравнять ее с землей, уничтожить. Нанести удар по центру большевизма и воспрепятствовать эвакуации населения, правительства и промышленности».

В первые же дни войны началось развертывание обоих полков АЗ. Нужно было рассредоточить посты по городу, развести туда лебедки, свернутые аэростаты и другую технику, отрыть землянки для личного состава, оборудовать аэростатные биваки, места стоянок лебедек, подъемные площадки, раздать оружие (винтовки) прибывшему из запаса пополнению, проложить полевую телефонную кабельную линию связи от каждого поста до непосредственного командира, и самое главное — наполнить водородом аэростаты и обеспечить их подъем в воздух по приказу. Однако зачастую в части прибывали не приписанные к ним и совершенно необученные офицеры и рядовые. Пришлось срочно учить их обращению с водородом, аэростатом и лебедкой прямо на боевых позициях.

Через несколько суток в ночное небо Москвы поднималось лишь 40 аэростатов с 68 постов АЗ. Через месяц в ночное небо уходили аэростаты уже со 124 постов. К концу 1941 года в боевой готовности было более 300 постов, а в 1943 году — более 440.

Ровно через месяц после нападения на СССР немецкие бомбардировщики совершили первый налет на нашу столицу. Самолеты были обнаружены еще в воздухе на удалении 200 км. Войска были приведены в готовность № 1, аэростаты заграждения были подняты. На подступах к городу вели бои истребители и зенитчики.

Около 220 фашистских бомбардировщиков шли волнами на разных высотах с интервалом 20 минут. В боях было сбито 20 самолетов, к городу прорвались лишь одиночные экипажи, да и тем прицельно отбомбиться помешали АЗ.

Днем 22 июля 1941 года был объявлен приказ № 241 Наркома обороны Сталина И.В.: «За проявленное мужество и

умение в отражении налета вражеской авиации объявляю благодарностью

1) Ночным летчикам-истребителям Московской зоны ПВО;

2) артиллеристам-зенитчикам, прожектористам, аэростатчикам и всему личному составу воздушного наблюдения (ВНОС)».

В следующую ночь на 23 июля враг снова предпринял налет, но уже на высоте 6—7 км. Ночная атака на Москву в составе 150 самолетов так же была успешно отбита средствами ПВО, хотя единичным экипажам снова удалось прорваться к столице и сбросить бомбы.

«Во время второго налета два вражеских бомбардировщика наткнулись на тросы АЗ и рухнули на землю — случай довольно редкий в практике войск ПВО», — пишет в своих воспоминаниях «Огневой щит Москвы» командир корпуса генерал-майор Д.А. Журавлев. Он продолжает: «Аэростатчики открыли свой боевой счет, в дальнейшем он возрос не намного, но и этот вклад в общую победу был для нас дорог. Впоследствии неприятельские летчики стремились летать выше страшной для них сети стальных тросов. А это значит, что аэростаты выполняли свое предназначение — лишить противника возможности вести прицельное бомбометание, атаковать небольшие по размеру объекты с малых высот».

Сбитые пленные летчики уныло признавали на допросах: «Уберите из Москвы аэростаты, и вы узнаете тогда силу немецкой авиации».

До конца 1941 года налеты продолжались почти ежедневно. С 22 июля до середины августа гитлеровцы совершили 17 массированных налетов, и хотя к городу прорывались одиночные группы, но и их хаотическое бомбометание принесло москвичам немало горя: было убито 736 человек, тяжело ранено 1444, ранено 2069 человек.

Личный состав частей АЗ проявлял героизм, стойкость, самопожертвование. В журнале «Воздухоплаватель» рассказывалось о том, как был сбит летевший к центру столицы бомбардировщик «Хе-III». Он налетел на трос АЗ поста, которым командовал И. Губа, вместе с мотористом А. Гусевым. Последний был награжден медалью «За отвагу». Сержант Велигура

спас случайно сорванный в воздух аэростат, улетев вместе с ним. Весь обмороженный он сумел приземлиться вместе с ним, за что был награжден орденом «Красного Знамени».

Такой же подвиг совершили 10 сентября 1942 года командир поста сержант К.Г. Беляков и рядовой В.П. Козорез. До последней возможности держали они аэростат в штормовую погоду, но не отпустили и улетели с ним, висая на такелаже. Беляков не выдержал и, сорвавшись с высоты 2 км, погиб. А Козорез пролетел до Ногинска и удачно приземлил аэростат. Оба воина были также награждены.

Во время обороны Москвы каждый вечер над крышами домов всплывали огромные серебристые баллоны и всю ночь плавали на высоте до 4—5 км, препятствуя снижению вражеских самолетов над городом для прицельного бомбометания. Во взаимодействии с другими средствами ПВО аэростаты заграждения свою задачу выполнили, несколько самолетов врага потерпели аварию на месте, столкнувшись с тросом, или получили такие повреждения, что были вынуждены прекратить полет к цели.

Генерал-майор Журавлев вспоминает: «Подняв аэростат на высоту, аэростатчики непрерывно следили за отклонением троса. В штормовую погоду это было особенно трудно. Немалую опасность для лебедочников представляло статическое электричество, накапливаемое с очень большим зарядом на аэростате. Нередко аэростаты находились в воздухе по 14 часов в сутки».

Как уже говорилось, бомбометание противником с меньших высот повышает его точность. А зенитной артиллерии ПВО трудно было бороться с внезапно появляющимися скоростными низко летящими целями, потому что ни одно орудие не обеспечивало тогда необходимую угловую скорость слежения за целью. На высоте 200 м самолет летит со скоростью около 140 м/с, в таком случае необходима угловая скорость слежения орудий за ним около 40 град/сек. По этим причинам в нашей ПВО получалась «мертвая зона». Именно ее и прикрывали АЗ.

Известно, что столкновение в полете с птицей часто приводит к аварии. Так какой же летчик полетит намеренно на верную смерть через пространство, где подняты стальные тросы, причем с минами?

Аэростаты заграждения применяли во Второй мировой войне все воюющие страны без исключения. Принципы и тактика их использования были в основном близки. И наши летчики авиации дальнего действия, бомбившие цели в крупных немецких городах, тоже выполняли задания с высоты 5—6 км, то есть выше АЗ обороняющейся стороны. Речь идет о том, что противник, заранее зная, что бомбить ему придется с больших высот, вынужден взлетать с меньшей бомбовой нагрузкой.

В мае 1943 года 1-й корпус ПВО был укреплен, расширен и преобразован в Особую московскую армию войск ПВО. Вместо 1-го, 9-го и 13-го полков АЗ были сформированы три дивизии АЗ. Генерал-майор П. И. Иванов командовал 1-й дивизией в составе 2-го и 16-го полков АЗ. 2-ю дивизию в составе 7-го и 8-го полков АЗ возглавил полковник Э.К. Бирнбаум, а 3-ю дивизию в составе 10-го и 12-го полков АЗ принял полковник С.К. Леандров. Суммарно они имели уже 440 постов. Начальник штаба 1-го полка АЗ полковник К.И. Зилле был направлен на службу АЗ Восточного фронта ПВО.

Столкнувшись с сильной ПВО Москвы и постоянно неся большие потери, немецкая авиация была вынуждена полностью прекратить налеты с апреля 1942 года. Однако до дня нашей победы ПВО столицы находилась в боевой готовности, а аэростаты по ночам находились в воздухе в режиме ожидания.

В 1941—1942 годах многие воины ПВО были направлены на пополнение в полевые войска, а на смену им по решению правительства СССР в 1942 году в Московскую армию ПВО пришли мобилизованные добровольцы, около 20 тысяч девушек. Более 3 тысяч из них были направлены в части АЗ, хотя не легкое и не женское это дело, потому что в отличие от других частей ПВО здесь большие физические нагрузки: ведь нужно пешком сопровождать плывущий рядом газгольдер, наполненный водородом, удерживать его при шквальном ветре в жару и холод, в дождь и снегопад, снаряжать в воздух и приземлять. Никакой механизации тогда не было.

Девушки-аэростатчицы служили героически. Штормовой ветер 21 апреля 1943 года достигал скорости 20 м/сек и более. Спасая аэростат на земле, погибла командир поста ефрейтор Анастасия Васильева. Такой же подвиг 24 сентября 1943 года

совершили старший сержант З.К. Евдокимова и красноармеец А.П. Окорочкова. Они тоже спасли аэростат в шторм на земле, но сами погибли и все награждены орденами посмертно. Фронтальная газета «Тревога» в те дни рассказывала и о других отважных аэростатчицах, награжденных боевыми медалями. Это Л. Голикова, М. Иванова, В. Краснова, Р. Боброва и Н. Полевина. В истории остались имена и других девушек, отлично выполнявших свои обязанности; орденами и медалями были награждены: Т. Хлупина, А. Чохнина, Н. Волжанина, Н. Александрова, В. Гудкова, К. Михайлова, О. Галуза, Н. Двойнина, К. Кадьшева, А. Старостина и другие. Хорошо был известен на фронте пост АЗ, которым командовала сержант Н. Заболотская. Этому посту было присвоено имя Героя Советского Союза Зои Космодемьянской, и весь расчет аэростатчиц был награжден медалями «За боевые заслуги».

Согласно документам из Центрального архива Министерства обороны СССР, за 1941—1945 годы части АЗ Московского фронта ПВО произвели около 217 тысяч подъемов аэростатов, причем все второе полугодие 1941 года — в условиях боя. По отчетам дивизий АЗ, всего было зафиксировано 92 случая налета самолета на трос аэростата, из них 12 сбиты на месте или повреждены с вынужденной посадкой. К сожалению, больше половины из них — советские самолеты, в силу тех или иных причин вошедшие в зону тросового аэростатного заграждения. Немецкие летчики строго соблюдали летную дисциплину, берегли себя и боялись заходить в зону поднятых аэростатов заграждения.

Вот несколько примеров из рассекреченных отчетов полков или дивизий АЗ Московской Особой армии ПВО.

Налеты на трос немецких бомбардировщиков

1. 10 августа 1941 года. 1-й полк АЗ, район деревни Татарово. Немецкий бомбардировщик «Хе-111» на высоте около 2500 м врезался в трос АЗ (верхний аэростат имел высоту 4500 м). Самолет с экипажем разбился. Боекомплекта троса ИЗ-4 не было.

2. 11 августа 1941 года. 9-й полк АЗ, район Хорошево. Бомбардировщик «Хе-111» врезался в трос (боекомплект троса

ИЗ-4 сработал). Самолет с отрезанным крылом и с экипажем рухнул и затонул в Москве-реке.

3. 19 августа 1941 года. 9-й полк АЗ. Бомбардировщик «Ю-88» врезался в трос. Сбросил ФАБ. Опрокинул лебедку. Трос разрушился. Самолет улетел. Судьба его неизвестна.

4. 6 апреля 1942 года. 9-й полк АЗ. Донской монастырь. Самолет «Ю-88» врезался в трос. Боевого комплекта троса не было. Лебедку опрокинуло. Трос разрушился. Сведений дальнейших не было.

5. 25 апреля 1942 года. 9-й полк АЗ. Двухмоторный немецкий самолет на высоте около 800 м врезался в трос. Боевого комплекта троса не было. Трос оборван. Установлено, что самолет совершил вынужденную посадку за городом.

Налеты на трос советских самолетов

1. Сентябрь 1941 года. 1-й полк АЗ, Садовники. Свой истребитель на высоте 2500 м, возвращаясь из боя, врезался в трос. Боекомплекта троса не было. Летчик спасся на парашюте. Самолет разбился.

2. 18 сентября 1941 года. 1-й полк АЗ, Люберцы. Свой разведчик Р-5 на высоте 800 м врезался в трос. Боекомплекта троса не было. Самолет разбился. Летчик лейтенант Тихонов погиб.

3. 25 февраля 1942 года. 1-й полк АЗ, Соколиная гора. Двухмоторный самолет врезался в трос. Боекомплекта троса не было. Трос прорвал бензобак. Самолет загорелся. Крыло с мотором оторвало. Самолет разбился. Винт опутан тросом.

4. 2 августа 1942 года. 1-й полк АЗ, Люблино. «Дуглас» на высоте 2000 м врезался в трос. Боекомплекта троса не было. Самолет упал. Экипаж погиб.

5. 4 ноября 1942 года. 9-й полк АЗ, Останкино. Самолет У-2 врезался в трос. Опустился с тросом у Останкинской ул., 9. Летчик получил увечья.

6. 21 июля 1943 года. 13-й полк АЗ, 14 пост. Самолет «Ил-4» врезался в трос. Боекомплект стоял на тросе и сработал. Самолет подорвало миной. Экипаж сержанты Пекалов и Мензуров были ранены осколками, но спустились на парашютах. Летчик Панферов сумел посадить самолет.

В заключение следует сказать, что за весь период Отечественной войны враг совершил на Москву 134 налета, произведя 9 тысяч самолето-вылетов. К городу прорвались на большой высоте лишь 243 экипажа. Но им удалось сбросить на жилые кварталы 1526 фугасных и 45 тысяч зажигательных бомб. Это составило только одну десятую часть того бомбового груза, который фашисты приготовили для столицы нашей Родины.

Объединенными усилиями всех боевых средств ПВО при отражении атак немецкой авиации на Москву было уничтожено 1305 самолетов противника.

НАД БЛОКАДНЫМ ЛЕНИНГРАДОМ

(Из воспоминаний Александра Бернштейна, ветерана воздухоплавания, участника Великой Отечественной войны, главного инженера полка аэростатов заграждения о воздушных боях над Ленинградом)

Предвидя войну, еще в 1930—1935 годах советское правительство приняло ряд решений об укреплении и модернизации всей системы войск противовоздушной обороны, то есть истребительной авиации, защитной артиллерии (ЗА) аэростатов заграждения (АЗ) и других средств. Так, к лету 1941 года на западной границе было сформировано 6 полков АЗ и 10 дивизионов АЗ. Однако промышленность страны не успела обеспечить их техникой, и они были вооружены только на 40%. Если планировалось иметь в войсках около 2 тысяч постов АЗ, то реально развернуться могли только 850. Это не было исключением, примерно такая же обстановка была и в зенитной артиллерии, и в истребительной авиации. Полк назывался полком, но огневых средств имел только половину.

На наших границах перед войной гитлеровский вермахт сосредоточил 190 дивизий, численностью 5,5 миллиона человек, 3712 танков, около 5 тысяч самолетов, 47 260 орудий минометов. Он превосходил наши силы по личному составу в 1,8 раза, по танкам — в 1,5 раза, по самолетам — в 3,2 раза, по артиллерии — в 1,2 раза, при этом на направлениях главного удара превосходство было еще больше.

Угроза вторжения была более чем очевидной. Однако боязнь «разозлить» Гитлера и спровоцировать его на нападение привела в предвоенные месяцы к инертности. Сталин опасал-

ся выдвинуть войска на границу, объявить мобилизацию. И он несет ответственность за многие первые потери и за потерю... предвидения.

В гитлеровском плане под кодовым названием «Барбаросса» Ленинграду отводилось особое место, городу было уготовлено полное разрушение: «...сравнять с землей, а территорию, севернее р. Невы, передать Финляндии. Ленинграду придется умереть голодной смертью...»

На Ленинград была брошена огромная армия «Север» (42 наземные дивизии, 1500 танков). Бомбить город с воздуха должны были 2 тысячи самолетов, половина из которых — бомбардировщики.

Противовоздушную оборону (ПВО) Ленинграда обеспечивали: 2-й корпус ПВО, состоявший из шести зенитных артиллерийских полков, одного зенитного пулеметного полка, трех полков аэростатов заграждения и формировавшегося авиационного корпуса и вспомогательных частей.

Ленинградские части ПВО имели уже немалый опыт организации, полученный ими в период войны СССР с Финляндией в 1939 году, правда, Финляндия не предпринимала никаких попыток воздушного нападения на Ленинград. Однако войска 2-го корпуса ПВО были развернуты тогда на позициях, а аэростаты заграждения периодически поднимались в ночное небо.

Во время войны с Финляндией были два полка АЗ: 3-й и 4-й. В начале 1941 года был сформирован еще один 11-й полк АЗ.

В первый день войны я получил назначение главным инженером 4-го полка АЗ, входившего в состав 2-го корпуса ПВО; мне, москвичу, было суждено пройти весь путь боевых действий в Ленинградской блокаде.

Три полка АЗ развернули 328 постов, прикрывая в воздухе город и подходы к нему и Кронштадту со стороны Финского залива. В ходе войны отдельные отряды прикрывали с воздуха и стратегические узлы под Ленинградом.

Фашистские бомбардировщики старались наносить прицельные удары пикированием или на малых высотах. Это обеспечивало им внезапность и точность ударов и наибольшую безопасность от нашего ответного огня.

Противодействием этому и служили аэростаты заграждения, поднимавшие на высоту 3000—4500 м тросово-

минную завесу. Поэтому фашистская бомбардировочная авиация вынуждена была совершать налеты на город с высоты более поднятых аэростатов, т. е. с высоты 5—7 км и при этом сокращать массу бомбового груза.

Подъем каждого аэростата производился с поста, его готовил расчет 12 красноармейцев под командой сержанта. Каждый полк имел в среднем около 100 боеготовных постов, защищая территорию около 100 кв. м.

8 сентября 1941 года в день блокирования города на него с большой высоты было сброшено 6327 зажигательных бомб, вызвавших много пожаров. 19 сентября на Ленинград с большой высоты были сброшены 264 фугасные бомбы.

Вообще за период блокады на город было брошено 150 тысяч артиллерийских снарядов и с высоты более 5 км — 107 тысяч фугасных и зажигательных бомб.

Привожу эти официальные сведения, чтобы пояснить, в каких сложных, трудных условиях эксплуатировались аэростаты, наполненные легковоспламеняющимся водородом. Корпуса многих имели десятки пробоин и снова вводились в строй после ремонта на постах. Осенью—зимой 1941—1942 годов 100 и более немецких самолетов бомбили город еженощно. Налеты длились по 8—12 часов.

Вместе с горожанами воины частей АЗ перенесли трагическую первую блокадную зиму 1941—1942 годов, когда в городе за сутки умирали от голода и холода до 4 тысяч жителей и у оставшихся не хватало сил хоронить умерших. У наших бойцов от недоедания (основная еда составляла 125 граммов хлеба и 75 граммов сухарей) опухали руки и ноги, и они несли службу при 30-градусном морозе.

За период Великой Отечественной войны ленинградские полки истребительной авиации, зенитной артиллерии, прожекторных частей, аэростатов заграждения уничтожили 1561 вражеский самолет, а более 75% атаковавших бомбардировщиков не были пропущены в воздушное пространство над городом.

Современное поколение мало знает о применении фашистской Германией крылатых ракет (самолето-снарядов) ФАУ-1 в 1943—1944 годах против Англии, нанесших серьезный урон Лондону. Осенью 1944 года войска вермахта, отступая, начали готовить операцию с ФАУ-1 для Ленинграда.

Полки АЗ, как и все полки ПВО, изменив тактику, выйдя на дальние рубежи, сорвали этот чудовищный план, и противник был вынужден отказаться от этой акции.

Но больше всего всем воинам частей АЗ запомнился срыв нашими войсками ПВО немецкой воздушной операции «Ай-сштосс». Эта операция — в переводе «Ледовый удар» — предназначалась для уничтожения кораблей Балтфлота, сосредоточенных в первую блокадную зиму непосредственно в городе на Неве и у пирсов Финского залива в городской черте. Корабли вмерзли в лед и лишились возможности маневрировать. Как потом стало известно, эта операция была глубоко законспирирована, обеспечена разведанными и предварительно проиграна вермахтом на полигоне. Немцы считали, что после тяжелой первой блокадной зимы силы ПВО не смогут оказать сопротивление, и наш флот будет разгромлен.

Налет 100 немецких бомбардировщиков «Ю-88» и «Хе-111» в сопровождении истребителей прикрытия был совершен днем на небольшой высоте. Ранее немецкая авиация опасалась проводить бомбардировочные налеты в светлое время суток.

Вместе с тем, чтобы блокировать взлет наших истребителей, дальнобойная артиллерия противника сосредоточила огонь по нашим аэродромам. Однако уже на подлете их встретили огнем наша зенитная артиллерия и истребители, часть самолетов была рассеяна, но в город прорвалось 57 бомбардировщиков. Разойдясь по заранее намеченным целям, то есть по нашим кораблям флота, они начали пикирование и прицельное бомбометание. Флотские экипажи ответили огнем пулеметов. Над городом стоял шквал огня АЗ и зенитных пулеметов, однако из-за малой высоты налета и больших скоростей самолетов противника ликвидировать их преимущественно не удавалось. Истребители в зону огня ЗА войти не могли, а зенитная артиллерия была не в состоянии вести прицельный огонь по самолетам противника из-за больших угловых скоростей.

По приказу командующего нашей армией генерал-майора Г.С. Зашихина в воздух были быстро подняты аэростаты. Они отжали самолеты противника от земли на большую высоту. Сбрасывая уже без прицеливания бомбы, которые частично падали в Неву и залив, фашистские самолеты стали метаться и выходить из боя, но тут их и встретили наши истребители.

В итоге, не нанеся существенного ущерба нашим кораблям, немцы потеряли 25 самолетов, не считая 10 подбитых.

По ночам, как только противник прорывался в воздушное пространство над городом, в небо взлетали ракеты. Это диверсанты указывали цели для бомбардировщиков. Как правило, ракеты направлялись в сторону Зимнего дворца, где находился штаб фронта, на Смольный, где располагалось партийное и государственное руководство, на крупнейшие заводы, гавани, сосредоточение кораблей Балтийского флота, тыловые склады и т.д.

В городе, особенно на окраинах, было немало брошенных домов и пустых подвалов, их и использовали диверсанты для захвата одиночных военнослужащих, там они и производили свои допросы. Для борьбы с этим существовали патрули, ежедневно менялись условные знаки на наших фронтовых пропусках. Хождение с позиций на позиции в ночное время в одиночку запрещалось и т.д.

Кроме того, наши офицеры с командой стрелков по ночам прочесывали подозрительные участки. Однако главный урон диверсантам принес голод. Будучи отрезаны от своих пунктов питания, большинство их, попросту говоря, подошли с голоду во время блокады. И тем не менее они еще были, даже в 1944 году пробравшийся на один пост 3 полка АЗ диверсант уничтожил весь боевой расчет поста, перестреляв его ночью во время сна в землянке из автомата.

Большинство наших отрядов находилось на стационарных наземных позициях, но аэростатчикам приходилось воевать и в иных условиях.

Отряд аэростатов заграждения под командованием лейтенанта В.А. Меншутина, 31 пост, размещался на баржах. Баржи были выведены в Финский залив и расставлены там на якорях. Поднимаемые с них аэростаты прикрывали гавань и порты со стороны залива, преграждали воздушные подходы к морскому каналу и частично к Кронштадту. Ответственность командиров постов и звеньев была здесь, как говорят, тройная. Связь с отрядом была только по радиции с КП звена. Баржи иногда срывало с якоря и несло в сторону противника. Выручали моряки, которые выходили в залив и под артиллерийским обстрелом противника буксировали баржу обратно. Зимой по льду проникали диверсионные немецкие и финские группы, поэтому боевым

расчетам нужно было быть очень бдительными. Когда залив не был покрыт льдом, противник с попутной волной пускал плавающие мины, которые взрывались при столкновении с баржей. И тут аэростатчикам пришлось учиться, как от них уберечься. Хорошие стрелки расстреливали мины из винтовок. Особенно этим отличался аэростатчик сержант Козлов.

Огромное значение для блокадного Ленинграда имела Дорога жизни через Ладожское озеро. Это была единственная артерия, питающая город. Ее деятельность все время пыталась парализовать фашистская авиация налетами и бомбежками. Только с ноября 1941-го по апрель 1942 года над Ладожской дорогой пролетело более 2000 самолетов противника. Из состава армии ПВО на Ладожскую трассу для ее защиты в дополнение к имеющимся средствам был выделен отряд аэростатов заграждения в 21 пост. Условия были трудные, весь зимний период люди жили в палатках на трескучем морозе. Аэростаты поднимались в воздух прямо с ледяного поля вдоль всей трассы. Аэростатчики делали все возможное, чтобы Дорога жизни работала бесперебойно.

3-й отряд 3-го полка АЗ прикрывал от бомбежек Ижорские заводы в Колпине, под Ленинградом. Отряд находился в 1—2 км от передовой. Аэростатные позиции простреливались противником из минометов, аэростаты получали множество пробоин, но всегда восстанавливались и поднимались в воздух. За полгода в отряде одна треть бойцов была убита или тяжело ранена. В мае 1942 года отряд был в течение суток переброшен на оборону 5-й гидроэлектростанции. Это была единственная уцелевшая станция, снабжавшая город электротоком, поэтому противник принимал все меры к ее уничтожению. Вместе с батареями зенитной артиллерии и истребительной авиацией была организована мощная оборона ГЭС. Командир отряда С. Мазуров — опытный и грамотный офицер — я знал его с 1935 года, — к концу войны уже командовал дивизионом АЗ.

Случаев гибели аэростатчиков у нас было немало, я расскажу об одном из них. В августе 1942 года в 3-м полку АЗ при аварийном приземлении в момент, когда аэростат притягивали к земле вручную, боевой расчет не мог его удержать. Находившийся на посту командир звена лейтенант Кузнецов бросился на помощь расчету. Аэростат взмыл вверх, унося с собой висящего на стропе офицера. Был штить, и, набрав высоту

около 3,5 км, аэростат завис на месте. Мы навели с КП полка зенитный теодолит, было уже достаточно светло, мы видели, как лейтенант Кузнецов боролся за спасение аэростата и за свою жизнь. Физически сильный, спортсмен, он, подтягиваясь на руках, поднялся и закрепился у самого корпуса. Положение его усугублялось и тем, что он был в летней гимнастёрке, а на этой высоте температура была около 10° ниже нуля. Ему удалось пробить ножом корпус аэростата, и тот, теряя газ, стал спускаться вниз, в Неву. Но Нева в этом месте была не только водоразделом, но и линией фронта, на одной стороне были наши, на другой — немцы. Лейтенант Алексей Кузнецов до берега не доплыл. Его убили с вражеского берега пулеметным огнем. Аэростат прибило ветром по воде к нашему берегу.

Части ПВО дважды передавали своих рядовых, сержантов и офицеров в стрелковые части, ибо там убыль личного состава была больше, чем у нас. На их место заступали девушки-добровольцы. Не женский это был труд. Говорят — «у войны не женское лицо»... Да, это так. Но долг свой — спасибо им — они выполнили...

2,5 года немцы терзали Ленинград в блокаде. За 900 суток они обрушили на город 107 тысяч бомб и 150 тысяч артиллерийских снарядов. В городе погиб каждый второй житель.

14 января наступлением Ленинградского и Волоколамского фронтов и сил Балтийского фронта враг был разбит, отброшен на 100 километров и частично пленен.

Свою задачу войска Ленинградской армии ПВО выполнили: город сохранили.

Аэростаты заграждения поднимались на защиту города около 70 тысяч раз, находились в ночном небе около 600—700 тысяч часов.

В феврале—марте 1944 года 3-й и 11-й полки АЗ были расформированы. Но это была ошибка командования, ибо с апреля месяца фашистская авиация начала налеты на наступающие войска Ленинградского и Волховского фронтов.

В апреле был сформирован 14-й полк АЗ, отряды которого, действуя самостоятельно в 50—100 км от Ленинграда, прикрывали железнодорожные узлы, базы дислокаций, мосты, Финский залив. Это были стратегические объекты наших наступающих войск.

Аэростаты заграждения участвовали также в обороне города от налетов крылатых немецких ракет ФАУ-1 с баз Эстонии.

Считается, что во всей системе ПВО, на всех фронтах, был 121 случай столкновения самолетов с тросом. По архивным данным частей АЗ Ленинградской армии ПВО следует, что было несколько десятков случаев столкновения самолетов с тросами АЗ. К сожалению, речь идет не только о самолетах противника, но и о наших.

Наши летчики были более эмоциональны, в горячке боя или ведя подбитый самолет к внутренним запасным аэродромам, они могли войти в зону поднятых АЗ.

По документам периода войны, от столкновения с тросами АЗ наших самолетов вышло из строя больше, чем немецких. Вот лишь несколько конкретных случаев из отчета частей АЗ Ленинграда.

28 июля 1941 года. Поселок Ленино. Свой самолет «МБР-2» на высоте 1000 м сбился с курса. Шел с боевого задания. Отрезало 1,5 м от крыла. Самолет упал в 500 м, сгорел, разбился. Экипаж погиб.

1 октября 1941 года. На барже в Финском заливе. Налет на трос. Лебедку опрокинуло. Лопнули тросы заземления. Взрыв из-под воды, трос ушел в воду. Предполагается, что вражеский самолет был сбит.

9 мая 1942 года. Место «Новая Деревня». Свой «У-2», на высоте 1500 налетел на трос, срезано (упало) консоли крыла. Судьба самолета неизвестна.

19 июня 1942 года. Место «Ржевка». Свой «У-2», на высоте 200 м отпилило 2 м крыла. Упал около поста. Сгорел. Экипаж погиб.

30 октября 1942 года. Самолет противника. Удар в трос на высоте 2000 м. Лебедку опрокинуло. Дальнейших данных нет.

6 ноября 1942 года. Свой «СБ» на высоте 350 м. Налет. Оборвал трос. Дальнейших данных нет.

15 ноября 1942 года. 5 ГЭС. Свой «У-2». Отпилено 15 см крыла. Улетел.

17 августа 1943 года. Место «Жирновка». Свой «У-2», столкновение на высоте 400 м. Упал рядом с постом. Разбился.

27 мая 1944 года. Васильевский остров. Свой «ПО-2» на высоте 150 м. Удар в трос АЗ. Самолет упал в 100 м от поста вместе с тросом в крыле.

28 октября 1944 года. «Новая Деревня». Свой «ПО-2» на высоте 250 м. Налет на трос. Трос АЗ перебит винтом самолета. «ПО-2» спланировал на аэродром.

Во всех случаях комплекты «автоматики вооружения» (инерционные звенья, мины, парашютики) на тросах АЗ отсутствовали. Их хронически в войсках не хватало, или они поступали некомплектно. Этим объясняются случаи обрыва основного троса АЗ. Если бы они были в наличии и устанавливались на тросах, сбитых самолетов было бы больше.

СЕКРЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ В МАНИЛЬСКОЙ БУХТЕ

В конце лета 1942 года неожиданно для японцев их оккупационные деньги на Филиппинах, которыми они владели уже несколько месяцев, начали стремительно обесцениваться. Японские солдаты с удивлением обнаруживали, что их месячного жалованья не хватает даже на кружку пива. Причиной тому был поток непонятно откуда взявшихся серебряных филиппинских песо, заполнивших рынки Манилы.

Каким-то образом серебро попадало даже к пленным в концентрационные лагеря. Американские заключенные покупали у деморализованных японских часовых еду, одежду, медикаменты. При таком развитии событий их следующей покупкой могла стать свобода! Японцы поняли, что если они быстро не найдут источник серебра, то коррупция разест всю их систему управления на островах.

Откуда же взялось это серебро? Японцы узнали, что войска Макартура перед своей капитуляцией утопили к югу от Корреhidора, на глубине 120 футов, миллионы серебряных песо, на сумму 8 500 000 долларов. Для розыска и извлечения на поверхность этого богатства, которое предполагалось преподнести в подарок императору от армии, были привлечены семь водолазов из числа американских военнопленных. За их работой наблюдала японская тайная полиция, и казалось неммыслимым, чтобы в Манилу попало что-нибудь из этого серебра. Тем не менее японцы решили усилить надзор за этими американцами.

В начале 1942 года, когда слача Филиппин стала неизбежной, члены филиппинского правительства и командование дислоцированных на островах американских войск решили спасти

национальное богатство страны. В феврале в балластных танках американской подводной лодки «Траут» было отправлено в Сан-Франциско золото в слитках на сумму около двух миллионов долларов и серебро на сумму 360 000 долларов. Но вывезти оставшиеся 17 миллионов серебряных песо (по 50 центов каждое), лежавших упакованными в деревянных ящиках в стальном хранилище на Коррехидоре, не удавалось, противник быстро приближался, и времени оставалось совсем мало.

20 апреля американские офицеры прочертили на карте Манильской бухты две прямые линии через хорошо заметные ориентиры на берегу и получили точку их пересечения в заливе Кабалло, образуемом тонкой загнутой оконечностью острова Коррехидор. Там было довольно глубоко и вода была спокойной — очень удобное место для затопления сокровищ.

Капитан-лейтенант Джордж Дж. Харрисон, командовавший плавучими средствами в соседней бухте Маривелес, собрал дюжину матросов с затопленных в Манильской бухте плавучей базы подводных лодок «Канопус» и судна спасения субмарин «Пиджен», большинство которых были водолазами. Харрисон сказал им, что дни Коррехидора сочтены и что работу нужно делать быстро и ночью.

Тяжелые ящики, вмещавшие по 6000 песо каждый, были погружены на две плоскодонные баржи, которые затем отбуксировали к месту затопления. Там матросы стали спихивать ценный груз в воду. Процесс перемещения 425 тонн серебра на дно Кабалло-бей занял 10 ночей. Когда работа была закончена, Харрисон отпустил их, предупредив:

— Если вас захватят, не проговоритесь, что вы водолазы.

6 мая Коррехидор капитулировал. Среди пленных оказались и водолазы. Шесть недель спустя комендант лагеря для военнопленных в Кабанатуане, в 90 милях от Манилы, послал за старшиной первой статьи Моррисом «Мо» Соломоном.

— Нам известно, что вы водолаз, — сказал он. — А Манильская гавань засорена затопленными судами. Ее необходимо расчистить для возобновления судоходства.

Разведка японцев работала прекрасно. Кроме Соломона, они «вычислили» помощников боцмана Вирджила «Джагхеда» («Кувшинную голову») Соерза, Уолласа «Панчи» («Толстого») Бартона, П. «Слима» («Тонкого») Манна и еще двух опытных

водолазов. Перед тем как пленные покинули Кабанатуан, с ними повидался капитан-лейтенант Фрэнк Дэвис, их бывший командир на «Пиджене».

— Вы, конечно, понимаете, зачем на самом деле им понадобились, — сказал он. — Не позволяйте им добиться своего!

Американцы знали, что если японцы отправят их поднимать серебро, то им придется поднять для них часть, или их расстреляют. И они решили, что отдадут его немного — столько, сколько нужно, чтобы отвлечь их внимание, а сколько смогут — угаят и передадут в лагерь, чтобы другие пленные смогли подкупить охранников и приобрести у них еду и лекарства. При этом они отдавали себе отчет, что рано или поздно их разоблачат и казнят за саботаж. Но шла война, и это был шанс нанести врагу существенный ущерб.

По дороге в Манилу американцы заметили, как изменилось к ним отношение японцев. Улыбающиеся охранники в поезде раздали им всем сэндвичи и сигареты. В Маниле их привели в дом, расположенный неподалеку от доков, поселили в чистую комнату, каждый получил койку и запирающийся шкафчик. Воистину они теперь стали Особо Важными Пленными!

В комнату, широко улыбаясь, вошел японец в поношенном гражданском костюме, очках с толстыми стеклами и полоской седеющих волос вокруг большой лысины. Он походил на персонажа из плохого шпионского фильма, но держался дружелюбно.

— Я — господин Есобэ, — высоким и мягким голосом представился он. — Мы будем работать вместе. Я уже немножко стар для ныряния, но у меня за плечами 20 лет спасательных работ. Пойдемте познакомимся с нашим старшим офицером.

Капитан Такиути встретил их на пристани. Это был довольно молодой и лобезный японец, происходивший из состоятельной семьи и хорошо говоривший по-английски. Он сообщил прибывшим, что на Коррехидоре им будет выделено под жилье просторное судно.

Есобэ вместе с двумя охранниками показал пленным американское водолазное снаряжение, которое им удалось найти: несколько шлемов для ныряния на мелководье и две дюжины комплектов тяжелой нижней одежды. Работа предстояла опас-

ная: стоило в таком шлеме наклонить голову больше чем на 45 градусов, как туда сразу набиралась вода и нырлящик захлебывался. Мелководное снаряжение не было рассчитано на давление воды ниже 36 футов, а шланги на шлемах были такими старыми, что могли в любой момент выйти из строя.

На судне, которое им отвели под жилье — это была старая шестидесятифутовая землечерпалка, пришвартованная у Северного пирса Коррехидора — обитали еще шестеро филиппинцев, нанятых для обслуживания филиппинских же нырлящиков, занимавшихся подъемом для японцев ящиков с серебром с конца мая. Из-под воды было извлечено уже восемнадцать ящиков на сумму 54 000 долларов. Как узнали американцы, эти нырлящики никогда прежде не работали на такой большой глубине. Они слишком долго оставались на дне и очень быстро всплывали. В результате двое умерли в мучениях от кессонной болезни, и, когда третий потерял шлем и не смог подняться, оставшиеся филиппинцы отказались нырять, и японцы отправили их в тюрьму.

В ночь перед началом работ американцы собрались, чтобы обсудить ситуацию. Извлечение этих восемнадцати ящиков говорило о том, что и остальные могут быть подняты, и это обострило алчность японцев. Было очевидно, что армия хотела присвоить себе заслугу добычи серебра и поэтому не привлекала для работ военно-морские силы. В связи с этим японцам пришлось использовать военнопленных, и те решили, что смогут теперь добиться от них кое-каких уступок.

Когда появился Такиути, водолазы заявили ему, что их поселили в настоящем свинарнике и его нужно почистить, отремонтировать и покрасить. Люди, которые заняты такой опасной работой, сказали они, нуждаются в уютных помещениях, где они могли бы полноценно отдохнуть.

— Отправляйтесь на берег и возьмите там все, что сочтете нужным, — ответил Такиути военнопленным. — Только поспешите, пожалуйста.

В горах хлама на Коррехидоре моряки подобрали массу полезного, и через несколько дней баржа, вычищенная и покрашенная, стала похожей на красивое судно. Они провели на ней электричество, подсоединив к стоящей на берегу дизельной электростанции водопровод, поставили дровяную печку,

оборудовали кабинет первой помощи, повесили книжные полки, а также отделили перегородками каюты и постелили ковер. Прежде этот ковер устилал кабинет генерала Макаргура.

Едва американцы начали наслаждаться домашней жизнью, как появился Есобэ в сопровождении двух солдат и вежливо попросил их и филиппинцев погрузиться на небольшое рыболовное судно. Оно медленно обогнуло восточную оконечность Коррехидора и двинулось к бухте Кабалло. Американцы издали увидели плоскодонную водолазную баржу, стоящую на якоре точно над тем местом, куда они сбросили ящики с серебром!

Через несколько минут после того, как они пришвартовались, к барже подплыл катер, из которого вылез крупный сурового вида бесстрашный японец. На нем была форма кемпе — особой, подобной гестапо, полицейской организации при армии. Они знали, что солдат можно было подкупить, но члены кемпе неподкупны, умны и никому не подотчетны в своих действиях — он мог просто застрелить их на месте.

Первым делом особист прояснил ситуацию, дав понять американцам, что они будут поднимать со дна не корабли. Он поговорил с Есобэ, который затем подошел к ним и улыбаясь сообщил:

— Вам приказано достать серебро, утопленное здесь перед капитуляцией.

Американцы хотели было ответить ему, что ничего не знают ни о каком серебре, но, взглянув на агента кемпе, передумали.

У борта баржи покачивалось небольшое плоскодонное суденышко. С установленной на нем ручной лебедки в воду спускался толстый канат с похожим на пояс ремнем на конце. Когда ныряльщик находил ящик с серебром, он затягивал на нем этот ремень, и два филиппинца наверху поднимали его.

Соерзу предстояло нырять первым. Он надел шлем, пропустил шланг и спасательный леер справа под мышкой, взял в руки ремень подъемного каната и погрузился в воду. Вода была попеременно то теплой, то прохладной. Медленно и очень осторожно Соерз опускался по идущему вниз и удерживаемому там якорем толстому канату из манильской пеньки. Наконец его ноги коснулись песка, и он встал. Некоторое время водолаз всматривался в дно вокруг себя и вот увидел э т о!

Возвзвещающиеся горой ящики находились в нескольких ярдах от него. Если японцы только заподозрят, что серебро лежит все вместе такой кучей, они не допустят никакой задержки — опытные водолазы вытащат все ящики за несколько недель.

Соерз стал размышлять: раз филиппинцы уже подняли 18 ящиков, стало быть, японцы знают, что они стоят на правильном месте. Поэтому было бы разумно поднять сразу несколько ящиков, чтобы внушить им доверие и получить время для разработки плана дальнейших действий. Он закрепил подъемный канат на ящике и дернул его три раза — сигнал филиппинцам тащить. Через пятнадцать минут Соерз поднялся на баржу. Сняв шлем, он ухмыльнулся — Есобэ и агент кемпе не обращали на него никакого внимания. Они оба находились на маленьком суденышке, отдавая команды взмокшим филиппинцам, перетаскивавшим ящик на корму. Агент кемпе старался держаться как можно ближе к серебру, всем своим видом давая понять, что будет защищать его до последней капли крови.

Следующим погружался Соломон, и он тоже прислал ящик. Третьим нырял Панчи Бартон, но он не прицепил к канату ничего.

— Ни черта не смог там найти, — сказал он Есобэ. — Наверное, уже все подобрали, что было поблизости.

— Попробуем еще, — ответил тот.

Когда они закончили работу в тот день и подошли к Северному пирсу, их встречал капитан Такиуги с ветчиной и бутылкой виски. Из-под воды извлекли только 12 000 песо, но это было многообещающее начало.

На своей жилой барже американцы принялись готовить обед и составлять план. Два поднятых ящика основательно подмокли и уже начали гнить. При дальнейших погружениях им нужно будет выбрать среди ящиков наименее прочные и расшатать у них дно так, чтобы, когда их станут поднимать, тяжелые мешочки с серебром вывалились и рассыпались по дну. Тогда они смогут прихватить часть серебра с собой.

Мо Соломон взял несколько пар рабочих хлопчатобумажных брюк, отрезал штанины и сшил из них мешочки с завязками и веревками для привязывания к поясу. Водолаз должен

был прицепить такой мешочек под нижнюю одежду перед погружением, на дне наполнить его песо, а поднявшись на баржу, передать товарищам, которые спрячут его под дождевиками, сложенными на палубе.

На следующий день первым нырял Слим Манн. Под одеждой он спрятал свайку для отделения у ящиков dna. Спустившись к ящикам, он отодрал от одного из них железные полосы и поддел дно с двух концов железной свайкой так, чтобы оно немного отошло. После этого он просигналил подъем и стал наблюдать. На полпути к поверхности ящик развалился, и мешочки с серебром попадали на песок. Филиппинцы почувствовали потерю веса и снова опустили канат. Манн привязал другой полуразломанный ящик, и вновь мешочки с серебром упали на дно. После этого он воткнул свайку в песок и поднялся наверх.

На барже царила паника. Есобэ бегал по палубе как безумный — что случилось с серебром?! Неподалеку молча стоял агент кемпе и злобно глядел на Манна.

— Что за дьявольская работа! — притворно сердито закричал тот. — Эти ящики прогнили — они разваливаются, стоит к ним притронуться!

— Но ящики, поднятые вчера, были в полном порядке, — возразил Есобэ.

— Вчера нам повезло, — ответил Манн. — Посмотрите на те ящики — они же полны гнилой воды.

Есобэ вновь заходил по палубе, бормоча под нос:

— Мы должны работать лучше! Мы должны работать лучше!

Следующим нырял Бартон. Он набил свой мешочек до отказа песо, после чего привязал к канату целый ящик, чтобы успокоить Есобэ, и всплыл на поверхность в тот момент, когда его поднимали на пришвартованное к барже суденышко. Пока японцы осматривали ящик, Соломон отвязал его мешочек и сунул его в прикрытое дождевиком ведро. Следующей была его очередь.

Вечером американцы сосчитали свою добычу: 750 долларов. Чтобы усыпить бдительность японцев и организовать систему доставки серебра американским пленным на Коррехидоре и в Маниле, требовалось гораздо больше.

— Джентльмены, мы должны работать лучше! — резюмировал Панчи Бартон.

За две следующие недели американцы принесли на свою баржу серебра еще на 10 000 долларов, при этом враг получил песо на 55 000 долларов. После этого несколько дней вода была слишком беспокойной, чтобы нырять. Есобэ не был удовлетворен сделанным. Он решил, что работа продвигается слишком медленно, и единственный выход видел в том, чтобы привлечь еще ныряльщиков.

В Кабанатуане в лагере для военнопленных японцы нашли еще трех опытных водолазов: торпедиста Роберта Шитса, помощника боцмана Джорджа Чопчика и помощника плотника Х. Андерсона. Все они прежде служили в одной команде с Соерзом, Бартоном, Манном и их товарищами.

Когда они прибыли на баржу, старые приятели объяснили ситуацию, затем показали свои «апартаменты». Вновь прибывшие были ошарашены. Внутри баржи в многочисленных укромных уголках были припрятаны табак, конфеты, арахис, соль, сахар, перец, яйца, кофе, ром.

Затем Шитс, Андерсон и Чопчик с восторгом сосчитали «улов» этого дня — филиппинские песо на сумму 1215 долларов. Свое богатство они прятали в трюме. Водолазы потянули за длинные линии и вытянули из люка ведра, полные монет.

— Проценты здесь, конечно, ничтожные, — сказал Джагхед Соерз, — но мы не доверяем местным банкам.

В ведра досыпали серебра и опять опустили вниз. После этого «старички» рассказали своим прибывшим товарищам, как работает их система. Филиппинцам, занятым на воздушном насосе, было разрешено ездить к своим семьям в Манилу. Американцы внимательно наблюдали за ними, выясняли их отношение к японцам и, убедившись в надежности филиппинцев, но не уверенные, смогут ли они помочь, открыли им, что прячут у себя серебро. Филиппинцы смогли.

Они нашли в Маниле нескольких китайцев-менял, которые были рады обменять японские оккупационные бумажки на филиппинское серебро по курсу черного рынка, который обесценивал иену. Через некоторое время они запустили в оборот в Маниле так много серебра, что курс стал 30:1, и уже никто не хотел принимать японских денег. Песо шли в обмен

на продукты и передавались американским военнопленным. Филиппинцы брали большие комиссионные, но американцы понимали, что те их заслужили — они рисковали своими жизнями.

На следующий день после прибытия Шитса и Чопчика Есобэ велел перевести жилую баржу к Южному пирсу, поближе к затопленному серебру, чтобы ускорить работу. Американцы были этим очень недовольны, так как здесь они уже находились не одни: с одного борта у них стоял вражеский буксир, с другого — баржа. Японские моряки наверняка теперь будут совать к ним свои носы. Впрочем, в тот день они оказались слишком занятыми для этого. Небо постепенно стало темнеть, на море появились большие волны. Моряки стали готовиться к шторму.

Пришедший в этот район свирепый тайфун бушевал до самого утра. Казалось, по Манильской бухте бесконечной процессией гигантских волн прошествовало все Южно-Китайское море. Японцы покинули буксир и укрылись в казематах Коррехидора, но американцы остались оберегать свое плавание. Оно было деревянным и старым, и если бы его бросило на прибрежные камни, весь их ценный груз оказался бы на берегу.

Каким-то чудом они уцелели. Когда тайфун наконец унесся, Коррехидор предстал во всем своем разоренном виде. На нем не осталось ни одного стоящего дерева. Японскую баржу унесло. Дюжины ящиков с серебром подняло со дна и выбросило разбитыми на южный берег острова, где их быстро нашли филиппинские рабочие. Но жилая баржа американцев осталась привязанной к пирсу.

Две следующие недели японцы были вынуждены заниматься ликвидацией последствий тайфуна, и это предоставило водолазам возможность передать серебро другим американцам на Коррехидоре. На побережье для наведения порядка были присланы группы военнопленных. Их охраняли плохо, и японские солдаты не могли отличить водолазов от других американцев. По два, по три раза они проникали в их ряды и начинали работать, а когда охранники отворачивались, распахивали изумленным пленным серебром. Таким образом водолазы раздали тысячи песо, после чего решили больше не испытывать

судьбу. И хорошо сделали, так как на следующее утро к ним пришел капитан Такиути в сопровождении другого офицера.

Не говоря ни слова, японцы прошли в кубрик, ощупали матрасы, заглянули в кучи водолазной одежды, зашли в медицинский кабинет, осмотрели печь и книжные полки. Так, значит, японцы все же заподозрили их. Наконец, Такиути подошел к ковру, закрывавшему люк, ведущий в трюм, в котором все еще лежали тысячи песо. Водолазы решили, что игра окончена.

— Вы должны удвоить свои усилия по подъему серебра, — вдруг ко всеобщему удивлению строго сказал он и, повернувшись, ушел.

— Похоже, он забыл о трюме! — после некоторого молчания произнес кто-то.

— Ничего он не забыл, — ответил Соерз. — Последний раз, когда он его видел, трюм был сырым и грязным. Наверное, он просто не хотел пачкаться. Они еще вернутся. Давайте-ка все вытащим отсюда.

Им оставалось только одно: вернуть груды своего серебра обратно в море. В этот же день десять ведер монет были опущены на дно.

А на следующий день опять пришел Такиути вместе с тремя солдатами, которые дюйм за дюймом обшарили всю баржу. Водолазы следили за ними с выражением оскорбленной невинности.

— Мы так старались для вас, капитан, — с деланной обидой сказал Мо Соломон. — А вы заподозрили нас в воровстве или еще в чем-то!

— Не думаю, чтобы это было возможно, — огрызнулся Такиути, — воровство или еще что-то!

Когда он уводил с баржи свою инспекционную команду, его лицо было красным от досады. Он не нашел ни одной монетки. Но когда он найдет — всех этих американцев расстреляют!

Но этим японцы не ограничились. Когда следующим утром водолазы стали готовиться к погружению, на барже неожиданно появился агент кемпе. Он поговорил с Есобэ и начал раздеваться.

— Он собирается нырять, — сообщил Есобэ, — чтобы посмотреть, что вы там делаете на дне.

Водолазы переглянулись. Это был конец. Агенту нельзя было позволить всплыть живым. Но тогда они все тоже были обречены. Японцы не примут никаких объяснений в случае его смерти.

Особист приладил шлем и залез в воду. Бартон проверил воздушный шланг, Шитс поправил спасательный леер, прикидывая, как сорвет с него шлем, когда тот достигнет дна.

Особист взялся за уходящий вниз канат с якорем и стал погружаться. Но, опустившись лишь на несколько футов, вдруг снова всплыл, поднялся на суденьшко и, сняв шлем, подошел к Есобэ и стал с ним совещаться.

— У него клаустрофобия, — объяснил американцам Есобэ. — Он не может оставаться в шлеме. Он решил, что если бы вы делали внизу что-то не так, то не стали бы ему помогать готовиться к погружению.

Водолазы работали до поздней осени. К тому времени японцам стало ясно, что все серебро берется из бухты Кабалло. Но они так и не догадались, что его достают американские водолазы. Американцы ни за что не смогли бы провести кемпе!

Тайная полиция теперь официально рапортовала, что все пускаемое в обращение серебро берется из ящиков, выброшенных на берег тайфуном. На этом дело закрыли. Чтобы окончательно про него забыть, они прекратили и водолазные работы, чему все были рады, особенно американцы.

Водолазов отправили в Манилу работать портовыми грузчиками в бригаду, возглавляемую капитан-лейтенантом Джорджем Дж. Харрисоном, который руководил ими при затоплении серебра, и два следующих года они провели с «четырьмястами мошенников Джей Джея», занимавшихся саботажем перевоза транспортными судами противника военных грузов и продовольствия. О многих отпльвших кораблях, перегруженных с таким расчетом, чтобы они перевернулись при ветреной погоде, и имевших дырки в корпусах, больше никогда не слышали.

Все эти люди остались живы, за исключением Джорджа Чопчика, который умер в 1944 году на борту корабля, перевозившего пленных в Японию.

Что же касается серебра, то сразу после войны военно-морские силы США подняли его на сумму приблизительно

2 500 000 долларов, но потом прекратили работы. Ящики продолжали разрушаться от гниения и повреждений, нанесенных им американскими пленными водолазами, и усилия по их спасению стали обходиться дороже, чем стоило само серебро.

В 1947 году двое американцев заключили с филиппинским правительством контракт, но смогли поднять монет только еще на 250 000 долларов.

До сих пор на дне Кабалло-бей покоятся серебряные филиппинские песо, эквивалентные четырем с лишним миллионам американских долларов. Рассыпанные и занесенные песком после многих штормов, они, вероятно, останутся там навсегда — подводным памятником морякам, приложившим для этого все свои усилия.

«ТОЧЕЧКИ»

(как были расшифрованы секретные коды немцев)

Из мемуаров Дж. Эдгара Гувера, директора ФБР (США) с 1924 по 1972 год.

Однажды ранним январским утром 1940 года в нью-йоркскую гавань вошел теплоход, у поручней которого стоял пассажир, наблюдавший за только что прибывшими на борт лоцманом и береговыми чиновниками. Вся группа прошла мимо него, но один человек задержался и шепнул:

— Вы будете С.Т. Дженкинзом. Когда мы пристанем, отправляйтесь в отель «Бельвуар» и ждите в своем номере.

Вечером того же дня, прождав несколько часов, Дженкинз услышал, как в замке повернулся ключ, дверь в номер тихо открылась и к нему вошли два особых агента Федерального бюро расследований. Дженкинз, сотрудничавший с ФБР, пожал им руки и стал рассказывать:

— Я был курсантом нацистской шпионской школы в пансионе Клопшток в Гамбурге. Мой класс был выпущен две недели назад. В напутственной речи доктор Гуго Себолд сказал: «Огромную проблему для агентов фюрера в Северной и Южной Америках представляет поддержание связи с нами. И больше всего трудностей в этом отношении создают американцы. Однако скоро мы будем без риска раскрытия посылать и принимать сообщения по всему миру. Сейчас я не могу вам объяснить, каким способом это будет делаться, и скажу только, чтобы вы следили за точками — за многочисленными маленькими точками «между строчками!»

— Мне дали указания и отправили сюда, больше ничего не объяснив, — заключил секретный агент.

До этого момента мы держали немецких и японских шпионов, загнанными в угол, постоянно раскрывая изобретаемые врагом новые методы связи. Мы отслеживали их связных, «вычисляли» «почтовые ящики», расшифровывали коды и проявляли тайные чернила; мы отыскивали их радиопередатчики, иногда передавали по ним врагу свои сообщения. Однажды из кармана шпионского плаща были извлечены безопасные спички, четыре из которых, совершенно неотличимые от всех остальных, на самом деле были карандашиками, которые писали невидимо, а проявить написанное можно было только с помощью раствора, приготовленного из редкого лекарства. Мы прочитали и эти послания, и письма, отснятые на микропленку, которую намотали на шпульку и закрыли сверху шелковой ниткой, и сообщения на других микропленках, всунутых в корешки толстых журналов, а одна микропленка была спрятана в чернильную ручку, которую пришлось сломать, чтобы ее вынуть.

Все эти хитрости, а также многие другие мы раскрыли — но что это за «точки «между строчками»?

Первым делом мы вызвали в нашу лабораторию молодого ученого, специалиста в области цветной микрофотографии, и он стал заниматься экспериментами, основанными на кое-каких предположениях, возникших у нас относительно заявленного предмета гордости доктора Себолда. А между тем все агенты стали внимательно следить за появлением каких-нибудь подозрительных точек.

И вот как-то в августе 1941 года в поле нашего зрения попал молодой путешественник, прибывший в Соединенные Штаты с Балкан. Мы знали, что он был сыном миллионера, вместе с тем имелись основания считать его нацистским шпионом. Был произведен тщательный осмотр его вещей от ботинок до зубной щетки. Когда наш сотрудник из лаборатории взял в руки один из его конвертов так, чтобы свет падал на него под углом, он вдруг заметил, как что-то блеснуло. Одна точка — просто знак препинания — отражала свет.

Очень осторожно сотрудник при помощи лупы и иглы отделил это от конверта — частичку твердого материала, при-

крепленную к бумаге, где она выглядела как напечатанная на машинке точка. Увеличив ее под микроскопом в 200 раз, мы увидели, что это снимок целой машинописной страницы со шпионским текстом следующего содержания:

«Есть основания предполагать, что научные разработки в Соединенных Штатах по применению энергии атомного ядра продвинулись вперед в определенном направлении отчасти благодаря использованию гелия. Требуется дальнейшая информация об этих работах и в особенности:

1. Какие процессы применяются в Соединенных Штатах для получения обогащенного урана? 2. Где проводятся связанные с ураном испытания? (В университетах, промышленных лабораториях и т.д.) 3. Какие другие исходные материалы используются в этих испытаниях? Поручить только лучшим экспертам в этом вопросе».

Ну вот, мы и нашли это! Немецкие шпионские службы отыскали гениальный и эффективный фотографический способ уменьшения донесений, в результате чего они вполне сходили за напечатанные на машинке точки. Этот молодой агент, например, носил в своем кармане четыре телеграфных бланка, содержавших 11 лилипутских шпионских инструкций и указаний, выглядевших как знаки препинания. Также мы нашли крошечный кусочек микропленки, спрятанный под почтовой маркой и содержавший снимки 25 машинописных страниц!

На допросе балканский повеса был учтив и словоохотлив. Увидев, что нам все известно о точках, он откровенно рассказал все, что знал.

Он проходил обучение в Высшей технической школе в Дрездене под руководством знаменитого профессора Заппа, изобретателя точечного метода. Шпионские послания сначала отпечатывались на квадратных листках бумаги, затем фотографировались высокоточной миниатюрной камерой. В результате этого удавалось достичь уменьшения листа до размера почтовой марки. Его опять фотографировали, на этот раз через перевернутый микроскоп, бесконечно малое изображение экспонировалось на стеклянную пластинку, покрытую толстым слоем особой эмульсии. Проявленный негатив покрывался сверху коллодием так, чтобы эмульсию можно

было целиком снять со стекла. Затем, занимавшийся этим делом специалист брал шприц с иглой, у которой ее скошенное острие было отрезано ровно, а круглая кромка заострена, и, подобно тому, как пекарь вырезает из раскатанного теста перевернутой чашкой ровные кружки, отделял от эмульсионной массы нужную частичку.

После этого бумагу на конверте в том месте, куда хотели поставить точку, слегка расковыривали иглой, раздвигая ворсинки, и, приставив шприц, вдавливали туда частичку эмульсии со снимком, опуская шток. Другой очень тонкой иглой ворсинки бумаги надвигались обратно на точку, а сверху для закрепления наносилась капелька коллодиума. Для прочтения этих посланий нацистские агенты пользовались разборным микроскопом.

Теперь мы могли замечать и перехватывать сотни точечных посланий и, тщательно просматривая их, быть в курсе деятельности различных шпионских групп. Нацистские агенты были очень активны в добывании информации о движении наших судов через Панамский канал, о слабых местах его шлюзовой системы, о степени разрушений наших нефтяных складов при нападении на Перл-Харбор. У одного шпиона мы обнаружили смятый листок, который, на первый взгляд, казался обыкновенной памятной запиской о телефонном звонке с гостиничного коммутатора. Но при увеличении оказалось, что две точки на этом бланке содержат несколько посланий и среди них такое: «А теперь особое задание. Имеются сведения, что производимый в США ружейный порох практически бездымен и дает очень слабое дульное пламя. Желательно выяснить: какой цвет имеют дульное пламя и дым, а если возможно, то и состав этого пороха».

Пользовались точками и японцы. 12 февраля 1942 года было перехвачено точечное сообщение, помеченное в серии ему подобных № 90, вкрапленное в конверт с письмом, отправленным в Бразилию, и содержавшее инструкции из Токио для японского военно-морского атташе в Южной Америке.

Благодаря тому, что мы знали секрет этих точек, множество шпионов было арестовано. Однажды к нам попало послание, в котором упоминалось имя одной живущей в Мадриде женщины. В результате просмотра нашей обширной картотеки

выяснилось, что несколько лет назад она переслала по телеграфу деньги какому-то человеку в Штатах. Мы выяснили, что этот молодой человек вел праздный образ жизни в Вашингтоне, где некоторое время назад ухаживал за одной молодой американкой. Потом эта девушка вступила в WAC — Женский армейский корпус — и служила теперь на Тихоокеанском побережье. Как и всегда, вооруженные силы оказали нам содействие: молоденькой военнослужащей было предписано отправиться в Вашингтон, и через 15 минут после своего прибытия она появилась в отделении ФБР.

Насколько хорошо она знала этого человека? Прежде он был очень внимателен к ней, но его скрытное, какое-то затанное поведение отталкивало ее, и в конце концов она перестала с ним переписываться. Мы рассказали ей о своих подозрениях. Нам нужно было знать, что на уме у ее знакомого, и, как солдат армии Соединенных Штатов, девушка не могла не желать помочь нам разоблачить тайного врага, если он таковым являлся.

Было устроено так, что она «случайно» встретилась со своим поклонником на улице. Снова увидев ее, он очень обрадовался и попался на удочку, после чего девушка на протяжении следующего месяца вполне успешно играла роль Далилы. Вскоре ухажер, самонадеянно решивший, что она достаточно в него влюблена, чтобы стать сообщницей, стал рассказывать о своей шпионской деятельности и оказался за решеткой.

Самые серьезные последствия раскрытия точечной связи имело в южноамериканских странах, где нами было перехвачено множество писем, написанных разными людьми и содержащих фототочки, адресованных в Берлин. Любовные письма, семейная переписка, деловые послания, выглядевшие вполне безвредными, таили микроинформацию о способах взрыва захваченных и стоявших в южноамериканских гаванях судов держав Оси, о военном производстве и т.п. Эти письма были написаны разными почерками или напечатаны на машинке, но вкрапленные в них фототочки были явно приготовлены на одном оборудовании, а переснятые послания подписаны одной рукой. Следовательно, можно было сделать вывод, что их подготовкой и отправлением занимается одна организация. Прошло немного времени, и наступил день, когда во

многих городах Южной Америки местные власти провели при взаимодействии с нашими агентами аресты в магазинах, офисах и домах нацистских агентов — членов разветвленной шпионской сети и врагов Соединенных Штатов.

Это лишь примеры успешного противодействия агентуре противника, ставшего возможным благодаря упоминанию о точках, переданному нашим сотрудником, действовавшим под самым носом доктора Себолда.

КТО ПОГУБИЛ «КРАСНУЮ КАПЕЛЛУ»?

Одной из самых известных советских разведывательных организаций, действовавших в Западной Европе во время Второй мировой войны, была так называемая «Красная капелла». На самом деле это было несколько разведывательных сетей. Часть резидентур, действовавших в Германии, Франции, Голландии, Бельгии, была подчинена НКГБ СССР, часть — советской военной разведке. Но контрразведывательные службы нацистской Германии не знали этих подробностей и дали кодовое название «Красная капелла», полагая, что раскрыли единую разведсеть.

Первый ощутимый удар советские спецслужбы получили в декабре 1941 года, когда в Брюсселе был арестован радист Михаил Варфоломеевич Макаров (кличка Аламо и Хемниц). В 1942—1943 годы германской контрразведке удалось захватить восемь радиопередатчиков, шесть из которых позднее возобновили свою работу, но под немецким контролем. В руки гитлеровцев попали резиденты Леопольд Треппер (Отто), Анатолий Маркович Гуревич (Виктор Сукулов, Кент), Константин Лукич Ефремов (Паскаль, Поль), Иоганн Венцель (Герман), другие советские разведчики.

Треппер, Гуревич, Венцель пережили гитлеровские, а затем сталинские застенки. О судьбе Макарова и Ефремова достоверных сведений нет.

В 1990 году в Москве вышла книга Л. Треппера «Большая игра (Воспоминания советского разведчика)». Анализируя происшедшее, автор упрекает некоторых своих товарищей в предательстве, практически ничего не рассказывая при этом об ошиб-

ках и недочетах, допущенных его «Центром». Но 27 октября 1945 года начальник Главного управления контрразведки Смерш Абакумов направил начальнику Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии генералу Кузнецову аналитическую справку о недочетах в подготовке, заброске и работе с агентурой со стороны аппарата ГРУ. Этот документ предлагается вниманию читателей с сокращениями.

Конечно, нельзя исключить, что показания Л. Треппера, А. Гуревича и И. Венцеля были добыты Смершем незаконным путем, с целью дискредитации ГРУ. Скорее всего, так оно и было. Но в предисловии к книге Л. Треппера кандидат военных наук А.И. Галаган обращает внимание читателя на те же ошибки «Центра», что были указаны в справке Смерша.

Истребление опытных кадров, замена их малокомпетентными и неопытными работниками отрицательно сказывались на работе советской разведки. Однако даже находясь под контролем немцев, Треппер и его товарищи продолжали работать на Советский Союз.

До сего времени считалось, что один из виновников провала «Красной капеллы» (будем использовать это широко известное название) — резидент советской разведки Кент. Такого мнения придерживались, например, и Л. Треппер, и А.И. Галаган. Но бригада юристов Главной военной прокуратуры, возглавляемая подполковниками В.К. Левковским и А.И. Эрфуртом, обстоятельно изучив дело, пришла к выводу, что А.М. Гуревич невиновен. К счастью, он был реабилитирован при жизни.

Фамилии некоторых советских разведчиков и сотрудников аппарата ГРУ в публикации изменены.

(По материалам Л. Решина в газете «Совершенно секретно».)

27 октября 1945 г.

Главное Разведывательное Управление

Генштаба Красной армии

товарищу Кузнецову лично

При этом направляю справку о недочетах в подготовке, заброске и работе с агентурой за границей, со стороны аппарата Главного Разведывательного Управления Красной армии.

Приложение — по тексту

АБАКУМОВ

Во второй половине 1945 года Главным Управлением «СМЕРШ» были арестованы закордонные агенты и резиденты Главного Разведывательного Управления (ГРУ) Красной армии ТРЕППЕР Л.З., ГУРЕВИЧ А.М., РАДО А., ЯНЕК Г.Я., ВЕНЦЕЛЬ И.Г. и другие, оказавшиеся германскими шпионами.

В процессе следствия по делам этих арестованных, наряду с разоблачением их вражеской деятельности, выявлены недочеты в подготовке, заброске и работе с агентурой за границей со стороны аппарата ГРУ.

Так, арестованным в июле 1945 года резидент ГРУ в Бельгии ГУРЕВИЧ (кличка «Кент») показал, что он был подготовлен наспех, а переброска его в Бельгию была организована непродуманно.

По этому вопросу ГУРЕВИЧ показал следующее: «Перед переброской меня за границу, по существу, я никакой подготовки не получил. Правда, после оформления моей вербовки полковником СТРУНИНЫМ я был направлен на курсы при разведшколе ГРУ, но они для практической работы ничего, по существу, не дали. На этих курсах я в течение пяти месяцев изучал радиодело, фотодело и был ознакомлен с общим порядком конспиративных встреч с агентурой за границей.

Следует указать, что ознакомление с порядком встреч с агентурой в условиях конспирации было очень поверхностным. На этот счет мы знакомились с материалами, составленными, главным образом, возвратившимся из-за границы работником ГРУ БРОДИНЫМ, в которых обстоятельства встреч и сама конспирация их излагались очень неконкретно и, я бы сказал, даже примитивно. Такая система обучения для меня, неискушенного в тот период человека, казалась вроде бы нормальной, но когда я столкнулся с практической работой за границей, то убедился, что она была не только недостаточной, а совершенно неприменимой в условиях нелегальной работы».

Как заявил ГУРЕВИЧ, вначале он должен был ехать для работы в Бельгию через Турцию, для чего ему были изготовлены соответствующие документы. Однако в связи с отказом турецких властей в выдаче ГУРЕВИЧУ визы, ГРУ за несколько часов до отъезда ГУРЕВИЧА изменил маршрут его следования в Бельгию, предложив ехать через Финляндию, Шве-

цлю, Норвегию и Францию под видом мексиканского художника, побывавшего несколько месяцев в Советском Союзе.

По вопросу о полученной легенде ГУРЕВИЧ показал: «Надо сказать, что данная мне легенда была очень неудачной хотя бы потому, что я в связи с недостаточностью времени не мог получить никакой консультации о Мексике, об ее внутреннем положении, условиях жизни и даже ее географических данных. Кроме того, испанский язык, являющийся основным в Мексике, я знал далеко не достаточно для мексиканца и говорил на нем с явно выраженным русским акцентом. Таким образом, в пути следования я был не в состоянии отвечать на самые простые вопросы о положении в Мексике, а это, бесспорно, навлекало на меня всевозможные подозрения.

Будучи в Париже, я встретился там со связником ГРУ, который вручил мне паспорт на фамилию уругвайского коммерсанта, а я ему сдал свой мексиканский паспорт.

Получая паспорт уругвайского гражданина, я был совершенно недостаточно осведомлен о жизни Уругвая. Когда этот вопрос я поднял, еще будучи в Советском Союзе БРОДИН сказал, что такая возможность мне будет предоставлена.

Действительно, спустя некоторое время мне была представлена для ознакомления коротенькая справка, написанная от руки на 2 страницах одним разведчиком, находившемся в Уругвае очень короткий промежуток времени. Причем в этой справке были указаны две улицы Монтевидео, названия нескольких футбольных команд и подчеркнуто, что население, особенно молодежь, часто собирается в кафе. Ни географического, ни экономического и политического положения в этой справке освещено не было. Я даже не знал фамилии президента «моего государства», т.к. по этому вопросу в ГРУ имелись противоречивые данные.

Когда я заметил БРОДИНУ, что этих данных для меня недостаточно, он обещал мне их дать, но их в ГРУ не оказалось, и мне в последний день перед объездом было предложено пойти в библиотеку имени Ленина и ознакомиться там с Уругваем по БСЭ. Естественно, что и там нужных мне данных, как для коммерсанта из богатой уругвайской семьи, найти, конечно, не представилось возможным».

Арестованный Главным Управлением «СМЕРШ» резидент ГРУ во Франции ТРЕППЕР (кличка «Отто»), объясняя причины провала своей резидентуры, показал: «Резидент МАКАРОВ (кличка «Хемниц»), несмотря на то что он как будто бы прошел специальную школу, не знал самых элементарных понятий о разведработе, не говоря уже о том, что он не знал ни одного иностранного языка. Кроме того, «Хемниц» должен был проживать как уругваец, в то время как он не имел никаких понятий о его «родной стране» и еще менее о стране, в которой ему пришлось работать. Такие же самые недочеты мне пришлось наблюдать и при моей встрече с резидентом ЕФРЕМОВЫМ (кличка «Поль»). Главной задачей группы «Поля» было информировать ГРУ о передвижении номерных частей через Бельгию, но при моей встрече с «Подем» оказалось, что ни «Поль» и никто из его группы не имел элементарного представления о знаках различия немецкой армии».

Бывший агент ГРУ «Берг» рассказывала, что, будучи перебросенной в Италию для выполнения специального задания, она не могла там легализоваться вследствие слабой подготовки и данной ей в ГРУ непродуманной и громоздкой легенды. Она заявила:

«Основная причина трудности работать в Италии — это несоответственность и громоздкость моей легенды.

Я была послана с легендой, что родилась на Кубе, жила в Испании, ездила в Америку, Францию, жила в Бельгии, затем через Голландию, Норвегию попала в Швецию, пожила в Стокгольме, а оттуда, направляясь на Кубу, через Италию приехала в Советский Союз и, наконец, через Румынию и Югославию прибыла в Рим. Для укрепления и подтверждения моей легенды ничего не было сделано. Я не могла показать ни одного письма с кубинской маркой и вообще ничего напоминающего о Кубе. Кроме того, общеизвестно, что в природе не существует кубинок с моим цветом волос и лица.

...Я знала слишком мало о Кубе. Больше того, что было прочитано мною перед отъездом в энциклопедическом словаре в Риме, мне найти не удалось. На вопросы знакомых я описывала Гавану и кубинскую жизнь по тому, как я представляла в своем воображении по песням и фильмам».

Арестованный ГУРЕВИЧ показал, что ГРУ неправильно наметило ему маршрут следования через Ленинград, где он на протяжении длительного времени проживал, работал и имел много знакомых, что привело к его расшифровке.

Экипировка ГУРЕВИЧА была также не в соответствии с данной ему легендой.

По этому вопросу ГУРЕВИЧ показал:

«...Выезжая из Советского Союза, я, по легенде, до этого находился в Нью-Йорке и других странах, а вез с собой только один небольшого размера чемодан, в котором находились: одна пара белья, три пары носков, несколько носовых платков и пара галстуков, в то время как иностранные туристы, побывавшие в других странах, везут с собой в качестве багажа по несколько чемоданов с различными носильными вещами, большое количество различных фотографий, личных писем и т.д.

По приезде в Хельсинки я должен был... явиться в Интурист и получить билет на самолет, следовавший в Швецию. Когда я обратился к швейцару Интуриста, поскольку других работников в воскресенье не было, и спросил его на французском языке о том, что мне должен быть заказан билет на самолет, он предложил мне говорить на русском языке, дав понять, что он знает о том, что я русский, и играть в прятки с ним не следует. К тому же надо отметить, что сам факт, связанный с предварительным заказом билетов через Интурист, не вызывался никакой необходимостью, поскольку это можно было бы сделать без всякой помощи».

Аналогичные затруднения по вине ГРУ, как заявил ГУРЕВИЧ, он встретил также и в других странах. «По приезде в Париж я на другой день должен был зайти в кафе «Дюспо», находящееся на Криши, для встречи со связником. При этом было обусловлено, что при входе в кафе я займу места за заранее определенным столиком, закажу чай, немедленно расплачусь за него и буду читать Французскую газету. Связник должен был точно так же находиться в кафе, сидеть за столом, имея на столе французский журнал. Здесь мы должны были друг друга только видеть, сами же встречи должны были произойти немедленно по выходу из кафе, около дома номер 12 или 140 по Криши.

Прибыв по указанному адресу, я не нашел кафе с названием «Дюспо». В этом доме находилась закусочная, рассчитанная на обслуживание шоферов конечной автобусной останов-

ки; под названием «Терминус». При входе в закусочную я увидел, что там имеется всего 2 стола, за которыми посетители обычно играли в карты. Посетители же в основном заказывали вино и горячее кофе, как это принято в закусочных во Франции. То, что я заказал чай, вызвало смех у официанта, и мне было предложено кофе, говоря, что чаем они вообще не торгуют. Я пробыл в кафе более получаса, однако связника ГРУ не встретил. Полагая, что, возможно, был перепутан адрес, я попытался разыскать на этой улице нужное мне кафе, однако его не нашел. В действительности же оказалось, что несколько лет тому назад в помещении, в которое я заходил, было именно кафе «Дюспо», но впоследствии оно было преобразовано в закусочную».

ГУРЕВИЧ также заявил, что ГРУ ему было предложено по приезде в Брюссель остановиться в гостинице «Эрмитаж». Оказалось, что эта гостиница уже 5 лет тому назад была превращена в публичный дом и иностранцы там не останавливались.

Арестованный ТРЕППЕР показал, что крупным недочетом в работе за границей, который приводит к провалам, является несвоевременное снабжение зарубежной агентуры документами и плохое их оформление. По заявлению ТРЕППЕРА, находясь в Брюсселе, он получил из Москвы паспорт для въезда во Францию. В паспорте должна была быть указана профессия — журналист. В действительности же, при получении паспорта, в нем была указана профессия не журналист, а «журналь», что означает — поденщик. Естественно, что поденщик, едущий в международном вагоне, сразу же вызвал бы подозрение у французской пограничной полиции.

Арестованный ГУРЕВИЧ о качестве полученных им из ГРУ документов показал: «Выбор уругвайского паспорта для меня, как легализующего документа, не был достаточно хорошо продуман и подготовлен ГРУ. В Бельгии уругвайских подданных были считанные единицы, в то же время в полиции зарегистрировались одновременно два вновь прибывших уругвайца.

Это был агент ГРУ МАКАРОВ — коммерсант, родившийся в Монтевидео и купивший предприятие в Остенде, и я, тоже родившийся в Монтевидео и тоже занимавшийся торговой деятельностью в Бельгии. Причем наши паспорта были выданы в уругвайском консульстве в Нью-Йорке. Один был выдан в 1936 году,

а другой в 1934 году. Номера же этих паспортов были последовательны, так, если один был за № 4264, то другой был за № 4265».

Направленному в Италию агенту «Берг» ГРУ, как она заявила, способов легализации не указал, в связи с чем она по своей инициативе пыталась устроиться на учебу в одну из консерваторий в Риме. Для этого ей необходим был документ, который бы свидетельствовал об окончании ею начального музыкального образования. ГРУ выслал «Берг» документ, однако из-за его недоброкачества она его использовать не могла, т.к. документ имел дату, хронологически не совпадающую с ее легендой. Кроме того, на печати кубинского музыкального учебного учреждения в документах было написано русское «к». «Берг» также рассказала, что письма, направляемые ей ГРУ с целью подтверждения ее легенды, были оформлены настолько небрежно, что, кроме вреда, ничего принести не могли. Они были с грамматическими ошибками и пропусками букв. Адрес на конвертах был написан по образцу, принятому в Советском Союзе, т.е. сначала город, улица, фамилия, имя, а не наоборот.

По показанию арестованных устанавливается, что ГРУ направило за границу большей частью неисправные радиостанции и при отсутствии радиоспециалистов там создались большие трудности в их использовании.

Арестованный ТРЕППЕР по этому вопросу показал: «В начале 1939 года ГРУ в первый раз была поставлена задача подготовки и создания собственной радиосвязи с центром. Эта задача была возложена на «Хемница», который как будто прошел до приезда полную техническую радиоподготовку. «Кент», после своего приезда, имел задачу помочь ему в этом направлении, и его ГРУ также считало вполне подготовленным к этой работе. На практике оказалось, что ни тот, ни другой подготовки не имели и эту работу до конца довести не смогли. В то же самое время все полученные приборы оказались в неисправном состоянии. В начале 1940 года, видя, что они не справятся с этой работой, я потребовал от ГРУ или прислать мне настоящего техника, или разрешить вербовать техников среди лиц, близких к компартии. ГРУ обещало мне, что необходимый техник будет прислан. Однако ГРУ такого специалиста не прислало, и в начале июня 1941 года агентура в Бельгии осталась полностью отрезанной от центра. При моем приезде из

Бельгии во Францию, в июле 1940 года, когда я приступил к налаживанию агентуры во Франции, я констатировал, что ГРУ не может мне дать никакой помощи как в технических приборах, так и в техниках для налаживания радиосвязи с центром.

После продолжительных требований мне удалось только в июне 1941 года получить две радиостанции, которые приходилось в исключительно тяжелых условиях нелегальной работы перебрасывать в оккупированную французскую зону и в Бельгию. Но и тогда оказалось, что обе эти радиостанции по техническим причинам не были пригодны к введению в строй.

Как мне удалось узнать уже после моего ареста немцами, в конце 1941 года ГРУ в Бельгию и Голландию были направлены с парашютистами радиоаппараты. Парашютисты были захвачены немцами, но, как рассказали немцы, аппараты были неисправны и ими нельзя было пользоваться».

Об обеспечении ГРУ Красной армии зарубежной агентуры деньгами арестованный ТРЕППЕР показал:

«К началу войны ни одна из известных мне групп не была снабжена центром нужными средствами для продолжения своей работы, несмотря на то что уже видно было, что большинству групп придется работать изолированно и что во время войны они не смогут снабжаться средствами из центра. ...Я лично, пользуясь средствами созданной мною, с санкции ГРУ, коммерческой фирмы «ЭКС», имел возможность за все время войны снабжать средствами наши группы, однако группа «Гарри» во Франции, «Поль» и «Герман» в Бельгии, группа в Голландии, резидентуры в Берлине, Чехословакии и в других странах оставались полностью без средств. Тяжелое и безвыходное положение групп ГРУ приводило к почти полному свертыванию работы».

Арестованные ТРЕППЕР и ГУРЕВИЧ показали, что с начала войны Германии против Советского Союза Главным Разведывательным Управлением было дано указание о том, чтобы резидентуры, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Германии, связать между собой.

Это обстоятельство привело к тому, что провал группы «Хемница» в декабре 1941 года в Бельгии поставил под удар все остальные резидентуры.

Так, арестованный ГУРЕВИЧ заявил: «Перед отъездом из Москвы ГРУ указало мне, что в связи с провалами принято

решение — не создавать больших резидентур, а работать небольшими группами. После того как ГРУ приняло решение о моем оставлении работать в Бельгии в качестве помощника резидента «Отто», мне бросилось в глаза то обстоятельство, что резидентура в Бельгии насчитывает большое количество людей, находящихся на твердой зарплате и практически не проводивших никакой разведывательной работы и знающих о существовании нашей организации. Я обратил на это внимание «Отто», но получил ответ, что все эти люди предусмотрены на военное время... Провал 1941 года произошел из-за неправильной организации разведгруппы в Бельгии и Франции под единым руководством резидента «Отто» с большим количеством агентов и отсутствия конспирации в работе...»

Арестованный ТРЕППЕР показал: «Все указания ГРУ по вопросу о том, чтобы связать между собой резидентуры, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии и Германии, создали исключительно благоприятную почву к провалам, которые по этой причине произошли. Провал в Братиславе привел к провалу резидента «Герман», провал в Голландии, как и провал «Германа», привел к провалу «Поля», провал «Хемница» — к провалу «Кента». Все вышеперечисленные группы, работавшие во Франции, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Германии и Чехословакии, будучи связаны между собой, привели к тому, что к началу крупного провала 13 декабря 1941 года группа «Хемниц» подвела под удар все остальные группы. В результате это привело к провалу крупной части разведывательной сети в Центральной Европе».

Кроме того, провалу советской агентуры в Бельгии, Франции и Германии в значительной степени, как показали арестованные ТРЕППЕР и ГУРЕВИЧ, способствовало грубое нарушение правил конспирации в шифровальной работе.

Арестованный ГУРЕВИЧ показал: «ГРУ дало мне указание выехать в Германию и обучить моему шифру радиста в Берлине. Я ответил, что считаю неправильным такое указание, т.к. таким образом телеграммы, направляемые мной в Москву в течение длительного периода времени, в случае провала агента-радиста, могут быть немцами расшифрованы. Несмотря на это, Москва все же подтвердила это указание. Я передал во время моего пребывания в Берлине ШУЛЬЦУ один из ранее

использованных мною шифров и обучил его шифровальному делу. Кроме того, я также подготовил к шифровальному делу агента в Швейцарии Александра РАДО».

Кроме того, когда в Брюсселе немцами были арестованы «Хемниц» и «Аннет», ГУРЕВИЧ и ТРЕППЕР сообщили об этом в ГРУ и потребовали немедленной замены шифра, однако ГРУ также не приняло никаких мер, и они продолжали поддерживать связь с Москвой, используя шифр, захваченный немцами при аресте «Хемница» и «Аннет».

ГУРЕВИЧ и ТРЕППЕР также показали, что в шифре, которым они пользовались, отсутствовали условные сигналы на случай работы по принуждению. Это обстоятельство не давало им возможности сообщить ГРУ о вербовке их немцами и использовании их в радиоигре с ГРУ. Следует также указать, что ГРУ требовало непрерывной и продолжительной работы радиостанций, что облегчало иностранным контрразведывательным органам пеленгацию и ликвидацию радиостанций.

Так, радисты группы «Андре» в Париже находились у аппарата непрерывно по 16 часов.

Арестованный агент РАДО (кличка «Дора»), работавший в Швейцарии, показал, что провал возглавляемой им резидентуры в Швейцарии начался с ареста радистов «Эдуарда», «Мауда» и «Рози», которые, по всем данным, были запеленгованы швейцарской полицией. Установить нахождение указанных радиостанций, как показал РАДО, путем пеленгации особого труда не составляло, т.к. волны, на которых работали радиостанции, и их позывные ГРУ не менялись в течение двух лет. При этом, по требованию ГРУ, работы на радиостанциях проводились каждый день, и сеанс работы длился от двух до шести часов непрерывно.

Наряду с этим ГРУ часто требовало повторения уже переданных в Москву радиogramм. В связи с этим радисты вынуждены были создавать архив уже отправленных радиogramм. При аресте «Хемница» и «Германа» немцы нашли у них ряд копий отправленных радиogramм.

Арестованные резиденты ГРУ ГУРЕВИЧ, РАДО и другие показали, что на неоднократные их просьбы — дать конкретные указания по тому или иному вопросу, Главное разведывательное управление ограничивалось молчанием.

Так, ГУРЕВИЧ по этому вопросу показал: «Когда «Отто» принял решение передать мне бельгийскую резидентуру и стал ее передавать в присутствии представителя ГРУ Быкова, я отказался ее принимать и указал, что «Отто» неправильно информирует ГРУ о работоспособности бельгийской организации, и просил Быкова по прибытии его в Москву доложить начальнику ГРУ о действительном положении дел в Брюсселе. Я обрисовал Быкову полную картину бельгийской организации, которая должна была привести, по моему мнению, к провалу.

Кроме того, мною было также послано в ГРУ письмо, в котором я указывал, что принцип вербовки, допущенный «Отто», для нашей организации является ошибочным, что не следует полностью вербовать наших работников за счет еврейской секции коммунистической партии Бельгии, что наличие в нашей организации людей, которые по их личному положению должны уже нелегально проживать в стране, увеличит только возможность провала. Это я подтвердил и Быкову. Несмотря на это, никаких указаний от ГРУ в части работы нашей группы в Бельгии не последовало...»

27 октября 1945 года

*Помощник начальника главного
управления «СМЕРШ»*

генерал-лейтенант МОСКАЛЕНКО

МАРИНЕСКО: ПРАВДА И МИФЫ

*(По материалам В. Салонцова,
участника Великой Отечественной войны)*

Море манит в свои бескрайние просторы. Для моряка море — это жизнь и работа, и все это неразрывно связано с романтикой, приключениями и стихиями. Люди слабые постепенно уходят на материк, а в море остаются те, у кого достаточно сил и мужества, чтобы преодолевать трудности морской службы.

В годы войны море становится грозным, поскольку оно подвергается массовому минированию. Так было и с Балтийским морем, где заливы, фьорды и фарватеры были закрыты минными заграждениями. Плавание для кораблей и судов стало смертельно опасным. Обе воюющие стороны очищали свои коммуникации, а где было возможно — переводили корабли в другие, более безопасные фарватеры.

Германское командование стремилось закрыть выход в Балтийское море советскому Балтийскому флоту, базирующемуся в Ленинграде и Кронштадте. Для этой цели противник тщательно заминировал финское побережье залива. Например, в районе острова Гогланда было выставлено около 6 тысяч мин, в районе острова Наргина (теперь — Нейссаар) — около 2 тысяч.

Фарватеры для выхода из Финского залива были не только заминированы, но и перекрыты противолодочными сетями.

Воевавшие на Балтике говорили, что воды Финского залива были как «суп с клецками».

И не случайно немецкий контр-адмирал Арнсвольд счел очень смелыми операциями прорывы русских подводных лодок через минные поля Финского залива.

Именно в Финском заливе «пропадали без вести» многие наши подводные лодки. Родным о погибших сообщали: «...пропал без вести».

Всего за период войны на минах подорвались 70% лодок.

На Балтике действовало тринадцать подбодных лодок типа «С». Но из них до победы уцелела лишь одна — С-13 под командованием капитана 3 ранга Александра Ивановича Маринеско.

К началу финской кампании Маринеско командовал подводной лодкой М-96. Он добился отличной боевой подготовки экипажа, например, удачно снизил норматив срочного погружения с 35 секунд до 19,5 секунды. Его опыт переняли командиры других лодок, что не раз выручало их при внезапных встречах с кораблями и авиацией противника и при торпедных атаках.

За эти достижения командующий флотом поощрил экипаж М-96 премией в размере 3900 рублей (сумма эта в то время была огромной), а народный комиссар ВМФ наградил командира лодки Маринеско именными золотыми часами.

В июне 1941 года, отлично подготовленная М-96 несла дозорную службу в устье Финского залива.

Вечером 10 августа 1942 года из Кронштадта вышла группа кораблей. Впереди шли три тральщика, за ними подводная лодка Л-3 под командованием П.Д. Грищенко, затем М-96, и замыкали колонну два морских охотника.

С 12 по 14 августа в районе Хельсинки—Таллинн Маринеско вел разведку. В первый день при форсировании Гогландской противолодочной позиции лодка была обнаружена дозорными кораблями фашистов, которые начали ее преследовать. Создалась опасная ситуация, и чтобы выйти из нее, Маринеско придумал рискованный план. Он сделал несколько дерзких маневров на чистом участке моря, а потом вдруг направил лодку на минное поле, заставив тем самым дозорные корабли отстать от него, после чего он безопасно ушел на глубину.

Потом лодка продолжила выполнение задания штаба — галс за галсом прошла весь маршрут.

На обратном переходе с прорывом противолодочного заграждения у берега Порккала-Удд акустик доложил, что слышит частые взрывы.

Что же это означало?

Маринеско поднял перископ и увидел транспорт водоизмещением около 7000 тонн и две шхуны, шедшие под охраной трех боевых катеров. Эти катера в порядке профилактики бросали глубинные бомбы, то бишь «пугали», и тем самым выдавали движение своего конвоя.

Сложилась удобная ситуация для торпедной атаки. Маринеско пошел в атаку и дал залп из правого торпедного аппарата.

Прогремел взрыв, и через перископ командир увидел поднятую над морем корму транспорта с вращающимся гребным винтом. Транспорт тонул.

Катера сначала сбились в кучу, а потом кинулись бомбить район. Они сбросили двенадцать глубинных бомб, от гидравлических ударов которых на лодке были повреждены измерительные приборы, в некоторых отсеках погас свет, в районе четвертой цистерны главного балласта лопнул шов прочного корпуса и вышел из строя гидрокомпас.

Командир пятой боевой части А.В. Новиков немедленно организовал борьбу за живучесть корабля.

С места атаки лодка, по мнению фашистов, должна была отходить в сторону Кронштадта, поэтому противолодочные катера пошли в этом направлении. Но Маринеско поступил наоборот, он повел лодку в направлении к Палдиски, то есть туда, где располагался сам противник, и благодаря этой смелой тактике оторвался от бомбежек.

По уточненным данным, затопленным оказался транспорт «Хелена». Потом М-96 маневрировала в районе противника, при этом экипаж восстанавливал поврежденные приборы и устранил другие неполадки.

За четверо суток командир собрал сведения о движении судов противника, о системе дозоров в море, о фарватере, после чего взял курс на Кронштадт.

Обратный путь был трудным. Половину его лодка прошла в подводном положении, ей пришлось очень осторожно форсировать более 20 линий минных заграждений, лодка трижды касалась минрепов и каждый раз была на грани гибели.

В назначенной точке моря лодку встречали наши катера. Здесь и случилось недоразумение.

Когда лодка всплыла, она вдруг неожиданно попала под артиллерийский обстрел советских катеров. Маринеско объявил «срочное погружение», и лодка провалилась в глубину. Вскоре она всплыла на поверхность между катерами. Те, чтобы не попасть друг в друга, перестали стрелять. Маринеско выскочил наверх и обложил катерников такими морскими ругательствами, что те перестали стрелять.

Командир звена катеров старший лейтенант А.З. Парокин узнал Александра Ивановича Маринеско. Объяснились. Парокин сказал, что на рубке лодки — свастика. Осмотрели рубку, и оказалось, что из-за облесшей краски получился какой-то похожий рисунок.

Катера провели лодку до базы. А на лодке матросы говорили:

«Хорошо, что на катерах хреновые артиллеристы, а если бы были отличники, то могли бы нас утопить. А эти никого даже не ранили. Но наградить их, конечно, не за что».

За этот поход весь экипаж подводной лодки был награжден орденами и медалями, а командир Маринеско удостоился ордена Ленина. Он им очень гордился и носил его на груди всю жизнь.

В ноябре 1942 года на этой же «Малютке» Маринеско выполнил особое задание: в тылу немцев на участке побережья Невского залива высадил, а затем взял обратно на базу нашу разведывательно-диверсионную группу.

В том же месяце ему было присвоено звание капитана 3-го ранга. Маринеско повысили в должности, назначив командиром С-13 — подводной лодки среднего водоизмещения.

В связи с прорывом блокады Ленинграда весной 1944 года появилась возможность вызвать эвакуированные семьи. Подводники были этому рады. Жена Маринеско Нина Ильинична с десятилетней дочерью Лорой приехала в Кронштадт.

С-13 имела пушки калибром 100 и 45 мм. Артиллерийское вооружение оказалось достаточно эффективным. Это качество удалось использовать 9 октября 1944 года при атаке вооруженного транспорта в районе Данцигской бухты. Маринеско первым обнаружил немецкий транспорт «Зигфрид» водоиз-

мещением 5000 тонн и вышел на позицию для атаки. Понятно, что «Зигфрид» шел в состоянии повышенной боевой готовности. Он обнаружил подводную лодку и немедленно приготовился к маневрированию.

Маринеско дал первый залп двумя торпедами носовых аппаратов.

Транспорту повезло. Наблюдатели увидели следы торпед, и командиру удалось отвернуть судно от ударов. Во второй раз наблюдателям противника снова посчастливилось. Они опять заметили следы торпед следующего залпа, и транспорт снова уклонился от ударов.

Командир «Зигфрида» понял, что подводная лодка израсходовала основной запас торпед. Но, как оказалось, это не спасло его корабль.

Не имея времени перезарядить торпедные аппараты, Маринеско решил уничтожить транспорт артиллерийским огнем. Лодка всплыла. Артиллеристы молниеносно навели стволы орудий на транспорт и открыли огонь, с транспорта ответили из пушки и автоматов.

Подводная часть корпуса транспорта была разбита, и вскоре он затонул.

За этот бой Маринеско был награжден орденом Красного Знамени, остальные члены экипажа — орденами Отечественной войны, Красной Звезды и медалями.

Поражения Германии в войне, безусловно, отразились на загруженности морских коммуникаций, в том числе и на Балтийском море. Коммуникации более плотно стали контролироваться советскими подводными лодками. Иначе и не могли быть.

Благодаря победам Советской армии Финляндия была выведена из числа союзников Германии, и 19 сентября 1944 года СССР заключил с ней соглашение о перемирии. Финское правительство позволило нашему командованию разместить часть подводных лодок на военно-морских базах этой страны.

Там же базировалась и С-13. Экипажи изредка уходили в увольнение на берег — «для размагничивания», как говорил Маринеско.

В городе Турку у Маринеско завязалось знакомство с хозяйкой гостиницы. У нее он и капитан 3-го ранга П. Лобанов

встречали Новый 1945 год. Это была прекрасная и незабываемая новогодняя ночь. Симпатичная хозяйка, богатый стол, разнообразные блюда за ужином, вина — по вкусу, романсы и танцы. И главное — молодость!

Хозяйка гостиницы была патриотичной шведкой и в то же время симпатизировала русским морякам, радовалась их успехам на море.

Возвратился Маринеско на лодку с опозданием, несмотря на вызов.

В 1942 году на Балтийский флот приезжал начальник главного политуправления флота генерал-полковник И.В. Рогов, которого за крутой характер называли «Иваном Грозным». Тогда он сказал офицерам-командирам: «Не шпыняйте офицеров, создайте им лучше все условия для отдыха. А вернувшись из похода командиру дайте возможность встряхнуться, пусть погуляет в удовольствие, он это заслужил. Снимите лишнюю опеку с людей, которые смотрят в глаза смерти».

Несмотря на это наставление Рогова политработники чрезмерно «опекали» Александра Маринеско. С ним беседовали, его распекали, ругали за «связи» с иностранцами и стремились подавить его волю.

А ведь он потопил уже два транспорта противника и готовился к новым походам.

К январскому походу 1945 года из «эсок» оставалась в строю лишь С-13 и заменить Маринеско было нечем. Поэтому его решили потихоньку «сплавить» в боевой поход. По его личной просьбе предоставили ему искупить «вину» кровью. Командир дивизионных подводных лодок Александр Евстафьевич Орел сказал ему:

— Иди, Саша, и без победы не возвращайся. Иначе — не простят.

Но Маринеско шел в поход не для того, чтобы «вымаливать» прощение, а чтобы воевать с противником.

Вечером 13 января С-13 вошла в заданный район вблизи Данцигской бухты. Площадь участка была огромной — 150 миль в ширину и 40 — в длину. Естественно, это затрудняло поиска целей для атак. Маринеско решил маневрировать ближе к банке Штольпе-Банк, откуда легче было контролировать движение фашистских кораблей.

13 января Александру Ивановичу исполнилось 32 года. К этому времени он уже успел совершить три боевых похода на «Малютке» и теперь был второй поход на С-13. На его счету были два потопленных транспорта, высадка разведывательно-диверсионной группы и охрана острова Эзель.

Но беды не обошли его стороной. Осколком бомбы был смертельно ранен его отец, скончался он перед выходом лодки в боевой поход. И семья начала разваливаться. Нашлись «благожелатели», которые насплетничали жене Нине Ильичне про мужа, а тот и сам поверил сплетням про ее поведение в эвакуации.

Однако в походе нельзя было поддаваться эмоциям, чтобы не сорвать выполнение боевой задачи.

Шторм не утихал, 17 января он достиг 9 баллов, поэтому утром лодка легла на грунт на глубине пятидесяти метров.

При вспльгтии следующей ночью огромная волна чуть было не смыла за борт мичмана Торопова, мичмана удержал на палубе старший краснофлотец Юров. В эту же ночь из радиосообщения узнали, что наши войска 7 января освободили Варшаву.

В последующие дни транспортов или кораблей противника не видели. Только 21 января утром Иван Шнапцев доложил командиру, что слышит отдаленные взрывы глубинных бомб.

«Что же это может значить?» — думал Маринеско.

Бомбежки повторились и 22 и 23 января.

Шторм продолжался. При вспльгтиях в ночное время лодку сильно качало и клало под 45 градусов на борт. Обслуживать механизмы было трудно. Антенна, леерные стойки с ограждением и палуба покрывались сплошным льдом. Ходить по палубе было скользко и опасно.

Из оперативной сводки подводники узнали о выходе наших войск на побережье Данцингской бухты.

Но поиски противника как днем, на перископной глубине, так и ночью, в надводном положении, не давали никаких результатов. Целую неделю на этом участке моря стояла тишина. На позиции была только С-13. Подводники вели напряженное наблюдение за морем. Однообразие давило. Лишь 29 января ночью вахтенный офицер заметил вдали затемненные огни неизвестного судна. Видимость ночью и при шторме была очень плохая, наблюдать было трудно, тем не менее

старпом заметил, что судно не одно, вблизи от него суетились еще какие-то тени.

Маринеско намеревался атаковать, но лодку заметили корабли и сами бросились в атаку. Лодка срочно ушла на погружение, однако ее пробомбили, и она получила гидравлические удары. Но командиру удалось увести лодку от кораблей противника.

Теперь Маринеско стало понятно, почему корабли противника профилактически бомбили море: здесь готовились важнейшие морские переходы.

Эта догадка была подтверждена шифровкой, в которой командирам подводных лодок в море разъяснялось, что в связи с начавшимся наступлением наших войск ожидается бегство фашистов из Кенигсберга и Данцига. Командирам предписывалось атаковать прежде всего крупные боевые корабли и транспорты противника.

Маринеско решил ускорить события и вывел лодку в бухту Данцига.

Как раз в это время поступила радиограмма: «Командирам подводных лодок в море. Быстрое передвижение частей Красной армии, имеющее одним из операционных направлений — Данциг, заставит противника в ближайшие дни начать эвакуацию в районе Кенигсберга. В связи с этим надо ждать резкого усиления движения противника в районе Данцигской бухты».

Успехи наших войск на побережье подняли настроение подводников.

Цель была обнаружена 30 января в 21 час 10 минут на широте $55^{\circ}2'2''$ и долготе $18^{\circ}11'5''$. Маринеско решил сблизиться с целью и затем уже решить, как атаковать.

Море продолжало штормить, было баллов шесть-семь. О подводном сближении не могло быть и речи. Значит, надо было догонять и атаковать только в надводном положении.

Командир перевел лодку в позиционное положение, то есть в полупогруженное состояние, при котором на поверхности воды остаются ходовой мостик и верхняя часть палубы. Лодка пошла на сближение с противником.

Из-за плохой видимости определить тип цели было пока невозможно, но по шуму винтов акустик предположил, что

идет крейсер. По мере сближения Маринеско начал различать по курсу силуэт небольшого судна, а за ним огромный корабль.

— Вызвать наверх Волкова! — Старшина I статьи Волков видел ночью, как днем.

Волков доложил, что впереди идет миноносец, а за ним — лайнер.

Естественно, что с моря огромный лайнер, тысяч на двадцать тонн, должны были охранять боевые корабли. Значит, атаковать с моря будет очень трудно — лодку легко обнаружат, и атака может быть сорвана. Но в принципе можно атаковать и со стороны берега. Вряд ли немцы ждут нападения со стороны берега. Но если лодку там обнаружат, ей некуда будет отвернуть и она не сможет погрузиться из-за малых глубин...

Итак, заманчиво, но и опасно!

Однако упускать такой лайнер нельзя. Неожиданно миноносец начал поворот на курсе. Пришлось срочно погрузиться на 20 метров, чтобы не попасть под таран.

Наверху прокатился грохот винтов и начал удаляться. Значит, одна опасность миновала и участок моря очистился. Поэтому командир поднял лодку в крейсерское положение и командовал: «Полный вперед!»

Лодка развила скорость в 16 узлов, затем 18 узлов. Но она не могла обогнать лайнер. Маринеско потребовал от командира боевой части перевести дизели на форсированный режим работы.

В дизельном отсеке температура воздуха поднялась до 60 градусов. От перегрузочных давлений на цилиндрах «стреляли» предохранительные клапана, которые резко задымяют отсек газами. В отсеке стоял плотный чад, становилось трудно дышать. Моряки, раздевшись до пояса, непрерывно на ощупь проверяли температуру охлаждающей воды и подшипников, пытались смягчить удары предохранительных клапанов, подсовывая под них пучки проволоки.

Это было конечно большим риском. Дизели могли выйти из строя.

Маринеско послал замполита по отсекам, чтобы объяснить людям обстановку. Из отсеков передали, что готовы на риск. Нагоняя лайнер, лодка шла тем же курсом, что и он. Затем командир круто повернул лодку, пересек пенную дорожку лайнера и вышел на его левый борт. Лайнер шел, не меняя курса и

скорости и не производя противолодочных зигзагов. Значит, фашисты не предполагали, что рядом с ними под водой находится лодка. Скорость ее была уже больше 19 узлов. Погоня продолжалась второй час. Командир приказал рассчитать число торпед в залпе. По расчету, их требовалось четыре. Приближался главный момент. Но вдруг с левого крыла мостика лайнера скоропалительной очередью заработал сигнальный прожектор. Его луч выганцовывал точки и тире на рубке лодки.

— Что он пишет?

— А черт его знает, — не мог же сигнальщик перевести на русский азбуку немца.

— Отстучите ему что-нибудь! — приказал командир.

Сигнальщик отстучал немцу короткое «соленое» словечко. И странное дело, запросы с лайнера прекратились. Возможно, ответ оказался близким к запрашиваемому вопросу, или фашисты приняли лодку за корабль своей охраны. А возможно, решили, что открыто отвечать на запрос мог только свой.

Погоня продолжалась. Наконец лодка миновала форштевень лайнера. Он начал отставать.

Приближался момент атаки.

Командир скомандовал:

— Стоп дизели!

— Механик — погружаться под среднюю!

— Право на борт! — И лодка легла на боевой курс.

— Моторы — малый вперед!

Маринеско буквально врезался глазами в силуэт, надвигающийся из мрака ночи. Лодка шла навстречу лайнеру.

Наконец силуэт лайнера напоз на визирную линейку.

— Аппараты, пли! — Эта команда была отдана в 23 часа 08 минут.

Лодку трижды качнуло, каждый раз при выходе торпед. Лодка замерла. Три полосы от форштевня устремились к высокому борту лайнера. За белесыми полосками напряженно следили командир, старпом, штурман и сигнальщики...

После начала нового генерального наступления советских армий на всем фронте в ставке Гитлера в январе состоялось специальное совещание, на котором было принято решение в кратчайший срок собрать в Данциге максимальное количество

транспортов, принять на них наиболее ценные кадры и в охране боевых кораблей вывезти их в западные порты Германии.

Среди транспортов был и океанский лайнер «Вильгельм Густлов». Все фешенебельные каюты были заняты крупными чиновниками, партийными бонзами, генералами, офицерами. В двух- и четырехместных каютах размещали по восемь-десять человек. Но мест все равно не хватало. Поэтому людей стали размещать в гимнастическом зале, в кинотеатре, в танцевальных залах, в зимнем саду.

В приказе Гитлера об эвакуации кадров предписывалось экипажи подводных лодок, прошедшие полный курс подготовки, переправить на одну из западных военно-морских баз на Балтийском море, где их ожидали новые подводные лодки. Гитлер решил принять на «Вильгельм Густлов» гражданских лиц, которые не могут носить оружия и участвовать в боевых действиях.

На лайнере оказалось около двух с половиной тысяч подводников. А на пятый день погрузки капитану лайнера Петерсену было приказано принять еще тысячу триста подводников.

Таким образом, все правила загрузки лайнера были нарушены, в результате чего были заняты коридоры, проходы и был даже осушен бассейн, куда тоже разместили пассажиров.

Командир конвоя, он же военный комендант лайнера, Вильгельм Цан объявил капитану Петерсену и его помощникам, что с лайнером пойдут миноносец «Леве» и тральщик-торпедолов, а остальные корабли охраны будут в дальнем дозоре.

Петерсен потребовал, чтобы крейсер «Адмирал Хиппер» с миноносцами охраны присоединился к конвою в опасной точке моря в районе Штольпе-Банк.

Перед выходом лайнера из порта тральщики как раз проверили фарватер — не появились ли там мины. Вслед за ними вышли миноносцы и сторожевые корабли.

После основательной подготовки, приняв на борт обербургомистра Гдыни, лайнер вышел в море, он направлялся в город Киль. Вслед за лайнером вышли крупные суда — теплоход «Ганза», потом турбоход «Геттинген» и мелкие суда.

В общем, колонна транспортов и кораблей охраны растянулась на несколько миль.

Сгустившиеся сумерки маскировали лайнер и другие транспорты и корабли.

Штормовой ветер свистел на палубах. Наблюдатели на открытых мостиках ежеминутно протирали свои бинокли от снега и, вероятно, ничего не могли видеть.

Шум и суeta на лайнере постепенно умолкали. В салонах и роскошных каютах «высокие» чиновники, «ляйтеры», бургомистры и прочие, плотно поужинав, готовились ко сну.

Неожиданно капитан лайнера получил приказание — застопорить машины, отдать якорь.

Оказалось, что на «Ганзе» сломался двигатель. В связи с этим Петерсену было приказано принять дополнительно две тысячи человек. Но лайнер был уже перегружен в три раза, а принимать пришлось бы только на верхнюю палубу. Лайнер может перевернуться. Поразмыслив, Петерсен решил не останавливаться, отказаться от мнимых преимуществ перехода под большой охраной в конвое и идти полным ходом, не теряя времени на противолодочный зигзаг, используя прикрывающие лайнер снежные заряды и ночную тьму.

Петерсен был уверен, что авиация и корабли противника угрожать не могут, а подводные лодки ввиду шторма и плохой видимости не смогут атаковать. И курс лайнера был проложен ближе к берегу.

Командир крейсера «Адмирал Хиппер» Хенигст сообщил, что идет тем же курсом, что и лайнер.

«Вильгельм Густлов» шел по штормовому расписанию — все люки были задраены, ходовые огни замаскированы.

Петерсен все время осматривал горизонт, но кругом была одна темнота, лишь далеко позади виднелись огни конвоя.

И вдруг огромный огненный столб поднялся у левого борта и громыхнул такой взрыв, что капитана оглушило. Вода стеной обрушилась на палубу. Лайнер вздрогнул. И тут же громыхнул еще один такой же силы взрыв, а за ним — третий.

От взрыва торпед на лайнере замкнуло электропроводку, и он озарился ярким светом. «Вильгельм Густлов» начал медленно крениться на левый борт.

С мостика С-13 было видно, как на палубе лайнера заворошилась плотная масса пассажиров. Началась паника...

Издали ударил голубоватый луч прожектора, затем второй, третий. Приближались отставшие корабли охранения.

Теперь ждать было нечего. Надо уходить.
— Всем вниз. Срочное погружение!
И подводная лодка провалилась в глубину.

После катастрофического разрушения лайнера корабли охраны перешли в контратаку на подводную лодку. Торпедных взрывов было три. Значит, подводная лодка еще имеет заряженные торпедные аппараты и способна на новую торпедную атаку. Следовательно, уже по этой причине было необходимо, по меньшей мере, отогнать от конвоя лодку, но за гибель лайнера нужно было отомстить.

Конечно же, для подводной лодки сложилась ситуация не «боевого соприкосновения» с противником, как это называлось в годы войны, а ситуация жестокого боя. Успех его зависел целиком от командира лодки Маринеско. Это было ясно и в бою, и после войны.

Позднее Маринеско задавали вопрос: сколько было контратакующих кораблей? А можно ли было их сосчитать, находясь буквально на дне моря? Ответ мог быть только приблизительный. Но определенно можно сказать, что было больше, чем в составе конвоя, из-за того, что к месту гибели лайнера подошли еще корабли береговой охраны.

Бой продолжался.

К месту гибели лайнера спешили миноносцы, сторожевые корабли и пароходы конвоя. Одни — для контратаки, другие — для спасения людей.

По шуму винтов акустик докладывал курсы кораблей.

Слева 170 — миноносец! Слева 150 — миноносец. Справа 140 — сторожевик!.. И так далее, непрерывно.

Боевые корабли стремились скрутить лодку, и уйти от них, быстроходных и маневренных, было очень трудно.

Ведь лодка на глубине — одна и тихоходна.

Грохнули первые глубинки. Еще далековато.

Но корабли уверенно сжимали кольцо.

Маринеско маневрировал на малом ходу. Маневрирование на малых глубинах было опасным. Ведь глубины к берегу, где пока еще находилась лодка, колебались возле отметки 40 метров, а длина лодки — 78 метров. Значит, если ходить глубже, можно зацепить морское дно, но на дне всякое может лежать,

в том числе и донные мины. Если подняться поближе к поверхности, то можно подставить лодку под таран надводного корабля. Поэтому надо было держаться середины глубины.

Там, где корабли бомбят, море взбаламучено илом и пузырями. Из-за этой мути акустические приборы работать точно не могли. Этой особенностью воспользовался Маринеско. Он направил лодку навстречу кораблям противника, чтобы скрыть там лодку, чтобы исказить получаемые приборами показания.

Ему удалось дезориентировать корабли противника и вырваться из кольца окружения на глубину.

Но подводная тихоходность и большое число кораблей позволили все-таки противнику снова обнаружить лодку и снова бомбить.

Еще при атаке из третьего торпедного аппарата не вышла четвертая торпеда. Это обстоятельство беспокоило командира — если торпеда вышла из аппарата частично, то от взрывов глубинок и даже от гидравлических ударов она могла взорваться, могли сдетонировать и запасные торпеды.

Торпедисты стали разбираться в том, почему это случилось, и обнаружили, что не сработал автомат подачи сжатого воздуха в трубу аппарата, вследствие этого торпеда не сдвинулась с места и опасности, значит, не существовало.

Время шло, и бомбежки продолжались. Кто-то из сигнальщиков насчитал уже около сотни глубинок.

На помощь лайнеру подошли крейсер и несколько миносцев.

Маринеско направил лодку снова к месту затонувшего лайнера. Он считал, что на фоне огромной массы металла лайнера лодка затеряется и что там, где еще барахтаются в воде люди, фашисты бомбить не будут.

Командир временами останавливал работу электромоторов и приказывал исключить полностью все шумы на лодке. С-13 шла по инерции.

Возмущенные необыкновенной дерзостью нападения, немецкие корабли бешено атакывали лодку.

Маринеско рывками уводил лодку в сторону, но корабли опять окружали лодку и не давали ей выйти в открытое море.

Контратака продолжалась более четырех часов. За это время на лодку было сброшено 240 глубинных бомб. Это были

часы огромного физического труда, нервной перегрузки, максимального напряжения ума и сил.

Лайнер тонул один час десять минут. Корабли конвоя и подошедшие корабли береговой охраны сумели подобрать с воды лишь 988 человек. Среди них был Гейнц Шен. В своей книге «Гибель «Вильгельма Густлова», изданной в ФРГ, он писал, что погибло более 5 тысяч человек. «Если считать этот случай катастрофой, то это несомненно была самая большая катастрофа в истории мореплавания, по сравнению с которой даже гибель «Титаника», столкнувшегося в 1912 году с айсбергом, — ничто».

В 4 часа 31 января С-13 оторвалась от преследования, подзарядила аккумуляторные батареи и пополнила запасы воздуха высокого давления, затем прошла к северу от Штольпе-Банк и легла на грунт на глубине 80 метров, где экипаж вновь зарядил торпедные аппараты.

Экипаж постепенно успокаивался после пережитых бомбежек.

Командир лодки решил, что потопление крупной цели и успешную борьбу с кораблями противника следовало отметить. Морякам было выдано вино, ветчина с горячей картошкой, какао и по плитке шоколада.

Командир и замполит посетили каждый отсек лодки, поздравили членов экипажа с победой, выразили каждому глубокую благодарность за мужество и стойкость.

В погоне и в атаке Маринеско еще не знал, что за корабль он потопил.

Этот, «непотопляемый» девятипалубный чудо-корабль, построенный по последнему слову техники имел водоизмещение 25 484 тонны.

Его длина была 208 м, ширина — 23,5 м, а запаса топлива хватило бы на переход до японской Иокогамы. На нем имелись два театра, танцевальные площадки, бассейн, гимнастический зал, рестораны, кафе с зимним садом и искусственным климатом и даже церковь. На нем были оборудованы личные апартаменты Гитлера.

Лайнер был назван в честь одного из помощников Гитлера — Вильгельм Густлов был застрелен в его же кабинете еврейским юношей Давидом Франкфуртером. Вдова Густлова

присутствовала при спуске корабля на воду и разбила традиционную бутылку шампанского о его борт. «Крестил» корабль сам Гитлер и на банкете поднял тост «За великую Германию».

Немцы сделали этот лайнер учебной базой для высшей школы подводников.

В январе 1945 года фашисты начали отступление, морем регулярно вывозилось до 30 тысяч человек в сутки и награбленное богатство.

О гибели «Вильгельма Густлова» было доложено Гитлеру. Он пришел в ярость и приказал расстрелять командира конвоя. Маринеско он объявил личным врагом и врагом Германии, ведь С-13 лишила экипажей семьдесят новых подводных лодок немецкого флота.

В Германии был объявлен трехдневный траур.

С-13 уже почти месяц находилась в море. Приближался срок возвращения на базу.

6 февраля С-13 неожиданно близко разошлась с подводной лодкой противника, которая, правда, не попав, успела сделать пулеметную очередь. С-13 быстро ушла на глубину. По мнению Маринеско, преследовать лодку противника не имело смысла: «Обстановка для нас невыгодная, торпеды надо беречь для более крупной цели, и, наконец, противник тоже наверняка уклонился, не будет же он ждать нашей атаки, а искать лодку в туманную ночь — дело сомнительное».

В следующие дни зимняя Балтика распогодилась, видимость улучшилась, и поэтому Маринеско все чаще принимал к перископу.

Отыскать крупную цель ему помогла авиация. Бывший сослуживец по дивизиону «Малютка» П.А. Сидоренко в то время был прикомандирован к штабу ВВС Балтийского флота, как раз он 9 февраля и передал на С-13 координаты обнаруженного воздушной разведкой корабля.

Лодка ходила под перископом. Сначала командир часто поднимал перископ, а потом, что-то рассчитав, замер на стульчике около перископа, где стоял вахтенный офицер, и уснул.

Через некоторое время Маринеско открыл глаза. Было 21.00.

— Пора, механик, всплывать, — сказал он.

Лодка пошла вверх.

Ночью опять сгустился туман. При такой плохой видимости главным лицом становился гидроакустик. Вскоре он доложил в переговорную трубку: «Пеленг-50! Шум винтов крупного корабля!» Товарищ командир, шум похож на тот, которого потопили!

Было 22 часа 15 минут.

Командир поднялся на мостик. Акустик докладывал через каждые две-три минуты.

Корабль шел с постоянной скоростью и одним курсом. Командир пошел на сближение, но цели увидеть не смогли. Прошли полчаса, час, наступила полночь. Начались новые сутки 10 февраля. А цель была лишь слышна.

— Огни, левый борт-20.

— Цель, пеленг 280 градусов! — доложил акустик.

Увидел огни и командир.

Началась погоня. Внезапно очистился горизонт, и приблизительно в двадцати кабельтовых Маринеско заметил темные силуэты боевых кораблей.

— Боевая тревога! Торпедная атака! Носовые и кормовые аппараты к выстрелу приготовить!

Расстояние до цели было малое, поэтому, чтобы лодку не обнаружили, командир перевел ее в позиционное положение.

Главную цель охраняли шесть новейших эсминцев типа «Карл Гальстер». Значит, груз был ценный, а что это было — боевой корабль или транспорт? Штурман сказал, что две чуть наклонные трубы — это характерные надстройки для легкого крейсера типа «Эмден».

Лодка продолжала сближаться с конвоем, затем пересекла его курс за кормой и вышла по правому борту.

Скорость конвоя была приблизительно 15 узлов, а лодка в подводном положении такой скорости набрать не могла. Командир решил, что атаковать нужно только в надводном положении и на самом полном ходу.

Лодка шла параллельным курсом, и уже через небольшое время можно было ложиться на боевой курс. Но вдруг ближний эсминец круто повернул на подводную лодку.

— Неужели идет на таран? Надо немедленно уклониться.

— Право на борт! Старпом, пересчитай на стрельбу кормой, — приказал командир.

Это означало, что командир не отказывался от атаки, а только менял тактику. Это было умное и смелое решение. Лодка скользнула в туман.

Командир решил атаковать цель на отходе.

Тем временем с мощным гулом мимо проскочил эсминец, не заметив низко сидящую в волнах лодку, и на полном ходу промчался в хвост конвоя.

Командир внимательно следил за движением лодки и, спустя несколько секунд, увидев на прицеле медленно наползающий силуэт корабля, коротко приказал:

— Аппараты, пли!

На часах было 2 часа 50 минут.

Легкие толчки известили, что обе торпеды вышли к цели.

— Полный вперед!

Лодка направилась вдаль от конвоя.

Расколов тьму ночи, громыхнул взрыв в районе мостика корабля, затем второй взрыв громыхнул возле второй дымовой трубы. Над кораблем взвилась огромная туча черного дыма, затем стена огня охватила весь корабль.

Корабль горел, а миноносцы, как манекены, продолжали идти прежним курсом. На какое-то время они растерялись. Потом они разом развернулись и бросились к горящему судну. Но тут раздались еще три взрыва.

На уходящей полным ходом лодке подводники удивились: две торпеды, а взрывов пять? Вероятно, на судне взорвался боезапас.

Со всех сторон, включив прожекторы, к тонущему судну спешили корабли охраны. Застучали автоматические пушки, но их трассы шли в разных направлениях, значит, на миноносцах не понимали, откуда пришла смерть.

Миноносцы так и не обнаружили подводную лодку. В этот раз С-13 вышла из боя легко.

Лодка ушла на глубину и легла на грунт. Вторую победу экипаж тоже, по русскому обычаю, отметил сразу после боя.

Позже оказалось, что затонувший корабль был военным крейсером «Генерал фон Штойбен».

По уточненным данным ЦВМА*, его водоизмещение составляло 15 400 тонн, длина 150 м, ширина — 14,3 м, ско-

* Наградной лист на представление к званию Героя Советского Союза ЦВМА, ф. 88, д. 416.

рость до 29 узлов, экипаж — 356 человек. В последнем своем рейсе крейсер имел на борту 3600 фашистов, перебрасывавшихся для усиления обороны Берлина.

Миноносцы охраны и корабли дозора сумели подобрать с воды лишь 300 человек.

Поход близился к концу. С-13 покинула заданный квадрат моря.

На третьи сутки перехода, ближе к вечеру, у северной оконечности острова Гогланд лодка всплыла, и гидроакустик сразу же доложил:

— Слева 145 градусов — шум винтов подводной лодки!

Маринеско объявил боевую тревогу, и лодка немедленно ушла на глубину 40 метров.

Значит, здесь засада.

Лодка выпустила по С-13 две торпеды безрезультатно.

— А теперь вперед, только вперед, — решил Маринеско, — всплыть на прежнюю глубину и гоняться, гоняться, гоняться.

С-13 прибавила ход. Почувствовав, что назревает ответная атака, противник лег на обратный курс, затем снова изменил курс.

Больше четырех часов продолжался поединок ума и нервов. Одну за другой противник расстрелял свои девять торпед, но состязания не выдержал и сбежал.

Этот бой был еще одним предупреждением для бдительности.

В установленном месте лодку С-13 не встретили. Ждать на месте было опасно, поэтому Маринеско решил возвращаться на базу незнакомым фарватером самостоятельно.

Он провел лодку подо льдом в шхеры и вызвал лоцмана, но получил радиограмму — следовать в город Турку.

Только после полуночи к лодке подошел базовый тральщик БТЩ-217 с комдивом капитаном I ранга А.Н. Орлом.

— Я знал, я знал, что ты придешь с победой!

Встреча в Турку была торжественной и трогательной.

На причале экипаж С-13 приветствовали матросы, старшины и офицеры, командиры подводных лодок Д-2 Роман Линденберг, Л-3 — Владимир Коновалов, Л-21 — Сергей Могилевский, «Лембита» — Алексей Матиясевич, Щ-407 — Павел Бочаров, комдив подлодок «Шук» — Георгий Алексеевич Гольдберг.

Маринеско подхватили на руки, вынесли на причал и начали качать. Затем состоялся банкет.

В Турку подводники увидели шведские и финские газеты последних дней с сообщениями о победах русских на Балтике.

Шведская «Афтонбладет» за 20 февраля утверждала, что на борту «Вильгельма Густлова» находились 9 тысяч человек, в том числе 22 высокопоставленных партийных чиновника из польских земель и Восточной Пруссии, генералы и старшие офицеры РСХА (ведомство Гимmlера), батальон вспомогательной службы порта из войск СС численностью 300 человек, а главное — 3700 унтер-офицеров, выпускников школы подводного плавания и 100 командиров подводных лодок, окончивших специальный курс усовершенствования, в том числе для управления лодками с единым двигателем системы Вальтера.

В своей книге «Курсом к победе» адмирал флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов вспоминал, что на Крымской конференции У. Черчилль допытывался у Сталина — когда советские войска захватят Данциг?

Дело в том, что в Данциге было тогда много недостроенных и уже готовых подводных лодок. Черчилю тогда очень беспокоила угроза со стороны немецкого подводного флота.

Англичанам повезло. Семьдесят подводных лодок остались без экипажей благодаря капитану 3-го ранга Маринеско. Угроза блокады Англии была снята. Таким образом Маринеско сорвал план Гитлера по развёртыванию подводной войны.

За один поход, писал Н.Г. Кузнецов, С-13 уничтожила 8 тысяч гитлеровцев. Полноценная дивизия! Да еще какая дивизия! Отборные офицеры, первоклассные специалисты-подводники, эсэсовцы, фашистские бонзы...

История войны не знает, чтобы еще кто-то, кроме Маринеско, топил дивизию в море.

Подвиги С-13 были похожи на легенды и теперь, спустя более 50 лет, остаются легендами.

При возвращении С-13 комдив Орел представил лодку к гвардейскому званию, а Маринеско — к званию Героя Советского Союза. Но командование бригады это представление не поддержало.

Маринеско был удостоен ордена Красного Знамени. Меньшие награды, чем указывалось в представлениях, получили и

члены экипажа. Подводная лодка была награждена орденом Красного Знамени.

По свидетельству комдива, свою награду Маринеско воспринял спокойно, но то, что обидели экипаж, как он считал, по его вине, переживал болезненно.

На счету Маринеско к тому времени было четыре потопленных судна противника общим водоизмещением более 52 000 тонн. Эти данные подтверждены нашими и зарубежными источниками. Среди асов подводного флота Советского Союза Маринеско по праву считается подводником № 1.

Последний боевой поход на лодке состоялся с участием контр-адмирала А.М. Стеценко. По заключению командира дивизиона, в этом походе Маринеско обнаруживал цели 7 раз, но атаковать их «не сумел». Но, по мнению штурмана С-13 Николая Яковлевича Редкобородова, возможности для атак были, но Стеценко лично этому препятствовал.

Об этом говорили и другие офицеры подводной лодки. Было известно, что Стеценко убеждал командира не тратить торпеды попусту, потому что транспорты (цели) скоро станут нашими ввиду близкой победы над Германией.

Возвращавшуюся из похода С-13 атаковала подводная лодка противника, но ее торпеды не достигли цели. Подводную борьбу выиграл Маринеско.

При подходе к Либавскому порту на рассвете, когда С-13 шла еще в крейсерском положении, ее атаковал самолет. От сильных гидравлических ударов корпус лодки деформировался в районе упорного подшипника правого гребного вала. В результате этого возникли вибрация и перегрев подшипника и участка самого вала. Поэтому экипаж дошел до места стоянки, в основном на левом двигателе.

Капитан 1-го ранга в отставке Петр Денисович Грищенко — командир подводной лодки Л-3, рассказывал, как сразу после возвращения С-13 в базу к нему в каюту зашел раздраженный до предела Маринеско.

— Понимаешь, Петро, — сказал он, — Стеценко доложил, что он весь поход провоевал, а я провалился в стельку пьяный. А было все наоборот.

По словам Грищенко, экипаж С-13 этим докладом Стеценко был крайне возмущен.

Маринеско никогда не перекладывал свои трудности и проблемы на чужие плечи. И о поступке Стеценко он тоже молчал. Война закончилась.

Людам, для которых риск стал привычным делом, трудно было приспособиться к мирной, спокойной жизни. Память о войне и свои обиды многие из них топили в вине. Случилось это и с Маринеско.

В нетрезвом виде его легко было спровоцировать на драку. Но это не означает, что Маринеско был их инициатором. На грубость он отвечал грубостью, и это было закономерно. За нарушения дисциплины наказывали многих офицеров, и Маринеско не был исключением, но наказания со временем снимали.

Однажды в связи с нарушениями дисциплины нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов назначил Маринеско на должность командира тральщика. Такое назначение перевод для подводника № 1 было обидным. Затем нарком понизил Маринеско в звании до старшего лейтенанта.

С декабря 1945 года Маринеско стал терять зрение. Возможно, что это послужило причиной его увольнения в запас по собственному желанию.

Но даже и уволенный в запас Маринеско остался моряком. Он работал помощником капитана сухогруза «Сева», на котором ходил в Бельгию, Голландию, Англию. Затем стал капитаном сухогруза «Ялта».

Со временем на лодке С-13 произошла смена поколений, многие демобилизовались, другие перешли на новые места службы.

Из «стариков», служивших вместе с Маринеско, на лодке остались 8 человек, в том числе 2 офицера и шесть мичманов. Но память о подводнике № 1 жила.

На боевой рубке была цифра 6 (количество побед за годы войны), в кают-компании висел портрет А.И. Маринеско. С-13 подводники называли не иначе как «Маринеско». Говорили — дежурит сегодня «Маринеско», сходи на «Маринеско», швартуемся к «Маринеско».

Однажды в день Военно-морского флота в последнее воскресенье июля на лодку пригласили Лору Александровну — дочь Александра Ивановича.

Экипаж построился на палубе в парадной форме. Отдельно стояли «старики» — сослуживцы ее отца. Когда она ступила на трап — прозвучала команда «Смирно!». И в тишине взволнованный тоненький голосок девушки подал ответную команду — «Вольно!».

Девушка подошла к «старикам» и всех их расцеловала. В их глазах стояли слезы.

Лора была на подводной лодке не впервые, но ее провели по всем отсекам, побывала она в каюте отца. Она знала эту подлодку как свой дом...

До обеда Лору катали на шлюпке. Кок готовил праздничный обед и что-нибудь особенно вкусное для Лоры.

В кают-компании ее усадили на место отца, под его портретом. Были приготовлены любимые отцом макароны с говяжьей тушенкой (по-флотски). Моряки налили себе боевые «сто грамм», а Лоре — красного вина.

Вечером офицеры и «старики» провожали Лору на берег. На палубе снова прозвучала команда «Смирно!» и снова откликнулось ее взволнованное тоненькое «Вольно!».

Время неумолимо. С-13 старела. Появились новые типы подводных лодок.

В 1952 году на флагманском совещании было решено, что С-13 отслужила свой срок. Но поскольку лодка была легендарной, было предложено поднять ее на постамент в Либаве, или в Кронштадте, или в Ленинграде.

Но потом, как вспоминал инженер-механик Евдокимов, началась новая «возня» вокруг имени Маринеско. Наконец было принято окончательное решение — списать лодку на слом, отправить на завод в Таллинн. Холодной осенью того же года состоялись проводы С-13 в последний путь. На причале стояли моряки, те, кто знал А.И. Маринеско и служил с ним на С-13. Многие из них не сдерживали слез.

Маринеско уже не было на флоте.

Шли годы. Маринеско тяжело заболел. У него был рак горла и желудка. Он очень страдал и все больше и больше слабел. Друзья, как могли, помогали ему деньгами. Адмирал И.С. Исаков, занимавший в годы войны должность первого заместителя наркома Военно-морского флота, также помогал, пересылал ему свои гонорары.

Исаков был и народным депутатом Верховного Совета СССР и мог бы добиться положительного решения по службе Маринеско. Но он этого не сделал. Почему? Теперь нам этого не узнать. Адмирал ушел из жизни давно, в 1967 году.

За честь Маринеско продолжали бороться его сослуживцы — Я.С. Коваленко, Н.Я. Редкобородов и их сторонники.

А судьба командира становилась трагичнее и беспощаднее. Он умирал в нищете. Маленькой пенсии не хватало даже на лекарства.

В последний раз он выпил с верным своим другом инженер-механиком дивизиона подводных лодок Михаилом Филипповичем Ванштейном (врачи это уже разрешили). Маринеско уже не мог говорить, поэтому взял лист бумаги и написал: «Миша, у тебя испуганные глаза. Брось. Вот теперь я верю в жизнь. Мне поставят искусственный пищевод».

25 ноября 1963 года Александра Ивановича не стало.

Все взыскания с Маринеско давно, еще при его жизни, были сняты. Так делается по уставу. Более того, министр обороны маршал Р. Малиновский своим приказом, изданным в 1960 году, отменил и аннулировал все прежние наказания и восстановил Александра Ивановича в звании, то есть полностью его реабилитировал. И значит, больше не было никакого смысла снова обвинять Маринеско в нарушениях устава. К сожалению, руководству флота не было дела до судьбы легендарного моряка.

А у входа в гавань Киля немцы поставили памятник «Вильгельму Густлову».

Иностранные исследователи — английские, западногерманские и шведские — изучали тактику командира С-13.

Журнал «Шведский флот» в 1950-х годах открыл очень любопытную дискуссию об этой подводной лодке. И даже в 1971 году шведские читатели недоумевали: почему Маринеско не Герой Советского Союза? На шведскую дискуссию откликнулись командиры финских кораблей, которые вспомнили, что Маринеско, будучи командиром «Малютки», сильно тревожил их еще в начале войны.

Западногерманская «Маринерундшау» в 1970-х годах тоже задавалась вопросом: почему Маринеско не Герой Советского

Союза? Эта газета предполагала, что советское командование не поверило в фантастические победные результаты Маринеско.

На самом же деле наше командование проверило все и поверило фактам. И тем не менее отказало в высоком звании Маринеско, выдвинув в качестве главной причины то, что он подгулял в новогоднюю ночь. По этой же причине замалчивались и искажались подвиги славного моряка.

Но как бы ни боролись за честь Маринеско офицеры, журналисты и писатели, военно-морское ведомство не признавало военных заслуг легендарного подводника.

Но память о Маринеско сохранится на все времена.

Мемориальная доска ему установлена в Одесском мореходном училище, улица в Ленинграде, на которой он жил, названа его именем, на доме установлена мемориальная доска. В Кронштадте, на пирсе, где швартуются подводные лодки, ему установлен памятник. Памятник установлен и на заводе «Мезон», где после войны работал Маринеско.

В преддверии 45-летия Великой победы Военный совет дважды краснознаменного Балтийского флота ходатайствовал перед Верховным Советом СССР о присвоении А.И. Маринеско заслуженного им звания Героя Советского Союза.

Такое же решение принял и Военный совет Военно-морского флота СССР.

И, наконец, указом президента СССР М.С. Горбачева 5 мая 1990 года капитану 3-го ранга Александру Ивановичу Маринеско было присвоено Звание Героя Советского Союза (посмертно).

Через 45 лет после подвигов!

Символическое награждение состоялось в Белом зале Мариинского дворца в Ленинграде. Председатель Ленсовета Анатолий Собчак вручил дочерям Александра Ивановича Маринеско, Леоноре и Татьяне, орден Ленина и золотую Звезду Героя.

Дочери передали их на вечное хранение в Центральный военно-морской музей.

...На Богословском кладбище Санкт-Петербурга есть гранитный обелиск с надписью: «Командиру подводной лодки С-13 Герою Советского Союза Александру Ивановичу Маринеско».

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИЦЫ

**(Как погибла помощница легендарного
Николая Кузнецова)**

(По материалам А. Калганова)

27 октября 1944 года в селе Каменка вблизи шоссеной дороги Острог — Шумск были обнаружены трупы двух женщин с пулевыми ранениями. При них нашли документы на имя Лисовской Лидии Ивановны, 1910 года рождения, и Микота Марии Макарьевны, 1924 года рождения. В ходе расследования выяснилось, что около 19 часов 26 октября на шоссе остановилась шеститонная грузовая машина, в кузове которой находились двое женщин и трое или четверо мужчин в форме Советской армии. Первой с машины сошла Микота, а когда Лисовская хотела подать ей из кузова чемодан, раздались три выстрела. Мария Микота была убита сразу. Машина рванула с места. Лидия Лисовская, раненная первым выстрелом, была добита и выброшена из машины дальше по шоссе.

Автомашина быстро ушла по направлению к городу Шумск. Проезжая Шумское КПП, на требование бойцов контрольно-пропускного пункта она не остановилась, а, разбив на ходу шлагбаум, умчалась на Кременец. Задержать ее не удалось.

Среди документов убитых было выданное управлением НКГБ по Львовской области удостоверение со следующим текстом: «Выдано настоящее тов. Лисовской Лидии Ивановне в том, что она направляется в распоряжение УНКГБ по Ровенской области в г. Ровно. Просьба ко всем воинским и гражданским властям оказывать всемерную помощь в продвижении т. Лисовской к месту назначения».

Народный комиссар государственной безопасности Меркулов приказал провести тщательное расследование по делу о похищении и убийстве Лисовской и Микоты. Расследование проводилось под непосредственным контролем начальника 4-го управления НКГБ СССР Судоплатова.

Кем же была 34-летняя Лидия Лисовская, если ее смерть так обеспокоила высшее руководство органов госбезопасности? Ответ на этот вопрос дают недавно рассекреченные материалы Центрального архива ФСБ России.

Девичья фамилия Лидии Лисовской — Демчинская. До войны была замужем за польским офицером, который в чине капитана принял участие в боях против германской армии в 1939 году, попал в плен и оказался в фашистском концлагере.

Нападение Германии на СССР застало Лидию в ее родном городе Ровно, после захвата которого немцами она работала помощником повара в столовой, обслуживавшей офицеров и сотрудников лагеря военнопленных. С риском для жизни она помогла бежать нескольким советским солдатам, среди которых оказался Владимир Грязных, примкнувший к партизанскому отряду «Победители».

Ровно во время войны являлся столицей оккупированной немцами Украины. Там располагались все основные военные и административные органы управления оккупантов, здесь же проживал фашистский гауляйтер Украины Эрих Кох. Именно поэтому в начале 1942 года под Ровно была заброшена оперативная группа 4-го управления НКГБ «Победители» во главе с опытным разведчиком Дмитрием Николаевичем Медведевым. Чуть позднее к отряду присоединился под псевдонимом «Грачев» Николай Иванович Кузнецов, имевший специальное задание руководства.

Среди главных задач партизан было создание сети конспиративных и явочных квартир в Ровно, привлечение в отряд надежных, патриотически настроенных жителей города, работавших в оккупационных учреждениях. Вот почему сообщение Грязных о Лисовской заинтересовало чекистов, и к ее проверке был подключен разведчик Николай Гнидюк, легализовавшийся в городе под видом мелкого торговца Яна Багинского.

К этому времени Лидии удалось устроиться официанткой в казино хозштаба оккупационных войск на Украине, во главе

которого стоял генерал Кернер. Познакомившись с Лидией, Гнидюк убедился, что она искренна в своей ненависти к фашистам. Было решено открыть женщине, что Николай — партизан. На это Лисовская сообщила, что имеет возможность отравить Кернера, если партизаны дадут ей яд. Но разведчики видели ее совсем в иной роли.

В мае 1943 года немецкие офицеры — завсегдатаи казино предложили Лисовской принять на постой недавно прибывшего в город обер-лейтенанта Пауля Зиберта. (Для дополнительного заработка она иногда сдавала немцам комнату в своей квартире.) Зиберт устраивал на квартире встречи с другими немцами, с которыми знакомила его Лидия. Она, со своей стороны, говорила обер-лейтенанту о неминуемом поражении Германии и о необходимости обеспечить свое существование в будущем.

Это породило серьезные сомнения у партизан — не прощупывает ли Лисовская Пауля Зиберта по заданию гестапо? Сомнения рассеялись, когда Лидия вновь попросила у Гнидюка яд, на этот раз для того, чтобы убить своего постояльца, признавшегося ей в том, что лично он участвовал в расстрелах военнопленных. Проверка закончилась. Зиберт, он же — специальный агент 4-го управления НКГБ Николай Кузнецов, раскрылся перед Лисовской как советский разведчик. С этого времени Лидия стала его ближайшей помощницей.

Лидия помогала Кузнецову завязывать знакомства с немецкими офицерами и собирать информацию о высокопоставленных фашистских чиновниках в Ровно. Кроме этого, она привлекла к разведывательной работе свою двоюродную сестру Марию Микота, которая по заданию партизан стала агентом гестапо под псевдонимом «17». Теперь в отряде смогли заранее узнавать о карательных рейдах немцев, а Кузнецов познакомился с офицером СС фон Ортелем, входившим в команду известного немецкого диверсанта Отто Скорцени.

Из разговора с Ортелем советский разведчик сделал вывод о том, что немцы готовят диверсионную акцию во время встречи глав СССР, США и Великобритании в иранской столице. В Центре сообщение Кузнецова не оставили без внимания, в Тегеране были предприняты дополнительные меры безопасности, и операция, тщательно подготовленная Скорцени, провалилась.

Осенью 1943 года Лидия Лисовская по заданию Николая Кузнецова устроилась экономкой к командующему восточными армиями особого назначения генерал-майору Ильгену. Он являлся ключевой фигурой в руководстве вооруженными формированиями националистического толка, состоявшими из бывших граждан СССР, которые перешли на сторону оккупантов.

К ноябрю Лидия смогла сообщить партизанам подробные данные о распорядке жизни, наружной охране, времени отъездов и приездов генерала Ильгена, другие необходимые сведения. На 15 ноября 1943 года была запланирована операция, в которой приняли участие Николай Кузнецов, его ближайший соратник Николай Струтинский, а также два новых партизана — Стефаньский и Каминский, для которых это задание являлось своеобразной проверкой.

15 ноября в 16 часов 15 минут четверо партизан подъехали на легковой автомашине к дому Ильгена. Кузнецов был одет в форму капитана немецкой армии, Струтинский — рядового, Стефаньский — лейтенанта, а Каминский был в форме сотрудника рейхскомиссариата.

У дома дежурил часовой из перешедших на сторону немцев казаков Василий Луковский. Возле него остался для наблюдения Струтинский. Кузнецов с двумя помощниками вошел внутрь, где их ждали Лисовская и Микота. В доме находился денщик Ильгена казак Михаил Мясников, которого сразу же обезоружили и посадили в изолированную комнату, предложив подумать, не хочет ли он перейти к партизанам. Ровно в пять к дому подъехал легковой автомобиль. Из машины вышел генерал и направился к дому. Его шофер дождался, когда Ильген войдет вовнутрь, и только после этого уехал.

В доме Ильгена встретила Лидия, которая постаралась отвлечь его разговором. Кузнецов, Стефаньский и Каминский стояли у дверей в коридоре, готовые к нападению. Когда Ильген начал раздеваться, в дом вошел Струтинский в форме рядового немецкой армии. Генерал громко спросил: «Что тебе надо?» Кузнецов тотчас бросился на него, схватил за горло и заткнул кляпом рот. Каминский завязал Ильгену руки, но, как оказалось, сделал это плохо.

Затем все вышли к автомобилю. Кузнецов вел генерала, остальные — казаков. В пяти метрах от машины Ильген

вырвался, руки у него оказались развязаны. Физически крепкий, в прошлом — отличный боксер, он ударил Кузнецова в лицо и стал громко звать на помощь. Партизаны подбежали к Кузнецову, утихомирили Ильгена и положили его в автомашину.

С соседней улицы выбежали четыре немца и показалась смена караула. Кузнецов невозмутимо подошел к немцам и заявил, что поймали бандита, а всех четверых он вынужден арестовать и доставить в гестапо. Немцы начали оправдываться, что они — работники рейхскомиссариата и к делу не причастны, просили их отпустить. Кузнецов настойчиво предлагал им следовать за ним, потом арестовал одного из них — наиболее активного, оказавшегося личным шофером гауляйтера Эриха Коха.

Шофера Коха посадили в автомобиль с партизанами, Ильгеном и казаками. Кузнецов остался с тремя вооруженными немцами, не спеша записал их фамилии, после чего «отпустил». Пока новый караул у дома Ильгена пытался разобраться, куда делся часовой, Кузнецов спокойно прошел к машине, и партизаны уехали на конспиративную квартиру.

Чтобы создать алиби для Лидии, ее заблаговременно отправили на встречу с офицером гестапо в людное место, где было много знавших ее военных. Помимо этого, по заданию партизан денщик Ильгена Михаил Мясников оставил на столе в кабинете генерала записку: «Спасибо за кашу, ухожу к партизанам и забираю с собой генерала. Смерть немецким оккупантам! Казак Мясников».

На следующий день Лисовскую все-таки арестовали и допрашивали в гестапо в течение восьми дней. Поскольку уличить ее не удалось, да к тому же за нее вступились немецкие офицеры, видевшие Лидию в день похищения Ильгена, она была отпущена на свободу. Позднее по заданию партизан Лисовская вместе с отступавшими немецкими войсками переехала во Львов.

После освобождения Ровенской области советскими войсками партизанский отряд «Победители» расформировали. За смелость, проявленную в борьбе с оккупантами, Лидия Ивановна Лисовская была представлена к ордену Отечественной войны 1-й степени.

Тщательное расследование обстоятельств ее гибели, проведенное в 1944—1945 годах, к сожалению, не дало результата. Одна из версий говорила о причастности к убийству агента ровенского гестапо Ришарда Аренда, который до войны учился с Лидией в одной гимназии, а после отступления немцев не раз, по докладам Лисовской, попадался ей на глаза во Львове в форме советского офицера. Другие версии строились на сообщениях Лисовской об угрозах ей со стороны проживавших во Львове поляков и украинских националистов.

Почему Лисовская и Микота не поехали в Ровно поездом, хотя для них были куплены железнодорожные билеты, установить не удалось. Не смогли разыскать и подвозившую их машину. Очевидно одно: они стали жертвой фашистских агентов, которые действовали на территории Украины и после освобождения от оккупантов.

КАК ИЗ ПАУЛЮСА ВЛАСОВА ДЕЛАЛИ

(Неизвестные страницы лагерной жизни фельдмаршала)

Война — это не только атаки и сражения. Война — это и разложение войск и тыла противника. О действенности этого оружия хорошо знают и генералы, и политики.

Весной 1943 года Лаврентий Берия получил согласие Сталина на проведение комплекса мероприятий по разложению войск противника.

12 июля 1943 года после тщательного отбора основных действующих лиц в Красногорском лагере № 27 состоялась конференция немецких военнопленных, на которой был избран Национальный комитет «Свободная Германия». В его состав вошли 13 немецких политэмигрантов и 25 военнопленных — солдаты, унтер-офицеры и офицеры в чине не выше майора.

Однако в международной прессе заговорили о неавторитетности и малой значимости движения «Свободная Германия».

Советское руководство решило создать «Союз немецких офицеров», в состав которого ввести пленных офицеров и генералов. Подобрали руководителей — генерала артиллерии Вальтера фон Зайдлица, генерал-майора Отто Корфеса и Мартина Латтманна. Организационное собрание наметили на 1 сентября 1943 года. Однако утром этого дня семнадцать пленных генералов и полковник из лагеря № 48 направили советскому руководству протест: «...То, что делают офицеры и генералы, принадлежащие к «Союзу», является государственной изменой. Мы глубоко сожалеем, что они пошли по этому пути, больше не считаем своими товарищами и решительно отрекаемся от них».

Фельдмаршала Паулоса, которого сочли зачинщиком этой акции, тут же вывезли на подмосковный объект НКВД. После длительной обработки, в которой, кроме оперативных сотрудников НКВД, участвовали генералы Зайдлиц, Корфес и Латманн и полковник Ван-Гоовен, Паулос пообещал, что генералы отзовут свое заявление. Перспектива попасть на Лубянку его не устраивала. Но и принять участие в движении «Свободная Германия» он отказался категорически.

Организационное собрание «Союза немецких офицеров» состоялось 11 и 12 сентября 1943 года на объекте НКВД СССР № 15-В в подмосковном поселке Лунево. Президентом «Союза» стал генерал фон Зайдлиц. Буквально через неделю он предложил советскому руководству создать из военнопленных «Немецкую освободительную армию» в составе трех армейских корпусов с артиллерией и авиацией, которая воевала бы против Гитлера. Но замысел этот не осуществился.

Руководство НКВД СССР, недовольное Паулосом, вернуло его в генеральский лагерь № 48. Сопровождающий, начальник управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных (УПВИ) генерал-майор Иван Петров, как бы между прочим предложил фельдмаршалу осведомлять НКВД о настроениях немецких генералов. Паулос отказался, но дал слово соблюдать дружественный нейтралитет.

20 июля 1944 года полковник граф Клаус Шанк фон Штауффенберг подложил взрывное устройство в бункере Гитлера.

О покушении на Гитлера узнали и в лагере № 48.

Один из информаторов лагерной администрации, свой человек в генеральской среде, сообщал: «О событиях в Германии генералы знают из отрывочных сообщений по радио, так как газеты до сих пор не поступали. Эти сообщения вызвали подавленное настроение среди военнопленных».

Точной информацией не располагали не только в лагере № 48, но и руководители «Союза немецких офицеров» и Национального Комитета «Свободная Германия». Имя полковника фон Штауффенберга не прозвучало в их высказываниях ни разу. Зато упоминались имена генералов, отстраненных Гитлером от командования войсками и, по-видимому, составляющих основу оппозиции.

Видимо, не располагали достоверной информацией и оперативные сотрудники Управления НКВД, проводившие практическую работу по разложению генералов.

И все-таки покушение, равно как и разгром немецких войск в Белоруссии, придало новый импульс этой работе.

26 июля 1944 года начальник УПВИ генерал-лейтенант Иван Петров направил заместителю наркома внутренних дел СССР Сергею Круглову донесение:

К концу дня удалось добиться вступления в «Союз немецких офицеров» адъютанта Паулюса — полковника Адама. Это серьезное дело в подходе к Паулюсу. Ночью на объект № 35-В прибыл Паулюс. Вечер провели в беседе на общие темы.

26 июля с утра на объект № 35-В доставлены Адам и Зайдлиц. Днем начнем беседы с Паулюсом по существу.

Крайне необходимо получить от тов. Абакумова к 26 июля с.г. Гофмейстера. Он очень нужен для начала работы.

Серьезную трудность представит сообщение об организации Польского Комитета.

Подробно доложу утром 26 июля 1944 года лично».

На следующий день начальник оперативно-чекистского отдела полковник Швец направил Берии и Круглову сообщение о приеме из Бутырской тюрьмы шести пленных немецких генералов — генерала пехоты Гольвитцера, генерал-лейтенантов Беме, Гейне и Гиттера, генерал-майоров Михаэлиса и Конради. Из Смерша был доставлен генерал-лейтенант Гофмейстер, а из Минска в лазарет лагеря № 27 — генерал-лейтенант Окснер.

Для работы с Паулюсом были привлечены генералы Гольвитцер и Гофмейстер.

«<...>В беседе с Гольвитцером и Гофмейстером, происходившей сперва отдельно, а потом вместе с фон Зайдлицем, установлено, что оба они настроены резко антигитлеровски и могут быть использованы для антифашистских выступлений и работы по разложению немецкой армии. Более активным является Гофмейстер, менее активно проявляет себя и боится за судьбу своей семьи Гольвитцер.

К работе с Паулюсом они будут привлечены после нашей подготовки их и работы с ними генералов из Офицерского союза».

Позднее в спецдонесении на имя Берии и Круглова Швец сообщил, что для работы с Паулосом намечено привлечь генералов Фелькерса, Мюллера и барона фон Лютцов, прибывших из Бутырки. Мюллеру в Озерах была организована встреча с Паулосом. «В беседе с нами он резко высказывал настроения и желание организовать против Гитлера активную деятельность», — докладывал Швец.

Но Паулос нужной политической активности не проявлял.

«25 июля с.г. военнопленный фельдмаршал Паулос доставлен из лагеря № 48 на наш спецобъект № 38-В (Озеры).

В беседах с ним установлено, что изменять свое отношение к антифашистскому движению Паулос пока не намерен.

В отличие от поведения осенью 1943 года, в настоящее время Паулос больше интересуется политической и военной обстановкой, но по-прежнему ищет обстоятельства, которые дали бы ему основания для того, чтобы вновь отклониться от участия в антифашистском движении.

<...>24 июля с.г. нами совместно с генералами из Офицерского союза — фон Зайдлицем, фон Ленски и Латтманном — вовлечен в «Союз немецких офицеров» адъютант и личный друг Паулоса — полковник Адам.

26 июля полковник Адам в присутствии фон Зайдлица заявил Паулосу о своем вступлении в Офицерский союз. Это заявление Адама Паулос принял спокойно: «Я вас понимаю, полковник, но что касается меня, то я хочу получить ясное представление об обстановке».

В тот же день Паулосу было вручено обращение 16 военнопленных генералов, которое произвело на него сильное впечатление. В беседе с нами Паулос просил дать ему возможность беседовать с этими генералами, указав при этом, что подписавшего заявление генерала Мюллера он знает лично.

Паулос просил, чтобы наши беседы с ним были конфиденциальными, не сообщались генералам из офицерского союза и не публиковались бы в печати <...>».

Следующее сообщение датировано 1 августа 1944 года.

«<...> По вопросам политического положения Германии Паулос продолжает придерживаться прежней позиции, считая, что гитлеровское руководство успешно справится с восставшими генералами и будет в состоянии продолжать войну.

По военной обстановке Паулос верит в то, что Гитлеру удастся восстановить положение на Восточном фронте и добиться приемлемых для Германии условий мира.

Обращение 16 немецких генералов Паулос рассматривает как удар в спину германской армии и объясняет его тем, что генералы подписали его под сильным впечатлением поражения.

31 июля мы продолжили беседу с Паулосом в соответствии с указаниями заместителя наркома товарища Круглова С.Н., перед Паулосом в настойчивой форме был поставлен вопрос об изменении его позиции и участии в выступлениях против Гитлера <...>».

Ссылаясь, как обычно, на свое положение военнопленного, Паулос продолжал отказываться от активного выступления против Гитлера...

Конкретную работу с Паулосом проводил оперуполномоченный УПВИ, австрийский коммунист Вольф Штерн. Звания он не имел, но именовал себя майором. 2 августа 1944 года он направил полковнику Швецу докладную записку:

«Три часа подряд я вел сегодня разговор с Паулосом. <...>

Паулос сказал, что метод непрерывного нажима, применяемый в отношении к нему, вызывает только упрямство и он под таким ежедневным нажимом не может прийти к решению. Предложения, которые ему делал генерал Петров, для него неприемлемы. Единственный вопрос, над которым он хочет подумать, — это вопрос его участия в органах самоуправления на освобожденной территории Германии. <...>

Я сказал ему, что выступление 17 генералов дает нам право требовать от него определенную позицию — считает ли он себя маршалом немецкого народа или маршалом Гитлера, ибо как с маршалом Гитлера мы имеем право расправиться с ним политически, т.е. представить его перед миром как врага будущей демократической Германии, который должен разделить судьбу гитлеровской клики. В этом случае сами немцы постараются, чтобы его имя не было покрыто ореолом мученика. Так что такая позорная смерть, по-моему, для него еще более неприемлема, чем предложение, которое сделал ему генерал Петров, — стать маршалом немецкого народа».

Аргументы старшего оперуполномоченного Штерна были вескими. Не было сомнения, что он говорит от имени высокопоставленных персон.

4 августа Вольф Штерн направил очередную докладную: «В ходе разговора Паулос спросил меня: «Какие предвидятся изменения в предначертанной судьбе Германии, если я присоединюсь к движению?»»

Я ответил: «Во-первых, ваш призыв к армии означает спасение множества немецких жизней, ибо поднимает свой голос человек, которого уважает и знает вся армия, и он показывает выход из катастрофического положения. Во-вторых, с вашим присоединением к движению представительство новой демократической Германии становится серьезным фактором, который нельзя будет обойти, когда будет решаться судьба будущей Германии».

Паулос спросил иронически: «А заслуженные господа из Национального Комитета?»

На это я ответил: «Заслуженные господа из национального комитета заслужили себе полное право требовать от вас, чтобы вы присоединились к ним и стали во главе движения».

Намекая на вчерашний разговор с генералом Петровым, Паулос сказал: «Но мне же говорят, что у меня нет совести...»

Я ответил: «Вы должны понимать вчерашний разговор не как частную беседу между двумя джентльменами, а как разговор с представителем государства, которое твердо хочет, чтобы прекратилось это бессмысленное кровопролитие. Дискуссия по этому поводу с вами ведется уже год, а вы выставляете наивные и смешные аргументы, чтобы обосновать вашу отрицательную позицию. Поэтому генерал Петров и назвал вещи своими именами.

Положение выглядит так: 27 генералов немецкой армии говорят и пишут: «Необходимо убрать Гитлера — он нас вел и ведет к пропасти», а вы — маршал — молчите...

Ваше молчание равносильно призыву к продолжению кровопролития, а этого не допустят ни генералы, ни мы».

Помолчав, Паулос спросил: «Как обстоит вопрос с формированием немецкой армии из числа военнопленных?»

Я ответил: «Массы немецких военнопленных требуют от нас, чтобы такая армия была создана, они хотят драться про-

тив Гитлера. Но Красная Армия не исходит из эгоистических интересов, при решении этого вопроса она не заинтересована в том, чтобы немец стрелял в немца. Но что во время оккупации Германии службу внутреннего порядка будут нести немецкие части — это не подлежит сомнению».

Паулос был очень доволен моим ответом и сказал: «Будущая дружба между нашими народами была бы в опасности, если бы Красная армия допустила такое положение, чтобы немец стрелял в немца и отвлекался бы от главной цели — Гитлера».

В тот же день начальник Оперативного отдела УПВИ полковник Швец направил специальное сообщение, адресованное заместителю Берии — Василию Черньшеву: «3 августа с.г. после настойчивой постановки нами вопроса об изменении занимаемой позиции Паулос заявил, что в результате бесед с ним, а также под влиянием изменившейся обстановки и его переговоров с генералом Мюллером он серьезно настроен пересмотреть свое отношение к публичному выступлению против гитлеризма, но ищет удобную форму, которая не была бы истолкована в Германии как «удар в спину германской армии».

Паулос высказал желание не связывать свое выступление с партийными организациями, исходя из того, что он хотел бы, чтобы немецкая общественность рассматривала его как в свое время Гинденбурга.

Для принятия окончательного решения и отыскания наиболее удобной формы выступления Паулос просил дать ему возможность обсудить эти вопросы с военнопленным генерал-лейтенантом Сикст фон Армином. По заявлению Паулоса, фон Армин пользуется полным его доверием и является разносторонне образованным генералом.

Считая целесообразным в интересах дела удовлетворить просьбу Паулоса, нами дано согласие на привлечение фон Армина, который будет доставлен на объект № 35-В (Озеры) в ночь на 5 августа с.г.

Сикст фон Армин, наиболее умный из всех военнопленных генералов 6-й армии, тип профессора, историк, женат на внучке Гегеля <...> критически анализирует обстановку, считает, что Германия войну проиграла, что ориентация Германии на СССР после войны будет в интересах немцев.

Сообщение о разрыве Турцией дипломатических и экономических отношений с Германией произвело на Паулоса ошеломляющее впечатление. Паулос старался скрыть наворачнувшиеся слезы».

Принципиальное согласие фельдмаршала было получено. Все остальное, как говорится, дело техники, и 9 августа 1944 года генерал-лейтенант Петров и полковник Швец направили рапорт: «В соответствии с вашими указаниями нами проведена агентурно-оперативная работа с военнопленным немецким фельдмаршалом Паулосом Фридрихом.

В результате этой работы Паулос 8 августа с.г. дал согласие открыто выступить против Гитлера с призывом к немецкому народу и опубликовать в печати представляемое при сем обращение. <...>

Паулос в настоящее время содержится на объекте № 35-В (Озеры). Вместе с ним содержится военнопленный генерал Сикст фон Армин, также примкнувший к платформе Паулоса.

Из содержащихся в лагере № 48 нами, по просьбе Паулоса, вызваны на объект № 35-В военнопленные генералы Штреккер и Лейзер, которых Паулос намерен лично обработать для привлечения к антифашистскому движению <...>».

Текст обращения Паулоса был заготовлен заранее. В первом варианте — три страницы машинописного текста через полтора интервала, в преамбуле говорилось: «Находящийся в русском плену генерал-фельдмаршал Паулос передал Президенту «Союза немецких офицеров» генералу артиллерии фон Зайдлицу и другим генералам офицерского союза следующее заявление...» Позже эти слова нигде не приводились. Да и представленный Сталину текст обращения был сокращен вдвое. Видимо, все, кто имел отношение к составлению этого документа, согласились, что краткость — сестра таланта...

16 августа 1944 года руководство НКВД СССР направило Сталину наградной лист, в котором предлагалось наградить старшего оперуполномоченного Управления НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных Вольфа Соломоновича Штерна орденом «Знак Почета» за конкретную работу по вербовке фельдмаршала.

Награда была невелика, но ведь исход войны был ясен и без Паулоса...

Генерал-фельдмаршал так и не стал маршалом немецкого народа. Из политических соображений его долго не выпускали из СССР. Он жил на даче в Томилине, его обслуживали повар и камердинер из числа немецких военнопленных. Паулос много читал, писал акварели, которые раздаривал навещавшим его генералам из НКВД, посещал выставки, театры и концерты. Ежегодно писал обращения к Сталину, в которых просил как можно скорее репатриировать его на родину, соглашаясь на проживание в советской зоне оккупации и на любую работу.

От него долго скрывали смерть жены — не желая расстраивать, конечно. Когда он узнал об этом, то горько заплакал, не стыдясь присутствовавшего при этом генерала Амаяка Кобулова.

В 1953 году Паулос был репатриирован и определен на жительство в Дрездене на положении пенсионера. Иногда его приглашали выступить в Военной академии ГДР. Скончался он в 1956 году.

СЕКРЕТ ПЕНЕМЮНДЕ

Поздним вечером 17 августа 1943 года воздушное пространство над Северным морем наполнилось гулом 571 британского тяжелого ночного бомбардировщика. На следующий день Министерство ВВС Великобритании официально сообщило о том, что по исследовательско-экспериментальному центру в Пенемюнде в Германии был нанесен авиационный удар. За скупыми строками коммюнике скрывалась одна из наиболее драматических историй войны. Тогда лишь немногие знали, что командование Королевской бомбардировочной авиацией провело воздушную операцию, ставшую одним из решающих моментов войны.

К весне 1943 года авиация союзников стала способна наносить Германии незаживающие раны, люфтваффе же не в состоянии было преодолевать воздушную оборону Британии и могло производить лишь булавочные уколы. Но еще оставалось обещанное Гитлером «секретное оружие», способное нанести ответный удар врагам Германии. Гитлер требовал завершить экспериментальное производство оружия как можно скорее.

Эти работы производились в исследовательском центре люфтваффе в Пенемюнде, затерянном в лесах на побережье Балтийского моря в 60 милях к северо-востоку от Штеттина и в 700 милях от Англии. Проволочное ограждение с пропущенным по нему электрическим током надежно предохраняло центр от внешнего проникновения. В Пенемюнде были собраны лучшие технические умы люфтваффе и выдающиеся представители авиационной и инженерной мысли Германии. Ученые работали круглые сутки, так как Гитлер намеревался применить новое оружие зимой 1943/44 годов.

Фанатики верили, что оно решит исход войны в течение 24 часов. Более реалистично настроенные немцы надеялись,

что оно поможет подорвать военное производство Великобритании и остановить приготовления к вторжению, и даже если войну сразу выиграть не удастся, бомбардировки возмездия укрепят боевой дух немцев.

К июлю 1943 года британская разведка точно установила, что в Пенемюнде разрабатываются беспилотные самолеты-снаряды и ракеты «Фау-1» и «Фау-2». Членов британского специального правительственного комитета располагали целой стопкой отчетов и фотографий, сделанных с воздуха. Маршал ВВС сэр Артур Траверз Харрис, командовавший бомбардировочной авиацией, решил провести внезапный рейд в ясную лунную ночь.

Нацисты были абсолютно уверены, что Пенемюнде ничто не угрожает. Ночные бомбардировщики Королевских ВВС часто пролетали над ним, направляясь на Штеттин и далее на Берлин, и работавшие в центре немцы без боязни смотрели на проплывающие в небе самолеты, уверенные, что противник ничего не знает о том, что кроется в Пенемюнде.

Осторожно, так чтобы немцы ничего не заподозрили, во время одного из разведывательных полетов, к которым они уже привыкли, были сделаны специальные снимки Пенемюнде. Эти снимки позволили выбрать объекты, по которым следовало нанести массированные удары.

Это были жилые дома ученых и техников, ангары и цеха, где находились экспериментальные самолеты-снаряды и ракеты, и административные здания, в которых хранились чертежи и технические данные.

Бомбардировка была назначена на ночь 17 августа, когда должно было наступить полнолуние. В рейде должен был участвовать 571 бомбардировщик.

Экипажам сказали только, что в Пенемюнде располагается важная экспериментальная радиолокационная станция, что там находится много немецких ученых и задача бомбардировщиков уничтожить их как можно больше. После инструктажа была зачитана записка из штаб-квартиры командования бомбардировочной авиации: «Чрезвычайная важность данной цели и необходимость ее разрушения за один рейд должны быть донесены до сознания членов всех экипажей. В случае, если удар не удастся, его придется повторить в последующие ночи — невзирая, в разумных пределах, на потери».

В назначенный час армада тяжелых четырехмоторных бомбардировщиков поднялась со своих аэродромов и пошла обходным маршрутом на Пенемюнде. Зенитчики, защитники Пенемюнде, очевидно, уверенные, что самолеты направляются на Штеттин или Берлин, были застигнуты врасплох. Первыми подлетели самолеты наведения и, пронесясь низко над своими целями, разбросали вокруг них цветные светящиеся бомбы. Следом за ними бомбардировщики, игнорируя зенитный огонь, волна за волной стали сбрасывать с высоты в несколько тысяч футов бомбы, в том числе и зажигательные, на цели, используя новые прицелы для бомбометания. Через сорок минут весь район превратился в почти сплошную полосу огня.

Когда последняя волна бомбардировщиков легла на обратный курс, появились немецкие ночные истребители, тщетно ожидавшие их у Берлина, и 41 британский самолет был сбит.

Прилетевший следующим утром на разведку «Спитфайр» сфотографировал разрушения. Половина из 45 домов, в которых жили ученые и специалисты, была уничтожена, а остальные сильно повреждены. Кроме этого, 40 зданий, в том числе сборные цеха и лаборатории, были совершенно разрушены, а 50 остальных повреждены.

Через несколько дней поступили более подробные сведения о последствиях этого рейда. 735 человек, включая 178 ученых и технических специалистов, находившихся в Пенемюнде, погибли или пропали без вести. Доктор Вальтер Тиль, считавшийся ведущим ученым этого проекта, и главный инженер Эрих Вальтер были убиты.

Гестапо принялось опрашивать уцелевших и прочесывать округу в поисках предателей, которые могли передать британцам информацию о центре. Руководить в Пенемюнде восстановлением производства летающих бомб и ракет был назначен генерал СС Вальтер Шрекенбек.

Ввиду полуразрушенности Пенемюнде и его совершенной открытости новым нападениям новые лаборатории теперь следовало строить под землей. Предстояло подобрать новых ученых и специалистов. В результате этой задержки нацисты не смогли применить свое новое оружие тогда, когда они планировали. Поддерживать дух немцев было все труднее. Воздушные налеты союзников продолжались. Их авиация бомбила

пусковые установки и заводы, где производились детали самолетов-снарядов и ракет. Народу было объявлено, что секретное оружие, предназначенное для отражения вторжения, сохранено и будет применено против десанта союзников. Однако, когда наступил день «Д», немцы были все еще не готовы. Лишь спустя семь дней после вторжения союзников в Нормандию на Лондон упал первый самолет-снаряд.

Если бы центр в Пенемюнде не был разрушен, нацисты начали бы бомбардировать Лондон своими «Фау» на шесть месяцев раньше, и эти бомбардировки были бы более интенсивными. Коммуникации города были бы серьезно повреждены, и вторжение скорее всего пришлось бы отложить.

БОРМАН ПЕРЕЖИТРИЛ ВСЕХ

(По материалам А. Сидоренко)

Международный военный трибунал, который проходил в Нюрнберге с 20 ноября 1945 года по 1 октября 1946 года, подвел последнюю черту в истории Второй мировой войны, осудив главарей третьего рейха. Но среди матерых фашистов отсутствовал верный соратник Гитлера, «серый кардинал» нацистской партии Мартин Борман. Заочно его приговорили к смерти, однако поймать и казнить преступника так и не удалось.

Мартин Борман родился 17 июня 1900 года в Хальберштадте в семье сержанта кавалерийского полка. В 20 лет он примкнул к ультраправой группе Россбаха, которая, прикрываясь лозунгами об освобождении Германии «от изменников, вонзавших ей нож в спину», на самом деле занималась откровенным террором. Первым практическим делом начинающего фашиста было участие в убийстве своего бывшего учителя, ложно обвиненного в сотрудничестве с французами во время оккупации. Отсидев год в тюрьме как соучастник преступления, Борман вступил в национал-социалистическую рабочую партию Германии.

Непомерные амбиции и умение искусно плести интриги поспособствовали карьере Мартина Бормана в нацистской партии. В 1937 году он уже был пресс-секретарем НСДАП в Тюрингии, а через год — гауляйтером и членом верховного командования СА (штурмовых отрядов). Вероятно, и в личной жизни Борман руководствовался соображениями карьеры, во всяком случае, его женитьба в 1929 году на Герде Бух, дочери

депутата рейхстага, с которым поддерживал тесные отношения Гитлер, принесла свои дивиденды. Будущий фюрер не только был свидетелем на свадьбе Бормана, но и стал крестным отцом его первенца, названного Адольфом... В свою очередь, Борман также был свидетелем на бракосочетании Гитлера и Евы Браун, состоявшемся 29 апреля 1945 года в бункере под имперской канцелярией.

В мае 1941 года Бормана назначили главой партийной канцелярии, а в 1943 году он уже стал секретарем, советником и правой рукой фюрера. Он не покидал Гитлера до его смертного часа и одним из последних указов фюрера был назначен партийным министром.

С попытки Бормана вырваться из Берлина и начинается «белое пятно» в биографии этого фашистского преступника, заочно приговоренного к смертной казни. По словам чудом оставшихся в живых обитателей бункера Гитлера, Борман хотел добраться до группировки гросс-адмирала Карла Деница, которого фюрер назвал своим преемником. Мысль договориться с русскими о беспрепятственном проходе через их порядки в обмен на сдачу рейхсканцелярии он сразу отбросил как явно бесперспективную: советская армия слишком успешно наступала, ее командование могло требовать только безоговорочной капитуляции.

Ранним утром 1 мая 1945 года Борман предложил всем, кто оставался в бункере, свой план прорыва. Многие сочли этот план безумным, но нашлись и те, которые все же решили попытаться избежать плена. В группе Бормана были такие одиозные фигуры, как вождь гитлерюгенда Артур Аксманн, секретарь Ставки Науманн, шофер фюрера Эрих Кемпке. Беглецам удалось добраться до моста Вайдендамм, где, по словам очевидцев, и погиб Борман. У моста ожесточенно сопротивлялось наступающим советским войскам танковое подразделение СС. Видимо, под его прикрытием Борман и собирался перейти реку.

Как позднее рассказывал Эрих Кемпке, Борман продвигался сразу за головным танком, который взорвался от прямого попадания. Этим взрывом якобы и накрыло верного соратника фюрера, а Кемпке отбросило в сторону, он потерял сознание и больше ничего не видел. Затем, правда, шофер Гитлера

добавил, что заметил обожженное тело Бормана и посчитал его мертвым. Совершенно иные показания дал Аксманн. Да, танк взорвался, Аксманна отбросило взрывной волной, но он нашел укрытие в воронке от бомбы, где оказались пять человек из группы прорыва, в том числе и легко раненный Борман. В темноте удалось перейти мост и добраться до станции Лертер, но там им вдруг встретился патруль русских. Все бросились врассыпную, и на время Аксманн потерял из виду Бормана. Спустя некоторое время Аксманн и его адъютант увидели за железнодорожными путями два лежащих на земле тела. Это были Мартин Борман и врач Гитлера — доктор Штумпфеггер. По словам вождя гитлерюгенда, они были мертвы, хотя «ни крови, ни ран заметно не было». По предположению Аксманна, они скорее всего приняли яд, убедившись в безнадежности своего положения. Попытки по горячим следам найти труп Бормана ни к чему не привели: останки доктора Штумпфеггера на самом деле были найдены, но второго погибшего рядом с ним опознать не удалось. Повторные попытки провести идентификацию останков оказались неудачными.

Действительно, положение матерого фашиста после краха третьего рейха вовсе не казалось безнадежным, ему достаточно было только покинуть Европу. Вполне возможно, что в конце войны фашисты на случай поражения подготовили себе неплохие убежища в Южной Америке. Наверняка в этой операции участвовало и секретное соединение германских подводных лодок, названное «Конвой фюрера» и насчитывавшее 35 субмарин, больше приспособленных к транспортным перевозкам, чем к боевым действиям. Подобные лодки могли не только перевозить в укромные места награбленные фашистами сокровища, но и доставить сбежавших военных преступников почти в любую точку земного шара. Не исключено также, что при наличии секретных баз часть этих субмарин могла действовать некоторое время и после окончания войны, в назначенный «час икс» забрать на борт уцелевших бонз третьего рейха. В одном из американских фильмов показано, как такая подлодка доставила груз золота в Буэнос-Айрес Хуану Доминго Перону. Благодаря этой помощи пришедший к власти в 1946 году Перон широко распахнул двери Аргентины для нацистских преступников.

Переправкой нацистов в эту страну занимался и ряд аргентинских консульств в Берне, Генуе, Риме, где спасавшимся от возмездия гитлеровцам выдавали фальшивые паспорта, визы и даже денежные пособия. Так в Аргентину удалось сбежать Адольфу Эйхману (специально направленные агенты впоследствии выкрали его из страны и переправили в Израиль, где он был осужден и повешен в 1961 году), нацистскому врачу-изуверу Менгеле, шефу лионского гестапо Клаусу Барбье и многим другим фашистам. Когда после рассекречивания аргентинских архивов факты оказания помощи нацистам стали достоянием гласности, сразу встал вопрос о Бормане. Как оказалось, дело на него было заведено, но документы, касавшиеся Бормана и относящиеся к периоду 1957—1967 годов, были уничтожены во время протечки водопровода...

В 1968 году журналист Мишель Бар-Зохар, член кнессета (израильского парламента), заявил, что в результате специального расследования ему удалось установить маршрут бегства Бормана. По его словам, Борману удалось выбраться из Берлина и некоторое время с помощью фальшивых документов скрываться в Германии, затем в госпитале в Дании, оттуда сумел попасть в Италию, потом в Испанию. В конце 1947 года Борман отплыл в Аргентину, где и проживал до 1951 года в городе Парана. Золотые «зерна», посеянные нацистами в Южной Америке, дали свои всходы: между военными режимами ряда стран этого континента было заключено соглашение, имевшее кодовое название «Операция «Кондор», о беспрепятственном пересечении военными преступниками границ в поисках безопасного убежища. Поэтому, когда Борман почувствовал, что в Аргентине становится опасно, он перебрался в Бразилию. Там на его след удалось выйти агенту израильских спецслужб, однако Борман и на этот раз ускользнул.

Только в 1959 году один из парагвайских врачей рассказал Бар-Зохару, что лечил Бормана в Асунсьоне. В конце 1962 года среди крупнейших информационных агентств мира было распространено сообщение, что Борман умер естественной смертью от рака желудка. Когда вскрыли предполагаемую могилу соратника Гитлера, в ней оказался труп индейца... Потом останки Бормана нашли в Германии... 8 сентября 1972 года были проведены (в который уже раз!) раскопки на предполагаемом

месте гибели нациста. Исследователи обнаружили скелет, череп по схеме дантиста Гитлера Гуго Блашке удалось идентифицировать как принадлежавший Мартину Борману. В 1973 году правительство Западной Германии официально признало Бормана мертвым. Казалось, все встало на свои места, вопрос закрыт. Однако, как отмечает Хью Томас в своей книге «Двойники. Правда о трупах в берлинском бункере», при обнаружении скелета пришлось закрыть глаза на ряд странных обстоятельств...

Как пишет Томас, еще в 1964 году немецкий журнал «Шпигель» относительно поисков в Германии останков Бормана сообщал следующее: «Труп Штумпфеггера действительно был найден, но никаких следов Бормана, труп которого, как говорили, должен лежать рядом, обнаружить не смогли». Потом, как мы уже знаем, останки осужденного нациста неожиданно были найдены в 1972 году именно там, где их искали раньше. Причем некоторые кости Бормана и его череп были обнаружены рядом со скелетом крупного мужчины (Штумпфеггер был высокого роста и мощного телосложения). Получается, что Штумпфеггера уже находили, но Бормана рядом с ним не было, но к 1972 году останки соратника фюрера вдруг появились. Плохо искали? Нет, причина не в этом. Хью Томас полагает, что костей Бормана там просто не было...

У найденного черепа Бормана оказалось несколько довольно странных особенностей. Во-первых, в отличие от черепа и костей Штумпфеггера, он оказался облеплен вязкой красноватой глиной, хотя почва в месте находки песчаная. Во-вторых, обследование зубов черепа выявило серьезные расхождения со схемой, предоставленной в свое время зубным врачом, лечившим Бормана. Так, кроме лишних пломб, на центральных резцах присутствовал и мост (создавалось впечатление, что Борман умудрялся лечить зубы и на том свете). В черепе обнаружили также осколки стекла, которые посчитали остатками раскушенной ампулы с цианидом, но анализ стекла не проводился, ампула вполне могла быть разбита уже в челюсти мертвеца.

Как считает Томас, все эти странности можно объяснить только подлогом: в начале 1970-х годов череп и часть костей Бормана, умершего своей смертью в Южной Америке, были привезены в Германию и зарыты на месте его предполагаемой гибели рядом с костями Штумпфеггера... Вероятно, это было

сделано для того, чтобы ослабить внимание общественности к поиску в Южной Америке доживающих свой век нацистских преступников.

По свидетельству врача из Асунсьона, Борман умер 15 февраля 1959 года от рака. Он был похоронен в городе Ита (Парагвай), который славится своей красно-коричневой глиной (вспомним облепленный глиной череп). В Ите вполне могло практиковаться противозаконное вторичное использование гробов, когда после похорон могилу раскапывают, достают гроб, извлекают из него покойника, а затем усопшего просто засыпают землей. Подобный «бизнес» часто встречается в слабо развитых странах. Возможно, поэтому череп Бормана оказался весь в глине.

Кто был автором столь успешного подлога? Не исключено, что идея могла принадлежать даже самому Борману. Вероятно, он еще раз хотел перехитрить всех, а заодно, хотя бы и мертвым, снова побывать на родине...

Любопытно, что существуют и совершенно неожиданные версии исчезновения Бормана. В своей книге «Загадка Бормана» бывший английский разведчик Кристофер Крейтон утверждает, что Борман был вывезен из Берлина агентами английской спецслужбы МИ-6. Оказывается, наци № 2 был... сотрудником МИ-6 и поставлял руководству Англии весьма ценную информацию. По словам Крейтона, Борман умер в 1959 году в Парагвае.

А по версии Бориса Тартаковского (документальная повесть «Мартин Борман — агент советской разведки») Борман работал на СССР: ему еще в 1920-е годы была поставлена задача внедриться в ряды национал-социалистов, что он успешно и проделал. Из Берлина Борман был вывезен советской разведкой, а скончался в 1973 году. (То же утверждал в 1960-е годы в своих мемуарах крупный немецкий разведчик Райнхард Гелен...)

Кто из этих авторов прав? А может, были два Бормана?..

ТАЙНА ДРЕЗДЕНСКИХ СОКРОВИЩ

(По материалам В. Жарова)

Где они спрятаны? Этот вопрос уже более полувека не дает покоя как официальным представителям ряда стран, так и кладоискателям и авантюристам. Любой, кто найдет хоть малую толику сокровищ фашистской Германии, в одночасье получит неофициальный титул мультимиллионера, если жив останется, конечно же. По самым скромным подсчетам, цена спрятанного немцами золота и произведений искусств измеряется десятками и сотнями миллиардов долларов. Но следы этих богатств настолько призрачны и запутаны, что в их поисках полагаться на случай смысла нет.

Большинство гитлеровских генералов и высших чинов после войны нашли убежище в Бразилии, Аргентине и других странах Нового Света. Нет сомнений, что и немалая толика золота рейха оказалась именно в этих гостеприимных для гитлеровских преступников странах. Есть не беспочвенные предположения, что если хорошо «проинспектировать» баварские Альпы, то и там можно обнаружить сокровища фашистской Германии.

...Эта история началась в 1937 году, когда в Германии у власти уже находился Гитлер. В это время государственный служащий и профессор истории Ганс Хааслингер работал в Дрезденском музее Средневековья. Профессор прекрасно осознавал, куда может завести Германию выбранный Гитлером путь. Он ненавидел фашизм и все, что с ним связано. А пото-

му без колебаний отважился на акцию, которая могла стоить ему жизни. Во-первых, Хааслингер решил уехать в США, где проживали его родственники. Во-вторых, он решил прихватить с собой часть наиболее ценных экспонатов музея. Но не для того, чтобы воспользоваться ими, а чтобы сохранить их для своего народа и всего человечества.

Чтобы осуществить этот план, Хааслингеру был необходим помощник, и он выбрал Отто Фойхе — куратора музея. Фойхе был наполовину евреем, а потому превосходно понимал, что его будущее находится где-то между концлагерем и эшафотом. Мало того, Фойхе предвидел, что бесценный литературный фонд музея может постичь ужасная участь: нацисты любили топить камин и печи книгами. Отто был хорошо осведомлен о самых ценных экспонатах музея, хранившихся в запасниках. А обнаружить недостачу экспонатов в запасниках могли нескоро, так как об их существовании знали только несколько специалистов. Это давало беглецам некоторый запас времени для выезда из Германии.

Подготовка к побегу заняла не более трех месяцев. В грузовик, принадлежавший музею, было погружено несколько ящиков с бесценными рукописями и книгами VII—XVI веков, множество старинных ювелирных изделий, золотые кубки и другие золотые предметы, старинное холодное оружие и т.д. Есть две версии дальнейшего маршрута этого грузовика. Согласно первой, музейные ценности были вывезены в Гамбург, где Хааслингера, Фойхе и груз поджидало заранее нанятое частное торговое судно, на котором они отправились за океан. Вторая версия была более правдоподобной: сокровища на сумму около 200 миллионов долларов удалось спрятать на территории самой Германии до лучших времен.

На этом месте история двух беженцев временно прерывается. Однако несомненен тот факт, что оба антифашиста исчезли из Германии, а может быть, и из Европы.

В конце Отто Фойхе неожиданно объявился в Швейцарии. Есть достоверные и подтвержденные свидетелями сведения, что некоторое время он активно помогал переправлять из оккупированных фашистами территорий евреев и военнопленных союзнических войск в нейтральную Швейцарию и далее в Англию и США. Отто Фойхе погиб в 1944 году, когда пере-

водил очередную группу беженцев из Австрии. Его группа на- рвалась на засаду батальона СС. Спаслись всего два человека. Фойхе был убит первым же выстрелом.

Что касается Хааслингера, то он долгое время жил у род- ственников в США (штат Нью-Йорк). Сначала он перебивался случайными заработками, а затем преподавал немецкий язык и историю в колледже.

В конце 1950-х годов Хааслингер вернулся в Германию, где жил в небольшом баварском городке у самых Альп. Причем он вел очень скромный образ жизни, снимая крохотную комнат- ку и не позволяя себе каких-либо излишеств даже в праздни- ки. Те, кто знали этого человека, помнят его странную привыч- ку после второй кружки пива выходить на крыльцо таверны и произносить одну и ту же фразу: «Золотые Альпы...» Он умер в возрасте 84 лет у себя в комнате, где ничего, кроме скромной мебели и книг, не обнаружили.

Большое количество экспонатов музея исчезло в 1937— 1939 годы. Это выяснилось в 1939 году, когда там провели полную ревизию. Куда спрятали Фойхе и Хааслингер сокровища Дрезденского музея, скорее всего не удастся узнать ни- кому. Разыскать их поможет только невероятный случай. Одно известно наверняка: и Фойхе, и Хааслингер были настоящи- ми патриотами и интеллигентами. Они не могли продать дос- тояние Германии.

ОПЕРАЦИЯ «ВОЗМЕЗДИЕ»

Операция по ликвидации японского адмирала Исороку Ямамото — одна из самых интересных страниц истории американской разведки.

Ямамото был тем самым человеком, который разработал план нападения на Перл-Харбор, и множество других смелых операций, имевших своей целью сокрушение американской военной мощи на Тихом океане. В начале 1940-х годов он был самым ненавистным врагом Америки. Даже противники признавали Ямамото гением стратегии, очень опасным и неуязвимым. И все же благодаря усилиям американских дешифровальщиков его блестящая карьера была прервана — Ямамото удалось выследить и убить.

Еще до нападения на Перл-Харбор американцы сумели разгадать систему дипломатического кода японцев. Сообщения, перехваченные незадолго до 7 декабря 1941 года, свидетельствовали, что на Тихом океане готовится какая-то крупная военная акция, однако ее цель либо обозначалась неопределенно, либо игнорировалась американскими военными по большей части из-за национального самомнения, а также соперничества между различными службами. Японцы, в свою очередь, предприняли ряд мер для обеспечения внезапности атаки. Один американский военно-морской атташе в Японии сообщал, что видел в одном из главных портовых городов страны сотни отпущенных в увольнение японских моряков. Следовательно, делал он вывод, осуществление какой-либо военной акции в ближайшее время маловероятно. На самом же деле, отправив авианосный флот к Гавайям для нанесения удара, японцы просто одели в морскую форму своих солдат,

чтобы создать у иностранных шпионов впечатление, что все идет как обычно.

В 1937 году японцы создали новую шифровальную машину Номер 97, носившей кодовое название «Перпл». На протяжении 19 месяцев американские специалисты бились над его расшифровкой, и в конце концов Уильяму Фридману и его коллегам из SIS (Secret Intelligence Service, — британская разведка. — *Прим. ред.*) удалось раскрыть секрет «Перпла».

Американцы уже создавали в свое время копии японских шифровальных устройств, чтобы справиться со старым «Красным кодом», таким же способом, каким британцы моделировали «Энигму» — шифровальную машину нацистов. После долгого анализирования коллега Фридмана, Гарри Лоуренс Кларк, предположил, что японцы используют в своей новой машине пошаговые переключатели вместо прежних дисков. В соответствии с предположением Кларка была сконструирована копия машины Номер 97 (прозванная ее создателями «Мэджик»), с помощью которой можно было раскодировывать послания «Перпла». (Еще не один год после войны японцы отказывались верить, что американцы сами создали это устройство, — они считали, что американцы похитили какую-то из их машин во время одного из своих рейдов в Азии.)

Система кодов JN 25, применявшаяся на японском флоте, была раскрыта слишком поздно, чтобы предотвратить нападение на Перл-Харбор. Подразделение радиосвязи флота на Тихом океане, базировавшееся в Перл-Харборе и возглавлявшееся капитаном 3-го ранга Джозефом Рочефортом, «взломал» JN 25, получило, таким образом, возможность читать все отправляемые японским флотом сообщения и приказы. Полученная благодаря этому информация обеспечила американцам победу в сражении при Мидуэе.

Рейд летчиков генерала Дулиттла на Токио побудил Ямамото разработать новый военный план: он решил атаковать остров Мидуэй, втянув американцев в бой с частью своего флота. Одновременно для отвлечения внимания противника и распыления им своих сил адмирал собирался произвести бомбардировку Алеутских островов. После того как американцы ввяжутся в сражение, Ямамото хотел выпустить остальную часть своего значительно превосходившего американский

флота, которую он предполагал укрыть в 200 милях от передней части кораблей у Мидуэя. Разгромив флот Соединенных Штатов, адмирал надеялся, наконец, остановить американцев. Однако благодаря «Мэджику», план Ямамото стал известен американцам, и они, не поддавшись на отвлекающий маневр, отбили нападение и выиграли одно из самых тяжелых и самых важных сражений на Тихом океане. Отныне японцы уже не могли иметь секретов от своего противника.

Поражение у Мидуэя сильно деморализовало японцев. Ввиду нарастающей мощи американцев Ямамото должен был теперь заботиться о поддержании духа своих людей. Он планировал посетить удаленные тихоокеанские базы, чтобы вдохновить находившихся там моряков и летчиков на новые великие победы. На 18 апреля был намечен вылет из Рабаула в Буин.

Сообщение об этом поступило с американских станций радиоперехвата в Датч-Харборе на Алеутских островах и на Гавайях, подвергавшихся прежде неоднократным бомбардировкам Ямамото. В беспечно переданной радиограмме перечислялись базы на Соломоновых островах и предполагаемое время их посещения. Информацию немедленно передали в Перл-Харбор адмиралу Нимицу и начальнику разведки Эдвину Лейтону. Если бы Ямамото удалось перехватить в полете и убить, Япония лишилась бы своего прославленного героя и военного лидера.

Морской министр Фрэнк Нокс одобрил эту идею. (В «Спай-мастере» Ладисласа Фараго Нокс изображен колеблющимся, взвешивающим пользу от смерти Ямамото и аморальность убийства, при том что подготовка германских и японских шпионов предполагала и возможность убийства военных лидеров как эффективной формы военного противодействия. Чтобы защититься от возможного общественного осуждения в будущем, Нокс поручил своим сотрудникам подготовить список исторических политических убийств.)

Генералу Хэпу Арнольду эта идея тоже понравилась. Вместе с Ноксом они вызвали специалистов по дальним перелетам Чарлза Линдберга и инженера Фрэнка Мейера. На совещании было решено, что Ямамото лучше всего «взять» на взлетной полосе Кахили на Бугенвиле. Самолеты с аэродрома Хендерсон на Гуадалканале смогут совершить перелет и произвести атаку.

Для миссии такого рода по всем параметрам подходил «Локхид Р-38 «Лайтнинг», прозванный нацистскими пилотами «Двухвостым дьяволом». Эта двухмоторная машина, вооруженная пушкой и пулеметами, обладала достаточной огневой мощностью для того, чтобы сбить бомбардировщик «Бетти» Ямамото и его истребители сопровождения «Зэки» (американское название «Зеро» — *Прим. ред.*). Но для отправляющихся в дальний рейд самолетов требовались дополнительные баки для горючего, а такого оснащения на Гуадалканал не имелось.

Получив одобрение президента, Нокс начал операцию «Возмездие». 17 апреля 1943 года в 15:35 он позвонил генералу Кенни и попросил доставить бензобаки из Милн-Бэй, Новая Гвинея. Четыре бомбардировщика В-24 с баками на борту поднялись в воздух и в 21:00 приземлились в разразившийся тропический шторм на еще недавно бомбившийся самими американцами аэродром Хендерсон.

В это же время майор Джон Митчелл инструктировал двух командиров авиаэскадрильи лейтенантов Безби Хоулмза и Томаса Ламфье относительно предстоящей миссии. На следующее утро, точно в 7:20, «Лайтнинги», снабженные дополнительными баками, поднялись в воздух, рассчитывая перехватить Ямамото в 9:55. Двенадцать Р-38 должны были подняться на 20 000 футов для прикрытия остальных машин, которые атакуют самолет Ямамото на меньшей высоте.

Ровно в 6:00 пунктуальный Ямамото покинул Рабаул, его штаб разместился в двух «Бетти» — о чем не знали американские летчики, которых сопровождали «Зэки».

В 9:30 летчики атакующего звена увидели взлетное поле Кахили. В 9:35 «Лайтнинги» стали набирать высоту для атаки, как вдруг Митчелл воскликнул:

— Самолеты противника сверху!

Атакующие пилоты Хоулмз, Барбер, Ламфье и Хайн сбросили свои топливные баки для большей скорости и взмыли вверх навстречу двум бомбардировщикам. Японские пилоты увидели их всего лишь за милю.

Два бомбардировщика, раскрашенные зелеными камуфляжными полосами, резко пошли на снижение, поближе к верхушкам деревьев. Ламфье потерял на какое-то время свою цель и сбил атаковавший его «Зэки». Затем он снова увидел свой

«Бетти» — красные солнца на его крыльях четко выделялись на фоне зеленых джунглей. Не зная, кто именно находится в этом самолете, Ламфье открыл огонь одновременно из пушки и из пулеметов. Правый мотор бомбардировщика вспыхнул, и пламя тут же охватило все крыло. Тем временем восемь других Р-38 завязали бои с «Зэки», а оставшиеся занялись вторым «Бетти». У этого бомбардировщика, на котором летел адмирал Угаки, было отстрелено крыло, и он упал в океан. Адмирал остался жив.

Ламфье снова открыл огонь, и самолет Ямамото упал на деревья, подскочил и взорвался. «Pop goes the Weasel» («Вот идет ласка» — название народного танца. — *Прим. ред.*) — этот условный сигнал был передан в Вашингтон после того, как все Р-38 Митчелла, за исключением одного, вернулись на базу. Миссия была выполнена.

Операция «Возмездие» завершилась успешно. Ямамото погиб, а его преемник, адмирал Минеичи Кога, был командиром достаточно предсказуемым, и американцы легко противостояли всем его действиям до конца войны. Пилоты Митчелла, руководствуясь только картой и компасом, пролетели 400 миль, причем временами они шли на высоте всего 30 футов над водой, чтобы избежать обнаружения и прибыть к точно указанному месту воздушной засады. Японцы на Соломоновых островах заподозрили, что с их кодами что-то неладно, что американцы знали о полете Ямамото. Но из штаб-квартиры в Токио их заверили, что это невозможно и что трагическая смерть адмирала — просто несчастный случай.

Ямамото умер от одной пули, пробившей ему голову и плечо. Его тело было найдено японским патрулем через день после гибели. Адмирал был пристегнут к креслу, с ним были его дневник и сборник стихов; его левая рука, без двух пальцев после старого ранения, крепко сжимала рукоять меча.

САМЫЙ ОПАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЕВРОПЕ

17 мая 1945 года в один американский штаб у Зальцбурга в Австрии вошел гигантского роста шатен с выразительным, запоминающимся лицом, которое от левого уха до подбородка пересекал шрам. Вскинув в салпоте руку к козырьку фуражки, украшенной черепом с костями, он заявил:

— Штандартенфюрер СС Отто Скорцени сдастся.

Для сидевшего на дежурстве «джи-ая» сдающиеся немцы давно стали столь же обычным делом, как регулярно выдаваемые пайки.

— О'кей, Отто, ступайте в изолятор, — сказал он, вяло ткнув на дверь большим пальцем.

Свирепо глянув на американца, офицер повернулся, и в упавшем на него свете блеснули многочисленные награды и холодные, похожие на льдинки, серо-голубые глаза. Сидевший тут же офицер разведки, неприметный в своей изношенной форме, не отрывал глаз от запястья немца.

— Часы Муссолини, — тихо проговорил он. — Это Скорцени, суперагент нацистов номер один, значащийся в нашем списке.

У армейских контрразведчиков в ту войну, пожалуй, не было противника более грозного, чем этот огромный, шести футов и четырех дюймов роста, дерзкий авантюрист. Скорцени возглавлял самую крупную диверсионную операцию из тех, что когда-либо проводились против американских войск. Переодетые в американскую форму немцы сеяли панику в тылу противника во время своего зимнего наступления в Арденнах. Из-за них американские контрразведчики продержали своего главнокомандующего генерала Эйзенхауэра в его собственной штаб-квартире целых десять дней.

А за год до этого Скорцени и команда (чуть более сотни человек) прилетели на планерах и легких самолетах и похитили Муссолини у четырех сот его итальянских стражей с одной из горных вершин. Освобожденный дуче сформировал новое правительство в северной Италии, это помогло немцам продолжать сопротивление. Муссолини подарил тогда Скорцени наручные часы с гравировкой, а Гитлер наградил Рыцарским крестом. И дал новое поручение...

В октябре 1944 года германские шпионы сообщили, что регент Венгрии Миклош Хорти собирается порвать дружеские отношения с Гитлером и присоединиться к Сталину. Отправленный в Венгрию Скорцени во главе небольшого отряда штурмовал замок Хорти, но обнаружил, что адмирал после своего свержения бежал. Каким-то образом удалось выяснить, где прятался Хорти, и к тому времени, когда русские уже прорвались через границы, Скорцени доставил его в Мюнхен.

Вскоре после дела Хорти Гитлер вызвал своего могучего любимца-специалиста по особым заданиям, чтобы поручить ему срежиссировать и разыграть его финальную авантюру. Фюрер планировал нанести мощный контрудар армиям союзников. Он решил бросить свои последние стратегические резервы во главе с элитными танковыми дивизиями против наступавших в Арденнах американцев. Немецкие части, прорываясь в северном направлении, должны были окружить половину находившихся в Европе американских, британских и канадских войск, захватить их огромные склады, а также стратегически важный порт Антверпен. В результате, как рассчитывал Гитлер, действия союзников на Западном фронте будут парализованы, и немцы получат необходимое время, чтобы произвести достаточное количество реактивных снарядов «Фау», реактивных самолетов и подводных лодок нового типа, чтобы наконец выпиграть войну. Но надо было захватить мосты через Маас, чтобы через него могли переправиться немецкие танки...

22 октября фюрер ознакомил Скорцени со своим хитрым планом. Скорцени должен был отобрать из всех родов войск 3000 самых отчаянных вояк, которые умели говорить по-английски, и, переодев их во взятую у пленных американцев военную форму, повести за линию фронта, где им предстояло шпионить, совершать диверсии, сеять панику и деморали-

зывать противника. Они должны были захватить и удержать мосты через Маас для переправки главных сил. На подготовку операции Скорцени получил менее двух месяцев.

Он собрал людей во Фридентале, неподалеку от Ораниенбурга, и познакомил их с американским оружием и снаряжением, с особенностями подготовки, званиями и привычками американцев.

— Не будьте чересчур военными, — инструктировал Скорцени. — Никакого шелканья каблуками.

Эта операция получила название «Грайф». (Greif — по-нем. «захват»). Однако сохранить ее подготовку в полной секретности не удалось. Разведка Первой американской армии перехватила депешу с приказом о предоставлении Скорцени сведений обо всех говоривших по-английски солдатах. Репутация Скорцени была хорошо известна. Полковник Бенджамин Диксон докладывал 10 декабря, что этот приказ, вероятно, предвещает специальные операции по проведению диверсий, нападению на штабы и другие жизненно важные армейские центры путем проникновения или заброски на парашютах специально отобранных солдат, и добавлял: «Один весьма неглупый военнопленный, прежние умозаключения которого точно совпали с установленными фактами, заявляет о подготовке всех имеющихся средств для осуществления крупномасштабного наступления». Однако высшие офицеры разведки союзников сомневались. В результате дополнительные войска в Арденны направлены не были, а 16 декабря нацисты нанесли свой удар.

Семнадцать германским дивизиям, за которыми следовали еще двенадцать, прокладывали путь тысячи артиллерийских орудий. А тем временем Скорцени всюду орудовал в тылу у американцев. «Грайферы» корректировали огонь своей артиллерии, перегораживали дороги сваленными деревьями, перерезали телефонные линии. Они вносили беспорядок в передвижение американской техники, переставляя дорожные знаки, и уничтожали грузовики, снимая предупреждения, стоявшие у минных полей. Один из «грайферов», переодетый солдатом военной полиции, стоя на перекрестке направил какой-то спешивший на передовую американский полк в другую сторону.

Наконец американцы сообразили, что эту неразбериху учиняет проникший в их расположение противник. 18 декабря в

Айвайле в Бельгии сержант военной полиции остановил трех ехавших в джипе «джи-аев», которые не знали пароля. Они показали документы, удостоверяющие их принадлежность к Пятой бронетанковой дивизии, и дали вполне убедительные объяснения, но были «чертовски вежливы». Сержант перепоручил задержанных лейтенанту Фредерику Уоллашу, бежавшему из Дахау и бывшему прежде судьей. Теперь он с энтузиазмом допрашивал плененных нацистов. Он начал стыдить их: как, мол, они, германские солдаты, могли надеть чужие мундиры — и эта тактика сработала, они сознались.

Вскоре американские офицеры контрразведки обнаружили немецкую радиостанцию и книгу кодов в одном из джипов, а американские радисты засекали, как немцы из других джипов передавали сообщения о совершенных ими диверсиях. После этого началась широкомасштабная охота за шпионами. Пароли были бесполезны — немцы могли узнать их, поэтому солдаты военной полиции и контрразведки, останавливая джипы и другой транспорт, спрашивали всех подозрительных:

— Что значит «Браун Бомбер»? («Brown Bomber» — прозвище американского боксера тяжелого веса Джо Луиса, чемпиона в 1937—1949 гг.) Где находится «Уинди-сити»? («Ветряной город» — Чикаго.) Что такое «Войс»? (Voice — на армейском сленге — «рация».) Скажите «wreath» (почти все немцы вместо th говорили t). Эти своеобразные проверки проводились на многочисленных дорожных постах при движении и к фронту и в тыл, причем особое внимание уделялось сидевшим сзади, которые, как скоро выяснилось, говорили по-английски хуже. Некоторых переодетых немцев-водителей эти вопросы ввергали в панику, и они выдавали себя, стараясь прорваться через пост вперед или повернуть назад.

19 декабря контрразведчики обратили внимание на двух лейтенантов, которые спокойно сидели в джипе и наблюдали за спешившими мимо них на передовую частями. При проверке их личные знаки, справки о военной квалификации и прохождении боевой подготовки не вызывали сомнений. Они сказали, что обучались в Кэмп-Худе. И тут проверяющий спросил:

— Бывали в Техасе?

— Нет, — ответил один из «лейтенантов». — Никогда.

— Заберите их! — тут же велел контрразведчик. — Кэмп-Худ находится в Техасе!

Затем в Льеже — месте переправы через Маас и одной из главных целей Скорцени — приехавшая в джипе группа «американцев» попыталась выяснить местонахождение штаб-квартиры командующего и была немедленно окружена солдатами военной полиции. Вызванный Уоллаш быстро «расколол» одного белокурого «лейтенанта», и тот сообщил имена и описал всех офицеров Скорцени и рассказал, что экипажи особой 150-й танковой бригады, также находившейся под его командой, сидя в захваченных американских танках, «отступая» будут захватывать мосты через Маас. После этого «лейтенанта» доставили в штаб Первой армии. Там он заявил, что рассказал все, что ему было известно.

— О'кей, — ответили ему, — тогда мы отдадим вас комиссару.

Как и большинству немцев русские внушали «лейтенанту» ужас, поэтому, оказавшись перед верзилой в красноармейской форме, который стал орать на него и задавать вопросы по-немецки с сильным акцентом (будучи американцем из Милуоки), он побледнел и хрипло проговорил:

— Еще нам нужен Эйзенхауэр. Скорцени в сопровождении группы своих людей, переодетых американскими офицерами, повезет будто бы захваченных немецких генералов в штаб вашего верховного командования в Версале для допроса. Они будут ехать на американских машинах и, оказавшись внутри, пустят в ход оружие, и Эйзенхауэр будет похищен или убит самим Скорцени.

История могла оказаться выдуманной, но штаб верховного союзного командования решил принять меры безопасности. Отель «Трианон» и другие здания, которые занимал штаб, были окружены колючей проволокой, танками и почти тысячей хорошо вооруженных солдат военной полиции и «джи-ай». Пять офицеров контрразведки следили, чтобы всех приходивших к Эйзенхауэру сначала встречал и опознавал его адъютант, а его самого поместили в огороженный со всех сторон дом, двери, окна и крыша которого охранялись солдатами. Несколько дней генерал просидел взаперти, так как контрразведчики опасались снайперов.

Тем временем в Бюле пятьдесят «американских» танков 150-й танковой бригады расстреляли ничего не подозревавший американский бронетанковый батальон. Американцы забили тревогу: «В нас стреляют наши же танки!», и военной полиции было приказано докладывать обо всех незапланированных танковых передвижениях. Движение судов по Маасу было прекращено, а оба берега патрулировались, и любого, кто пытался переплыть реку, задерживали и подвергали проверке. Благодаря этим мерам были захвачены пятьдесят четыре немецких солдата в форме союзников или гражданской одежде.

В Мальмеди Скорцени встретил готовую к бою артиллерию американцев и перед началом атаки отправил людей разузнать сколько у них орудий и какого калибра. Предупрежденные артиллеристы задержали лазутчиков и дали из орудий свой ответ. Присвоенные американские танки были разбиты, и из них вскоре были извлечены мертвые и раненые немцы, все в американской форме.

22 декабря в Первой армии начался военный трибунал над захваченными участниками операции «Грайф». Все они были признаны виновными в нарушении законов ведения войны посредством ношения военной формы противника на занятой им территории с целью шпионажа и диверсий и приговорены к смертной казни. Расстрельная команда привела смертные приговоры в исполнение.

Никто не может сказать, сколько сотен «грайферов» погибло в бою, но известно, что после трибунала было казнено около ста тридцати. Офицеры контрразведки Первой армии передали по «Радио Люксембург» их имена, подробности операции «Грайф» и приметы еще не схваченных офицеров, прежде всего Скорцени. Ожидавший результатов разведки вместе со своими танкистами, Скорцени был ранен осколком снаряда. Он решил рискнуть — прорваться вперед с остатками своей бригады и двинуться дальше, но тут из полученного радиосообщения стало ясно, что шансов на выполнение операции не осталось, и он неохотно велел своим подчиненным снять американскую форму.

Одним из последних заданий, выполненных после этого Скорцени, было приготовление и распределение капсул с ядом, которыми впоследствии отравились многие нацистские лидеры, в том числе Геринг и Гиммлер.

Сдавшись американцам, Скорцени заявил, что он на самом деле вовсе не собирался убивать Эйзенхауэра, что это была просто легенда, которую он придумал, чтобы воодушевить своих людей. К тому же он знал, что кое-кто из них будет захвачен и расскажет о ней, чем увеличит наше замешательство. Под конец Скорцени заявил:

— Если бы я запланировал это, я бы попытался осуществить, а попытавшись осуществить, я бы добился успеха.

Перед состоявшимся в Дахау судом, функции которого выполняли девять офицеров, обвинители Скорцени сняли с него некоторые обвинения, включая соучастие в пресловутом убийстве американских военнопленных в Мальмеди. Скорцени говорил, что не только его «грайферы», но и британские и советские разведчики надевали военную форму противника, и что он велел своим людям использовать ее лишь для перехода линии фронта, а перед началом боевых действий снять. 8 сентября 1947 года трибунал после всего лишь двух с половиной часов совещания освободил Скорцени и семерых его соратников.

— Меня судили честным судом, — признал Скорцени, — и не применяли никакого физического воздействия, хотя мне и пришлось провести 22 месяца в одиночном заключении. Моя единственная жалоба — кто-то «освободил» меня и от часов, подаренных Муссолини.

После этого Скорцени, как офицер СС, должен был предстать перед немецким судом по денацификации. Сидя в немецкой тюрьме, он получал письма от своих почитателей в Америке, которые предлагали ему помощь. Утром 27 июля 1948 года тюремщики обнаружили, что Скорцени бежал.

— Этот человек имеет много сторонников на свободе, — заявил его обвинитель полковник Альфред Розенфельд. — Они намереваются организовать подполье и предложить ему возглавить его. Теперь самый опасный человек в Европе на свободе.

Место пребывания Скорцени долгие годы оставалось в тайне. Потом пришло сообщение, что он живет в Мадриде и появился на заупокойном богослужении в честь Муссолини в восемнадцатую годовщину со дня смерти итальянского диктатора.

ДОБЫЧА

(По материалам П. Кньшевского и газеты «Московский комсомолец»)

РЕСТИТУЦИЯ ПО – СОВЕТСКИ, ИЛИ «СПЛОШНАЯ ЧЕМОДАНИЯ»

Гитлеровская армия обрушила на Россию неисчислимые беды.

Казалось, не было той цены, которую немцы могли бы заплатить за тысячи разрушенных и сожженных городов и сел, за всеобщую разруху и голод, а главное — за десятки миллионов человеческих жизней. Поэтому, когда советские войска вошли в Германию, мы всё считали справедливым. Мы победили казавшийся непобедимым тысячелетний рейх. Мы избавили мир от чумы. Но этого было недостаточно: немцы должны были ответить за всё и всё нам возместить. По справедливости.

Со временем в понятие справедливости вносились коррективы. Многие мои сограждане стали задаваться вопросом: какие именно права даны победителю? И столь уж мы безупречны, возмещая причиненный нам гитлеровцами материальный ущерб?

Эти заметки основаны на исследованиях талантливого военного историка Павла Кньшевского. Он скоропостижно скончался несколько лет назад, оставив после себя изданную крошечным тиражом книгу «Добыча. Тайны германских репараций», а также рукопись еще одной книги — о вывезенных Советским Союзом культурных ценностях из Германии в 1945—1946 годах. Книга до сих пор в рукописи: она все еще — «не ко времени».

Споры о реституции начались 5—6 лет назад. Раньше, при советской власти, никаких споров не было. Были «военные трофеи». Причем сколько их, «трофеев», в действительности — никто не знал. До сих пор документы об этом в архивах выдают крайне

неохотно, а некоторые не выдают вовсе: стоящий на них гриф «совершенно секретно» продолжает действовать по сей день.

«Трофеи» — материальные и художественные ценности. Первые попадают в категорию репараций.

«РЕПАРАЦИИ (от лат. *Reparatio* — восстановление) в международном праве вид материальной международно-правовой ответственности; состоит в возмещении государством причиненного им ущерба в денежной или иной форме». Советский энциклопедический словарь, 1987 год.

Размеры материального ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией, поистине чудовищны. Тем не менее есть основания полагать, что цифры ущерба были завышены: сталинское руководство было заинтересовано в максимальной цифре потерь. Чрезвычайная государственная комиссия под председательством Н. Шверника представила союзникам сумму в 679 миллиардов рублей. Проверить правильность подсчетов было некому.

Сомнений в представленной цифре было множество, но возникли они много позже. Так, одним из оснований для таких сомнений можно считать весьма подозрительное членство в чрезвычайной комиссии митрополита Киевского и Галицкого Николая. Его задача — якобы «проведение возможно более полного учета ущерба», причиненного захватчиками путем расхищения и уничтожения «зданий, оборудования и утвари религиозных культов». При этом достаточно хорошо известно, что гитлеровцы, в противовес Сталину, проводили лояльную церковную политику. То, что попадало в руки оккупантов из культовых принадлежностей, по большей части находилось не в храмах, а в брошенных государственных хранилищах.

Известно и другое. Со времени октябрьского переворота и до начала Великой Отечественной войны по распоряжению советской власти в СССР было уничтожено (частично или полностью) около 50 тысяч храмов, часовен и колоколен; изъято «на государственные нужды» сотни тысяч пудов драгоценной церковной утвари и несметное количество богословских книг; обращено в лом около четверти миллиона колоколов. Поэтому весьма вероятно, что комиссия Шверника списала на счет Гитлера значительную часть преступлений большевиков.

Советская делегация постаралась убедить союзников в необходимости получения репараций, что называется, «натурой».

Расчет Сталина был прост: в отличие от денег взимание дани «натурой» проконтролировать невозможно, а денежный эквивалент такой дани весьма условен. При этом союзникам внушалась мысль, что Советском Союзу лишнего не надо. И они согласились.

ТРОФЕИ

25 февраля 1945 года Сталин подписал совершенно секретное постановление ГКО за № 7590 о создании Особого комитета при ГКО в составе: Г. Маленков (председатель), Н. Булганин, Н. Вознесенский, начальник Управления тыла Красной армии генерал А. Хрулев и начальник Главного трофейного управления генерал-лейтенант Ф. Вахитов. Отныне все правительственные распоряжения по вывозу оборудования и материалов с оккупированных территорий подписывались лично Сталиным. Темпы вывоза были стремительными. За 1945 год трофейные войска отправили в СССР:

21 834 вагона вещевого и обозно-хозяйственного имущества;

73 493 вагона строительных материалов и «квартирного имущества», в том числе: 60 149 роялей, пианино и фисгармоний, 458 612 радиоприемников, 188 071 ковер, 841 605 предметов мебели, 264 441 штуку настенных и настольных часов;

6870 вагонов бумаги;

588 вагонов посуды;

3 338 648 пар гражданской обуви, 1 203 169 женских и мужских пальто, 2 546 919 платьев, 4 618 631 предмет белья, 1 053 503 головных убора;

154 вагона мехов, тканей и шерсти;

18 217 вагонов с сельскохозяйственным оборудованием в количестве 260 068 единиц.

В целом за тот победный год трофейные войска отправили в СССР более 400 000 вагонов. За 12 месяцев было демонтировано 4 389 промышленных предприятий, причем не только в Германии: в Польше — 1137, в Австрии — 206, в Маньчжурии — 96, в Чехословакии — 54, в Венгрии — 11. Вывоз материальных ценностей продолжался не только в 1946 году, но и в 1947-м, 1948-м. Не исключено, что и позже.

В Ялте, а затем в Потсдаме Сталин обещал союзникам изымать в качестве репараций лишь то оборудование, «которое не

нужно мирной экономике». В этой связи можно было если не оправдать, то объяснить вывоз из Германии прокатных станков, доменных печей, генераторов электростанций, цементных и кирпичных заводов. Однако массовый вывоз в СССР оборудования легкой, в частности пищевой, промышленности в этом контексте объяснить труднее.

Впрочем, подысканием аргументов Сталин себя не утруждал. Тем более что в этом вопросе союзники сами были не без греха. Станным образом ни в Ялте, ни в Потсдаме вопрос об интеллектуальной собственности Германии даже не возник. Как показали дальнейшие события, в этом была обоюдная заинтересованность, хотя каждый из союзников формально старался держаться в рамках международных приличий. По межсоюзническому соглашению вывоз немецкого промышленного оборудования и материальных ценностей должен был проводиться с целью уничтожения военного потенциала Германии и его конверсионного использования в странах-победителях. Но ни в коем случае — не для начала гонки вооружений. Сталин — как, впрочем, Трумэн и Черчилль — об этих своих обещаниях даже не вспоминал.

ХОЧЕШЬ МИРА — ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ

Началась послевоенная охота за германскими научно-техническими архивами, военными технологиями и немецкими учебными. Советская печать много писала об этом, подчеркивая незапятнанность в этом вопросе правительства СССР. Особенно впечатляющим был скандал, когда создатель ракетных снарядов «фау» знаменитый Вернер фон Браун обнаружился в США, где он спокойно продолжал трудиться на том же поприще.

Но американцы и англичане успели не слишком много. Успехи СССР были куда значительнее.

По секретному постановлению ГКО № 9780 в СССР была вывезена Берлинская государственная патентно-техническая библиотека. На ее материалах — патентах на изобретения — были созданы десятки союзных научно-исследовательских лабораторий.

В распоряжении Главного военно-химического управления Красной армии оказалось мощное германское производство химического оружия массового поражения. Под руководством генерала технических войск К. Шалькова был демонтирован

и полностью вывезен в город Чапаевск немецкий военно-химический завод «Оргацид» из Аммендорфа. На химический завод Кинешмы было отправлено оборудование и материалы по производству боевых отравляющих веществ с завода «Эргэтан» из Штраусфурта. Оборудование по изготовлению фосгена с завода концерна «ИГ Фарбениндустри» из Вольфена переправлено в город Дзержинск Горьковской области. В СССР было вывезено фантастическое количество военной документации и техники — от разработок по атомному оружию, реактивных самолетов и жидкостных реактивных двигателей до радиорелейных систем и систем подслушивания.

В СССР были вывезены немецкие ученые и инженеры. Их было так много, что ЦК ВКП(б) даже принял секретное постановление «О политической и культурной работе среди немецких специалистов, работающих в СССР» (14 июля 1947 года). Отвечал за «претворение в жизнь» этого постановления секретарь ЦК М. Сулов.

Одна из крупнейших колоний немецких специалистов находилась на авиационно-промышленном комплексе города Куйбышева. Использование немцев, говорилось в секретном документе, «имело своей целью обеспечить использование их технических знаний для осуществления правительственных заданий по созданию новых моторов и приборов для самолетов». Всего здесь работали 405 немецких инженеров и техников, 258 рабочих и 37 служащих. Среди них — 173 члена нацистской партии.

С не меньшим размахом был организован вывоз из поверженной Германии культурных и художественных ценностей.

ПРАВО ПОБЕДИТЕЛЯ

Постановление ГКО № 9256 от 26 июня 1945 года. Совершенно секретно:

«Обязать Комитет по делам искусств при СНК СССР (т. Храпченко) вывезти на базы Комитета в г. Москву для пополнения государственных музеев наиболее ценные художественные произведения живописи, скульптуры и предметы прикладного искусства, а также антикварные музейные ценности.

И. Сталин».

Вот тут-то мы вплотную подходим к проблеме реституции.

«РЕСТИТУЦИЯ (от лат. Restitutio — восстановление), в международном праве возвращение имущества, неправомерно захваченного и вывезенного воюющим государством с территории противника». Советский энциклопедический словарь, 1987 год.

В данном случае международное право руководствуется Гаагской конвенцией 1907 года о законах и обычаях войны:

«произведения искусства и науки», а также «посвященные искусству и науке учреждения» на оккупированных территориях охраняются от изъятия и разрушений независимо от того, находятся они в частной или государственной собственности. Следовательно, «право победителя», на которое ссылаются некоторые депутаты Думы и которое якобы позволяет захватывать любые трофеи, ничего общего с международным правом не имеет.

Между тем одних только музейных ценностей было вывезено Советским Союзом из Германии более **ОДНОГО МИЛЛИОНА ДВУХСОТ ТЫСЯЧ** единиц. Почти все они до сих пор лежат мертвым грузом. Если в редких случаях что-то включалось в экспозиции, то происхождение таких экспонатов либо скрывалось, либо сознательно искажалось. А большинство вывезенных из Германии редких книг и рукописей, имеющих колоссальное значение для немцев и их культуры, в России попросту не могут быть даже прочитаны. По-видимому, так же обстоит дело и с первопечатной Библией, увидевшей свет в мастерской Иоганна Гутенберга в середине XV столетия и признанной шедевром: вывезенная из Германии, она, по некоторым сведениям, находится в специальном хранилище Московского университета.

Трофейный промысел начинали подполковник Белокопытов и майор Сидоров, причем начинали еще до подписанного Сталиным постановления ГКО. Военские звания этих двух людей были камуфляжем: первый был главным администратором МХАТа и одновременно — одним из уполномоченных Комитета по делам искусств при СНК СССР по вывозу «трофейных» ценностей. Второй — старший консультант Главного управления изобразительных искусств того же Комитета и помощник уполномоченного.

Уполномоченных по вывозу музейных ценностей было много. Среди них — работник Главного управления цирков Волошин, дирижер передвижного театра Белоусов, директор театра драмы Филиппов, работник Большого театра Петровский. Спра-

ведливости ради замечу, что среди «уполномоченных» попадались специалисты высочайшего уровня — к примеру профессор Лазарев. Кроме него большим авторитетом в научных художественных кругах пользовались Замошкин, Рототаев, Цирлин, Алексеев, Денисов. Но кем бы ни были эти «уполномоченные» — специалистами мирового уровня или работниками Управления цирков, — занимались они одним делом: добычей «трофеев».

КЛАД В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Первая крупная добыча зафиксирована 15 апреля 1945 года. По этому поводу уполномоченному майору Сидорову пришлось давать объяснения государственным чиновникам в сентябре 1946 года:

«В районе Мезеритц — селе Хохвальде — на линии «Восточного вала» в подземелье был обнаружен подземный военный завод, где в трех отсеках, прилегающих к нему, были хранилища с музейным имуществом, свезенным немцами для укрытия.

Весь груз, за некоторым исключением, был в немецкой упаковке. Каждый ящик имел шифр и нумерацию. Другая часть ящиков была разбита. Деревянная скульптура, мебель крупного размера, столы, шкафы, посуда были без упаковки. Картины разных мастеров, скульптура разная, мебель малого размера, часть стеклопосуды, а также ящики с архивами военного ведомства были в упаковке — всего около 500 ящиков.

В это время воинские части этого района производили передислокацию войск в связи с предстоящим штурмом Берлина и формированием реки Одер. Поэтому все подземелье, как и весь район, передавалось польской военной администрации.

По согласованию уполномоченного Белокопытова с командованием армии и трофейным управлением было решено весь груз с музейным имуществом, находящимся в подземелье, упаковать и вывезти в СССР. Вся работа проходила в аварийном порядке. При окончательной погрузке имущества в вагоны был составлен трофейный акт без подробных описей содержимого в ящиках».

Объясняться майору Сидорову пришлось не случайно. Дело в том, что при получении «трофейного» груза главный хранитель Музея изобразительных искусств им. Пушкина обнаружил некоторые странности. Так, вместо значившихся по документам 531 упаковочного места их оказалось... 624.

Излишки. Спешили, чтобы не досталось польской военной администрации. Брали все подряд. Но вот документальный фрагмент допроса майора Сидорова:

«Вопрос: Почему нет ряда ящиков, номера которых указаны в упаковочной ведомости, а по машинным накладным они не значатся сданными в музей?»

Ответ: Возможно, что остались в подzemелье или утрачены при перегрузке.

Вопрос: Что за ящики с римской нумерацией? Их содержание?

Ответ: Шифры немецкие. Содержание неизвестно».

Что же было в этих «лишних» ящиках? Тоже трофеи. Но не государственные, а личные.

КОЕ – ЧТО ДЛЯ ЭРМИТАЖА

Вскоре уполномоченному майору Сидорову вновь пришлось давать объяснения.

Член Военного совета 5-й ударной армии генерал-лейтенант Боков предложил профессору Лазареву (известному историку искусства и тоже «государственному уполномоченному») осмотреть большое хранилище картин в бывшем инженерном городке в районе Карлсхорст. Генералу не терпелось похвастаться великолепными «трофеями». Профессор Лазарев отобрал для музейных коллекций СССР 70 полотен. Их доставили на центральную скотобойню Берлина, где размещался армейский трофейный склад № 1. Там майор Сидоров тщательно упаковал картины в 19 ящиков и присоединил к ним громоздкий шкаф с собранием редчайших гемм, обнаруженных трофейщиками в башне берлинского зоологического сада. Поскольку в ней находилась зенитная установка, в документах башня была названа «военным объектом».

Весь груз на трех машинах в сопровождении автоматчиков был доставлен в аэропорт «Адперсгоф». И вот там-то произошло нечто любопытное. Для музейных ценностей был выделен лишь один самолет, а к «спецгрузу» прибавились еще и ящики с личными «трофеями» уполномоченных и сопровождающих из числа военных.

Как вы думаете — каким ящикам было отдано предпочтение? Именно. В самолет погрузили личные «трофеи» и лишь часть музейных ценностей. Оставшуюся часть отправили обрат-

но на скотобойню, оттуда — поездом в Ленинград и Москву. В пути «спецгруз» с воинским литером пришлось переадресовывать, а по прибытии на место уточнять, все ли получено.

Вот и пришлось майору Сидорову вновь давать объяснения — детально описывать содержимое всех 19 ящиков. Уполномоченный смог вспомнить 78 произведений живописи. Назову лишь некоторые из них, самые знаменитые: «Женский портрет» Франсиско Гойи, «Балерина» Эдгара Дега, «Обнаженная» Огюста Родена, «Иоанн Креститель» Эль Греко, «Женщина на лестнице» и «Мужчина на лестнице» Огюста Ренуара.

Получение всех 78 полотен подтвердил Государственный Эрмитаж.

Вот еще один документ того времени — сообщение заместителя начальника ГЛАВПУРа Красной армии генерала И. Шикина:

«Военный совет 3-го Украинского фронта донес ГлавПУР-ККА, что в монастыре австрийского города Клостернейбург обнаружено около двух тысяч старинных картин, большое количество произведений скульптуры, ценные ковры и церковная утварь из золота и серебра.

Специальная комиссия из представителей нашего командования установила, что обнаруженные ценности принадлежат Венскому историческому музею и монастырю».

Было принято решение «эвакуировать» ценности как... трофейную военную амуницию.

Похоже, донесение Шикин получил от начальника Политуправления Северной оккупационной группы войск генерала А. Огорокова:

«В зоне дислокации 65-й армии, вблизи города Вальденбург, в замке Фюротенштайн обнаружена библиотека, насчитывающая в настоящее время до 55 тысяч томов. Значительное количество книг этой библиотеки издано в XVI—XVIII веках и представляет библиографическую ценность. В библиотеке есть уникальные рукописные издания. Прошу Ваших указаний об использовании этой библиотеки».

Библиотеку «использовали». Тем же порядком. Добычей «трофеев» занимались многие: группы специалистов от Комитета по делам искусств при СНК СССР, Академии наук СССР, «специальные комиссии» военных советов оккупационных войск, музейные работники, приписанные к разведывательным

подразделениям, и просто — любители старины и искусства. На их долю выпало немало приятных неожиданностей и потрясающих находок. Но самая крупная удача ждала под Магдебургом.

КОПИ ЦАРЯ СОЛОМОНА

В начале сентября 1945 года генерал К. Телегин сообщил в Москву об обследовании шахт Саксонии и найденных в них ценностях. Около двух месяцев спустя группа ответственных работников ЦК докладывала Маленкову:

«По Вашему указанию Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) командировало в Германию бригаду научных работников для проверки культурных ценностей, обнаруженных в соляных и калийных шахтах около Магдебурга. В шахтах оказалась научная литература Прусской Академии наук, лейпцигского университета, государственные библиотеки Берлина, Любека, коллекции Берлинского музея народоведения, Берлинского государственного музея, Магдебургского городского музея, собрание негативов государственной фототеки в Берлине, картинная галерея г. Дессау и т.п.

Для отправки в СССР бригадой отобраны наиболее ценные в художественном и научном отношении книги, рукописи и музейные коллекции. Из 40 000 ящиков и свертков, обнаруженных в шахтах, отобрано 8850 ящиков. Для отправки в СССР отобранной литературы и музейных коллекций требуется 85 вагонов».

Требуемые вагоны, конечно же, нашлись. В СССР были отправлены...

— Фонды библиотеки Лейпцигского университета: научные труды европейских и американских университетов (Лейпцига, Парижа, Тулузы, Оксфорда, Лиссабона, Нью-Йорка, Чикаго, Стокгольма, Амстердама и других) — диссертации и научные работы по философии, истории, праву, медицине, математике, техническим и естественным наукам; литература по востоковедению и собрание восточных рукописей; книги XVI—XVII веков; рукописные грамоты XIII—XIV веков; сиамские рукописи на пальмовых листьях; научная литература по истории искусств; собрание журналов XVII—XIX веков. Всего — 1500 ящиков.

— 150 000 самых ценных книг из двух миллионов томов Лейпцигской библиотеки — второй по значению в Германии.

— Фонды библиотеки Прусской Академии наук (1400 ящиков). Собрания библиотек различных городов Германии (200 ящиков). Рукописный архив города Любека (1003 ящика).

— Фонды библиотеки берлинской Врачебной академии: книги по медицине и смежным наукам (20 ящиков).

— Собрание берлинского «Цейхгауза»: модели орудий, холодное и огнестрельное оружие XIII—XVIII веков (13 ящиков).

И так далее, и так далее, и так далее. Одно только схематичное описание содержимого этих 85 вагонов занимает несколько страниц убористого текста.

Сокровища, обнаруженные в шахтах под Магдебургом, подтолкнули «кладоискателей» к новым свершениям. За короткий срок из Магдебургского городского музея и Лейпцигского музея изобразительных искусств были вывезены 42 ящика с картинами, рисунками, гравюрами и скульптурами знаменитых европейских мастеров. Чуть позже — еще 455 ящиков с собраниями древних рукописей, альдин (название книг, изданных в Венеции в XVI веке Мануцием Альдом, его сыном и внуком; всего в мире насчитывается около 1100 альдин), коллекциями великолепных переплетов, первопечатных книг, литературой по Китаю, Индии, папирусами, книгами по арабской медицине, историческими реликвиями.

«ТРОФЕЙ» ДЛЯ МАРШАЛА ЖУКОВА

Безусловно, главную роль в поиске и вывозе культурных и исторических ценностей из Германии играла советская военная администрация. И, как это ни прискорбно, лично маршал Жуков. При этом Георгий Константинович не забывал и себя.

Личный «трофейно-мебельный» эшелон маршала Жукова состоял из 7 вагонов. В них находилось 85 ящиков с мебелью знаменитой немецкой фабрики «Альбин Май» — 194 предмета из карельской березы, красного и орехового дерева с обивкой золотистым и малиновым плюшем, голубым и зеленым шелком: полные комплекты мебели для гостиной, столовой, спальни и детской комнаты — для городской квартиры и дачи.

В январе 1948 года сотрудники МГБ по личному распоряжению Сталина произвели негласный обыск московской квартиры Жукова. Искали чемодан с «трофейными» драгоценностями. Не нашли. Правда, кое-что было обнаружено в сейфе: два

десяток золотых часов с драгоценными камнями, полтора десятка золотых кулонов и колец, а также другие золотые изделия. Но это так, мелочи.

Через три дня обыск повторили на даче Жукова в Рублеве. Там чекистам повезло несколько больше. Более чем в 50 сундуках и чемоданах, а также сваленными в кучи на полу было обнаружено более 4000 м шелка, парчи, панбархата и других тканей; 323 собольих, обезьяньих, лисьих, котиковых и каракулевых шкуры; 44 ковра и больших гобелена старинной работы, вывезенных из Потсдама и других дворцов Германии; 55 «ценных картин классической живописи в художественных рамках», 7 больших ящиков с фарфоровой и хрустальной посудой; 2 ящика с серебряными столовыми и чайными приборами.

Министр госбезопасности Абакумов докладывал Сталину:

«Кроме того, во всех комнатах дачи, на окнах, этажерках, столиках и тумбочках расставлены в большом количестве бронзовые и фарфоровые вазы и статуэтки художественной работы, а также разного рода безделушки иностранного происхождения.

Вся обстановка, начиная от мебели, ковров, посуды, украшений и кончая занавесками на окнах, — заграничная, главным образом немецкая. На даче буквально нет ни одной вещи советского происхождения, за исключением дорожек, лежащих при входе на дачу.

На даче нет ни одной советской книги, но зато в книжных шкафах стоит большое количество книг в прекрасных переплетах с золотым тиснением, исключительно на немецком языке».

Насколько мне известно, немецкого языка Георгий Жуков не знал.

Не стану умалять полководческую славу маршала Жукова: это невозможно. Но согласитесь — трудно представить себе возвращение из победных походов Суворова или Кутузова с обозами «личных» трофеев.

ЗОЛОТО ШЛИМАНА

К сожалению, маршал Жуков имеет отношение и к самой фантастической «находке», вывезенной советскими оккупационными войсками из Германии. Я имею в виду знаменитое золото Шлимана.

...В 1873 году немецкий археолог-любитель Генрих Шлиман, всю жизнь искавший доказательства существования города Трои, на древней анатолийской земле нашел так называемый «клад Приама» — легендарного царя Трои. Это были 2 золотые диадемы, состоящие из 2271 золотого кольца и 4066 золотых пластинок сердцевидной формы. Помимо диадем — 24 золотых ожерелья, серьги и прочее, всего — 8700 изделий из чистого золота, не считая всевозможной утвари из серебра, горного хрусталя и драгоценных камней.

Три года спустя, в 1876 году, Генрих Шлиман вновь поразил мир. На раскопках двух гробниц в Микенах им были найдены 20 золотых диадем, золотая погребальная маска, 700 золотых пластин, корона с 36 золотыми гребешками, золотые лавровые венки, более 300 золотых пуговиц и множество гемм из сардоникса и аметиста.

Находки Шлимана стали сенсацией XIX и XX столетий. Троянскую коллекцию он подарил берлинскому Пергамон-музею. После окончания Второй мировой войны коллекция бесследно исчезла. Существовала версия, подогревавшаяся советской пропагандой, будто золото Трои вывезли американцы.

В действительности более полувека часть этих сокровищ находилась в Особой кладовой Государственного музея им. Пушкина. По некоторым данным, другая их часть находится в другой Особой кладовой — Государственного Эрмитажа.

Судя по документам, золото Трои было вывезено в СССР в начале 1946 года. Как раз тогда оккупационные власти объявили о возрождении немецких музеев. Их сотрудники, поверив в это, стали извлекать из тайников укрытые национальные сокровища. У обманутых хранителей их отбирали силой. Руководил «операцией» директор Государственной Третьяковской галереи профессор Замошкин. Вот некоторые фрагменты его доклада руководству Комитета по делам искусств: «Я обратился непосредственно к маршалу Соколовскому с докладной запиской, в которой указывал на необходимость вывоза в СССР ряда коллекций уникальных музейных экспонатов из Музейного Острова и Монетного Двора (Берлин).

Маршал Соколовский при свидании со мной упрекнул Комитет искусств за медлительность прежней работы, но тем не менее обещал доложить маршалу Жукову о докладной записке. Через несколько дней он вернул мне записку с положи-

тельной резолюцией маршала Жукова, причем поставил условие, что отбор и изъятие экспонатов из Фридрих-Кайзер музея, Немецкого музея, Пергамон-музея и Монетного Двора должны быть произведены в кратчайшие сроки.

Всемерное содействие в изъятии музейных экспонатов оказывал нам член Военного Совета генерал-лейтенант Боков. Мои докладные записки с резолюциями генерал-лейтенанта Бокова были теми документами, на основании которых советские военные коменданты областей и провинций давали нам право на изъятие экспонатов из музеев городов Лейпцига, Готы и различных замков, расположенных в советской зоне оккупации Германии».

Среди вывезенных под руководством профессора Замошкина ценностей было и золото Трои.

Лишь совсем недавно Россия соизволила признать, что обладает этой коллекцией. Несколько предметов были даже показаны, при этом директор Музея им. Пушкина И. Антонова заявила, будто интерес для широкой публики представляют лишь три золотые диадемы; остальные же — не более чем золотые «пупочки», предназначение и ценность которых понятны лишь специалистам.

Возможно. Напомню, однако, что одна только первая находка Генриха Шлимана содержала 8700 изделий из золота. Троянская коллекция, найденная им в Микенах, была столь же значимой и богатой. Между тем мы по-прежнему ничего не знаем о том, где именно хранится золото Шлимана и из скольких предметов оно состоит.

Ныне уникальные находки, «изъятые» в 1946 году из Пергамон-музея, являются центром международной политической интриги: на обладание ею претендуют Греция, Турция и, конечно, Германия. В этих условиях российские власти тем более не торопятся вернуть «изъятые» берлинскому музею. Напротив: используя претензии трех стран, российское чиновничество пытается предстать в роли арбитра. Дескать, вы, господа, пока спорьте, а уж мы будем решать, кому возвращать сокровища. И стоит ли возвращать их вообще.

Стоит ли?

Наши депутаты в этом вопросе никаких колебаний не ощущают: нет, не стоит. Ни эти сокровища, ни другие — не отдавать! Такова суть принятого Думой закона о реституции.

Правда, Президент применил право вето. Тогда Дума обратилась в Конституционный Суд, который обязал Ельцина подписать Закон. Дело на этом не закончилось: Президент тут же подал в тот же Суд, что называется, «встречный иск» — надеясь, по-видимому, на некоторые процессуальные неточности. Так что пока Закон в силу не вступил.

Позиция тех, кто поддерживает Закон в том виде, в каком его приняла Дума, основывается на двух основных аргументах. Первый: они, гитлеровцы, нас еще не так ограбили!

Это правда. Невозможно отрицать факты вывоза из СССР фашистскими захватчиками всего того, что плохо лежало. Или того, что советскими властями было брошено на произвол судьбы. Так случилось с уникальной новгородской библиотекой: из нее по личному распоряжению Розенберга было вывезено в Германию более 27 тысяч редчайших и рукописных книг.

Аргумент второй: мы и так уже достаточно им отдали. Одной Дрезденской галереи вполне достаточно.

Действительно, в 1955 году советское правительство вернуло Дрезденской галерее 1240 предметов искусства, главным образом — шедевров живописи. А три года спустя — якобы «остальное». Жест был, конечно, широкий — советская пропаганда долго еще восхваляла благородство высшего начальства. Благородство, однако, было весьма условным: тогда даже в страшном сне никто представить себе не мог, что ГДР станет когда-нибудь частью единой Германии. А чем была ГДР в те времена? Можно сказать, одной из союзных республик СССР. Кроме того, оценить сей благородный жест по достоинству трудно еще и потому, что невозможно сверить описи вывезенного и возвращенного, а даже самая поверхностная проверка вызывает сомнения в честности возврата. К примеру, по теперешним каталогам Дрезденской галереи значатся 12 полотен Рембрандта, а вывезено было — 14. Имеются неясности и с картинами Ван Дейка.

Есть в этой печальной истории о реституции еще одна любопытная деталь. Многие художественные и исторические ценности, вывезенные Советским Союзом из Германии вопреки Гаагской конвенции, были, в свою очередь, награблены гитлеровцами в захваченных ими европейских странах. Следовательно, эти ценности были украдены дважды.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ	3
<i>Дж. БРЕННАН</i>	
ОККУЛЬТНЫЙ РЕЙХ	5
<i>ВИЛЬГЕЛЬМ ВУЛЬФ</i>	
ЗОДИАК И СВАСТИКА	97
НАЦИСТЫ НА КРЫШЕ МИРА	198
<i>РАЙНХАРД ГЕЛЛЕН</i>	
«СЕКРЕТНАЯ СЛУЖБА»	204
РАССТРЕЛЯННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ	230
В ПРОРЫВ ИДУТ ШТРАФНЫЕ БАТАЛЬОНЫ	239
МИФ О «ВНЕЗАПНОСТИ»	249
У НАС БЫЛ СВОЙ ПЛАН «БАРБАРОССА»	259
«ВОЛЧЬЯ ЯМА» ДЛЯ АЗБЕРА И СД	263
СКАНДАЛ ВОКРУГ «СВЯЩЕННОЙ ВОЙНЫ»	272
РУССКАЯ НЕВЕСТА ГЕРМАНА ГЕРИНГА	280
АЭРОСТАТЫ ЗАГРАЖДЕНИЯ В НЕБЕ СТОЛИЦЫ СБИВАЛИ И НАШИХ ЛЕТЧИКОВ	285
НАД БЛОКАДНЫМ ЛЕНИНГРАДОМ	296
СЕКРЕТНАЯ ОПЕРАЦИЯ В МАНИЛЬСКОЙ БУХТЕ	305
«ТОЧЕЧКИ»	317
КТО ПОГУБИЛ «КРАСНУЮ КАПЕЛЛУ»?	323
МАРИНЕСКО: ПРАВДА И МИФЫ	335
ПОДВИГ РАЗВЕДЧИЦЫ	360
КАК ИЗ ПАУЛЮСА ВЛАСОВА ДЕЛАЛИ	366
СЕКРЕТ ПЕНЕМЮНДЕ	375
БОРМАН ПЕРЕХИТРИЛ ВСЕХ	379
ТАЙНЫ ДРЕЗДЕНСКИХ СОКРОВИЩ	385
ОПЕРАЦИЯ «ВОЗМЕЗДИЕ»	388
САМЫЙ ОПАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК В ЕВРОПЕ	393
ДОБЫЧА	400

3 78 Зодиак и свастика. Секретные материалы нацизма /
Сост. Н.Н. Непомнящий. — М.: Вече, 2005. — 416 с.,
илл. (16 с.) (Загадки третьего рейха).

ISBN 5-9533-0450-1

Книга повествует о самых разных сторонах и эпизодах Второй мировой войны: о роли оккультизма в жизни Третьего рейха и экспедициях нацистов на Тибет; о злобешем приказе № 270 и штрафных батальонах; о том, что в СССР был свой вариант плана «Барбаросса»; о секретах Пенемюнде и тайнах дрезденских сокровищ; о гибели «Красной капеллы», судьбах генерала Паулуса и капитана Маринеско... Причем, что особенно ценно, в книге представлены взгляды «с обеих сторон». Большинство героев и антигероев этих очерков давно стали тенями потустороннего мира. Однако они так повлияли на судьбы мира и жизнь человечества, что мы и по сей день разбираемся в хитросплетениях их деяний.

ЗОДИАК И СВАСТИКА

Секретные материалы нацизма

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Корректор *С.И. Смирнова*

Верстка *М.А. Виноградов*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления — «Вече-графика»

Д.В. Грушин

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.П.001857.12.03 от 08.12.2003 г.

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский Дом «Вече»

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 15.10.2004. Формат 84x108 1/32
Гарнитура «НьютонС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 13. Тираж 5 000 экз. Заказ № 10597.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тулская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Загадки третьего рейха

Книга повествует о самых разных сторонах и эпизодах Второй мировой войны: о роли оккультизма в жизни Третьего рейха и экспедициях нацистов на Тибет; о зловещем приказе № 270 и штрафных батальонах; о том, что в СССР был свой вариант плана «Барбаросса»; о секретах Пенемюнде и тайнах дрезденских сокровищ; о гибели «Красной капеллы», судьбах генерала Паулюса и капитана Маринеско... Причем, что особенно ценно, в книге представлены взгляды «с обеих сторон». Большинство героев и антигероев этих очерков давно стали тенью потустороннего мира. Однако они так повлияли на судьбы мира и жизнь человечества, что мы и по сей день разбираемся в хитросплетениях их деяний.

